

ЛУАНН **РАЙС**

КАМЕННОЕ СЕРДЦЕ

В оковах прошлого...

Археолог Мария Дарк, много лет путешествовавшая по разным странам, расстается с мужем и возвращается домой. На побережье Коннектикута, где прошло ее детство, она надеется снова встретиться со своей семьей и начать все сначала. Но Мария и представить не могла, что ей придется заново узнать близких ей людей, приоткрывая мрачные семейные тайны... * * * Мария испытала шок, увидев, как ее сестра Софи безжалостно избивает свою дочь. Казалось бы, уже ничто не могло потрясти ее сильнее. Но вскоре случается непоправимое. Дойдя до последней черты, Софи на глазах детей убивает своего мужа и несколько раз переезжает уже безжизненное тело машиной. Мария пытается понять, как Софи, брак которой все считали счастливым, могла пойти на это? Возможно, есть какое-то объяснение подобной жестокости. Но какое?

- [Луанн Райс](#)

- [Предисловие автора](#)

- [Часть 1](#)

- [Глава 1](#)
    - [Глава 2](#)
    - [Глава 3](#)
    - [Глава 4](#)
    - [Глава 5](#)
    - [Глава 6](#)
    - [Глава 7](#)
    - [Глава 8](#)
    - [Глава 9](#)
    - [Глава 10](#)
    - [Глава 11](#)
    - [Глава 12](#)
    - [Глава 13](#)
    - [Глава 14](#)
    - [Глава 15](#)
    - [Глава 16](#)
    - [Глава 17](#)

- [Часть 2](#)

- [Глава 18](#)
    - [Глава 19](#)
    - [Глава 20](#)
    - [Глава 21](#)
    - [Глава 22](#)
    - [Глава 23](#)
    - [Глава 24](#)
    - [Глава 25](#)
    - [Глава 26](#)
    - [Глава 27](#)

- [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Часть 3](#)
    - [Глава 31](#)
    - [Глава 32](#)
    - [Глава 33](#)
    - [Глава 34](#)
    - [Глава 35](#)
    - [Глава 36](#)
    - [Глава 37](#)
  - [Эпилог](#)
  - [Послесловие автора](#)
  -
  - [notes](#)
    - [1](#)
-

Луанн Райс

Каменное сердце

Предисловие автора

Как и все мои романы, «Каменное сердце» — это история о семье, члены которой по-настоящему любят друг друга. За пятнадцать лет, прошедших с тех пор, как была написана эта книга, мои представления о любви и семейных узах сильно изменились. Когда я писала роман, я только-только начинала задумываться о том, что все, что я так люблю, не будет длиться вечно. Тогда это казалось мне невероятным...

Я писала «Каменное сердце» в сложный период своей жизни. Моя мама была больна, а я находилась в процессе развода. Я переехала из Парижа в Нью-Йорк, а потом домой, на побережье Коннектикута, чтобы быть ближе к маме. Окна дома, который я арендовала, выходили на бухту, три гранитных островка и далекий мыс. Мама жила на этом мысу.

Однажды утром я сидела у окна с чашкой кофе в руках и смотрела на воду. Полусонная, я думала о том, что сейчас сяду работать... и в этот момент заметила красные огни, мелькавшие вдалеке. Схватив бинокль, я увидела, что по холму к маминому дому едет машина скорой помощи. Я бросилась туда. Позже, когда я спросила маму, почему она не позвонила мне и не попросила отвезти ее в больницу, она ответила: «О, дорогая, я просто не хотела тебя беспокоить».

И не важно, что я переехала сюда для того, чтобы быть поближе к ней — и помочь, если это понадобится. В моей семье все любили друг друга, но нам всегда трудно было попросить о помощи. Думаю, мы такие не одни.

Это не так-то просто — открыться для любви... Распахнуть дверь, позвонить дочери, живущей так близко — на другом берегу бухты. Все мы хотим близких отношений, но где-то глубоко в нас сидит инстинкт, повинаясь которому мы отталкиваем друг друга.

«Каменное сердце» — моя попытка осмыслить этот парадокс. Я хотела написать о женщине, которая, вернувшись домой после многолетнего отсутствия, обнаруживает, что все изменилось. Она по-прежнему любит свою семью, но теперь ей нужно заново научиться понимать их — и саму себя тоже.

Название для этого романа я взяла из поэмы «Пасха, 1916» Уильяма Батлера Йейтса:

Отвергших себя сердца участь, увы, каменеть.
Будет ли жертвам конец? Нам остается впредь
Шептать, шептать имена, как шепчет над сыном мать:
Он пропал допоздна и усталый улегся спать^[1].

Это большое произведение, очень значимое не только с художественной, но и с политической точки зрения, гораздо более емкое, чем несколько строчек, которые я процитировала здесь. Йейтс пишет о восстании в Дублине, о борьбе Ирландии за свободу, о революции и одновременно о страстях, жертвах и разбитых надеждах. Я происхожу из ирландской семьи — один из моих предков погиб во время этого восстания. Остальные эмигрировали в Америку, чтобы избежать голода.

Со временем я поняла, что человеческое сердце может очерстветь не только от подобных испытаний. Больно любить, больно терять, больно пытаться помочь человеку, который отказывается от помощи, больно, когда тебя отвергает тот, за кого ты готов идти на

смерть. Именно об этом я написала в своем романе.

Его герои — семья янки — очень далеки от среды ирландских католиков, в которой выросла я. Действие романа происходит на моем любимом побережье Коннектикута. Я писала о людях, которые отличаются от меня, чтобы легче было смотреть на них со стороны.

Работая над этой книгой, я поняла, что, когда дело касается чувств, все люди одинаковы. Ими движут одни и те же мотивы. Сестры хотят помочь друг другу, матери думают, что лучше знают нужды своих детей, тетки обожают племянников. В романе я цитирую несколько индейских легенд, которые до сих пор производят на меня глубокое впечатление. На его страницах наш Брайд-брук превращается в реку Белл («колокол», как в легенде про «Свадебный колокол»), и влюбленные все так же пытаются пересечь его бурные воды, чтобы прийти на свадьбу — пусть даже не в церкви — вовремя. На морских картах три маленьких каменных острова носят совсем другие названия; в романе они называются острова Духов. Город я назвала Хатуквити, те из вас, кто читал другие мои романы, знают его под названием Сильвер-Бей. Те же, кто бывал на побережье Коннектикута, без труда распознают в нем Ниантик.

Отвергших себя сердец участь, увы, каменеть.

Насколько правдивыми оказались эти строки! Своим романом я попыталась смягчить сердца людей — в том числе мое собственное. Что имеет значение в нашем мире, кроме любви? Сейчас, спустя пятнадцать лет с тех пор, как была написана эта книга, я отвечаю: ничего.

Часть 1

ОСТРОВА ДУХОВ

Мария Дарк летела с юга на север, из одной Америки в другую. Сумка с подарками лежала у нее под сиденьем; мужчина, занимавший соседнее кресло, по-испански что-то говорил в диктофон. Казалось, он даже не заметил молнии, ударившей в крыло. Самолет резко нырнул вниз, потом выровнялся, его оранжевые огни заиграли на облаках, сквозь которые нужно было пробиваться. Стюардесса обошла салон, проверяя, все ли пассажиры пристегнули ремни.

— Во сколько мы приземлимся? — спросила ее Мария.

— Самолет кружится над Филадельфией, мы ждем посадки, — объяснила стюардесса. — В Нью-Йорке снежная буря.

— Вы хотите сказать, что мы можем приземлиться здесь? — удивилась Мария.

— Это не исключено.

Молния вновь расколола небо. В это мгновение Мария согласилась бы приземлиться где угодно: в Филадельфии, Майами, у черта на рогах. Потом она подумала о Софи и Нелл, встречающих ее в аэропорту Кеннеди, чтобы отвезти домой, в Хатуквити. Ее рука почти бессознательно потянулась к сумке и вытащила талисман, — маленькую золотую статуэтку индейской богини, — подарок для Софи. В этот момент ей казалось, что она таинственная незнакомка, которая, возвращаясь домой, приносит за собой бурю.

— Какая прелесть, — сказал мужчина, сидевший рядом, любуясь статуэткой. — Инкская?

— Нет, племени шавантов, — ответила Мария. На раскопках в Шаван де Хуантар они с Альдо обнаружили несколько таких статуэток, и Мария заказала копию одной из них у местного ювелира, чтобы подарить Софи.

— Она должна находиться в национальном музее, — с ноткой упрека в голосе сказал мужчина.

— Это копия. Подарок для моей сестры, — сказала Мария. Альдо говорил ей, что иностранных археологов всегда подозревают в том, что они присваивают найденные ценности.

— Слишком хороша для подарка, — заметил он. Вдруг он вздрогнул, услышав раскат грома, потом продолжил говорить в свой диктофон.

«Решил, что я — расхитительница гробниц», — подумала Мария. Стоит рассказать об этом Софи: так ей еще приятнее будет получить статуэтку. Сестра наверняка захочет знать подробности: у мужчины были очки с толстыми стеклами, из ноздрей торчали волоски, а в речи, которую он записывал на диктофон, каждое предложение начиналось со слов «таким образом». Судя по ее содержанию, сосед Марии был адвокатом средней руки, работавшим на местную администрацию.

Софи и Нелл уже должны быть в аэропорту. Прямо перед отъездом Мария позвонила Софи; в трубке стоял ужасный треск, однако она поняла, что Софи и Нелл приедут одни. Как в добрые старые времена, подумала Мария.

Задолго до того как она вышла замуж за Альдо, Софи вышла за Гордона и родила Саймона и Фло, а Нелл, ставшая женой Питера и матерью Энди, теперь была не просто лучшей подругой, но и золовкой.

Самолет кружил уже сорок минут, однако внезапно Мария почувствовала, как он меняет

курс. Она летела домой и, казалось, уже могла ощутить запах Севера. Мария разжала ладонь и посмотрела на статуэтку, которую держала в руке. Богиня была стройна и прекрасна, почти так же прекрасна, как Софи.

В какой-то момент Мария подумала, что и ее мать Хэлли, могла бы встретить ее в аэропорту. Конечно, она не придет. Софи, хорошо знавшая мать, наверняка догадалась, что ей лучше не стоит присутствовать при возвращении домой Марии. Хэлли сочла бы недостойной торжественного приема дочь, оставившую мужа и любимую работу: восхитительные раскопки, загадки племени шавантов, прозрачный горный воздух — и ради чего? Чтобы вернуться туда, где она прожила семнадцать лет, в материнский дом на вершине холма, окруженный лугами, что простираются на восток до реки Белл и на запад — до ограды женского исправительного учреждения Хатуквити.

В город, основанный пуританами, которые называли индейцев исчадиями ада.

Туда, где археологи могли разве что преподавать в колледжах или читать лекции в Музее коренного населения Америки — вместо того чтобы совершать открытия, достойные выставки в Смитсоновском институте или Британском музее. Хэлли никогда не поймет, почему ее дочери, единственной, сумевшей ускользнуть от этой рутинной жизни, вдруг захотелось вернуться.

Пока Мария пребывала в задумчивости, самолет пересек фронт циклона на северо-востоке и сел в аэропорту Кеннеди — это был последний рейс, приземлившийся перед тем, как аэропорт закрыли.

Софи и Нелл, стоя в толпе, свистели и махали руками, чтобы Мария их заметила. Свист Софи, на редкость пронзительный, невозможно было не узнать, он напомнил Марии времена, когда они втроем бродили по холмам Хатуквити, играя в индейцев. В свете дневных ламп их одежда — красное и синее пальто, вельветовые брюки, парусиновая сумка Нелл, все в духе Новой Англии — казалась вызывающе яркой и кричащей.

— Были в последнее время побегии? — закричала Мария, пробираясь сквозь толпу. Для детей, выросших в непосредственной близости от женской тюрьмы, этот вопрос был абсолютно естественным, вроде «как дела?» или «как вам погода?».

— На этой неделе нет, — ответила Софи.

И вот уже через мгновение все трое держат друг друга в объятиях, стоя тесным кружком. Мария сбросила на пол сумки, чтобы перехватить их поудобнее. Вслед за ней Софи и Нелл поставили свои, их ноги образовали вокруг вещей ограду, защиту от воров, которыми — как им казалось — был переполнен зал ожидания.

— Ну как ты? Хорошо долетела? — спросила Нелл.

— Тряска была еще та, — ответила Мария.

— Ну а сама-то ты как? — поинтересовалась Софи, явно подразумевая нечто совсем другое. На секунду Мария замерла, потом взглянула в глаза сестре.

Софи, как все в семье Дарк, была темноволосой, со светлой, чистой кожей и голубыми глазами, которые всегда выдавали ее чувства. Сейчас они были полны сожаления о распавшемся браке Марии. Грустный взгляд Софи отвлек Марию от того, что первым бросилось ей в глаза: сестра невероятно располнела.

— Я сама захотела уехать, — сказала Мария. — Это была моя идея.

Софи кивнула с таким видом, будто знала все наперед. Мария была на три года старше сестры и в детстве относилась к ней по-матерински. Однако в какой-то момент, когда они

были подростками, их роли поменялись — теперь главной была Софи.

— Тогда поехали, — сказала Нелл. — Нам еще предстоит сражаться со снегом...

— Как поживают все наши? — спросила Мария, направляясь к машине. Снег падал не переставая. Ее вещи они поделили на троих; самые тяжелые Мария несла сама — большой металлический кофр с фотографическим оборудованием и холщовую сумку с подарками. Ледяной февральский ветер хлестал в лицо, напоминая ей горы и раскопки в Шаван де Хуантаре.

— Питер хотел приехать, — сказала Нелл. — Но я оставила его дома, с Энди. Сегодня они ужинают у вашей матери. Кто-то должен был остаться там, иначе Хэлли мерзла бы на дороге, поджидая тебя.

— Ну да, в своем воображении, — ответила Мария. Софи фыркнула. Их мать никого не стала бы ждать на дороге — она умудрялась сохранять репутацию женщины, целиком и полностью преданной своей семье, при этом никак не выражая своих теплых чувств к ее членам. Каким-то образом Нелл удавалось не замечать этого.

— Наконец-то, — произнесла Нелл, останавливаясь у красного джипа в четвертом ряду автомобильной стоянки.

— Ты ничего не забыла? — спросила Марию Софи, пока Нелл искала в карманах ключи от машины. На черных ресницах Софи застыли кристаллики льда. Она выжидающе улыбалась.

— Что именно? — поинтересовалась Мария.

— Узнать, как дела у Гордона и у детей. Все отлично.

— Я рада. Я была уверена, что все хорошо, — ответила Мария. Она не могла понять, почему Софи хотела, чтобы она почувствовала себя виноватой за то, что не спросила о них. Софи по-прежнему улыбалась.

Ее лицо, сильно округлившееся, сияло сильнее, чем когда-либо.

— Просто я так горжусь ими, — заметила Софи. — Вот и веду себя как дурочка. Гордон собирается построить беседку у ручья. Он знает, что я всегда хотела иметь беседку...

— Беседку? Да они у всех есть, — сказала Нелл, пропуская Софи на переднее сиденье, а Марию назад. Она завела мотор.

— Гордон построит совсем другую. Он сам придумывает проект, — сказала Софи, глядя на Нелл со странным торжествующим видом.

Нелл подъехала к служащему автостоянки и протянула талон. Потом покопалась в своей сумочке.

— О, нет! — воскликнула она.

— Что случилось? — спросила Мария, наклонясь вперед.

— Деньги, — ответила Нелл. — Куда я их положила? — Она заглянула в кошелек, потом поискала среди бумаг, что были в сумке.

— В аэропорту полно воришек, — сказала Софи, расстегивая собственную сумочку, чтобы проверить, все ли на месте. — Наверняка это случилось, когда мы оставили вещи, чтобы обнять Марию.

Мария улыбнулась; она достаточно прожила вдали от родного города, чтобы утратить типичное для провинциального жителя представление о Нью-Йорке как логове преступности.

— Нет, вор взял бы весь кошелек, — сказала Нелл. — Я совершенно уверена, что из дому выезжала с деньгами... я же платила при въезде? Может, я их выронила?

— Вот пятерка, держи, — предложила Софи, поскольку за ними уже вытянулась вереница машин и начали сигналить.

Мария чувствовала себя изможденной и хотела поскорее добраться до дома. Но где он, этот дом? У ее матери, в Хатуквити? Или с Альдо, в палатке, в Андах? Картина ночного Перу захватила ее воображение: горный воздух такой чистый и холодный, ни один запах не пробивается сквозь него. Мария увидела себя — как она засыпает в спальном мешке, а тем временем Альдо в соседней палатке разговаривает со своими студентами и ассистентами. Вот она задремала под его рассказ, но тут он шепчет ей на ухо «buona notte» и она просыпается. Мария услышала собственный вздох.

— Что случилось? — спросила Софи.

Мария открыла глаза, пожала плечами. Потом услышала, как щелкнула застежка ремня безопасности, и увидела, что Софи перебирается к ней, на заднее сиденье.

— Тебе нужен кто-нибудь рядом, — сказала Софи, усаживаясь поближе к ней. Одной рукой она обняла сестру за плечи. — Поспи. Совсем скоро будем дома.

Устроив голову на плече Софи, Мария подумала, что благодаря полноте сестра стала такой, какой обычно представляют себе мать. Ее щеки, грудь, бедра — все стало приятно-округлым.

— Хочешь рассказать мне о том, что произошло? — прошептала Софи ей на ухо, так, чтобы не слышала Нелл. — Он нашел себе другую женщину?

— Нет, — ответила Мария. — Мы просто перестали любить друг друга.

Это была правда, однако кто мог бы поверить в нее? Она выросла в городке с пуританским прошлым, где приличные люди разводились только в том случае, если налицо была трагедия, предательство — супружеская измена. Мария и Альдо были сначала студенткой и преподавателем, потом любовниками, позже мужем и женой, теперь друзьями. Мария была уверена, что все было бы легче, если бы она могла его возненавидеть. Поиски сокровищ древних цивилизаций делали их жизнь захватывающей и неповторимой. Но по ночам, в палатке, она засыпала одна, в то время как Альдо восторгался находками со своими студентами.

— Не могу себе это представить, — заметила Софи. — Мне так жаль. Я никогда не переставала любить Гордона.

— Значит, вы все делаете правильно. Вы оба, — сказала Мария.

— Мы все думали, что ты очень счастлива, — продолжала Софи.

— Я знаю, — ответила Мария. Она слышала это тысячу раз, от профессоров, археологов, студентов на раскопках: Мария Дарк и Альдо Джордано, супруги и напарники, известные своим скрупулезным стилем работы, исследовательским подходом. Кто-то даже назвал их «археологическими детективами», говоря, что они откапывают жизни людей, принадлежавших к разным культурам, а не просто артефакты. Их фотографии и статьи печатались в «Гео», «Нэшнл Джеографик», Смитсоновском журнале.

— Однако в этом есть и положительная сторона — то, что ты возвращаешься домой, — сказала Софи.

«Дом» для Софи всегда означало Хатуквити. Отсюда она каждый день ездила на учебу в колледж в Нью-Хейвене, потом вышла замуж за человека из соседнего городка и убедила его поселиться за городской чертой, построить дом на берегу речки Белл.

— Как мама? — спросила Мария.

— Ты же знаешь маму. — Софи сказала это так, словно приглашала сестру вместе

пожаловаться на их мать. Мария вспомнила, как однажды Софи сказала ей, что не помнит, чтобы мать обнимала ее — этого не было ни разу за время их детства.

Нелл везла их по скоростному шоссе на восток, в Новую Англию. Машина проносилась сквозь пятна оранжевого света от дорожных фонарей. С неба равномерно сыпался снег. Мария задрожала, и Софи обняла ее крепче. Двигавшиеся по встречной полосе снегоочистители поднимали в воздух снежную пыль. Нелл включила радио, нашла джазовую волну. Мария чувствовала, как музыка убаюкивает ее, как она впадает в дрему.

Наверное, она спала. Ее разбудил шорох бумаги. Голова опиралась на дверцу машины; откуда-то из щели задувал холодный ветерок, от которого разболелась шея. Мария открыла глаза. Наклонившись вниз, Софи тихонько рылась в ее сумке с подарками. Мария смотрела на нее — по осторожным движениям Софи было ясно, что она старается не разбудить сестру. Внезапно та остановилась, словно нашла, что искала. Она вытащила из сумки руку, в которой была маленькая статуэтка индейской богини. Широко раскрыв глаза, Мария смотрела, как Софи прячет статуэтку себе в карман. Потом, почувствовав, что сестра вот-вот повернется к ней, Мария прикрыла глаза и притворилась спящей.

На следующее утро, едва проснувшись в своей кровати, Мария услышала, как в стену дома стукнул камешек. Солнце только что встало. Путаясь в полах длинной фланелевой ночной рубашки, она подошла к окну и взглянула на заснеженный луг, в конце которого бежала речка Белл. Из-под снега выбивалась золотистая болотная трава — в рассветных лучах она казалась розовой. На дорожке возле дома стояла Нелл и махала ей рукой. Мария помахала в ответ. Потом набросила клетчатый халат и сбежала вниз по лестнице.

— Ну и холодища! — воскликнула Нелл, отряхивая снег с ботинок. — Хэлли уже встала?

— Нет еще, — ответила Мария.

— А вчера, когда ты приехала, она уже спала?

— Да, — сказала Мария. — Я-то, грешным делом, подумала, что она будет меня ждать.

— Ну ничего, она скоро встанет, — заметила Нелл, наливая воду в чайник и засыпая кофе в фильтр так, будто находилась в собственном доме.

Мария повернула термостат. Нелл пыталась не обращать внимания на тот факт, что Хэлли вчера отправилась спать и это могло причинить боль Марии. Однако Софи все поняла. Вчера, войдя в пустую кухню, Софи многозначительно пожалала плечами и поцеловала сестру, пожелав ей доброй ночи. Правда, до этого Мария увидела, как Софи украдала статуэтку, и поэтому чувствовала себя слишком сбитой с толку, чтобы принять от нее поддержку.

— И что привело тебя сюда в такую рань? — спросила Мария. Сидя за старым дубовым столом, она привычно водила пальцем по его поверхности. Это место она занимала с детства, в рисунке дерева в разное время ей виделись ведьмы, горы, лодки, нос отца или индейский вождь.

— Трудно об этом говорить... — начала Нелл, нахмурившись. — Я знаю, как вы близки друг другу...

— Ты это о Софи, да? — поинтересовалась Мария, чувствуя, как сжимается что-то внутри.

Нелл кивнула:

— С ней что-то происходит. Большую часть времени она кажется такой же, как всегда, но не совсем.

— Ты слышала ее вчера, когда я забыла спросить о Гордоне и детях? — задала вопрос Мария.

— Знаю, — сказала Нелл. — Ей это показалось прямо-таки оскорблением. В последнее время Софи постоянно его защищает. Ей кажется, что все крутом относятся к нему пренебрежительно, хотя на самом деле это не так.

Почувствовав приятный запах кофе, Мария поняла, как сильно ей хочется выпить чашечку. Она уже собиралась рассказать подруге о статуэтке, но внезапно заколебалась. Предположение Нелл казалось невероятным: Софи считает, что люди пренебрежительно относятся к Гордону? Несмотря на глубокую любовь к Нелл, Мария знала, что та слишком превозносит и романтизирует семью Дарк.

— А что думает Питер? — спросила Мария.

— Он ничего не замечает, — ответила Нелл. — И Хэлли тоже. Они говорят, что я

несправедлива к Софи и что у меня развилась паранойя.

Мария поставила на стол две большие белые кружки, налила в них кофе, не доставая ни молока, ни сахара: со школьных времен она, Софи и Нелл пили только черный кофе, считая, что это очень «изысканно», кроме того, в нем не было лишних калорий.

— А то, что она располнела — не могли же они и этого не заметить? — спросила Мария.

— Хэлли говорит, это случается со всеми молодыми мамами, — сказала Нелл.

— С ней-то самой этого не случилось, — ответила Мария, представляя себе свою мать, такую же стройную и красивую, как Софи, когда Мария видела ее в последний раз.

— Помнишь деньги, которые у меня пропали вчера вечером? Софи их украла, — резко произнесла Нелл.

Мария остолбенела.

— Откуда ты знаешь? — спросила она наконец.

— Каждый раз, когда она заходит к нам, из дома что-нибудь пропадает. И я совершенно точно знаю, что вчера, когда мы выезжали из Хатуквити, у меня было девяносто семь долларов, и еще я знаю, что воры тут ни при чем.

— Но почему ты думаешь, что их взяла Софи? — настаивала Мария, страшась услышать ответ.

— Я выпустила свою сумку из виду только один раз — когда заел шлагбаум на парковке, тогда я вылезла из машины и пошла за охранником.

— Я тебе верю, — сказала Мария.

— Правда? — удивилась Нелл.

— Вчера я видела, как она кое-что вытащила из моей сумки.

Воспоминание было удивительно ярким: шипение снегоочистителей, пение одинокой трубы по радио, блестящие иссиня-черные волосы Софи, ее наклоненная голова, напряженные плечи и то, как она копалась в сумке Марии.

— Мелочь, статуэтку богини. Я все равно собиралась ей ее подарить.

— Если и мелочь, то наверняка дорогая, — отметила Нелл. — По-моему, она крадет только дорогие вещи. У вашей матери, например, пропал серебряный соусник.

Серебряный соусник Хэлли использовала только на Рождество и в День благодарения. Невозможно было представить, что Софи украла его. Этому должно было найтись какое-то объяснение. Мария попыталась выкинуть из памяти то, чему была вчера свидетелем; не проверь она дважды свою сумку в поисках статуэтки, она решила бы, что все это ей приснилось.

— Я рада, что ты вернулась, — неловко произнесла Нелл. Страшные слова, сказанные ею о Софи, повисли в воздухе. Словно отгоняя их на время, Нелл откашлялась: — У тебя уже есть какие-то планы? Питер сказал, ты могла бы преподавать...

— Не думаю, — возразила Мария. — Я всегда хотела провести здесь раскопки.

Впервые интерес к археологии она испытала именно здесь, в Хатуквити, когда нашла на лугу древние наконечники стрел. Местные индейцы, пеко и хатуквити, были воинами, и Мария представляла себе, как они сражались на ее собственном дворе. В школе им рассказывали об островах Духов — трех прибрежных островах, где, по старинной легенде, обитали души коренных американцев, которые когда-то там жили и вели торговлю.

Нелл с одобрением кивнула:

— Я всегда думала, что ты это сделаешь. Помню, в прошлое Рождество твой муж сказал,

что все важные находки здесь уже сделаны.

— Только до следующей важной находки, — ответила Мария. Вряд ли члены ее семьи могли знать, каким снобом был Альдо во всем, что касалось археологии, и какими незначительными казались ему реликвии индейских племен, населявших лесные массивы Восточной Америки.

Наверху зашевелилась Хэлли. Они слышали скрип пружин ее кровати, шум воды в кране, мягкую поступь тапочек по деревянному полу.

— Пожалуй, я пойду, — сказала Нелл, поднимаясь. — У Питера утреннее совещание, так что я должна покормить Энди завтраком.

— Я рада, что ты мне все рассказала, — произнесла Мария и обняла подругу.

— Вряд ли ты рада, — сказала Нелл. — Я знаю, как сильно ты любишь Софи.

— Так же, как и ты.

— Мне пора бежать, — заметила Нелл, нервно поглядывая на дверь. — Хэлли мною недовольна. Она говорит Питеру, что я выдумываю всякие глупости.

— Не думай о ней, — сказала Мария, целуя ее на прощание.

Мария села за стол. Ее взгляд был прикован к месту, которое обычно занимала Софи. Родители всегда сидели во главе стола, каждый со своей стороны, а дети по бокам — Мария одна, Софи вместе с Питером. Она помнила как Питер, самый младший, сидел на своем месте в детском стульчике.

— Моя дорогая Мария, — произнесла Хэлли Дарк, стоя в дверях кухни во весь рост, в своей обычной царственной позе. Мария была потрясена тем, что в ее волосах, которые всегда были такими же черными, как у ее детей, появилась седина.

— Мама! — сказала Мария. Они обнялись, похлопывая друг друга по спине.

— Кто тут был? — поинтересовалась Хэлли, заметив чашку Нелл.

— Нелл, — ответила Мария. — Она рано встала, вот и решила заскочить.

— Очень рано, — сказала Хэлли подозрительным тоном. Однако решила не продолжать и налила себе чашку кофе. Потом заняла свое место за столом и стала смотреть в широкое окно. Чайки с криками кружились над болотами и заливом. По реке шел желтый катер. Мария следила за взглядом матери и пыталась представить себе, о чем та думает. Каждое утро Хэлли усаживалась так и долго смотрела вдаль. Питер говорил, что для нее это медитация, своего рода Дзен. Софи считала, что мать размышляет о том, как сложилась бы ее жизнь, не будь у нее детей. Мария с трудом старалась побороть нетерпение, чтобы не прервать этот ритуал, которому Хэлли предавалась даже сейчас, в их первое за многие годы утро вместе.

— Я рада, что вернулась, — сказала она наконец. — Так здорово было увидеть Софи и Нелл.

— Софи была так счастлива! — заключила Хэлли с неожиданным энтузиазмом, как будто кто-то в ней повернул невидимый выключатель. — Она такая чудесная девочка!

— Мне показалось, что вчера вечером она была немножко... нервная, — сказала Мария.

— Ты говорила с Нелл, правильно? — спросила Хэлли с раздражением. — Я очень люблю Нелл, однако она все усложняет. Можешь себе представить, она говорит, что у Софи с головой не все в порядке!

Мария не в первый раз подметила расхождение между тем, как Хэлли говорит о Софи и как ведет себя с ней. Из трех детей Софи больше всего походила на мать: у нее были такие же удивительно яркие синие глаза, идеальный овал лица, роскошные прямые волосы.

Возможно, именно из-за этого сходства Софи была любимицей Хэлли, и мать всегда смотрела на нее с особенным — хотя и отстраненным — интересом, словно наблюдала за самой собой в юные годы. Хэлли была единственным ребенком любящих родителей, и судя по тому, что она рассказывала о своем детстве, оно все состояло из торжественных событий: вручения наград в школе, соревнований по выезде, регат и котильонов. Хэлли обожала говорить о нем, с самым счастливым видом начиная очередную историю словами «Когда я была маленькая...»

— Расскажи мне об Альдо, — попросила Хэлли. — У него все в порядке?

Внезапная перемена темы заставила Марию вздрогнуть.

— У него все хорошо. Он в Перу.

— Иногда мне кажется, что тебе будет трудно жить здесь, в холодной, серой Новой Англии, — сказала Хэлли. — И это после всех твоих увлекательных путешествий. Если проводить здесь раскопки, только и найдешь что ракушки да пыльные индейские кости — вместо золотых сокровищ.

— Я люблю Новую Англию, — ответила Мария. — Я мечтала о ней все время, пока жила вдалеке.

Это была правда: она жила на берегах Нила, Амазонки, Луары, Янцзы, однако по ночам, в своих мечтах всегда возвращалась к речке Белл, к царственным кленам, каменным стенам и небу, отражающемуся в проливе Лонг-Айленда.

Она мечтала о том, чтобы провести раскопки в родном городке, где впервые ощутила интерес к археологии.

— Ты никогда не найдешь такого мужчину, как Альдо, — заметила Хэлли. — Уж точно не здесь. Я считала, что он тебе подходит. Он сумел... не знаю... помочь тебе раскрыться. По-моему, с Альдо ты вся светишься.

— Спасибо, мама, — саркастически откликнулась Мария, чувствуя, что краснеет.

В представлениях Хэлли Мария была интровертом, а Софи — экстравертом. Ее не удивило, если бы Софи вышла замуж за археолога-итальянца и объездила с ним весь мир, работая на раскопках, однако ей с трудом удалось скрыть свое изумление, когда это сделала Мария.

— Ну-ну, не будь такой обидчивой, — произнесла Хэлли. — Просто я немного беспокоюсь.

— Хорошо, — мирно ответила Мария. В душе она изумлялась тому, какое большое влияние все еще имеет на нее мать. Целый год она боролась с собой, прежде чем решилась уйти от Альдо, прежде чем поняла, что обратной стороной его мужского очарования и уверенности в себе является высокомерие и стремление манипулировать людьми. И вот за пару секунд Хэлли заставила ее усомниться в правильности принятого решения.

И тут, как это часто случалось и раньше, стоило Марии страстно захотеть, чтобы Софи появилась здесь и стала свидетельницей тех оскорбительных вещей, которые Хэлли говорила или делала, ее сестра вошла в дверь.

— Доброе утро! — воскликнули Литтлфильды. Мария вскочила и побежала к двери. Она обняла Саймона и Фло, потом Гордона и Софи.

— Были сегодня ночью побеги? — спросила Софи, улыбаясь сестре.

— Да нет, сбежала только одна убийца с топором, — ответила Мария.

— Не вижу ничего смешного, — сказала Хэлли. — Вам, девочки, не приходится ночевать одной в большом доме по соседству с тюрьмой. Любая сбежавшая преступница

первым делом отправится сюда.

— Одной? — воскликнула Мария. — Здесь же была я!

Позже она подумала, что легче было бы продолжить шутить с Софи, не обращая внимания на то, что их мать всегда чувствовала себя одинокой, даже если ее дети были рядом.

— Мы принесли пончики, — объявила Фло.

— Правда? Обожаю пончики, — сказала Мария, усаживая девочку к себе на колени; при этом она подумала, не слишком ли племянница уже взрослая для этого.

— Простые и с глазурью, — добавил Саймон.

— Приготовлю еще кофе, — сказала Софи.

Мария стала спрашивать детей о школе, и они рассказали ей, что учительница вырезала фотографии Марии и Альдо из журнала «Нэшнл Джеографик» и повесила на стенд в школе.

Уголком глаза Мария следила за Софи и Гордоном, суетившимися вокруг кофеварки. Гордон был высокого роста; двигаясь, он словно заключал жену в свои объятия. Он трогал Софи за локоть, шептал что-то на ухо, тянулся из-за ее спины к столу, чтобы смахнуть кофейные крошки. Мария ни разу не видела, чтобы мужчина так явно демонстрировал свою любовь и покровительство. Софи счастливица, подумала она и стала противна сама себе из-за внезапно испытанного чувства ревности.

— Ты привезла нам подарки? — прошептала ей на ухо Фло.

— Да, — произнесла Мария в ответ. — Беги в мою комнату и возьми большую желтую сумку. Только смотри, осторожно — она тяжелая.

Фло и Саймон выбежали из кухни. Сердце Марии тревожно забилось при мысли о том, что сейчас ей предстоит вручать подарки, а золотая статуэтка уже находится у Софи.

Наконец-то кофе был налит, и все, кроме Гордона, уселись за стол.

— Гордон, бери стул, садись, — сказала Мария.

С застенчивой улыбкой на губах, он стоял, опираясь спиной о буфет. Выражение его лица было совсем как у мальчишки, сорокадвухлетний, он выглядел забавно и привлекательно.

— Ты сидишь на его месте, — быстро вставила Софи.

— На его месте? Но... — На секунду Мария смутилась. Она всегда считала это место своим. Конечно, она так долго не жила дома, поэтому естественно, что Гордон занял ее место за столом. Она подвинулась влево, усадила Фло обратно к себе на колени.

— Будем раздавать подарки, да, солнышко? — обратилась она к племяннице, пытаясь скрыть, что расстроилась. Ну не смешно ли взрослой женщине переживать из-за того, что ее детское место за столом оказалось занято?

— Мне так больше нравится, — сказала Фло, когда Гордон уселся рядом с ними, погладив Марию по руке в качестве благодарности.

Мария склонилась над своей сумкой; когда она подняла голову, золотая статуэтка богини стояла перед ней на столе.

— Откуда она взялась? — спросила Мария.

— Я ее взяла вчера вечером, — призналась Софи. — Ты задремала, а я не хотела тебя будить, но она так сверкала в твоей сумке, что я просто не могла устоять. Ее так приятно держать в руках! Я ее держала, гладила и так увлеклась, что забыла положить на место.

Мария попыталась сопоставить объяснение Софи с тем, что сама видела в машине;

несовпадение потрясло ее.

— Она твоя.

— Обожаю ее! — сказала Софи, протягивая руку через стол и беря статуэтку. Она нежно держала ее правой рукой, так же, как — по ее словам — и прошлым вечером. Мария раздала остальные подарки: гагатовые бусы для Хэлли, яркий шерстяной свитер для Гордона, замшевые тапочки, отделанные шерстью альпака, для Саймона, золотой браслет для Фло. Все громогласно восхищались необычными узорами и яркими цветами, передавали подарки из рук в руки. Пытаясь казаться довольной, Мария рассказывала о горных деревушках, в которых покупала подарки. Однако единственное, о чем она могла думать в этот момент, была Софи и то, как она украла статуэтку богини, а потом по непонятной причине решила вернуть ее назад.

Мария отправилась в сарай и завела старый отцовский «мустанг», присоединив к нему провода от «вольво» Хэлли. Она не любила ездить на этой машине. «Мустанг» дребезжал и трясся, ржавчина проела в кузове дыры величиной с пятидесятицентовую монету. Хэлли была верна ему лишь из сентиментальных соображений, в память о муже. Мария плохо помнила отца. Малькольм Дарк был высоким, жизнерадостным мужчиной на тридцать лет старше жены, которую он, по всеобщему мнению, просто обожал. Он обращался с Хэлли так, словно она была его любимым ребенком: своих же детей держал на некотором отдалении, хотя и относился к ним с теплотой. Когда Марии было одиннадцать, она любила фантазировать о том, что на самом деле он — ее дед и что ее настоящий отец (молодой и красивый) однажды приедет за ней.

Со временем Малькольму Дарку понадобился уход, в котором нуждаются пожилые люди, и тогда Хэлли постоянно находилась при нем. Она ходила по дому, стиснув челюсти и зажав зубами кончик языка. Софи говорила, что у матери снова «это лицо». Девочки ненавидели его, поскольку оно выдавало, как их мать несчастна. Иногда Мария просила Хэлли отвести их на пляж или к ручью, но та ни разу не покинула Малькольма. «Она словно заключенная», — со злостью думала Мария. В те дни мать напоминала ей женщин, сидящих в тюрьме. Софи была более снисходительной. Она ходила вслед за матерью по всему дому и не уставала слушать истории о конных состязаниях, в которых Хэлли победила, о фортепьянных концертах с ее участием, о юношах, с которыми она танцевала в Йеле и которые стали позже преуспевающими бизнесменами и докторами. «Ты же могла выйти за них замуж, да, мама?» — спрашивала Софи. «Некоторые из них делали мне предложение», — с улыбкой на губах отвечала Хэлли.

На следующий год Малькольм внезапно умер во сне, сделав Хэлли молодой вдовой с тремя детьми. Только тогда она осознала, как сильно любила мужа, и погрузилась в пучину скорби, отгородившись от детей на несколько лет. Софи не любила оставлять мать в одиночестве. Иногда она симулировала ангину, чтобы не ходить в школу и побыть дома с Хэлли. Мария собиралась на уроки и старалась не обращать внимания на то, что сестра снова лежит в кровати, притворяясь больной.

— Вставай, ты же здорова, — говорила Мария.

— Нет, больна, и ты тоже могла бы заболеть, — отвечала Софи.

Мария представляла себе, как здорово было бы остаться дома всем втроем. Однако она ни разу так не сделала. Она была одной из лучших учениц и не могла себе этого позволить. Марии было стыдно за Софи, у которой за год набралось сорок пять пропущенных дней. Кроме того, она ревновала. Ей было неприятно думать о том, как сестра и мать проводят весь день вместе. Хэлли не заслуживала этого. До смерти Малькольма она никогда не ходила на родительские собрания или на концерты, в которых Софи принимала участие. Мария испытывала злобу при мысли о том, как Хэлли и Софи пьют чай с медом — лекарство от больного горла, — сидя весь день дома, и, с подачи Хэлли, строят планы на будущее, в котором Софи станет знаменитой певицей. У Софи был чудесный голос, однако прославиться хотела не она, а ее мать. Если Хэлли действительно так нравилось пение дочери, почему она не ходила на ее концерты?

Со времен детства Марии дорога в город сильно изменилась. Но каждая деталь пейзажа

вызывала в памяти картины прошлого. Погода, слишком теплая и влажная для февраля, напомнила о тех днях в конце зимы, когда ей сильнее всего хотелось прогулять школу вместе с Софи. Она проехала по Коув-роуд, мимо тюрьмы, болот, величественных викторианских особняков в начале Саммер-стрит. Двор корабельной мастерской занимали вытасченные на зиму из воды катера, накрытые ярко-голубой пластиковой пленкой. Проезжая мимо, Мария подумала о том, что на теплое время года неплохо было бы обзавестись небольшой парусной лодкой.

Женщина припарковала машину между прачечной и сберегательным банком «Пеко», посидела в ней несколько минут, наблюдая за прохожими. Среди людей она заметила одну из своих одноклассниц, чье имя не смогла вспомнить. Мимо прошла мисс Роджерс из книжной лавки, потом мистер Браун, мясник. После долгих лет, проведенных в чужих странах, и изучения древних цивилизаций, несколько минут в городе ее детства стали для Марии настоящим приключением. Наконец она вышла из машины и почему-то немного помедлила, прежде чем запереть ее.

Прогулка вдоль витрин магазинов показалась ей непривычной и увлекательной. Она останавливалась перед обернутыми в золотую фольгу монетками и шоколадными лобстерами в витрине кондитерской; перед манекеном в бутике «Джози», на который была надета длинная шелковая ночная рубашка; блестящими трубами в магазине «Сантехника Хатуквити»; розами, нарциссами, ирисами и воздушными шариками в цветочной лавке «Си-Гарден-Флауэрс»; грузилами и резиновыми сапогами в «Рыболовных снастях Джеймса». В Перу она делала покупки на фермах, стоявших на обочинах пыльных дорог и в деревеньках, где слыхом не слыхивали об электричестве. Мария, выросшая в маленьком городе, успела забыть о местных радостях. Однако, заново предаваясь им, она ощутила глубокое чувство вины.

Это было ее расплатой за облегчение, которое она испытала, расставшись с Альдо. Альдо никогда не понимал ее любви к Хатуквити. «Твое паломничество», снисходительно говорил он о ее ежегодных поездках домой, явно выражая тем самым свое недовольство. Альдо был выходцем из семьи римских банкиров, его интересовали вещи более крупных масштабов: Самое Раннее пре-шавантское захоронение, Самая Драгоценная реликвия фараонов, Самая Большая статья в «Смитсониан», Самая Преданная жена. Она считала его блестящим ученым — в этом смысле ее мнение не изменилось. Однако Мария перестала уважать его. Муж ценил славу превыше всего. Однажды она почувствовала себя просто обычным археологом из его окружения, а не его женой. За последние несколько месяцев в горах они ни разу не занимались любовью. И не только потому, что Мария этого не хотела; Альдо всегда находил причины, чтобы допоздна задержаться на раскопках или в соседней палатке, читая студентам лекцию.

Вернувшись к действительности, Мария поняла, что стоит перед витриной фирмы по продаже недвижимости «Береговая линия» и рассматривает цветные снимки домов. Подчинившись внезапному импульсу, она открыла дверь и вошла.

— Чем я могу вам помочь? — спросила женщина-агент. Она казалась ровесницей Марии, однако лицо ее было незнакомым. Рядом с этой ухоженной светловолосой красавицей в голубом кашемировом свитере и серой юбке Мария, с ее черными джинсами и в черном кожаном пиджаке, почувствовала себя какой-то злой волшебницей.

— Я хочу арендовать дом, — сказала Мария.

— И какие у вас требования? — поинтересовалась женщина. — Сколько человек у вас в

семье?

— Я одна, — ответила Мария, и ей понравилось то, как это прозвучало. Она знала, что Хэлли будет рада, если дочь поживет с ней, однако всегда хотела иметь собственный дом. Собственную кровать, собственную кухню, собственный пол — три вещи, которых не было в палатках, где ей приходилось обитать.

— На какую стоимость вы рассчитываете?

— Ну... среднюю, — туманно заметила Мария, пытаясь перевести сумму, которую считала приемлемой, из песо в доллары.

— Тогда, может быть, полистаете буклеты? — предложила агент, усаживая Марию за стол. — Так вы поймете, какие дома сейчас есть. Я покажу вам любой, который вы захотите осмотреть.

— Спасибо, — поблагодарила Мария. Она улыбнулась женщине. Та, казалось, колеблется, собираясь что-то сказать.

— Я видела вас в журнале «Нова», — наконец произнесла она, залившись краской от смущения. — Обязательно скажу Стиву, что вы вернулись в родные места. Помните моего мужа? Стива Грюнвальда?

— Конечно, помню! — ответила Мария. Они ходили вместе в школу; в четвертом классе она стащила у Стива сахарную фигурку и не возвращала до тех пор, пока парень не согласился отдать ей свой свитер, который она сразу же забросила на дерево.

— Как он поживает?

— Отлично. Он теперь адвокат — его офис расположен в том же здании, что и у вашего брата Питера. Наши дети дружат с ребятами Софи.

— Это замечательно, — сказала Мария, думая о том, как приятно вернуться в маленький родной городок.

— Я Нэнси Грюнвальд, — представилась агент, пожимая Марии руку и протягивая толстый альбом с описаниями недвижимости.

— Что привело вас обратно домой? — поинтересовалась Нэнси через минуту.

— Я разошлась с мужем, — ответила Мария. — И не захотела оставаться в Перу.

— А дети у вас есть? — спросила Нэнси.

— Нет. — Простой вопрос, заданный Нэнси, выбил Марию из колеи. Она смотрела на собеседницу и представляла себе ее детей, играющих с ребятами Софи. Дети связывали жителей городка между собой. Она думала о том, каково будет ей, бездетной, вписаться в местную жизнь. Двенадцать лет ее внимание было приковано только к земле: к пыли и тому, что лежит под ней.

А если бы она выбрала себе другую профессию, например, торговлю недвижимостью, нашлось бы у нее время растить детей? Ответ был Марии известен: только не с Альдо.

— Наверно, так легче, без детей, — сказала Нэнси. — Думаю, развод — это ужасно. Но, по-моему, с детьми еще хуже.

— Я тоже так думаю, — согласилась Мария.

— Знаете, — произнесла Нэнси, увидев, как Мария не глядя переворачивает страницы, — у меня есть дом, который вам может понравиться. Он... не для всех, что ли. Немного деревенский.

— Насколько деревенский? — Отопление там есть?

— Да, и санузел тоже, не беспокойтесь, — с улыбкой ответила Нэнси. — Вы не думайте, он не какой-нибудь примитивный. Просто расположен далековато. И прямо у воды.

Очень красивое место.

— У воды?

— Да, на Скво-Лэндинг. В описаниях его нет — только на словах. Владелица его очень любит. Ей и самой хотелось бы жить в нем, но она работает в Монреале. Дом принадлежит ее семье уже несколько поколений.

— А вид там какой? — спросила Мария.

— Вид на острова Духов, — сказала Нэнси. — Подождите, увидите.

Она стала звонить смотрителю, но его жена сообщила, что он сможет показать дом не раньше четырех.

— Найдете, чем заняться? — поинтересовалась Нэнси.

— Конечно, — ответила Мария. Помахав Нэнси рукой на прощание, она направилась к библиотеке. Со стороны бухты дул холодный соленый бриз. Она подумала было о том, чтобы позвонить Софи или Нелл, пригласить их вместе осмотреть дом, однако единственный телефон-автомат был занят.

Библиотека Хатуквити располагалась на Саммер-стрит, в каменном доме с белыми ставнями и широким крыльцом. Внутри стоял стол библиотекаря, стенды с периодикой, длинные сосновые столы с пластиковыми стульями для посетителей и стеллажи с книгами. Библиотека оказалась меньше, чем помнила ее Мария. Она направилась прямо к своему любимому разделу: Краеведение.

На полках стеллажей стояли пожелтевшие журналы и книги с названиями вроде «Сказки индейцев пеко», «Путешествие к Трубе Дьявола» или «Хатуквити: трехсотая годовщина». Мария открыла «Сказки индейцев пеко». На фронтисписе была напечатана карта Хатуквити с крестиками, обозначавшими индейские захоронения. Два из них находились на Скво-Лэндинг.

Мария пропустила главу под названием «Мошенничество колонистов» и открыла «Любовные истории». Ее заинтересовал рассказ об английском торговце, в семнадцатом веке убедившем индейцев продать ему землю, на которой находилось их кладбище, пообещав, что перенесет кости похороненных там на какой-нибудь другой участок. Англичанин влюбился в женщину, индианку, которая уже была замужем за индейцем пеко. «Узнав об измене, муж убил ее, пустив стрелу прямо в сердце, — читала Мария. — Однако горе его стало еще сильнее. Он решил последовать за ее душой на острова Духов. Когда спустилась ночь, индианка встала из могилы и через бухту отправилась к островам. Ее мужу приходилось изо всех сил грести веслом, чтобы его каноэ поспевало за ней. "Не ходи за мной", — просила она.

"Но я не могу отпустить тебя", — отвечал ее муж. Она же шла все быстрее, пока не скрылась из виду в лесах на самом большом из Островов.

Сокол, летавший в небе, услышал, как плачет индеец. "Юноша, — обратился он к нему, — если ты сделаешь так, как я скажу, твоя любимая снова будет с тобой. Иди вдоль берега к скалам. На восходе солнца заберись на скалу и там ты найдешь свою жену. Она будет жива, ты сможешь увезти ее домой в своем каноэ. Но не прикасайся к ней и не позволяй другим прикасаться в течение четырех дней. Если это произойдет, она умрет снова и ты никогда ее больше не увидишь".

Индеец послушался ястреба. Когда красное солнце показалось над морем, он забрался на скалу: там сидела его жена, уже не дух, а земная женщина. Он страстно захотел дотронуться до нее, но тут вспомнил, что сказал ему ястреб. Индианка улыбнулась и

промолвила: "Твоя любовь ко мне подлинная, раз тебя не остановило то, что я любила другого. Я знаю это потому, что ты пошел за мной сюда".

Смелчак посадил жену в каноэ и перевез через бухту. Три ночи он прятал ее от всего племени. Утром четвертого дня английский торговец проходил мимо.

Увидев свою любимую, он, в порыве радости, бросился к ней и заключил ее в объятия. Но как только он поцеловал женщину, она стала растворяться в воздухе, пока не исчезла совсем. Узнав о происшедшем, индеец убил торговца своим томагавком. Именно поэтому англичанин не сдержал своего обещания — перенести индейское кладбище на другой участок, вот почему многие дома в Хатуквити построены на священной земле».

Мария не раз слышала о том, как домовладельцы обнаруживали кости индейцев, когда копали землю под фундамент или бассейн. Однако целиком эту легенду она не знала.

Следующей она взяла с полки маленькую книжку, которую читала сотни раз, — «История реки Белл». Красная обложка с черными буквами названия поблекла — двадцать пять лет назад, когда Мария впервые прочла эту книгу, она не была такой ветхой. Разрозненные страницы торчали из нее вкривь и вкось. На форзаце поместились длинные ряды библиотечных штампов с датами, первый был поставлен в 1982 году. Мария с уверенностью могла сказать, что каждый ребенок в Хатуквити хотя бы раз прочитал эту книгу. Она открыла ее и взялась перечитывать.

В книге рассказывалась история влюбленных, которые собирались пожениться: это было в Хатуквити, в 1679 году. Девушка жила на востоке от речки, юноша — на западе. В ночь накануне их свадьбы разразилась буря. До самого рассвета лил дождь. Невеста надела подвенечное платье и каждые несколько минут спрашивала у матери, приехал ли жених со священником, но их все не было. Время шло. По городку разнесся слух о том, что речка превратилась в бурный поток, который невозможно переплыть. «Ну что же, сыграем свадьбу, когда река успокоится», — сказала мать. Но священник приехал из самого Массачусетса и должен был тем же вечером возвращаться назад. Если бы свадьба не состоялась вовремя, ее пришлось бы отложить по меньшей мере на месяц. Поэтому храбрая невеста запрягла ослика в повозку и поехала к реке. За ее бурными водами, на другом берегу, она увидела своего возлюбленного. Девушка замахала руками, он ответил ей. Священник открыл свою Библию. И вот так, стоя каждый на своем берегу реки, стараясь перекричать шум потока, они произнесли свои брачные клятвы.

Церковный колокол звонил до тех пор, пока буря не утихла и влюбленные не соединились; его было слышно на обоих берегах реки. С этого дня речка получила название Белл — «колокол».

Мария и Софи считали, что им очень повезло, ведь речка протекала у них в конце сада. Детьми они много раз разыгрывали эту свадьбу, пытаясь с точностью определить места, где стояли ее участники: невеста, жених и священник. Только Питер не принимал участия в игре. Однажды летом сестры принесли с городского пляжа камни, и Софи положила их там, где, по ее мнению, с наибольшей вероятностью могли стоять участники необычной церемонии.

Мария погрузилась в воспоминания, поэтому не сразу услышала голос Софи. Он проник в ее сознание, абсолютно реальный и ясный. Софи стояла между соседними полками и говорила мягким тоном:

— На этот раз я так и сделаю. Я уже звонила надзирательнице. Я хочу, чтобы ты осталась здесь и подумала обо всем, что натворила, а я пойду домой и сложу твои вещи.

— Пожалуйста, мамочка! — рыдала Фло. — Не отдавай меня туда!

— У меня нет выбора. Туда отправляют всех плохих девочек. Ты сама знаешь. Я пойду домой и сложу твои вещи в мусорный мешок, а потом выброшу их, чтобы мы с папой никогда больше о тебе не вспоминали. Ты что, не понимаешь, в какое положение ты поставила своего папу? Ты совсем о нем не думаешь!

— Нет, нет! Я люблю папу! — горячо воскликнула Фло.

Мария заледенела от ужаса. Она хотела броситься к сестре и племяннице, но не могла пошевелиться.

— Ты останешься здесь, — ласково сказал голос Софи. — Ты как следует подумаешь о том, что натворила, а потом я вернусь и отведу тебя в тюрьму.

— Пожалуйста, не уходи! — взмолилась Фло. Софи ничего не ответила. Мария услышала, как цокают, удаляясь, ее каблуки. Теперь до нее долетали только тихие всхлипывания ребенка.

Мария рванулась к девочке.

— Фло! — позвала она.

Фло было шесть. Ее волосы были заплетены в косички, она была худенькая, только маленький животик выпирал спереди. Девочка стояла, скорчившись, прижимая к лицу рюкзачок с нарисованной Минни-Маус.

— Фло! — снова обратилась к ней Мария, наклоняясь и глядя племянницу по голове.

— Мама еще здесь? — спросила Фло.

— Нет, — ответила Мария. Она подняла Фло на руки и прижала к себе. Девочка словно застыла: она не обняла тетку в ответ.

— Мама отправляет меня в тюрьму, — сообщила она.

— Никуда она тебя не отправляет, — ответила Мария. — Она просто разозлилась на тебя и сказала это, не подумав.

— Мама очень сильно разозлилась, — добавила Фло.

— Ты знаешь почему? — спросила Мария, тихонько покачивая девочку, которая все еще заливалась слезами.

— Потому что я плакала у зубного врача.

Мария ничего не ответила, продолжая убаюкивать племянницу. Руки начали болеть, поэтому она осторожно опустила Фло на пол, потом присела сама и посадила девочку к себе на колени.

— Давай-ка мы сейчас успокоимся, — сказала Мария, — и я отвезу тебя домой. Хочешь, поедem к бабушке?

— Я должна оставаться здесь, — произнесла Фло. — Это правило.

— Какое правило?

— Мама оставляет меня здесь, потому что это место безопасное и здесь можно как следует подумать.

— Она часто так делает?

— Ну, не то чтобы часто, — сказала Фло. — Иногда.

— И надолго? — спросила Мария.

— Пока не стемнеет, — ответила девочка.

— Послушай. — Мария взяла Фло за руку и поставила на ноги. — Я старшая сестра твоей мамы, и я говорю, что ты можешь пойти со мной. Я предупрежу библиотекаря, и она все объяснит твоей маме, когда та придет за тобой.

Фло безмолвно последовала за ней. Мария остановилась у стола библиотекаря, которая подняла на нее безразличный взгляд.

— Эта девочка — моя племянница, — сказала Мария. — Когда ее мать придет за ней, скажите ей, пожалуйста...

— Здесь не детский сад, — ответила женщина. — В последнее время она слишком часто бросает здесь ребенка. Передайте вашей сестре, что в следующий раз, когда она оставит девочку в библиотеке, я позвоню в полицию.

— Не надо в полицию! — воскликнула Фло, прижавшись к ноге Марии и вновь залившись слезами.

— Пойдем, Фло, — сказала Мария, выводя племянницу из библиотеки.

Мария и Фло сидели на переднем сиденье «мустанга», ели мороженое и смотрели в витрину прачечной. Встречу с агентом по недвижимости и осмотр дома на Скво-Лэндинг Мария перенесла на другое время.

— Здесь стирают одежду, — сказала Фло.

— Я знаю, — ответила Мария. В голове ее кружилось множество вопросов, однако она не знала, как задать их, не расстроив ребенка вновь. Ей нужно было придумать, как можно спросить о том, о чем никогда не спрашивают, представить себе то, что выше ее разумения. Как могла сотрудница библиотеки так просто отпустить с ней Фло? Вдруг на ее месте была бы похитительница, представившаяся теткой девочки? Внезапно Мария вспомнила ласковый голос Софи, которым она обещала отдать дочку в тюрьму, и почувствовала себя беспомощной и опустошенной.

— По-моему, так гораздо веселее — после зубного врача поесть мороженого, — сказала Мария. — А ты как думаешь?

— Да, — согласилась Фло. Она аккуратно облизывала оранжевый шарик мороженого, чтобы оно не капало из рожка.

— Тебе нравится твой зубной врач?

— Он славный. Но ходить к нему все равно страшно. И к другим врачам тоже.

— Раньше я тоже боялась, — заметила Мария. На самом деле она боялась и сейчас, однако понимала, что вряд ли стоило говорить об этом племяннице. Марии необходимо было узнать, почему Фло плакала и за что ее мать так разозлилась на нее. — Фло, как зовут твоего зубного врача?

— Доктор Кауфман. Он иногда приходит к нам на ужин, и тогда я его совсем не боюсь. Он не такой ужасный.

— Ты хочешь сказать, что доктор Кауфман дружит с твоими родителями?

— Да. Он хороший папин друг, — сказала Фло, но в ее голосе Мария почувствовала тревогу. — Ты отвезешь меня домой?

— Конечно, — ответила Мария, заводя машину. — К вам домой или к бабушке?

— К нам.

Свой дом Софи превратила в прелестный деревенский коттедж, полный старинных вещей, с прочной мебелью, обитой воощеным ситцем в клетку, семейными фотографиями и пейзажами восемнадцатого века на стенах. В нем была светлая кухня, в которой находился очаг с открытым огнем, а на вымощенном терракотовой плиткой полу лежали плетеные коврики.

Держа девочку за руку, Мария вошла в незапертую дверь. В гостиной Саймон смотрел телевизор. Софи стояла у кухонной раковины: колола лед и сыпала его в большую

стеклянную миску.

— Посмотри, кого я нашла в библиотеке, — сказала Мария. Софи обернулась, и на ее лице отразилось безмерное облегчение. Красный фартук обтягивал ее выступающий живот. Кто-то из детей, скорее всего, Фло, вышил на нем синими нитками контуры сердца. Софи распахнула объятия, и Фло бросилась к ней.

— Слава богу с тобой все в порядке! — воскликнула Софи.

— Тетя Мария увела меня с собой, — произнесла Фло.

— Боже, Мария! — всхлипнула Софи, смахивая слезы со щек. — Я вернулась за ней, а ее там не было!

— Разве библиотекарь не сказала, что я забрала ее?

— Сказала, но когда я пришла домой, тебя тут не было, и мама не знала, куда вы подевались. Наверное, ты хотела как лучше, но больше никогда не уводи ее, не предупредив меня. Знала бы ты, что я передумала за это время...

Мария сама испугалась того, как сильно должна была волноваться сестра по ее вине. Она смотрела на Софи и Фло: они держали друг друга в объятиях, гладили и целовали.

— Со мной все хорошо, мамочка, — шептала Фло. — Все в порядке.

— Я так рада, что ты дома, солнышко, — говорила в ответ Софи, ладонью убирая пряди соломенного цвета волос со лба дочки.

— Можно поговорить с тобой? — через некоторое время спросила Мария.

— Говори, — сказала Софи.

— Я имела в виду наедине.

Мария улыбнулась Фло в тщетной попытке приободрить девочку. Та застыла на месте, глаза ее наполнились ужасом.

— Конечно. Иди к Саймону, солнышко, ладно? — попросила Софи.

— Хорошо, мамочка, — тоненьким голоском ответила Фло и убежала.

Мария глубоко вдохнула. Она знала, что если коснется рукой груди, то почувствует, как с бешеной скоростью колотится ее сердце.

— Я слышала, что ты говорила в библиотеке, — сообщила она. — Я стояла в соседнем проходе.

— И что я такого говорила? — поинтересовалась Софи, ударяя молотком по куску льда, завернутому в полотенце.

— Ты говорила Фло, что отправишь ее в тюрьму.

Софи скорчила гримасу и с негодованием потрясла головой.

— Поговорим об этом, когда у тебя будут дети, — сказала она. — Все матери в Хатуквити пугают этим своих чад. Никто же не думает об этом всерьез. — Софи достала из ящика пакетик шоколадных чипсов и начала их есть.

— Но Фло поверила. Она так рыдала, что казалось, будто у нее сердце разрывается. Разве библиотекарь не рассказала тебе об этом?

— Да она мне целую лекцию прочла о том, что я не должна больше оставлять там Фло одну. Я ведь иногда оставляю детей в библиотеке, когда иду на рынок или на почту, совсем ненадолго — так все делают! Разве ты не помнишь, как мы часами сидели там, дожидаясь маму? — спросила Софи, забрасывая чипсы один за другим себе в рот.

— Помню, — сказала Мария, однако она помнила и то, что им тогда было гораздо больше шести лет. — Можешь объяснить мне одну вещь? Почему ты так разозлилась на Фло?

— Она специально сбросила с полки в магазине банку маринованных пикулей. Она и раньше так делала.

— А я думала, дело в том, что она плакала у зубного врача.

— Это она тебе сказала? — спросила Софи, глядя сестре прямо в глаза.

Мария заколебалась. Она хотела защитить племянницу, однако в то же время ей необходимо было услышать ответ Софи.

— Да, она мне сказала, — произнесла Мария.

— Пожалуй, я была слишком строга. — Голос Софи слегка дрогнул. — Пол Кауфман наш хороший друг, они с Гордоном играют вместе в гольф. Пол обожает наших детей, и я видела, как он расстроился, когда Фло начала плакать. Он считает, что работает очень бережно. На самом деле Фло его вовсе не боится — просто ее друзья рассказали ей, что все боятся дантистов, вот она и расплакалась.

— Господи, да я сама боюсь дантистов, — сказала Мария, чувствуя себя немного спокойнее.

— Ну, после тех лекарей-шаманов к которым ты, наверное, привыкла... — Софи попыталась улыбнуться.

— Софи, — промолвила Мария, стараясь, чтобы ее голос прозвучал мягко, — я беспокоюсь о тебе. Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — ответила Софи, однако суставы ее пальцев, сжимавших ручку молотка, побелели.

— Для чего лед? — спросила Мария.

— Для черной икры. — Она у нас сегодня на ужин. Белужья, из России — Гордон любит такую больше всего.

— И по какому поводу? — поинтересовалась Мария.

— Без всякого повода, — сказала Софи. — Мы живем так каждый день — именно поэтому мы так счастливы. Ну или отчасти поэтому.

Слушая ласковый голос сестры, стоя в ее уютной кухне, Мария чуть было не решила, что все, что она слышала в библиотеке, ей просто почудилось. Потом она вспомнила про золотую статуэтку, и все ее благорасположение сразу улетучилось.

— Черная икра на ужин во вторник, — негромко произнесла Мария, страстно желая и в то же время не осмеливаясь заходить дальше. — Ничего себе!

— Ты хочешь сказать, что Гордон этого не заслуживает? — резким тоном спросила Софи.

— Ничего подобного. Заслуживает, конечно.

Внезапно она поняла, как странно ведет себя Софи: спокойно колет лед для икры, в то время как ее дочь находится неизвестно где. Мария почувствовала, что пора уходить. Что она и сделала.

«Прежде чем выдвинуть обвинение в пренебрежении родительскими обязанностями, нужно все как следует взвесить», — торжественно произнес Питер Дарк. Его вьющиеся черные волосы были коротко подстрижены. С прошлой зимы он отрастил аккуратные усики, которые превосходно вписывались в его имидж юриста из небольшого городка. В стеклах его очков в тонкой оправе отражались огоньки свечей. Питер сооружал качели из своих столовых приборов: перевернутая вверх дном ложка служила опорой, а нож — доской.

— Я не выдвигаю никаких обвинений! — воскликнула Мария. — Я просто разговариваю с моим братом и с моей лучшей подругой.

— Однако ты должна понимать, что это обвинение, и весьма серьезное. Услышь его Софи, и она отвернется от тебя навсегда.

— А тебе все колеса проткнет, — добавила Нелл. Мария чувствовала, что Нелл недовольна Питером, тем, что он сперва ответил как адвокат и только потом — как брат.

Пышные рыжие кудри Нелл отлично смотрелись на фоне ее черной бархатной блузки. Мария была тронута тем, что Нелл, как только услышала о том, что случилось у Софи, пригласила ее на обед.

— Если что-то подобное действительно происходит, — продолжала Нелл, — мы не можем беспокоиться о чувствах Софи. Мы должны думать о Саймоне и Фло.

— Думаете, я спятила? — спросила Мария. — Или это в порядке вещей?

— Что именно? — уточнил Питер, отправляя в рот кусок трески. — Родителям случается выйти из себя. У всех свои методы приучения детей к дисциплине.

— А ты сказал бы Энди, что отправишь его в тюрьму?

— Нет, — ответил Питер.

— Знаете, а мне мама однажды пригрозила, что отправит в тюрьму, если я буду плохо себя вести, — призналась Нелл. — Мне кажется, в нашем городе матери, у которых есть дочери, просто не могут удержаться от этого. Представляю себе: ты на грани нервного срыва, а тут как раз женская тюрьма в двух милях от дома...

— Софи сказала то же самое, — произнесла Мария.

— Она их точно не бьет, — сказал Питер. — Если бы била, оставались бы следы: синяки или что-то в этом роде.

— Боюсь, это похуже синяков, — ответила Мария. Она не могла избавиться от голосов, звучавших в ее голове: от ласкового тона Софи и полных ужаса и отчаяния рыданий Фло. Не важно, что говорит Софи, не важно, что Питер готов до последнего закрывать глаза на происходящее — Мария знала, что шестилетний ребенок не должен испытывать подобных чувств.

— А как насчет воровства? — спросила Нелл. — И всех этих вещей, которые она готовит?

— Какая разница, что она готовит? — В голосе Питера появились нетерпеливые нотки.

— Каждый вечер она балует Гордона роскошными ужинами, — ответила Нелл. — Фуа гра, лобстеры, вырезка — я не шучу! Однако каждый раз, проезжая мимо Макдоналдса, я вижу там ее машину. Вы разве не заметили, как она располнела?

— Сегодня у них на ужин черная икра, — заметила Мария.

— Вряд ли они могут все это себе позволить, — добавила Нелл. — Может, именно

поэтому она и ворует. Не думаю, что Гордон с его магазином инструментов зарабатывает так много.

— Давайте прекратим анатомировать семейство Литтлфильдов, — сказал Питер. — Мария, может, расскажешь нам о раскопках? Серьгу для носа, которую ты мне подарила, ты там нашла? Я собираюсь надеть ее завтра в суд.

Мария взглянула на брата. Она ответила не сразу, поскольку знала, что, если сменить тему, к ней сложно будет вернуться. Мария могла думать только о том, как спасти Софи. Но от чего?

— Надень обязательно, — после короткой паузы сказала она. — В племени шавантов такие серьги носили только священники и вожди. Серьга в носу — это символ власти.

— Ты нашла ее на раскопках? — повторил он.

— Нет. Подлинные артефакты из страны вывозить нельзя. Это копия. А оригинал мы нашли в окрестностях Чупаса.

Мария вспомнила скорбное выражение лица синьоры Хача и громко рассмеялась.

— Ты что? — спросила Нелл.

— Ох, вспомнила женщину, владелицу земли, на которой мы собирались производить раскопки. Она там выращивает коку, и прямо посреди ее плантации находится захоронение. В Перу все исторические ценности принадлежат государству, поэтому, строго говоря, разрешения владельца земли на раскопки не требуется. Но вы же знаете Альдо...

— Конечно, он решил спросить, — сказала Нелл. Она, как и все в семье Дарков, считала преувеличенную европейскую любезность Альдо немного комичной.

— Он пообещал, что мы заплатим за все растения, которые будут повреждены во время раскопок, — продолжала Мария, — но синьора Хача и слышать об этом не хотела. «Они — моя семья, — кричала она. — Я их вот из таких росточков вырастила!» И притом совершенно серьезно! — Рассказывая эту историю, Мария немного расслабилась. Там, в горах, среди шавантских каменных построек, в обществе сентиментальной синьоры Хача и Альдо, она чувствовала себя дома. В Хатуквити, где все, что было так знакомо, вдруг изменилось, Мария была чужой.

Нелл начала собирать со стола тарелки, Питер отправился проверить, спит ли их сын. Мария вспомнила, что именно после раскопок на землях синьоры Хача она начала думать о расставании с мужем. Склонившись над землей, она кистью расчищала крошечный — скорее всего, мышинный — череп, и тут внезапно заметила, что над ней стоит Альдо.

— Зачем ты теряешь время на это? — нетерпеливо спросил он.

Прикрыв глаза ладонью, Мария смотрела на него.

— Ты говоришь со мной, как со студенткой, — сказала она.

— Ты работаешь, как студентка. Сосредоточься на захоронении.

Мария сделала вид, что не слышит его. Она полностью расчистила скелет полевой мыши, потом, косточка за косточкой, записала находку в дневник. Она знала, что в ней нет ничего примечательного, однако считала необходимым тщательно регистрировать все обнаруженное при раскопках. Альдо поручил бы это кому-нибудь или вообще пропустил. Однако Марию тревожили не их профессиональные разногласия, а то, как Альдо разговаривал с ней.

Муж не всегда говорил таким тоном. Она вспомнила, как впервые поехала с ним на раскопки в Перу.

Альдо уже работал там раньше, для Марии же это было впервые. Он с гордостью вводил

ее в курс дела, искренне желая, чтобы и она полюбила жизнь в высокогорьях Анд, где при раскопках практически наверняка можно было обнаружить драгоценные, даже золотые артефакты. Однажды ночью Альдо сказал, что они вместе должны подняться на гору, к развалинам древнего замка, где местная ведьма будет вызывать духов, чтобы раскопки прошли успешно.

— Она не может пойти, синьор, — возразил Педро, перуанец, ассистировавший Альдо. — Женщина не может присутствовать на ведьмовской церемонии.

— Мария — археолог. Она пойдет, — сказал Альдо, закрывая тему, как будто слова Педро были чем-то совершенно бессмысленным.

Темной и холодной ночью команда археологов, единственной женщиной в которой была Мария, вскарабкалась на гору. Ведьма смотрела на Марию, не произнося ни слова, и отказывалась колдовать до тех пор, пока Альдо этого не потребовал. Наконец, она приготовила пятьдесят два подношения — именно столько духов нужно было задобрить. Все были одинаковыми: три отличных листа коки, присыпанные высушенным жиром ламы, серебряной пылью и диким тимьяном. Огоньки керосиновых ламп дрожали на ветру, на каменных стенах плясали длинные тени. «Горный дух, защити нас и пошли удачу», — пятьдесят два раза прошептала ведьма по-испански; каждый раз она брала в руки следующее подношение и, произнеся заклинание, бросала его в огонь. Искры выстреливали высоко в черное небо. В ужасе Мария прижалась к Альдо — ей казалось, что духи и правда вот-вот спустятся к ним.

— Испугалась, bella? — обратился к жене Альдо. — Будь у тебя бабушка с Сицилии, тебя бы это не удивило.

— И все это для того, чтобы раскопки прошли успешно? — спросила Мария.

Альдо погладил ее по волосам, теплыми губами коснулся уха.

— Это на тот случай, если у Педро корова перестанет давать молоко или у Хуана куры не будут нестись — так они не смогут, как в прошлый раз, утверждать, что это произошло, потому, что духи разгневались из-за раскопок.

Сидя в гостиной Питера, Мария представляла себе лицо Альдо: его классический римский нос, улыбку, которая с такой легкостью возникала у него на губах, его чувственные зеленые глаза, которые наполнялись слезами так часто, как ни у одного из мужчин, которых Мария знала до этого.

— Жаль, что Хэлли не смогла прийти, — сказала Нелл. — Она отправилась в Йель, в театр. С другом.

— У нее свидание, — ухмыляясь, добавил Питер. — Никто из нас с ним пока не знаком.

— Рада за нее, — заметила Мария, пытаясь перевести свои мысли с магии на жизнь их матери.

— Знаешь, может, мы ошибаемся насчет Софи, — веселым тоном сказала Нелл.

Мария не ответила. Она вспоминала страстные упреки синьоры Хача, теплоту руки Альдо, обнимавшей ее, пока ведьма сжигала свои подношения. Она понимала, что Нелл хочется закончить вечер на приятной ноте, однако не могла заставить себя улыбнуться. Ее дыхание было учащенным, как будто она по-прежнему находилась с Альдо на высоте двух миль над уровнем моря. Сидя за столом в доме брата, Мария размышляла о власти магии и власти любви.

На следующий день, в два часа, Нэнси Грюнвальд заехала за Марией в дом Хэлли. Мария как раз садилась в кабину красного семейного автомобиля, когда мать вышла из парадной двери, с головой закутанная в желтый шерстяной палантин.

— Я только хотела напомнить тебе, Мария, что меня не будет, когда ты вернешься домой, — сказала Хэлли. — Здравствуй, Нэнси!

— Здравствуйте, миссис Дарк!

— Хорошо, мама. Спасибо, что напомнила, — поблагодарила Мария. Поскольку они только что говорили о том, что Хэлли приглашена на вечеринку с коктейлями в Слокум, Мария решила, что на самом деле мать хочет что-то сказать Нэнси.

— Итак, где расположен дом, который ты собираешься показать Марии? — спросила Хэлли.

— На Скво-Лэндинг, — ответила Нэнси. — Мы ведь говорили об этом, Мария, правда? В поселке, где летние коттеджи. Прямо на верху мыса.

— Я помню, — заметила Мария.

— Жить там зимой, наверное, очень одиноко, — произнесла Хэлли. — Легко впасть в депрессию, находясь за несколько миль от людей, когда и посмотреть не на что, разве только на воду.

У Хэлли был особый талант казаться страшно обеспокоенной благополучием своих детей, при этом ставя под сомнение их способность принимать собственные решения. Однако ее комментарий по поводу Скво-Лэндинг пробудил в воображении Марии совсем другую картину: как она сидит у камина с книгой в руках, слушая шум волн и завывания ветра.

— По-моему, это замечательно, — сказала Мария.

— О, я уверена, ты знаешь, что делаешь, — ответила Хэлли.

Отъезжая от дома, Нэнси взглянула на отражение Хэлли в зеркале заднего вида.

— Не знаю никого другого в Хатуквити, кто вышел бы из дома в желтом палантине. — Ваша мать напоминает мне кинозвезду.

Люди говорили так и раньше; Мария знала, как Хэлли нравилось это слышать. Именно этого она и добивалась, когда, с маленькими детьми, отправлялась на рынок, набросив на плечи длинную шаль, достававшую ей чуть ли не до лодыжек, в солнцезащитных очках, надетых на волосы, в то время как остальные мамы ходили в джинсах или клетчатых юбках.

— Твоя семья тоже отсюда? — спросила Мария.

— Нет, я из Чикаго. Познакомилась со Стивом на свадьбе у друзей, — ответила Нэнси. — Обычно мы навещаем моих на Рождество или на Пасху.

— Ежегодные визиты, — сказала Мария. — Точно так же я приезжала сюда. Почти каждый год.

Тем временем машина выехала из города и мчалась по территории заповедника Лавкрафта. По берегам болот рос рогоз; на специальных помостах со сваями с прошлого лета остались гнезда скоп.

— Скопы снова гнездятся здесь? — поинтересовалась Мария, вспомнив, как ясной ноябрьской ночью в окрестностях Кузко она и Альдо наблюдали за беркутом, охотившимся

при свете луны.

— Да, они возвращаются в наши места. И лосось тоже. Они снова мечут тут икру — впервые за последние пятьдесят лет.

Мария смотрела на море, простирившееся за золотистыми топями болот. Снег почти совсем стаял. На горизонте маленькими точками вырисовывались острова Духов. За ними открывался прямой путь морем к Португалии. Нэнси свернула направо, на длинную подъездную аллею, на обочинах которой росли березы и карликовые сосны. В конце ее притаился маленький коттедж, покрытый серой дранкой. За домом расстиралось море — его было видно через окна коттеджа насквозь. Во дворе росли подснежники.

— Я его беру, — сказала Мария.

Нэнси засмеялась:

— Всем нравится вид, однако тут есть некоторые проблемы. Дом недостаточно хорошо утеплен. В прошлом году арендатор жаловался на то, что счет за отопление вышел невероятный. В шторм дом сильно дрожит. Давайте взглянем...

— Мне все равно, — добавила Мария, широкими шагами направляясь к двери. — Я хочу жить здесь.

Она чувствовала запах хвои и моря. Каменная изгородь прошлого века окружала территорию, прилегающую к коттеджу. Из земли выступали гранитные валуны времен ледникового периода. Вокруг самого большого кто-то посадил нарциссы; Мария подошла поближе, чтобы взглянуть на луковицы, прораставшие у подножия валуна.

Она снова вспомнила Перу. Индеец из племени шавантов решил бы, что это один из его предков, превратившийся в камень.

К ней подошла Нэнси.

— Красиво, правда? — спросила она.

— Очень красиво, — сказала Мария.

— Думаю, это очень подходящее место для того, чтобы пережить... ну, расставание с мужем... — неловко произнесла Нэнси, словно не знала, можно ли упоминать об этом. — Питер сказал Стиву, что вы хотите поскорее вернуться к работе и все такое, но я-то знаю, как это должно быть тяжело.

— Спасибо, — ответила Мария. Сейчас она сомневалась в своем решении гораздо сильнее, чем в Перу. Думая, как Альдо относился к ней свысока, как он любил ее, только пока она была послушным материалом в его руках, и потерял интерес, как только она обрела самостоятельность, Мария радовалась, что ушла от мужа. Однако сейчас, вспоминая, как приятно было наблюдать вместе за полетом беркута, она поняла, что скучает по Альдо.

— Думаю, Питер беспокоится за вас, — сказала Нэнси.

— Забавно, — заметила Мария. Она не могла себе представить, чтобы Питер на работе говорил о ней. Он ведь так ненавидел сплетни — а это было почти то же самое. — Непохоже на Питера. Наверное, он изменился, став отцом.

— И правда, отцовство очень меняет мужчин, — сказала Нэнси. — Пока не родилась Мелисса, Стив был настоящим трудоголиком. А теперь каждый вечер торопится домой.

Мария улыбнулась, думая о том, что вот и ее брат стал отцом.

— Пойдемте внутрь? — предложила Нэнси. — Надо только найти ключ... — Из сумки она вытащила огромное кольцо, с таким количеством ключей, что оно походило на железное солнце. Второй ключ, который они попробовали, подошел.

Внутри дом был достаточно простым. На первом этаже располагалась большая комната

с тремя панорамными окнами, выходящими на деревянную террасу с видом на море. Если встать у окна, казалось, будто находишься на носу корабля. В полумиле от берега лежали острова Духов. Мария вспомнила о храбром индейце, прямо с ее двора ушедшем вслед за духом своей жены.

— Здесь так светло, — сказала Нэнси.

— Мне очень нравится, — откликнулась Мария. Ее взгляд скользил по ротанговому дивану и креслам, морским сундукам, книжным полкам, хитроумно встроенным в пространство под лестницей. Она поднялась на второй этаж и обнаружила там две спальни и две ванные комнаты. Войдя во вторую спальню — проходившую по всей длине дома комнату, напоминающую амбар, со сводчатым потолком, стенами, обшитыми некрашеными серебристыми досками, двуспальной кроватью и огромным ветхим восточным ковром на полу, — она ощутила дуновение холодного воздуха. Никогда раньше Мария не видела столь романтического места.

— Эта комната не утеплена, — сообщила Нэнси. — Один из минусов этого дома.

Она говорила с уверенностью агента, знающего, что работа уже сделана. В комнате было так же холодно, как в палатке Марии в горах.

— Я могу накрываться двумя одеялами, — сказала она.

— Может быть, стоит приобрести электрическое, — посоветовала Нэнси.

— Эй! — от парадной двери до них донесся голос Софи. Она взбежала по ступенькам и, с трудом переводя дыхание, вошла в спальню. — Я объездила весь Скво-Лэндинг — искала красную машину Нэнси, и... ух ты! — воскликнула она, рассматривая комнату. — Ничего себе! Прямо-таки королевская опочивальня и, кстати, чертовски холодная!

— Привет, Софи, — сказала Нэнси; теперь ее голос звучал слегка официально.

— Привет, — ответила Софи. Она обняла Марию. — Бери! Дом просто отличный.

— Беру, — сказала Мария и улыбнулась Нэнси.

Нэнси уехала, оставив Марию знакомиться с ее новым домом и изучать территорию. Наедине с Софи Мария почувствовала, что не знает, о чем говорить.

— Красивое место, — произнесла Софи. — Стоит, наверное, целое состояние?

— Нет. Нэнси объяснила, что сдать эти дома на зиму очень сложно. Цены подсакивают в июне, поэтому лучше заключать договор на год. Я так и сделала.

Не говоря ни слова, они спустились по лестнице. Помолчав, Софи сказала:

— Я просто хотела узнать, как ты будешь платить за него. Без работы и без Альдо.

— Я никогда не была на содержании у Альдо, — резко ответила Мария. Она все еще злилась на Софи после вчерашнего. Ей хотелось уколоть сестру, напомнив ей о том, что Мария была независимой, а она, Софи, полностью зависела от Гордона.

— Кроме того, я могу работать самостоятельно. Получу грант. У меня осталось достаточно от предыдущих грантов, на год точно хватит.

— Что же, ты молодец, — отозвалась Софи, и Мария поняла, что ее язвительное замечание не достигло цели.

Они вошли в гостиную.

— Помнишь, как мы поехали на острова Духов? — глядя в окно, спросила Софи.

— И как мы там купались, — добавила Мария. Однажды летом — Марии тогда исполнилось тринадцать — она и ее друзья из Хатуквити взяли еду, пляжные полотенца и карманные фонарики и погрузили все это в лодки. Мария сказала Хэлли, что будет ночевать у Нелл: Нелл заверила свою мать, что останется ночевать у Марии: Софи — что останется у

Дианы Селден, а Питер сказал, что переночует у Билла Уокера. Дети сели в лодки и поплыли к островам Духов, собираясь провести там ночь. Однако они успели только поджарить на костре сосиски и посмотреть на восход луны: их страшно путали совы, сверчки и духи индейцев. Поспешно покидая остров, юные путешественники в каждой волне, блеснувшей в лунном свете, видели акулий плавник, а воздух, казалось им, так и кишел призраками.

— Интересно, проводились там когда-нибудь раскопки? — спросила Мария.

— Дети все еще находят наконечники от стрел, — сказала Софи. — Саймон тоже нашел. — Она замолчала, а затем продолжила: — Я заезжала к маме, искала тебя, а она сообщила, что ты уехала с Нэнси. Ничего, что я вас разыскала?

Какого ответа она ждала? Мария почувствовала неловкость, она не знала, что сказать.

— Зачем ты меня искала? — спросила она наконец.

Софи продолжала смотреть в окно. Несколько крохалей одновременно нырнули за рыбой.

— Я должна тебе кое-что сказать, — очень тихо произнесла она.

Мария медленно повернулась к сестре. Плечи Софи вздрагивали, голова была низко наклонена.

— Что случилось? — спросила Мария, встревожившись. — Ты о вчерашнем случае в библиотеке?

— Я странно веду себя, — продолжала Софи. — Я знаю, вы все думаете, что со мной что-то не так, и это правда.

Она выдохнула, пытаясь справиться с волнением. Мария взяла руку сестры и пожала ее, пытаясь приободрить Софи.

— У меня был выкидыш, — сообщила Софи. — Два месяца назад. Мы не планировали еще детей, но я забеременела. Это было так чудесно! Она должна была родиться в мае.

— Ох, Софи! — воскликнула Мария, обнимая сестру.

— У меня двое прекрасных детей, — сказала Софи, и слезы потекли у нее из глаз. — Мы не планировали это, но я была так счастлива, что будет еще ребенок. И теперь я никак не могу с этим справиться. Я помню свои предыдущие беременности, я знаю все этапы...

— Почему ты не рассказала об этом маме или Нелл?

Софи пожала плечами:

— Мы с Гордоном были так счастливы — мы хотели, чтобы это было нашим секретом, до поры до времени. А когда я потеряла ребенка, я просто не могла об этом говорить. И мне никак с этим не справиться...

Она отняла руку у Марии и закрыла ею глаза.

Мария сама готова была расплакаться, однако она не могла забыть о Фло.

— Софи, — произнесла она, — теперь, когда ты знаешь, как тяжело потерять ребенка, разве тебе не хочется еще лучше обращаться с теми, которые у тебя уже есть?

— Ты говоришь о Фло, так ведь?

— Да, — ответила Мария. — Я не могу понять, как ты можешь злиться на нее, — я ведь слышала все, что ты ей сказала.

— Я ненавижу себя, — произнесла Софи. — У меня двое замечательных детей, но единственное, чего я хочу — как следует выспаться.

— Положись на нас, — твердо произнесла Мария. — На меня и Нелл. Я посижу с детьми, а ты займись собой. И по-моему, тебе нужно поговорить с нами обо всем этом.

— У меня есть Гордон, — вытирая слезы, сказала Софи. — Он так заботился обо мне. Когда начался выкидыш... он отнес меня в постель. Потом позвонил доктору, но было уже поздно. Знаешь, выкидыш это то же самое, что и обыкновенные роды. Сначала схватки, а потом ребенок... он выходит наружу. Гордон был со мной, когда я рожала Саймона и Фло, и этого ребенка тоже. Господи, он так плакал, когда это случилось...

— Мне ужасно жаль, — произнесла Мария, потрясенная горем сестры.

— Не могу больше об этом говорить. Может, выйдем на улицу?

— Конечно, — ответила Мария.

Однако перед входной дверью Софи вновь повернулась к ней.

— Мы хотели назвать девочку Марией, — сказала она. И, не дожидаясь ответа, вышла на солнечный свет.

В свою первую ночь в новом доме Мария увидела во сне острова Духов. Высокие сосны росли почти у самого берега, волны плескались у подножия гранитных скал. Порывистый ветер нес клочья облаков, закрывавших солнце. Мария, Нелл и Питер копали ямы на песчаном пляже. Софи с ними не было. Во сне Мария ощущала, как песок царапает кожу на пальцах. Она копала, как это делают дети, не как археолог. В одной яме она нашла раковину моллюска, в другой — синее стеклышко. В третьей лежала золотая статуэтка, которую она подарила Софи.

Ее разбудил яркий свет луны, наполнивший холодную спальню. Лежа под толстым одеялом, Мария смотрела, как изо рта у нее идет пар. Она не хотела засыпать, потому что боялась снова увидеть лицо сестры на золотой статуэтке индейской богини.

Мария стала мечтать о том, как начнет раскопки, неважно где: в городе или на одном из островов, — эти места как нельзя лучше подходили для них. Копая землю под сад, местные жители постоянно находили реликвии индейцев пеко: в основном это были наконечники для стрел, однако попадались и томагавки, и каменные чаши.

Альдо обязательно пригласил бы мэра на обед и получил у него разрешение на проведение раскопок, одновременно обеспечив себе рекламу и поддержку со стороны городских властей. Он связался бы с деканами отделений антропологии в Йеле и Университете штата Коннектикут и договорился бы о чтении нескольких лекций. Он получил бы деньги из университетов и фондов, и, независимо от того, удалось бы ему что-то обнаружить или нет, финансово он никак бы не пострадал.

После этих размышлений Мария приняла решение: она начнет раскопки на островах Духов, не спрашивая ни у кого разрешения.

Она всегда мечтала об этом. Хотела копать, потому что любила свою работу. Мария устала от выколачивания денег на гранты, от бесконечной гонки за несуществующими сокровищами. В Перу все молодые археологи стремились получить прежде всего одобрение Альдо. Так же было и с ней, когда они впервые встретились в Кембридже. Она заканчивала последний курс, Альдо пригласили туда прочесть цикл лекций. Хотя он был ненамного старше своих студентов, он показался Марии гораздо более опытным и искушенным, чем все, кого она знала. Именно тогда она и влюбилась в него. Его голос — мелодичный голос настоящего итальянца — снова зазвучал в ее ушах; он говорил об «искусстве раскопок». Мария строила планы на будущее.

Альдо двигался вглубь земли как локомотив, стремящийся к пункту назначения. Он был нацелен непосредственно на нижний слой, ведь его интересовали исключительно древние цивилизации.

Мария, в отличие от мужа, ко всем слоям относилась одинаково: для нее в равной степени были важны и монетка 1970 года, оброненная кем-то из ребятишек Хатуквити, и раковины, из которых сорок лет назад ел печеные моллюски солдат-доброволец, и, наконец, в самом низу, глиняная посуда и огнива индейцев пеко.

Мария знала, что Альдо не одобряет ее метод работы: он всегда говорил ей об этом. Она вспомнила, как однажды в Гастингсе он руководил раскопками дворца, построенного предположительно во времена Вильгельма I и изображенного на Байоннском гобелене. В своем стремлении как можно скорее обнаружить керамику, изготовленную до завоевания

Англии норманнами, он выкопал длинную траншею поперек внутренних стен замка. Мария видела, как из-за траншеи разрушались каменная кладка и деревянные конструкции замка, которые могли пролить свет на особенности его постройки. Альдо было все равно. Он нашел свою керамику и вдобавок монеты времен правления Вильгельма I; статья об этих раскопках была опубликована в «Нэшнл Джеографик».

Мария лежала без сна и, глядя на заход луны, не могла перестать думать об Альдо. Она была рада тому, что они больше не вместе, ведь они никогда не подходили друг другу. Она не могла себе представить, чтобы муж целовал ее сзади в шею, как Гордон целовал Софи, когда они готовили кофе. А когда Мария подумала о том, как Гордон заботился о Софи после потери их ребенка, ее глаза наполнились слезами.

Она плакала о своей неродившейся племяннице, но не только о ней — еще и о том, что для них с Альдо всегда было «не время» думать о детях.

Это была их общая вина. За годы брака они не раз говорили о ребенке; обычно этот разговор заводила Мария. Она представляла себе, что забеременеет — когда-нибудь в будущем, в промежутке между грантами, когда закончатся раскопки в Гастингсе, или в Каире, или в Шаван де Хуантаре. Но Альдо получал все новые и новые гранты. Они перевозили свои палатки на новое место, и мечта Марии стать матерью так и оставалась мечтой.

Она лежала, думая о малышке, которую Софи хотела назвать ее именем. Они с Софи всегда были очень близки — Мария никогда не встречала такой близости между сестрами, — и таким образом Софи хотела еще раз доказать это. С момента своего возвращения в Хатуквити, похищения статуэтки и сцены с Фло Мария чувствовала, что отдалась от Софи, однако, услышав о ее неродившемся ребенке, она снова ощутила эту близость.

Мария поняла, что уснуть ей уже не удастся, выбралась из постели и выбежала из холодной спальни в отапливаемый холл. Она оделась в ту же одежду, что была на ней вчера. На кухне Мария обнаружила, что забыла купить кофе, села в машину и поехала в город, размышляя о том, будет ли открыт какой-нибудь из магазинов. Лучи солнца золотили верхушки деревьев; было около шести часов утра.

Супермаркеты «Ай-Джи-Эй» и «Колдуэлл» оказались закрыты. Марии не хотелось ехать в соседний город, Вестерли, на границе штата, поэтому она решила выпить кофе в кафетерии у Кэти. Ее удивило количество посетителей, в столь ранний час. В основном это были мужчины, сидевшие поодиночке за столиками, накрытыми скатертями в клетку. Их головы были повернуты в одном направлении, словно они молились невидимому божееству: все смотрели в окно, выходившее на Саммер-стрит. Мария заказала черный кофе и кукурузную булочку. Дожидаясь у стойки, она обратила внимание на то, что только двое мужчин были одеты в костюмы. На остальных были толстые свитера или униформа, и Мария решила, что это рыбаки и рабочие. Тут в кафетерий вошел Гордон.

— Доброе утро! — обратилась к нему Мария. Одной рукой она обняла его за шею и, приподнявшись на цыпочки, поцеловала в щеку; ей показалось, что он на мгновение заколебался, прежде чем наклониться к ней.

— Ты рано встала, — заметил он.

— Ты тоже. Ты что, открываешь свой магазин в такой ранний час? — спросила Мария. Она хотела дать ему понять, что знает о ребенке, хотела утешить его, однако место и время было неподходящим. Мария расплатилась за свой заказ и, дожидаясь Гордона, стояла рядом

с ним. Оглядевшись по сторонам, она заметила у окна свободный столик.

— Плотники и маляры начинают работу в восемь, поэтому магазин открывается в семь. Мне как обычно, — сказал он Кэти. Потом, обернувшись к Марии, улыбнулся. — Софи говорит, у тебя восхитительный дом.

— Мне он очень нравится, — похвалилась Мария. — Стоит прямо у воды, на Скво-Лэндинг. Вам обязательно надо приехать ко мне, посмотреть его. Когда станет потеплее, мы сможем все купаться в море...

Улыбка Гордона казалась слегка натянутой, как будто он думал о чем-то другом. Мария решила, что тот занят мыслями о Софи. Ее взгляд упал на крепкую руку Гордона, опирающуюся о стойку, и она ободряюще похлопала по ней. Кэти принесла ему кофе и кекс с черникой, но Гордон попросил ее упаковать всю еду.

— На вынос? — удивилась Кэти.

— Да, пожалуйста, — сказал он.

— Ты не присоединишься ко мне? — спросила Мария, разочарованная, поскольку рассчитывала на его компанию. Она обрадовалась, случайно столкнувшись с зятем в момент, когда ожидала этого меньше всего; раньше им редко случалось беседовать наедине. Кроме того, ей было бы приятно посидеть за столиком, на глазах у остальных посетителей кафе, с красивым и всем известным владельцем магазина инструментов Литтлфильда.

— Поставщик должен приехать, — сказал он. — Но все равно спасибо за приглашение.

— Ничего, в другой раз, — ответила Мария. Она потянулась поцеловать его, но он уже направился к двери.

Когда Мария подъехала к кафетерию Кэти, тишину раннего утра нарушали только крики чаек. Выходя, она услышала шум машин: люди спешили на работу. Мария наслаждалась свободой — она пока что не успела соскучиться по привычному рабочему ритму. Ее машина медленно проехала по Саммер-стрит и свернула налево, на гравийную дорогу, ведущую к корабельной мастерской.

Мария очень любила это место. Девочкой ее водил сюда отец. Доки и узкие пирсы были пусты. Парусные шлюпки, рыбацкие лодки и яхты зимовали на берегу, на выдавших виды деревянных опорах, накрытые ярко-синими пластиковыми чехлами. Гравий скрипел под ногами Марии, когда она проходила мимо лодок, разглядывая их торчащие вверх киля. Она остановилась напротив шлюпки с названием «Галатеея». Ее длина была около двадцати пяти футов; синяя краска на днище стерлась от долгого пребывания под водой. Мария представила себе, как отправляется на острова Духов в лодке, наподобие этой, представила ветер, надувающий парус, и свою руку на румпеле. Лежа в постели, она мечтала начать раскопки на островах — для этого ей необходима лодка.

— Мария Дарк? Это ты? — окликнул ее знакомый голос.

Удивленная, Мария оглянулась.

Быстрым шагом к ней шел мужчина в зеленой куртке-парке и брюках цвета хаки; он склонил голову набок, словно для того, чтобы убедиться в том, что не обознался.

— Дункан? — спросила Мария. Она сразу узнала его, Дункана Мердока, своего одноклассника. Над правым карманом его куртки красными нитками было вышито название мастерской, «ХРАБРЫЙ КАПИТАН, РЕМОНТ И ПРОДАЖА ЛОДОК», над левым его имя — ДУНКАН. Дункан улыбался ей. В школе они были друзьями. Они протянули было друг другу руки для рукопожатия, потом попытались поцеловаться, но столкнулись лбами.

— Ох, — выдохнул Дункан, потирая лоб; потом прикоснулся ко лбу Марии, почему-то разглаживая ей брови. — Это что, племенной обычай, который ты подхватила где-нибудь в Южной Америке?

— Обычно я низко кланяюсь и пою церемониальную песню, — ответила Мария. — Ты что, работаешь здесь?

— Я управляющий, — сказал Дункан.

— Здорово.

Мария помнила, что Дункан всегда любил лодки и ненавидел школу. К тому моменту, как учительница замечала, что его снова нет в классе, он обычно был в своем вельботе, на полпути к Ориент-пойнт.

— Ты все время жил в Хатуквити?

— Ага, — ответил Дункан. — Пока ты со своим Гвидо путешествовала по миру, я сидел тут. Ты можешь не поверить, но Хатуквити — это центр Вселенной.

— Ты говоришь, точно как Софи, моя сестра, — сказала Мария. — Она никогда не уезжала отсюда. Ни она, ни Питер, ни Нелл. Кстати, его имя — Альдо.

— Альдо, — повторил Дункан. — Моя жена дружит с Софи. Наш сын играет с ее Флосси.

— Флосси? — переспросила Мария.

— Ну да. Ее же Фло зовут, правильно? — Дункан покачал головой. — Слишком серьезное имя для маленькой девочки. Звучит как название детали какого-нибудь дизельного мотора. Вот когда ей стукнет лет сорок и она станет генеральным директором нефтяной компании, ее можно будет называть Фло.

— Мне нравится «Фло», — ощетинившись, сказала Мария. Фло назвали в честь Флоренции, города, где она была зачата, так что Марии нравилось и ее полное имя, и его сокращение. Однако Дункан не понял, что она имела в виду.

— Мне она тоже нравится, — сказал он. — Она самая очаровательная из всех детей, которые приходят к Джеми.

— Спасибо, — произнесла Мария с такой гордостью, будто Фло была ее ребенком.

— Эй, Дункан! — позвал ее собеседника бородатый великан, остановившийся неподалеку, чтобы не вклиниваться в разговор. На нем была такая же парка, как на Дункане, с надписью «ХРАБРЫЙ КАПИТАН, РЕМОНТ И ПРОДАЖА ЛОДОК» над правым карманом и именем ДЖИМ — над левым.

— Мария, познакомься, это Джим Маркхэм. Джим, это Мария Дарк. Она у нас знаменитость, — добавил Дункан.

— Да ну тебя, — засмушалась Мария. Она и Джим пожали друг другу руки, потом Джим спросил Дункана, надо ли ремонтировать киль на лодке, выигравшей в прошлом октябре гонки на Мунсильвер-пойнт.

Жители городка ехали на работу, каждую минуту кто-то гудел Дункану из машины, и он в ответ махал им рукой. Ветер усиливался, погода становилась по-настоящему зимней — впервые с тех пор, как Мария вернулась домой.

— Думаю, мне понадобится лодка, — заметила она.

— Какая именно? Катер или парусная?

— В первую очередь небольшая, — сказала Мария. Я собираюсь провести раскопки на островах Духов, мне надо будет на чем-то туда добираться.

— Неблизкий путь, — сказал Дункан, продолжая улыбаться. — Тебе понадобится

шлюпка с небольшой осадкой. Там мелко. И ты сможешь вытаскивать ее на берег — хотя это зависит от острова, на котором ты собираешься копать. Может, на Маленькой раковине?

— Я не знаю их названий, — сказала Мария. — Я думала начать на самом большом, там, где холм.

— Он называется «Подзорная труба».

— Помнишь, миссис Лерд рассказывала нам, что у индейцев пеко там была фактория, торговый пост. И как они обменивали рыбу на кварц и кремень, которые добывались вверх по реке?

— Да уж, миссис Лерд. Только ее уроки я и мог кое-как терпеть. Значит, поживешь здесь?

— По крайней мере это лето, — ответила Мария.

— Ну, у тебя есть время подумать насчет лодки, — предложил Дункан. — Слишком рано спускать их на воду. В реке еще есть лед, мало того, она приносит в залив целые бревна — можно запросто наскочить на какой-нибудь дуб, и лодке — конец. Разве что ты не выберешь корыто вроде этого, ему все нипочем.

Мужчина показал на док за домом, где находился офис мастерской, в нем стояла обшарпанная шлюпка с широким корпусом. До ватерлинии она была выкрашена в красный цвет, ниже ее — в синий. На борту было написано название шлюпки — «Алисия». Рядом с моторным отсеком были разложены инструменты и детали к двигателю, на палубе громоздились сложенные друг на друга верши для омаров.

— Твоя? — спросила Мария.

— Ага, — сказал Дункан. — Летом мы с нее ловим лобстеров, но с октября по март она стоит на приколе.

— Да уж, холодновато у нас в это время, — заметила Мария, думая о том, что ей пора уходить. Через плечо Дункана она увидела, как Джим снова направляется к ним. — Ладно, Дункан. Я подумаю насчет лодки и тогда зайду.

— Рад был повидаться, Мария, — сказал он. — Как тебе, странновато вернуться сюда?

На мгновение она задумалась, потом поняла, что не знает ответа. В каждый момент он был разным. Сейчас ей казалось, что она никогда и не уезжала. Мария пожала плечами, улыбнулась и вышла из мастерской.

«Помню-помню, ты была в него отчаянно влюблена», — сказала Нелл. Она с сыном Энди, Марией и Софи сидели за столом в уютной кухне Софи, дожидаясь Хэлли, Гордона и Питера.

— Я считала его не похожим на других, — ответила Мария. Она вспомнила, как Дункан проплывал на своем вельботе мимо школы Хатуквити, оставляя за собой шлейф белой пены, а Мария и остальные прилежные ученики смотрели на него, стоя за лабораторными столами в кабинете химии.

— Его все время оставляли после уроков, в наказание, — отметила Софи. — Прямо не верится, что теперь он превратился в почтенного горожанина.

— Помнишь, меня тоже как-то раз оставили после уроков за то, что я пришла в школу в водолазке, — сказала Мария.

— Кажется, мы учились в единственной в мире государственной школе, в которой требования к одежде были еще строже, чем в католических, — заметила Нелл. Энди, которому исполнился год и один месяц, сидел у нее на коленях. У него были такие же рыжие волосы, как и у его матери, по мере того как он подрастал, их цвет становился еще более насыщенным. Энди что-то лепетал, явно находясь в приятном расположении духа; однако понять его могла только Нелл.

— Что, золотце? Ты опять поешь свою песенку? — спрашивала она.

Энди взял высокую ноту, затем огляделся по сторонам, ожидая одобрения публики.

— Что же это за песня? Может, «Крошка-крошка паучок»? — поинтересовалась Софи, щекоча его за пятку.

Энди рассмеялся, а потом выкрикнул: «Визаике!»

— Это означает «вниз по реке», — объяснила Нелл с гордой улыбкой.

— Какой ты у нас большой! — сказала Мария и протянула руки, чтобы взять Энди. Нелл передала ребенка Марии; он сразу же потянулся к большим кольцам у нее в ушах.

Цыпленок, тушенный в белом вине, плод их совместных усилий — Софи приготовила цыпленка, Нелл почистила морковь, а Мария принесла с собой бутылку «Кот-дю-Рон» — распространял аппетитный запах. Софи нарезала салат из листьев латука и эндивия. В предвкушении приятного вечера женщины налили себе по бокалу белого вина.

Пришли Фло с Саймоном. Первым, что привлекло их внимание, оказалось большое ожерелье Марии из бусин и кусочков раковин — подарок Кармен Пуно, ее ассистентки в Шаван де Хуантаре.

— Они похожи на раковины у нас на пляже, — сказала Фло.

— Точно такие же, — ответила Мария. — Если наберешь достаточно, мы сделаем в них дырочки и сделаем тебе ожерелье.

— У бабушки есть бусы, которые можно снимать с нитки, а потом надевать обратно, — заметила девочка.

— Да, и их нельзя путать с бабушкиным жемчужным ожерельем, — произнесла Софи, многозначительно взглянув на Марию.

Подбородок Фло задрожал, она плотно зажмурила глаза.

— Только не рассказывай про жемчуг, — попросила девочка.

— Мы знаем, что ты не нарочно, солнышко, — сказала Софи, усаживая Фло к себе на

колени. Она погладила дочку по голове, заправила в косичку выбившиеся пряди. Саймон — высокий для своих десяти лет — прижался к матери, одной рукой обнимая ее за шею. Мария смотрела на Софи и ее детей и думала о том, как сильно они привязаны друг к другу. Детям было хорошо с матерью, а ей — с ними. «Интересно, какой матерью буду я? — подумала она. — Такой, как Хэлли, или как Софи?» Хэлли, казалось, всегда испытывала неловкость, если ей приходилось обнимать и целовать своих детей, однако у Софи это получалось совершенно естественно.

Внезапно Фло замерла, потом беззвучно прошептала: «Папа!» Они с Саймоном бросились к входной двери.

— Шестое чувство, — сказала Нелл.

— Да, когда дело идет об их отце, — согласилась Софи, лучезарно улыбаясь. — Не знаю, может, они видят свет фар или слышат, как шины шуршат по дороге. А вот и он!

Вслед за Фло и Саймоном Софи подошла к двери кухни поцеловать Гордона.

Мария потягивала свое вино. Она заметила, что Нелл пытается встретиться с ней взглядом, однако делала вид, что ничего не происходит. Действительно, отношения в семье Литтлфильдов казались какими-то приторно-сладкими, да еще и это — как его назвать? — слепое преклонение Софи перед Гордоном, но что тут такого уж плохого? Нелл не знала о том, что у Софи был выкидыш, и именно поэтому неправильно трактовала ее поведение в последнее время. Мария вскользь улыбнулась Нелл, никак не отреагировав на ее поднятые брови и ироническую улыбку.

— Цыплятки мои, — сказал Гордон, обнимая Софи и детей. — Скучали по вашему папе?

Марию встревожило то, что на его вопрос ответила одна Софи.

— Да, — прошептала она, прижавшись к его плечу.

Гордон поднял взгляд и, поверх головы жены, посмотрел на Марию и Нелл. Отсутствие выражения в его карих глазах заставило Марию почувствовать себя так, будто она подсматривала за ними: казалось, его не интересует ничто и никто, кроме его семьи. Губы Гордона медленно растянулись в улыбке. Он выпустил из объятий Софи и подошел к кухонному столу.

— Добрый вечер, дамы! — поздоровался он.

— Привет, Гордон! — хором ответили они. Энди уронил ложку на колени Нелл.

— Как насчет бокала вина, дорогой? — спросила Софи, направляясь к столу с бутылкой в руках. — Мы решили немного выпить.

— С удовольствием. Сегодня был трудный день, — отозвался Гордон.

— Приезжал твой поставщик? — спросила Мария.

— Поставщик? Какой поставщик? — переспросила Софи, наполняя бокал для мужа.

Услышав вопрос, Гордон весь покраснел и торопливо глотнул вина. Мария ждала, что он ответит Софи, однако он молчал. Софи стояла в голове стола, пронзая взглядом то мужа, то сестру.

— Какой поставщик? — снова спросила она.

— Из «Кросби-Тулз», — наконец ответил Гордон.

— А ты откуда это узнала? — спросила Софи Марию.

В ее голосе прозвучала угроза, однако Мария решила обратить все в шутку. С широко распахнутыми глазами она развела в стороны руки, как некто, пойманный на месте преступления и изображающий невиновность. Однако Софи не сдвинулась с места. Ее

фигура угрожающе нависала над Марией. С руками, упертыми в бока, она напоминала тюремную надзирательницу.

— Я встретила Гордона сегодня утром, в кафетерии Кэти, и он сказал мне, — ответила Мария.

— Так-так, — произнесла Софи, стоя неподвижно.

Что это было? Ревность? Скорее всего, Софи хочет показать Гордону, что ревнует, чтобы польстить ему, решила Мария. Она вспомнила, как однажды в Париже сделала вид, будто ей сильно докучают ухаживания одного симпатичного археолога из Сорбонны. Это весьма благотворным образом сказалось на непомерном эго Альдо. Но Гордон же ее зять! Софи должна была бы знать, что Мария никоим образом не посягает на него. Действия Софи казались наигранными, она вела себя как студентка актерского факультета, которой поручили роль ревнивой жены. Это казалось неподобающим, недостойным ее сестры — и Мария переключила внимание на Энди. Резкие перемены настроения Софи — даже с учетом выкидыша — начинали раздражать Марию.

Тут, под руку с Питером, в дом вошла Хэлли.

— А вот и я! — воскликнула она. На ней была черная норковая шубка, которую Малькольм подарил жене в свое последнее Рождество. Мех сбился и потускнел, когда Хэлли прошла мимо, Мария почувствовала запах нафталина.

— Ты замечательно выглядишь! — сказала Нэлл, вставая, чтобы поцеловать ее.

— Спасибо, дорогуща. Вчера я ее достала, чтобы надеть в театр, — Хэлли произнесла «теа-а-атр», — а сегодня подумала, зачем прятать ее обратно?

Все, даже Софи, улыбнулись и обменялись озорными взглядами; ни для кого не было тайной, что вчера Хэлли побывала на свидании.

— Может, расскажешь нам о нем? — попросила Мария.

— Это мистер Портер, — ответила Хэлли, выпрямив спину. Она поправила волосы, свернутые в тугий узел на затылке. — Вы знаете мистера Портера — он раньше работал в банке.

— Ты называешь его «мистер»? — поинтересовалась Софи.

— Я называю его Джулиан, — отрезала Хэлли. — Но мы с ним только друзья. Его жена скончалась три года назад, и он все еще в трауре. В глубоком трауре. Думаю, во мне он нашел сочувственного слушателя. Мы часами говорим о Малькольме и Элизабет. Мы оба — старые развалины.

— Техника соблазнения из дамских романов, — прошептала Софи на ухо Марии, из чего та сделала вывод, что приступ ревности — или что там это было — прошел.

— Я его помню, по банку, — сказала Нелл. — Очень эффектный мужчина — правильно? Всегда в красивом костюме, а из кармана торчит шелковый платочек.

— Да, это он, — согласилась Хэлли; торжествующая улыбка выдавала ее с головой.

— Ну что, Гордон, как там твой магазин? — спросил Питер, всегда начинавший нервничать, когда доходило до семейных сплетен. Он предпочитал говорить о бейсболе, политике, событиях в мире — вещах более глобальных и менее личных. Мария с трудом подавила желание протянуть руку и взлохматить его аккуратно приглаженные волосы.

— Сам знаешь, стоит только набить полки краской оттенка «зеленый сафари», от которого все с ума сходили в прошлом сезоне, «Дом и сад» или еще какой-нибудь чертов журнал объявляет, что ставни и наличники должны быть серовато-синими. Знаешь, сколько заказов на серо-синюю краску я получил на этой неделе? Причем пропорция должна быть

точной, и синяя краска совершенно определенного тона — ну и конечно, она у нас кончилась.

— А покупатели ведь не будут дожидаться, пока ты закажешь еще, — заметила Софи.

— Само собой не будут, — сказал Гордон. — Они отправляются напрямик в магазин Маньяно, в Вестерли. В прошлую субботу я видел, как трое моих покупателей заходили туда. Я говорю о старых клиентах, у которых в моем магазине открыты счета. Да, постоянство в наше время — редкая штука.

— Твой отец умер бы от расстройства, узнай он, что Кларки отовариваются у Маньяно, — заметила Софи.

— Поэтому я и стараюсь не подпускать родителей к магазину, — ответил Гордон.

— А ты, выходит, дежурил у дверей конкурентов? — спросил Питер, зачерпывая с блюдца горсть орехов. Мария улыбнулась. Промышленный шпионаж: Гордон прячется на переднем сиденье их семейного автомобиля, натянув шапку чуть ли не до глаз, и следит за тем, как его клиенты входят в магазин Маньяно с пустыми руками, а выходят с коричневыми бумажными пакетиками, наполненными шурупами и болтами.

— Да, приходится держать руку на пульсе, — произнес Гордон; голос его прозвучал серьезно, поэтому никто не нашелся, что ответить.

— Мария, приготовишь заправку для салата? — спросила Софи, поворачиваясь к длинному кухонному столу.

— Ту, с секретными травками? — поинтересовался Саймон.

— Конечно, — отозвалась Мария. У Саймона были те же каштановые волосы и длинные ноги, что и у его отца. Наверняка через пару лет он догонит Гордона по росту. Опережая Марию, мальчик бросился собирать на кухонном столе зеленую стеклянную миску, мутовку, уксус, настоящий на эстрагоне, и свежее оливковое масло в бутылочке, по форме напоминающей обелиск.

— Какой ты у нас помощник, — сказала Софи, отойдя назад и глядя на сына. По сдержанному тону сестры Мария поняла, что ответа она не ждет.

Мария нарочито повернулась спиной ко всем остальным, чтобы Саймон считал, будто секрет заправки она доверяет только ему. Положила в миску нужные ингредиенты: горчицу в порошке и горчичные зерна, несколько веточек тимьяна, росшего у Софи в ящике под окном, ложку жирных сливок, потом взбила все это вместе с маслом и уксусом. Остальные члены семьи беседовали у нее за спиной, и Мария на мгновение почувствовала себя школьницей, приехавшей домой на каникулы. София приоткрыла духовку и вилкой на длинной ручке проверила, готов ли цыпленок; поток горячего воздуха ударил по коленям Марии.

— Готово, — сообщила Софи. — Саймон, отойди, горячо.

Стегаными рукавицами-прихватками — одна в форме лобстера, другая в форме акулы — она вытащила из духовки оранжевую эмалированную утятницу и поставила ее на пробковую подставку. Наклонившись, чтобы вдохнуть запах цыпленка, Мария почувствовала, как Софи ухватила ее за шею.

— Я кусачая акула! — воскликнула она, смыкая челюсти рукавицы-акулы на шее сестры, потом поцеловала Марию в щеку.

— Я накрою на стол, мамочка, — сказала Фло.

— В столовой, Фло, хорошо? — ответила Софи.

— Папе надо есть поменьше соли, от соли у него лицо становится красным, —

тайнственным шепотом сообщил Марии Саймон.

— Думаю, всем нам надо есть поменьше соли, — сказала Мария, обожавшая маринованные огурчики, соленые орешки и крендельки. Но вряд ли стоило сообщать племянникам о своей любви к вредной еде.

Именно ее так не хватало в Перу. Они с Альдо питались картошкой, печеными яблоками, баклажанами и кусками странного мяса, жаренного в жире.

К столу подошла Нелл, держа на руках Энди.

— Давайте я помогу, — предложила она. Поскольку это был семейный ужин, все, кроме Питера, приехавшего прямо с работы, и Хэлли, всегда носившей плаття, были в джинсах и свитерах.

— Отдохни лучше, — предложила Софи, усаживая ее за кухонный стул. — Когда Фло и Саймон были в этом возрасте, я использовала любой предлог, чтобы посидеть. А еще лучше — полежать.

— Спасибо, — поблагодарила Нелл. — Каждый раз, когда я его поднимаю, он весит на фунт больше — совершенно точно.

Гордон подошел к столу, обнял Софи за плечи и зачерпнул из утятницы ложку соуса.

— Мама, сколько у нас будет вилок? — донесся голос Фло из столовой.

— Подожди минутку, — отозвалась Софи. — Пойду помогу ей, — сказала она Гордону. Приподнявшись на цыпочки, она поцеловала его в подбородок. Мария не могла не заметить блеск в глазах сестры и короткий взгляд, который она бросила, чтобы убедиться, что Мария видела этот поцелуй.

— Надо же, шестилетняя девочка спрашивает, сколько вилок потребуется для ужина, — заметила Мария. — В ее возрасте я считала, что класть нож лезвием к ложке неправильно — лезвие должно смотреть наружу, для защиты.

Гордон хихикнул, снова зачерпывая ложкой соус. Мария оглядела кухню. Питер и Хэлли обсуждали пьесу Брехта, которую та посмотрела, Нелл пыталась привлечь внимание Энди к пуговицам на своей рубашке. Мария наклонилась к Гордону и тихо, чтобы не услышали остальные, произнесла:

— Я очень сочувствую вам. Из-за ребенка.

— Какого ребенка? — спросил он.

— Вашего. Которого Софи потеряла, — сказала Мария.

Гордон опустил ложку и, холодно глядя Марии прямо в глаза, сказал:

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

Вечер, начинавшийся столь приятно, превратился для Марии в настоящий кошмар. Привычные действия — ужин, беседа, передвижения по комнатам в доме Софи — разворачивались словно в замедленной съемке. Мария слышала, как Питер и Хэлли обсуждают квалификацию Бена Твайнинга, нового судьи, смотрела, как Саймон попытался наколоть на вилку маринованную луковку и она отскочила на другой конец стола. Софи и Нелл накладывали еду, наливали вино, ходили на кухню за хлебом и маслом. Мария ела, изредка роняя слова. Она была словно в кошмарном сне: знакомые вещи казались ей пугающими, и давило предчувствие страшного финала.

«Как она могла солгать мне?» — думала Мария, глядя на сестру. Софи с аппетитом поглощала цыпленка: отрезала небольшие кусочки и тщательно прожевывала их, потом промокала рот клетчатой салфеткой. На ее губах порхала легкая улыбка. То и дело она наклонялась к Фло, помогала ей резать мясо, уговаривала съесть еще немного моркови. В

своей новообретенной полноте, преисполненная терпеливого внимания к Фло и Саймону, Софи казалась воплощением материнства. Как же она могла выдумать историю о третьем ребенке, девочке, которую она собиралась назвать Марией и которая умерла у нее в животе?

На Гордона слова Марии, казалось, не произвели никакого впечатления. Он, Саймон и Питер обсуждали постройку домика на дереве.

— Тебе не понравился цыпленок? — спросила Софи. Лишь спустя несколько секунд Мария поняла, что вопрос был адресован ей.

— Да нет, все очень вкусно, — ответила Мария. Она знала, что голос ее прозвучал как обычно, однако Софи продолжила:

— Ты, наверное, привыкла к цыплятам прямо с фермы, — сказала Софи. — Мы с Гордоном подумываем купить несколько несушек.

— Сделайте одолжение, даже не думайте об этом! — воскликнула Хэлли. — Помните, когда вы были маленькими, мы купили несколько кур и этого ужасного петуха?

Мария вспомнила, как петух, ни свет ни заря, принимался кукарекать. Той весной им с Софи поручили собирать яйца, ей нравилось запускать руку в теплую солому, на которой сидела коричневая курица, и доставать из-под нее одно-два темных, в крапинку яйца.

Но есть их — это было отвратительно: во многих было по два желтка, более темных, чем у яиц, которые они покупали в магазине, а в некоторых попадались даже полностью сформировавшиеся куриные зародыши, с клювиками и перьями.

— Они загадили весь двор, — сказала Хэлли, морщась при одном воспоминании об этом, — отвратительно было смотреть, как они едят гравий.

— Это совершенно естественно, — твердым тоном заявила Софи. — Мы с Гордоном считаем, что для детей было бы полезно разводить кур. Им надо видеть реальную жизнь — и не только по телевизору.

— Ну и что полезного в том, чтобы бегать за курами по всему двору? — сказала Хэлли. — Лучше уж купите им собаку.

После обеда Софи отправила всех в гостиную, где крутила рукоятку радиоприемника до тех пор, пока не наткнулась на соло на саксофоне в исполнении Уорлока Дельвина.

— Устраивайтесь поудобнее, а мы с Гордоном приготовим кофе, — сказала Софи.

Нелл положила голову на плечо Питера. Они оба, а также Мария и Хэлли, смотрели на Фло и Саймона, как те читают Энди «Варвара».

— Хотела бы я, чтобы Альдо был здесь, — заметила Хэлли.

— Мама... — перебила ее Мария. Она не хотела снова говорить об Альдо.

— Извини, извини, — сказала Хэлли. — Но он такой очаровательный и занятный! Он всегда так интересно рассказывал о раскопках в Перу, в Египте — повсюду!

— Я тоже там была, — негромко произнесла Мария.

— Если бы ты осталась там и продолжала работать с ним, кто знает, как далеко продвинулась бы твоя карьера, — возразила ей мать.

Всю свою жизнь Хэлли страшно переживала об упущенных возможностях, которые могли сделать ее или ее детей знаменитыми, более счастливыми и более успешными. Возможно, она думала, что без Альдо ее дочь вообще откажется от работы и будет целыми днями болтаться по магазинам или смотреть телевизор.

— Мария отлично справится сама, — сказал Питер.

Мария ответила брату благодарной улыбкой.

— И вообще, это Альдо надо думать о том, как он обойдется без нее, — сказала Нелл.

Энди подобрался к ее ногам и играл со шнурками, повторяя слово «Альдо». «Альдо, Альдо, Альдо», — твердил он снова и снова, явно довольный тем, как оно звучало.

— Зачем вообще говорить о нем, — недоумевала Мария и посмотрела на дверь, удивляясь тому, как долго нет Софи и Гордона.

— Вы столько лет проработали вместе, — заметила Нелл. — Может, без тебя он даже потеряет место. Вы ведь были командой, правильно?

— Правильно, — ответила Мария. Вместе они разрабатывали планы раскопок, а потом Альдо принимался за улаживание важных вопросов. Он постоянно вел телефонные переговоры или ездил на встречи. Он был слишком занят, чтобы собственно копать, день за днем разгребать грязь. Да, Альдо любил раскопки, однако у него был настоящий талант к административной работе, и никто не мог его заменить, так что Мария была вынуждена заниматься практической стороной дела.

— Уверена, что его ассистент отлично заменит меня, — сказала Мария. Однако Нелл была права: никто, даже сам Альдо, не знал раскоп в Шаван де Хуантаре лучше, чем она.

— Главное, не забывай, кто дал тебе старт, — предупредила Марию Хэлли.

Конечно, она имела в виду Альдо, забывая при этом, что к моменту встречи с ним Мария практически закончила Кембридж и участвовала в раскопках Ноттингемского аббатства и одного из древнегреческих поселений. Мария упорно смотрела на Саймона и Фло — они пытались привлечь внимание Энди к коробке с шашками и оторвать его от шнурков в туфлях Нелл.

— Ну и где же кофе? — спросила Хэлли.

— Я сейчас узнаю! — воскликнул Саймон. Он вскочил на ноги и выбежал из комнаты, Фло бросилась за ним.

Однако Гордон перехватил их. С извиняющейся улыбкой на лице он вошел в гостиную, держа одну руку на плече дочери, другую — на плече сына.

— У Софи страшно разболелась голова, — сказал он. — Мне очень жаль, но она попросила меня извиниться и сказать, что кофе сегодня не будет.

— Так сильно болит? — поинтересовалась Хэлли, нахмурясь.

— Ну, она думает, что это мигрень, — ответил Гордон.

— Бедняжка, — сказала Хэлли. — Наверное, все дело в красном вине, в котором потушили цыпленка. А может в шоколаде. Она ела шоколад?

— Уверен, с ней все будет в порядке, — сказал Гордон, похлопывая Хэлли по плечу.

Мария гнала машину по дороге. Думая о Софи и Гордоне, она начинала нервничать и от этого еще сильнее давила на газ. Возможно, в этот момент они ссорились — по ее вине. Она упомянула о выкидыше только потому, что хотела выразить Гордону свое сочувствие. Ей всегда казалось, что муж Софи держит ее на расстоянии вытянутой руки, и она пыталась показать ему свою симпатию, чтобы пробудить в нем ответное чувство. Теперь Мария знала, что сестра солгала ей, чтобы оправдать свои поступки: воровство и то, как она обращалась с Фло. А раз не было выкидыша, не было и оправдания ее чудовищным словам, сказанным в библиотеке.

На полпути к Скво-Лэндинг Мария поняла, что должна немедленно поговорить с Софи. Она остановилась у заправочной станции, где был телефон-автомат. Линия оказалась занята. Мария развернулась и поехала назад. Она не знала, что скажет сестре; ей лишь нужно было поцеловать Софи, дать ей понять, что она все равно любит ее — несмотря ни на что.

Участок Литтлфильдов занимал четыре акра земли; к нему вела длинная подъездная дорога, окруженная живой изгородью. Мария въехала во двор. Дом был погружен во тьму. Внезапно она увидела, что в полной темноте по двору бегают Саймон и Фло. Она решила было, что они веселятся, гоняясь друг за другом в порыве радости, однако в следующий момент поняла, что дети охвачены ужасом. Мария бросилась к ним через двор, схватила за руки и держала, пока они не перестали вырываться. Несмотря на холодную погоду, они были без курток.

— Саймон, Фло, — говорила она, обнимая их. Они пытались вырваться, убежать, но она держала крепко. — Что случилось?

— Мы не скажем, нам нельзя! — выкрикнул Саймон и резким рывком освободил свою руку.

— Фло? — обратилась Мария к девочке, обнимая ее. Фло только всхлипывала. Мария подняла ее на руки и пошла к дому.

Неужели именно здесь только что проходил их семейный ужин? Все лампы были потушены. Марии показалось, что она слышит голоса родных — они попрощались каких-то полчаса назад.

Однако голоса действительно были слышны: они доносились из спальни Софи и Гордона. Судя по спокойному тону, ее сестра с мужем не ссорились.

— Пожалуйста, отпусти меня, — вдруг зашептала ей на ухо Фло. — Я не хочу туда.

— Твои родители поругались? — шепотом спросила Мария. — Поэтому вы так расстроились? — Она боялась вторгнуться в супружескую спальню и нарушить какую-нибудь романтическую сцену между Софи и Гордоном. С другой стороны, Мария была по-настоящему напугана. В последний раз она испытала такое же чувство, когда во время раскопок шаванского захоронения они с Альдо ощутили запах крови, а в следующее мгновение обнаружили труп мужчины с перерезанным горлом: скорее всего, это был грабитель, пытавшийся похитить древние сокровища.

— Иди к себе в комнату, — приказала Мария Фло. — Я зайду к твоим маме и папе, а потом приду к тебе, пожелать спокойной ночи.

— Не ходи туда, — умоляла девочка.

Не пытаясь успокоить ее, Мария бросилась по коридору к спальне Софи. Сквозь

приоткрытую дверь пробивался лучик света. Мария услышала голос Гордона — монотонный, точь-в-точь как тот, которым Софи говорила с дочкой в библиотеке.

— Жалко, что дети останутся без матери, — говорил этот голос. — Как печально будет вести их на твои похороны. А потом развеивать твой пепел у нас по двору. Мы оставим немножко пепла, чтобы высыпать его в реку. Ты же хочешь, чтобы тебя кремировали? Так ты говорила?

В ответ послышался хрип. Звук был глухой, полный ужаса и отчаяния. Мария никогда не слышала ничего страшнее; слезы набежали ей на глаза и потекли по щекам, когда она представила себе сестру с перерезанным горлом. Мария бросилась в гостиную и схватила лежавшую у камина кованую кочергу, потом бегом вернулась назад. Она заглянула в дверь, готовясь увидеть нечто ужасающее.

Софи, в розовой ночной рубашке, сидела на стуле напротив Гордона — он стоял, опираясь на туалетный столик. Ее лицо было бледным и опухшим, как будто она долго плакала.

— Ты хочешь, чтобы тебя кремировали, Софи? — повторил Гордон. — Скажи мне сейчас, чтобы я знал.

Софи покачала головой и снова захрипела. Ее рука слабо потянулась к шее, потом упала.

Мария ворвалась в комнату. При виде сестры глаза Софи расширились от страха, и она отвернулась, пристыженная. В комнате стоял сильный запах духов и мочи. Гордон повернулся к Марии со своей мальчишеской улыбкой.

— Ой! Поймала на месте преступления, — дурачась, сказал он.

— Отпусти ее, — твердо заявила Мария, сжимая в руке кочергу.

— Отпустить? — по-прежнему улыбаясь, спросил Гордон. — Я ее не держу. Ей это нравится.

— Софи? — Мария повернулась к сестре, почувствовав внезапную боль в груди. К бледным щекам Софи прилила кровь; она слабо улыбнулась.

— Софи, пойдем со мной, — попросила Мария, подходя к ней. Шею Софи обхватывал тонкий, туго затянутый шнурок. — Давай же, вставай!

— Все в порядке, — хрипло произнесла Софи, с трудом выдавливая из себя слова. — Оставь нас.

— Ты ее слышала, — произнес Гордон, теперь уже враждебно. — Или хочешь остаться и посмотреть?

— Встань и дай мне убедиться, что с тобой все хорошо, — сказала Мария. Она твердо решила не уходить, пока не увидит все своими глазами. Она не могла поверить, что сестра позволяет мужу делать это с ней. Мария понимала, что, заставляя Софи признать себя равноправным участником этой дикой сцены, она унижает ее.

Софи с трудом поднялась со стула — в ее глазах читался вызов.

— Пожалуйста, — промолвила она. Ночная рубашка соскользнула с ее плеча, и Мария увидела свежие синяки и тонкую струйку крови, бежавшую из-под врезавшегося в шею шнурка.

— Спокойной ночи, — сказала Мария и вышла из комнаты. Кто-то — Гордон или Софи — захлопнул дверь у нее за спиной. Она направилась прямо в комнату Фло: девочка лежала на одном конце кровати, Саймон сидел на другом.

— С мамой все в порядке? — спросил Саймон.

Мария понятия не имела, что на это ответить.

— С ней все будет хорошо, — уклончиво сказала она.

— Только не уходи, — попросила Фло. — Ладно?

Ощущая себя самозванкой, Мария остановилась в дверях.

— Почему папа делает маме больно? — спросил Саймон.

— Он так показывает, что любит ее, — сказала Фло.

Слова Фло вывели Марию из оцепенения.

— Это не любовь, — не сдержавшись, сказала она. Потом скомандовала: — Берите пижамы. Переночуете сегодня у меня.

В машине дети уснули; когда подъехали к дому, Марии пришлось их разбудить. Она взяла Фло на руки, Саймон молча пошел за ними. Высоко в небе плыла луна, на черной поверхности моря серебрилась лунная дорожка. Правой рукой прижимая к себе Фло, Мария отперла дверь. Войдя в дом, она заложила засов.

Лунный свет затапливал пустой дом. Казалось, что в нем витают привидения; чтобы избавиться от этого ощущения, Мария зажгла все лампы. Она собиралась приготовить какао и тосты с корицей, однако дети зевали и терли глаза. Племянники в первый раз оказались в ее доме, однако слишком устали, чтобы осматривать его. Мария уложила их в кровать в гостевой спальне, поцеловала и пожелала спокойной ночи.

Оставшись одна и вспомнив все, что произошло, она на какое-то мгновение запаниковала. «Я похитила Саймона и Фло», — вслух произнесла она. Потом выглянула в окно, словно ожидала увидеть там красные сигнальные огни и вооруженных полицейских. За окном было темно, только черные силуэты деревьев раскачивались на ветру. Она собралась было позвонить Софи, сказать, что дети в безопасности, однако вместо этого набрала номер Питера и Нелл и попросила их как можно скорее приехать.

— Я сделала бы то же самое, — воскликнула Нелл, с порога обнимая Марию. Питер пошел наверх, укладывая Энди в переносную кроватку. Мария ощущала себя обессиленной, словно долго брела по дороге, сражаясь с порывами холодного ветра. Прижавшись к заспанной Нелл, вдыхая ее запах, она почувствовала, что дрожит.

— Дети были страшно напуганы, — сообщила Мария. — Не знаю, как много они увидели или услышали...

Питер спустился вниз; он был одет по-домашнему, в широкие вельветовые брюки и синюю рубашку под замшу. Глаза его, как и глаза Нелл, были сонными.

— Они еще не звонили? — спросил он. — Чтобы узнать, у тебя ли дети?

— Нет, — ответила Мария. Что, если Софи до сих пор не заметила их отсутствия? Воспоминание о том, что она видела и из-за чего Софи могла не знать, что ее детей нет дома, охватило Марию паникой. — Мы должны помочь Софи, — сказала она. — Думаю, нам надо поехать туда прямо сейчас, Питер.

— Не торопись, — ответил брат. — Софи сказала, что с ней все в порядке. Ты говоришь, она действительно хотела, чтобы ты ушла.

— Да, но я все равно думаю об этом. У нее на шее была удавка!

— Боже, неужели дети видели это?! — вскрикнула Нелл, вздрогнув.

— Что именно они видели? — спросил Питер. — Ты сказала, они бегали по двору в слезах, когда ты приехала. Господи, Мария! Это может преследовать их многие годы, а то и всю жизнь. Надеюсь, Софи и Гордон отдадут себе в этом отчет.

Мария почувствовала, что сейчас снова расплачется.

— Мы должны что-то предпринять, — настаивала она. — Прямо сейчас. Мы должны спасти Софи.

Нелл и Питер беспомощно смотрели на нее.

— Вы не были там, — твердила Мария, отчаянно жалея о том, что они не видели того, что видела она. — Я знаю, она действительно хотела, чтобы я ушла, но мне все равно страшно. Я боюсь за нее, Питер.

Питер взглянул сестре в глаза. Казалось, он только теперь начинает верить ей. Когда они были детьми, Мария и Софи часто дразнили Питера. Иногда они уверяли его, что его усыновили или что в его отсутствие вся семья говорит на другом языке. Выдумывали, что Софи на самом деле ему не сестра, а принцесса, которую Малькольм и Хэлли купили, чтобы женить на ней Питера, когда тот вырастет. Однако они всегда полагались на него как на мужчину — единственного в семье после смерти их отца. Когда Питеру исполнилось пятнадцать, он взял на себя ведение финансовых дел Хэлли.

Он вел обеих сестер к алтарю, когда они выходили замуж. Он всегда, как мог, заботился о них.

— Поехали, — сказал Питер.

— Я не уверена, что нам надо ехать, — возразила Нелл. — Мы не можем ворваться туда с обвинениями, раз сама Софи этого не хочет. Я переживаю за Саймона и Фло. Что они увидели? Они и вправду были так напуганы?

— Поверь мне, — сказала Мария, думая о Софи. Она не могла забыть, с каким вызовом смотрела на нее сестра. Это было самое ужасное: как Софи, которую Гордон унижал и мучил, пыталась заставить Марию поверить в то, что она сама этого хотела.

— Почему ты решила вернуться к ним после ужина? — спросила Нелл.

— Софи призналась мне, что у нее был выкидыш, — ответила Мария. — Но когда я выразила Гордону свое сочувствие, он заявил, что ничего об этом не знает. «А потом он наказал Софи за ее ложь», — подумала Мария, представляя себе развитие событий.

— Я чувствовала себя ужасно, когда Софи ушла к себе. Я решила, что они с Гордоном поссорились из-за того, что я ему сказала. Я никак не могла избавиться от этой мысли, у меня было какое-то нехорошее предчувствие. Я попыталась позвонить им, но ничего не вышло — трубка была снята.

— У нее правда был выкидыш, — сказала Нелл, нахмурившись. — Она меня просила никому об этом не говорить.

— Даже мне? — спросил Питер, уязвленный. Одной рукой он прикоснулся к своим усам.

— Она заставила меня пообещать ей. — Нелл взяла его руки в свои и улыбнулась. — Прости.

Питер ничего не сказал, однако по его глазам было видно, что он чувствует себя обманутым.

— Я еду к Софи, — сказала Мария, поднимаясь. — С ней может что-нибудь случиться. Мне вообще не надо было уезжать.

— Согласен, надо ехать, но сначала давай позвоним, — предложил Питер.

— Позвони в полицию, — произнесла Нелл.

Внезапно по потолку пробежала полоса света; они выглянули во двор и увидели, как гаснут фары автомобиля. Софи и Гордон направлялись к дому. Мария, Нелл и Питер молча

стояли у окна — словно невидимая стена, подумала Мария. Однако когда она увидела Софи, закутанную в теплую куртку, с намотанным на шею шелковым шарфом, ей захотелось броситься к двери и обнять ее.

— Мы приехали за Саймоном и Фло, — спокойно, с достоинством сказал Гордон, когда Мария открыла дверь.

— Давай-ка присядем на минутку, Гордон, — сказал Питер, похлопывая его по плечу. Софи так и стояла в дверях, уткнувшись в пол.

— Уже поздно, все мы устали, — ответил Гордон. — Дети наверху?

— Да, — сказала Мария; ей претило даже смотреть на него. Она не сводила глаз с Софи, надеясь, что та поднимет голову, но Софи по-прежнему смотрела в пол.

— Пойди заberi их, — обратился к Софи Гордон.

Замедленными, словно автоматическими движениями она начала подниматься по ступенькам. Питер встал у нее на пути. Он обнял ее; сейчас, когда она стояла у него в объятиях, нельзя было усомниться в том, что они — брат и сестра: это было видно по их росту, темным волосам, по теплоте, промелькнувшей между ними. Но Софи поспешила высвободиться и холодно посмотрела на Питера.

— Я иду за моими детьми, — резко сказала она.

— Софи, — позвала Мария, направляясь к ней. Однако сестра взглянула на нее с такой ненавистью, что она застыла на полпути.

— Мария сказала, что они очень расстроились. — Питер говорил размеренно и отчетливо, как адвокат в суде, а не как брат. — Они бегали по двору, и на них даже не было курток.

«В истерике», — подумала Мария, вспоминая, как дети носились в саду, обезумев от ужаса.

— И что, каждого ребенка, если он расстроится, забирают у родителей? — спросил Гордон. — Ваш Энди что, никогда не плачет? Вы у нас совершенства?

— Гордон, — мягко заметила Нелл. — Мы просто хотим поговорить. Мы все любим вас.

— Дай мне взглянуть на твою шею, — попросила Мария, делая шаг к Софи.

Софи смотрела вперед без всякого выражения. Гордон обнял ее за плечи. Поза была скорее защитная, нежели собственническая, Софи потянулась к мужу, словно нуждалась в нем, как ни в ком другом. Он подтолкнул ее вверх по лестнице.

— Неужели ты думаешь, что я причиняю зло своим детям? — спросила Софи. — Я же люблю их.

— Я знаю, что любишь, — сказала Мария. В первый раз Софи посмотрела ей прямо в глаза.

Этот взгляд был полон боли и любви. Потом Софи сбросила руку Гордона со своего плеча и пошла вверх по ступенькам мимо Питера. Гордон последовал за супругой. Через минуту они появились снова, каждый нес на руках спящего ребенка. Мария, Питер и Нелл стояли рядом. Никто не произнес ни слова; все только смотрели, как Литтлфильды идут через двор к своей машине.

Утро следующего дня Мария провела, сидя дома у окна, в халате и тапочках, отделанных шерстью альпака. Рядом с ее креслом громоздилась стопка книг, взятых в библиотеке. «Сказки индейцев пеко» лежали у нее на коленях, однако она смотрела не в книгу, а на море, туда, где на западе виднелись острова Духов. Солнце, поднимаясь над полуостровом, на котором стоял ее дом, окрасило море в глубокий синий цвет и позолотило прибрежные гранитные скалы.

Мария думала о Софи, но не о том, что случилось вчера вечером. Одно воспоминание заставило ее улыбнуться — и она раз за разом прокручивала его в своем воображении.

Однажды летом — Мария и Софи учились тогда в колледже — они участвовали в плавании на исследовательском океанографическом судне «Наррагансет». Корабль отплывал из Вестерли — это была стофутровая стаксельная шхуна с дизельным мотором, оборудованная под лабораторию, предназначенная для забора образцов воды с разных глубин и оснащенная гидрофонами для наблюдения за миграцией и брачными играми горбатых китов. На ее борту плыли пятнадцать студентов и семеро членов экипажа, направляясь к берегу Георга. Когда шхуна выходила из порта, все они стояли на палубе, и ветер дул им в лицо. Софи убрала волосы под кепку с эмблемой команды «Ред Сокс», ее кожа была ровного золотистого цвета, поскольку весь весенний семестр она загорала гольшом на крыше их общежития. Мария той весной не успела загореть и уже чувствовала, что ее лицо становится красным.

Через час, когда корабль вышел в открытое море, у нее началась морская болезнь.

— Ты в порядке? — спросила Софи. Мария покачала головой.

Нос корабля то задирался вверх, то нырял вниз. Несмотря на безоблачный июльский день, за пределами гавани мелкие волны превратились в десятифутовые валы.

— Смотри на горизонт, тогда будет легче, — послышался мужской голос. У голоса был легкий крэнстонский акцент, а принадлежал он веснушчатому студенту с вьющимися золотисто-рыжими волосами, светлыми ресницами и голубыми глазами, неотрывно смотревшими прямо на Софи.

— Лучше сразу покончить с этим, — сказала Софи. — Ну ты понимаешь, о чем я говорю, Мария. Давай, сделай это.

Мария перегнулась через борт, и ее стошнило; после чего стало казаться, что мир вокруг крутится, и ей захотелось немедленно прилечь. С трудом она добралась до своей койки, краем уха услышав, как студент представился ее сестре: его звали Джек Фрейзер.

Следующие двадцать четыре часа Мария и еще несколько студентов провели, ощущая себя тяжело, если не смертельно, больными. Лежа на койке и борясь с тошнотой, Мария слушала стоны других страдальцев. Немного позже пришла Софи и принесла ей соленые орешки. Мария чувствовала себя крайне несчастной, при этом она раздражалась на сестру за то, что та была в полном порядке. Софи пыталась казаться заботливой, как хорошая медсестра, однако глаза ее так и блестели. Казалось, она вся светится.

— Он отличный парень, — говорила Софи, локтями упираясь в край койки Марии. — Ночью мы с ним залезли в «воронье гнездо» и там все друг другу рассказали.

— В «воронье гнездо»? Как вы туда забрались? — спросила Мария. Она думала, что, если притворится, будто ей интересно, ей и правда станет интересно и живот перестанет

крутить. У нее было смутное впечатление, что «воронье гнездо» находится на главной мачте, где-то в семидесяти пяти футах над палубой.

— По такелажу. С ним мне не было страшно. Вот станет тебе получше, полезешь с нами.

— Это будет первое, что я сделаю, — слабым голосом откликнулась Мария.

— Слушай, пора тебе прекращать болеть и выбираться на палубу. Мы уже видели первого кита.

— Черт, пропустила! — сказала Мария. Она ощутила острое разочарование, но с этого момента начала чувствовать себя лучше. Вечером она смогла выйти на палубу посмотреть на закат.

— Привет, Мария, — сказал ей Джек. Одной рукой он обнимал Софи за плечи; ее кепка красовалась у него на голове.

— Привет, — откликнулась Мария. — Где мы? Видели еще китов?

— Плыдем к берегу Георга — будем там завтра, — отчеканил Джек.

— Кит был потрясающий, — сказала Софи. — Самка, с детенышем. Проплыли у самого борта. Здорово было, правда, Джек?

— Точно, — ответил он.

Было ясно, что за то время, пока Мария мучилась морской болезнью, Софи и Джек влюбились друг в друга. Они стояли рядом и использовали любой предлог для того, чтобы прикоснуться друг к другу. Научный руководитель, худой, серьезный студент-выпускник, проходя мимо, спросил, почему их интересует океанология. Джек ответил, что собирается стать морским биологом. Софи и Мария сказали, что просто любят море.

Над их головами в небе парили огромные паруса шхуны. Когда студент спросил, не хотят ли они пойти в лабораторию и послушать записи голосов горбатых китов, согласилась одна Мария. Софи и Джек пошли на корму, смотреть на пенистый след, тянущийся за кораблем, в котором с приходом ночи начал светиться флуоресцирующий планктон.

Джек стал для Софи любовью всей ее жизни. К Рождеству они уже были обручены. По выходным они готовили экзотическую еду на маленьком гриле в их комнатах в общежитии и занимались любовью повсюду, где была возможность. Им было весело вместе. Джек гордился невестой и посещал все концерты музыкального факультета, в которых она принимала участие. Так было до тех пор, пока Софи не создалась, что не хочет больше петь — тогда он ответил, что она может бросить пение, если оно не приносит ей радости. Джек любил Софи всей душой, — безгранично, безоговорочно.

Их помолвка продлилась три года, за это время они окончили колледж, а Джек еще и поступил в аспирантуру. Им пришлось выдержать давление со стороны семей: родители Джека, католики, были не слишком рады получить в невестки последовательницу англиканской веры, которая к тому же много лет не была в церкви. Во время знакомства с Хэлли Джек на пару с Софи выпил слишком много пива, и Хэлли никак не могла ему этого простить. Однако любовь их не ослабевала, по крайней мере это никак не проявлялось вплоть до того дня, когда Джек позвонил Софи и объявил, что разрывает помолвку, так как полюбил другую.

Сердце Софи было разбито. Сидя в своей гостиной на Скво-Лэндинг, Мария вспоминала агонию сестры. Несколько недель Мария не отходила от нее ни на шаг. Она обнимала Софи, а та сотрясалась в рыданиях и беспрерывно говорила о Джеке. Она никак не могла понять, почему он ее бросил. Софи хотела знать, кто эта женщина, где Джек

познакомился с ней и как он мог полюбить эту другую сильнее, чем ее. «Он просто ублюдок», — сказала Мария, готовая убить мужчину, причинившего такую боль ее сестре.

«Не говори так», — ответила Софи. Она никому не позволяла критиковать Джека. Она думала, что никогда больше не встретит такого человека, как он, который разделял бы все ее интересы и любил ее такой, какая она есть. Софи призналась сестре, что привыкла разочаровывать людей — в первую очередь Хэлли, подумала Мария, — и теперь боится, что никто и никогда не будет любить ее так, как Джек.

Мария знала, что это такое — пытаться понравиться их матери, нравиться учителям в школе, преподавателям в университете, мужчинам, и искренне сострадала сестре. Сейчас, годы спустя, ее поразила мысль о том, что Софи была права. На мгновение отвлекшись, она подумала, что и Альдо никогда не любил ее безоговорочно, но ее мысли тут же вернулись к Софи. Софи и мужчине, за которого она вышла замуж через три года после разрыва с Джеком — Гордону.

Мария вспомнила, что была в Англии, когда Софи впервые написала ей о Гордоне. Письмо было полно прилагательных: «замечательный», «красивый», «преуспевающий», «сильный», «страстный». Софи писала, что родители Гордона живут в нескольких милях от города, в том же доме, где он вырос, что Гордон — владелец магазина инструментов Литтлфильда, что они познакомились на танцах в яхт-клубе и за несколько дней влюбились друг в друга. Мария вспомнила, как забавно Софи описывала «головокружительные» физические данные Гордона: его роскошные каштановые волосы, широкие плечи, грудь, волосатую именно настолько, насколько нужно, то, какой он прекрасный любовник. Софи считала очень трогательным, что человек с образованием Гордона — дипломом Принстонского университета — взял на себя управление отцовским магазином инструментов, и все потому, что родители всегда рассчитывали на него.

В письме Софи не сравнивала Гордона с Джеком. О Джеке она вообще не упоминала.

Марии и Альдо не удалось приехать на свадьбу — раскопки в Гастингсе были в самом разгаре — зато они отправили в подарок восхитительный георгианский чайный сервиз. Увидев его стоимость, Альдо встал на дыбы. Он уже собирался устроить сцену в итальянском духе прямо в небольшом антикварном магазине, где продавался сервиз, однако Мария объяснила — спокойно, без слез, — что у нее только одна сестра и что, раз уж работа Альдо не позволяет им приехать к ней на свадьбу, подарок должен быть фантастическим.

Мария так и не простила Альдо, что его раскопки и съемочная команда BBC не позволили ей занять законное место подружки невесты. Софи страшно расстроилась; Мария была уверена, что Гордон затаил на нее обиду.

То, как Гордон держится на расстоянии, всегда казалось Марии странным, в особенности с учетом того, как рада она была его появлению в жизни сестры. Мария считала, что Гордон помог Софи забыть Джека. Однако ей — в отличие от Софи — так и не удалось убедить себя, что Гордон любил ее сестру так же сильно, как Джек — даже сильнее, если учесть и то, что он на ней женился.

Было уже десять часов утра, а Мария так и сидела у окна в халате. Пять раз она пыталась дозвониться до Софи, но трубку никто не брал. Не отвечал телефон и у Нелл. Мария не могла заставить себя подняться, одеться, как-то спланировать свой день. Единственное, что ей хотелось сделать — поговорить с Софи или, по другим причинам, с Нелл, однако это ей никак не удавалось. Телефон зазвонил. Она схватила трубку в надежде, что это Софи.

— Хочешь пройтись на лодке? — предложил мужской голос.

— Дункан Мердок? Это ты? — спросила Мария.

— Ага. Эрни Пратт хочет продать свою лодку. Она стоит у причала, а добираться туда надо как раз мимо тебя.

Мария задумалась. Можно было слоняться по дому, заново переживая события прошлой ночи, или поплавать на лодке. На спокойной поверхности моря играли солнечные блики.

— С удовольствием взгляну на нее, — сказала она. — Мне подъехать к причалу?

— Я сам заеду за тобой, — отозвался Дункан. — Примерно через час.

— Договорились, — произнесла Мария. Час спустя она поняла, что не знает, приедет Дункан на машине или на лодке. Мария встала сбоку от дома, чтобы держать в поле зрения и подъездную дорогу, и бухту.

Дожидаюсь Дункана, она машинально сунула руку в карман куртки и обнаружила там свою лопатку и кисть. В последний раз она использовала их в Перу, на раскопках захоронения, где они с Альдо нашли три нетронутых сосуда для жертвоприношений в форме ламы. Индейцы племени шавантов наполняли их смесью жира и крови ламы, а потом закапывали на пастбищах, чтобы земля сохраняла плодородие. Распустившиеся у порога крокусы напомнили ей о том, что через неделю заканчивается март. В Перу в марте индейцы приносили в жертву черных лам — чтобы небеса потемнели и на поля пролились дожди.

Со стороны берега послышался грохот мотора. Мария подошла к воде. Дункан стоял за штурвалом длинной шлюпки, выкрашенной в некрасивый зеленый цвет; каюты на ней не было. Издалека было заметно, что шлюпка пережила нелегкую зиму. Подойдя вплотную к каменному причалу, Дункан выровнял шлюпку, чтобы Мария могла на нее взобраться.

— Вперед! — сказал Дункан, передавая ей штурвал.

Встав к штурвалу, Мария поискала переключатель скоростей и дроссельный клапан. Двигатель работал шумно, с перебоями, в воздухе витал запах бензина. Она предпочла бы, чтобы Дункан отошел от берега и передал ей штурвал в более безопасном месте, однако гордость заставила ее промолчать. Женщина включила задний ход, развернула и повела шлюпку на запад.

Разговаривать в таком грохоте было невозможно. Из-за плоского дна шлюпки мелкая зыбь казалась штормовыми волнами. Несмотря на маленький надводный борт, ее нос задирался так высоко вверх, что Мария ничего не видела перед собой.

— Сколько он хочет за нее? — прокричала Мария.

— Я тебя не слышу! — отозвался Дункан.

— Я не вижу, куда плыву! — еще громче закричала Мария, убирая с лица растрепавшиеся волосы.

— Ничего не слышно! — прибавив голос, крикнул Дункан.

Шлюпка, подпрыгивая, удалялась от берега, и Мария ощутила, как тяжелые мысли постепенно отступают. Ее руки сжимали штурвал; слегка повернув его влево, против ветра, она ощутила вместо выхлопных газов запах соленой морской воды. В отлив море пахло одновременно свежестью и гнилью.

Несмотря на то что уже много лет она не стояла у штурвала, навык сразу же вернулся к ней. Дункан стоял на носу, и ветер трепал его песчаного цвета волосы. Рукой он указал направо, она повернула направо. Потом он указал налево. Мария решила, что он показывает ей курс, помогая пройти по мелководу, и слегка сбросила скорость. Она знала, что они направляются к островам Духов.

На меньшей скорости шлюпка пошла ровнее. Мария направила ее в пролив между двумя

островами и причалила к тому, который Дункан назвал Подзорной трубой.

— Думаю, эта шлюпка как раз для тебя, — сказал Дункан. — Она хорошо слушается руля, в прошлом месяце я собственноручно проконопатил все швы, и потом, у нее плоское дно — ты сможешь вытаскивать ее на берег. Собственно, тебе придется это делать — причалов здесь нет.

— Одна проблема: на скорости больше шести миль у нее так задирается нос, что я не вижу, куда плыву.

— Это меняет дело, — погрустнев, произнес Дункан. — Арни ставил на корму канистры с бензином и верши для омаров. Ну и ростом он выше, чем ты.

Держа ладонь козырьком над глазами, Дункан рассматривал берег острова.

— Здорово здесь, — сказала Мария. — А это ничего, что ты не на работе?

— Я использую любую возможность для того, чтобы пройтись на лодке, — ответил Дункан. — Именно поэтому я работаю в мастерской.

Мария обвела взглядом песчаный пляж. Она представила себе, как индейцы пеко вытаскивают на песок свои каноэ, нагруженные глыбами кварца и кремния. Чуть выше линии прилива, у подножия вздымающихся ввысь сосен, она заметила место, где песок переходил в глинистую почву.

— Ищешь, где начать раскопки? — спросил Дункан.

— Да, — ответила Мария.

— У меня еще есть время, — сказал он. — Хочешь пройтись, осмотреться немного?

— Нет, спасибо, — сказала она. Ей хотелось поговорить с Дунканом о Софи — в их предыдущую встречу он сказал, что его жена дружит с Софи и их дети играют вместе. Только что он может сказать? Что все в Хатуквити подозревают Гордона в рукоприкладстве? Что люди знают о плохом обращении Софи с Фло?

— Ты же знаешь мою сестру, Дункан? — спросила Мария. — Софи Литтлфильд?

— Конечно, знаю. Она дружит с Алисией.

— А ты ее часто видишь? — Мария чувствовала себя неловко, словно совала нос не в свое дело.

— Да не особенно. Иногда встречаю, когда она заходит за Флосси.

Флосси. При звуке этого ласкового имени, которым Дункан называл ее любимую племянницу, у Марии задрожали губы, и она наклонила голову, чтобы он этого не заметил.

— Такая славная девочка, — с трудом выговорила она.

— Действительно славная, — отозвался Дункан и замолчал, ожидая, что скажет Мария. По его серьезному тону было ясно, что ее минутная слабость не прошла для него незамеченной.

— Когда возвращаешься домой, к людям, которых знала всю жизнь, — начала Мария, — всегда думаешь, что все осталось таким же, как было. Помнишь, ты спросил меня, какво это — вернуться домой, так вот теперь могу сказать — ощущение очень странное.

— Ты говоришь о Софи?

— Знаешь, за то время, что меня не было, Софи вышла замуж и родила детей. В детстве мы с ней и Нелл были очень близки. Наверное, глупо было думать, что так будет всегда. Я уехала, а теперь, вернувшись, хочу, чтобы все было как раньше. — Мария обращалась скорее сама к себе, чем к Дункану.

— Ну, нага город не особенно изменился.

«Город вообще не изменился», — подумала Мария. На другой стороне пролива был

виден ее дом, Скво-Лэндинг, заповедник Лавкрафта и белые шпильки Хатуквити. Утреннее солнце отражалось от окон сторожевой вышки женской тюрьмы, в двухстах ярдах от которой находился дом Хэлли. Нелл и Питер жили в городе. Мария заметила колокольню конгрегационалистской церкви, расположенной совсем рядом с их домом. Коттедж Литтлфильдов стоял на пустоши посреди соснового леса, к западу от владений Хэлли, однако туда Мария смотреть не захотела. Ее пальцы сомкнулись на лопатке, лежавшей в кармане, и она ощутила острое желание немедленно начать копать.

— Я ее покупаю, — сказала Мария. Единственный светлый момент, пережитый ею за последние несколько дней, был связан с этой шлюпкой.

— Ну что ж, она крепкая. А с носом можно что-нибудь придумать, — ответил Дункан.

Мария кивнула, однако в глубине души у нее снова нарастала тревога.

— Все еще думаешь о своей сестре? — через несколько секунд спросил Дункан.

— Да, — сказала она.

— Знаешь, ее муж — круглый дурак.

— Гордон? — по привычке Мария оцетинилась, услышав, как критикуют кого-то из членов ее семьи.

— Мы вместе заседаем в торговой палате, так он вечно находит повод для ссоры — ему кажется, что все настроены против него.

— Должно быть, Софи приходится нелегко, — сказала Мария и снова замолчала.

Дункан пошел к шлюпке. Словно по безмолвному соглашению, на обратном пути за штурвалом стоял он. Солнце светило ему в глаза; сощурившись, он смотрел на Марию. Она обратила внимание на его руки — загорелые и крепкие, они надежно держали рулевое колесо. Женщина стояла достаточно близко, чтобы за шумом мотора слышать, что он говорит ей.

— Шлюпку нужно привести в порядок, — кричал Дункан. — Нос сделаем пониже, тогда она будет идти ровнее. И неплохо было бы очистить ее и заново покрасить. Можешь заняться этим сама, или мы это сделаем в мастерской. Только тогда она будет стоить дороже.

Он улыбнулся, и ее желудок внезапно подкатился к горлу. На несколько секунд их глаза встретились, потом она моргнула и отвела взгляд.

— Сделайте все, что надо, — прокричала Мария. Подпрыгивая на мелких волнах, их суденышко двигалось на восток, прямо на солнце — только его Мария видела за вздернутым вверх носом шлюпки.

Дункан что-то произнес — слишком тихо, ветер подхватил его слова и унес их.

— Что? — переспросила она, наклоняясь к нему. Он приблизил губы к ее уху. Почувствовав мужское теплое дыхание на своей коже, Мария залилась румянцем.

— Я сказал: девчонка, которая любит лодки, — повторил он, рукой коснувшись ее руки. — Круто!

— Круто! — ответила Мария, пытаясь перекричать рев мотора и шум ветра.

Все утро Мария провела в библиотеке, в разделе краеведения, читая то, что смогла найти об индейцах в Хатуквити. В журнале «Жизнь Хатуквити» она наткнулась на интервью с Матильдой Браун, прямым потомком Ункаса, вождя одного из индейских племен. «Если хотите больше узнать об индейцах пеко, читайте легенды, — говорила она. — Об индейце, взявшем в жены луну, о мужчине, игравшем на волшебной флейте, чтобы заставить женщину из другого племени полюбить его, или о смельчаке, убившем свою жену и ее любовника-англичанина, а потом последовавшем за ней на Землю мертвых — все эти истории подлинные».

То же самое Мария думала о перуанских легендах: даже в самых невероятных из них обязательно была крупица правды. Ей показался интересным тот факт, что и у индейцев пеко, и у шавантов была легенда о человеке, который взял в жены луну. Мария посмотрела на часы: половина третьего. Она обещала Нелл встретиться с ней в сквере. Мария взяла свои книги и понесла их к столу библиотекаря, где лицом к лицу столкнулась с девушкой, которая жаловалась на то, что Софи часто оставляет Фло в библиотеке. На мгновение Мария испугалась, однако та, казалось, не узнала ее.

Выйдя из библиотеки, она пешком отправилась к скверу. На Саммер-стрит было полно народу. Молодые мамы, оставив детей в школе, отправились за покупками. Многие останавливались у дверей магазинов, чтобы немного поболтать, прежде чем зайти внутрь. Проходя мимо лодочной мастерской, Мария заметила Дункана: он вел грузовик со сваями в сторону пирсов. Минуту она следила за ним взглядом, вспоминая их прогулку на шлюпке; ей хотелось, чтобы он оглянулся и увидел ее. Потом она зашагала дальше.

Нелл сидела на скамейке, покачивая коляску с Энди. В своих крошечных ручонках он сжимал бутылочку с яблочным соком. Увидев приближающуюся Марию, малыш опустил бутылочку и состроил ей уморительную гримасу. Пытаясь встать, он уронил бутылочку — его лицо тут же приняло водевильно-преувеличенное трагическое выражение, и Мария с трудом подавила улыбку. Однако Нелл быстро подняла бутылочку, протерла рукой соску и протянула ее обратно, так что Энди даже не успел заплакать. Нахмутив брови, он принялся яростно сосать свой сок.

— Отличная реакция, — сказала Мария, усаживаясь на скамейку рядом с Нелл и оглядывая сквер. Несколько стариков в темных пальто грелись на солнышке; они напомнили Марии городских старейшин времен пуританства.

— Ты говорила с Софи? — поинтересовалась Нелл.

— Нет. Пробовала ей звонить, но она не берет трубку. А ты говорила?

Нелл покачала головой.

— У тебя не было подозрений насчет чего-то подобного? — спросила Мария.

— Нет. Я подозревала, что она ворует, и еще я заметила, что она вечно защищает Гордона. Однако мне казалось, что кроме этого все в порядке.

— Никогда бы не подумала, что какой-нибудь мужчина так прижмет ее к ногтю, — сказала Мария, вспоминая, какой была Софи в школе и в колледже. Молодые люди упрашивали ее сходить с ними на свидание. Ее отношения с Джеком казались безупречными; Мария могла им только позавидовать. Софи, надушенная, в шелковом платье и туфлях на каблуках, легко убеждала его надеть пиджак, чтобы пойти с ней на танцы; с

такой же легкостью они снимались с места и отправлялись в путешествие на каяках в штат Мэн. Однако потом Мария вспомнила, чем закончился их роман и как Софи решила, что удача покинула ее навсегда.

— Когда она только вышла замуж за Гордона, — начала Нелл и остановилась. — Господи, узнай она, что я тебе рассказала, она меня убила бы...

— Рассказала о чем?

— Она сама себе посылала цветы. Розы. Чтобы заставить его ревновать.

— Не может быть!

— Честное слово! Раз в неделю, а карточку оставляла пустой. Я знала, что она получает цветы от неизвестного поклонника — мы все это знали. Однажды я ехала домой из Уотчхилла и увидела ее машину у цветочного магазина в Вестерли. Софи действительно была там — платила за цветы, наличными. Она заставила меня пообещать, что я никому не скажу.

— Да зачем ей было покупать самой себе цветы? — изумилась Мария.

— Не представляю. Гордон обожал ее с самого момента их знакомства. Совершенно не обязательно было заставлять его ревновать.

— Может, он ее вовсе не обожал? — заметила Мария. — Может, он только притворился — на публике?

— Ты что, не видела, как он смотрит на нее? — спросила Нелл.

— Видела, — ответила Мария, силясь изгнать из памяти воспоминания той ночи и удавку на шее у Софи.

— Может, он промыл ей мозги? Внушил что-то? — спросила Мария.

Нелл нахмурилась.

— Слишком это странно, — сказала она.

— Не более странно, чем все остальное.

Внушение казалось Марии наиболее приемлемым объяснением происходящего. Только как он это сделал? Мария представила себе Гордона: как он достает из кармана часы на цепочке и раскачивает их перед глазами сестры со словами «сейчас вы заснете»...

— Нет, думаю, это не так, — сказала Нелл. — Софи контролирует ситуацию гораздо лучше, чем ты думаешь. Ты никогда не обращала внимания на фотографию в рамке, которая висит у них в столовой?

Мария на секунду задумалась, пытаясь вспомнить тот снимок, сделанный, вероятно, на День Всех Святых много лет назад.

— Та, где все в костюмах? — спросила она.

Нелл кивнула.

— Вечеринка на Марди-Грас, давным-давно. Мы с Питером там тоже были. Помнишь пару посередине — они одеты как Розы и Чарли из «Королевы Африки»? Это Софи и Джек Фрейзер.

— Софи вывесила фотографию Джека у себя в столовой? И Гордон знает?

Нелл покачала головой:

— Определенно нет. Он думает, что она купила фотографию на блошином рынке. Как-то раз мы у них ужинали, и Гордон все хвалился вкусом Софи, она, мол, декорировала весь дом сама, без чьей-либо помощи. Он говорил про картины и фотографии на стенах, в том числе и про эту, как будто она купила ее где-то в Блэквуде. Тогда я встревожилась не на шутку. Понимаешь, у них там даже масок нет. Софи на снимке повернулась куда-то в сторону, но ее все равно легко узнать.

— И она не поправила его?

— Нет. Сидела за столом, глаз с него не сводя. Она всегда так делает, когда он расхваливает ее.

Мария так и видела перед собой эту картину: Софи жадным взглядом взирает на Гордона, готовая броситься к нему в объятия через весь стол.

— Главное, она так и не призналась мне, что обманула Гордона и что это фотография с вечеринки у Мэй Морган на Марди-Грас. Наверное, забыла, что я тоже там была, — закончила Нелл.

Марии было приятно думать о том, что Софи все-таки может бросить вызов мужу — пусть исподтишка, в виде фотографии, где она снята с бывшим возлюбленным. Значит, она не во всем подчиняется ему: кое-что она от него скрыла, а он, не долго думая, повесил снимок на стену в столовой. Мария сочла это обнадеживающим.

Энди снова уронил бутылочку. Наклонившись вперед, Мария заметила, что малыш уснул. Хотя у него были такие же рыжие волосы, как у Нелл, он больше напоминал ей Питера в детстве.

— А Хэлли кто-нибудь сказал? О Софи? — спросила Нелл.

— Я — нет, если ты об этом, — внезапно напрягшись, сказала Мария.

— И мы не говорили, — сказала Нелл. — Думаю, кому-то придется это сделать, поскольку, как мне кажется, Софи нуждается в помощи.

— А почему ты думаешь, что Хэлли захочет это слушать? — спросила Мария.

Почувствовав горечь в ее голосе, Нелл бросила на подругу короткий острый взгляд.

— Потому что Хэлли — ее мать, — ответила она.

Мария всегда предпочитала отгонять от себя мысли о матери, а не облекать их в словесную форму.

— На самом деле Хэлли никогда не хотела быть матерью, — сказала она. — Хэлли хотела совсем другого: иметь очаровательных деток, чтобы выглядеть очаровательной мамой. А теперь, когда мы выросли, ее интересует одно: что мы можем дать ей.

— Мария... — предостерегающе произнесла Нелл. Нелл выросла в неблагополучной семье, у родителей-алкоголиков, и любовь, предназначенную им, переносила на семью Дарков — даже до того, как вышла за Питера.

— Скажи мне вот что: когда она в последний раз сидела с Энди?

— Давно, — ответила Нелл.

— Как давно?

— Когда он только-только родился. Примерно год назад.

Увидев удовлетворенное выражение на лице Марии, Нелл взмахнула рукой:

— Да, она не совсем обычная бабушка. Она с самого начала дала понять, что не будет сидеть с внуками.

— В таком случае и мать она тоже «не совсем обычная», — сказала Мария, вспоминая, как Хэлли могла часами сидеть, уставившись в пространство или слушая записи Марии Каллас; лучшее, на что она, Софи и Питер могли надеяться, были долгие рассказы Хэлли о ее собственном детстве.

— Ты что, обвиняешь вашу мать в том, что сейчас происходит с Софи?

— Да нет же, — сказала Мария. — Я просто говорю, что от нее не стоит ожидать особой помощи.

— Ей ведь тоже нелегко пришлось, когда она ухаживала за вашим отцом. Он стал

совсем старый и болел, а вы были еще совсем маленькие. И Хэлли была гораздо моложе его.

— Это правда, — согласилась Мария.

— Знаешь, мне казалось, Питер завидовал Софи — тому, как ваша мать к ней относится.

— Софи была ее любимицей, — призналась Мария. Так всегда считалось в их семье, однако теперь, когда эти слова были произнесены вслух, они показались Марии лишними всякого смысла. «Любимица» должна была бы получать больше любви, чем все остальные, Хэлли же, вместо того чтобы одаривать Софи любовью, взвалила на нее груз своих ожиданий. Сперва Софи посещала уроки игры на фортепьяно, потом — пения. «Сделай так, чтобы я гордилась тобой», — говорила Хэлли, когда Софи играла упражнения или готовилась к участию в концерте. Тем не менее на концерты она приходила очень редко, как будто ей невыносимо было видеть свою вторую дочь в центре внимания, стоящей на сцене. Мария вспомнила, как однажды, в старших классах, Софи должна была исполнить два сольных номера на весеннем концерте.

— Ни пуха ни пера, — пожелала Хэлли, целуя Софи у двери.

— Ты не придешь? — спросила Софи у матери. Она знала, что Хэлли не придет, но своим вопросом словно давала ей еще один шанс.

— У меня в горле першит, — ответила Хэлли. — Боюсь, в зале у меня начнется приступ кашля и придется выходить посередине концерта. — За всю весну Мария ни разу не слышала, чтобы Хэлли кашляла, однако она промолчала. Она знала, как сильно разочарована Софи, и не хотела расстраивать сестру еще сильнее.

— Пойдем, Софи, — сказала Мария. — Концерт уже начинается.

— Мама такая странная, — заметила Софи в машине. — Кажется, она умереть готова, только бы вытолкать меня на сцену, а когда у меня концерт, она даже не приходит послушать. Останови, пожалуйста, у магазина.

— Зачем? — спросила Мария.

— Куплю сигареты, — ответила Софи. — Хочу, чтобы мой голос стал хриплым и сексуальным.

— Ты это серьезно? — спросил Питер. С сестрами он становился крайне легковверным.

— Она шутит, — сказала Мария.

— Ничего подобного, — вмешалась Софи. — Я хочу сорвать голос. Правда. Остановись же...

Не говоря ни слова, Мария ехала вперед. Софи не настаивала.

Часом позже, сидя рядом с Питером в школьном концертном зале, Мария смотрела, как Софи выходит на сцену. Хэлли купила ей новое платье, белое, с кружевами по вороту и на рукавах; Мария решила, что сестра похожа на невесту, Питер — что она похожа на ангела.

Софи стояла одна, в круге яркого света. Казалось, глазами она ищет кого-то в темноте зрительного зала. Мария подумала, что Софи все-таки надеется увидеть Хэлли — а может быть, она ждала, пока глаза привыкнут к освещению. Чистым, нежным голосом Софи запела мелодию «Где-то там» из «Вестсайдской истории». Когда она закончила, слезы бежали у Марии по щекам. Сидя рядом с Нелл в сквере, Мария вспоминала, как пела тогда Софи, и снова захотелось расплакаться.

— Софи в беде, — сурово сказала она. — И я не знаю, что делать.

— С чего-то придется начать, — ответила Нелл. — Думаю, мы должны поговорить с вашей матерью. Она — единственная, кому я рассказала о том, что у Софи был выкидыш. Можешь себе представить? Я нарушила данное Софи обещание, рассказав Хэлли то, что все

равно не являлось правдой.

— И как Хэлли это восприняла? — поинтересовалась Мария.

— Обиделась на Софи за то, что та не рассказала ей сама. Но я все равно заставила ее пообещать, что она не скажет Софи о том, что узнала.

— Ты не должна была говорить об этом, раз дала Софи слово, — сказала Мария, ощутив внезапное желание повидаться с матерью. Услышав об эгоистичной реакции Хэлли, она, как в детстве, захотела защитить сестру. Даже несчастье, случившееся с дочерью, их мать восприняла как проявление пренебрежения по отношению к себе.

— Ладно, — произнесла Мария. — Поехали, поговорим с моей матерью.

— Когда я была маленькая, — начала Хэлли, — я все время бегала по нашему цветнику; папа говорил, что георгины меня прямо-таки притягивали. — Стоя у кухонной раковины, она ставила в хрустальную вазу ирисы и нарциссы. Цветы прислал мистер Портер. Хэлли любила цветы с длинными стеблями; Мария заметила, что ей не нравится соседство высоких ирисов с низенькими крепышами-нарциссами, однако заставить себя укоротить стебли ирисов она так и не смогла.

— Наверное, ты была очень хорошенькая, — с выверенной долей иронии заметила Нелл. Мария знала, как сильно Нелл любит Хэлли. Дети Мария, Софи и Питер не знали правды о родителях Нелл. Днем они всегда были трезвыми, поэтому Мария и Софи завидовали подруге — ее мать сидела дома, вязала свитера, пекла пироги и учила их делать маски на волосы из пива или майонеза. Нелл же мечтала о такой матери, как Хэлли, с ее внешностью голливудской звезды, романтическим вдовством, большим домом на берегу Белл, с ее непрактичностью, благодаря которой они воспринимали ее скорее как сверстницу, а не как мать.

— Папа говорил, что я и роста была такого же, как цветы. Он вставал повыше и смотрел, как моя головка порхает по всему саду. — Хэлли остановилась, прочистила горло и бросила на Марию пристальный взгляд.

— Я слышала, ты на лодке катаешься, — сказала Хэлли.

— Только один раз, — ответила Мария, откинувшись на спинку стула. Тон матери был крайне неодобрительным.

— Не забывай: это маленький город, а ты — разведенная женщина. Ты же не хочешь, чтобы пошли сплетни.

— О том, что Дункан Мердок прокатил меня на лодке? Кстати, а тебе кто сказал?

— Джинджер Тэлискер наблюдала за птицами в заповеднике Лавкрафта и видела, как ты забралась к нему в лодку и вы куда-то уплыли. Ты знаешь, что он женат?

— Не беспокойся, знаю, — ответила Мария, занимая оборонительную позицию.

— Но брак неудачный, — вмешалась Нелл. — Алисия как-то сказала Софи, что они собираются развестись.

— Ничего себе, — произнесла Мария, ощутив неожиданную дрожь. Интересно, почему Дункан сам не рассказал ей об этом?

— И все же я повторяю, — говорила Хэлли, — это маленький город, и людям все любопытно. Могу поспорить, что Джинджер уже рассказала пяти-шести приятельницам, а они разносят всем, что тебя с ним чуть ли не в постели застукали. Многим будет приятно очернить тебя, а заодно и всех нас. Ты знаешь, что я имею в виду.

— Не беспокойся, — ответила Мария. — После того как я куплю лодку, ноги моей

больше не будет в мастерской Дункана Мердока.

— Прекрасно, — вырвалось у Хэлли. — Все равно он не в твоём вкусе.

— Мы хотели поговорить с тобой о Софи, — резко сказала Мария. Она знала, что, по мнению Хэлли, человек «в её вкусе» — это Альдо или кто-то похожий на него: обходительный, талантливый, прославленный — отблеск его славы должен был падать и на их семью. Уж точно не простая домохозяйка, вроде Нелл, и не владелец лавочки инструментов, вроде Гордона. Ведь, несмотря на то что Хэлли и приняла Нелл в своё сердце, именно так она думала о супругах своих детей. Разве что Гордона отличал диплом Принстонского университета.

— А что с ней такое? — спросила Хэлли, нахмурившись.

— Гордон бьёт её. Я сама видела.

Зная о таланте Хэлли видеть вещи не такими, какие они есть, а такими, как ей нравится, Мария говорила прямо.

— Это смешно! Что ты могла видеть?

Понимая, какую тяжёлую новость она собирается сообщить, Мария внезапно почувствовала к матери нежность.

— Тебе лучше сесть.

Взяв Хэлли за руку, Нелл проводила её к кухонному столу. Они трое сели полукругом; рядом, на полу, играл Энди.

— Это случилось после того ужина, когда мы все собрались у них, — начала свой рассказ Мария. — Я уехала, но потом решила вернуться, не важно почему... Они были в спальне. Я слышала, как Гордон говорил о её похоронах, о том, как он будет развеивать по ветру её пепел. На шее у Софи была удавка.

Не поднимая глаз, Хэлли ожесточенно затрясла головой.

— Это не наше дело, — сказала она. — Чем бы двое ни занимались в спальне, это никого не касается.

Мария хотела было взять Хэлли за руку, но она отстранилась.

— Мама, я видела синяки.

— Гордон не мог этого сделать, — протестовала Хэлли.

— Ты в последнее время видела Софи без водолазки или шарфа на шее? — мягким тоном спросила Нелл.

— Между прочим, мы вчера с ней встречались. Отлично провели время в Блэквуде, ходили по магазинам, а потом пообедали, — сказала Хэлли, обходя заданный вопрос.

— Я беспокоюсь о Саймоне и Фло, мама, — заметила Мария. — На прошлой неделе в библиотеке Софи очень жестоко обошлась с Фло. И оба ребенка видели, что происходило в ту ночь.

— Гордон — замечательный зять! — воскликнула Хэлли. — Он никогда не сделал бы ничего подобного.

«Не замечательный отец, не замечательный муж, но замечательный зять», — отметила про себя Мария, загораясь ненавистью к матери. Она готова сохранить своё представление о Литтлфильдах (ветви семейства Дарков, между прочим) как о счастливой семье любой ценой, даже отказав в помощи Софи.

— Он — чудовище, — с трудом выговорила Мария. Слезы душили её. — То, как он издевается над ней, просто ужасно. Софи никогда не будет прежней после всего этого. Она умрет или... превратится в зомби. Да она уже зомби. Она лжет, ворует, и все для того, чтобы

купить ему икру. Она думает только о том, как угодить мужу.

— А ты хотя бы знаешь, как Гордон помогал ей, когда у нее был выкидыш? — взвизгнула Хэлли. — Он все время был с ней, а потом взял ребенка, всего в крови, и вынес из дома, чтобы похоронить в саду. — Теперь Хэлли всхлипывала. — Прости, Нелл. Я знаю, ты просила меня не говорить ей, но я призналась Софи, что все знаю. И слава богу, что сказала. Иначе она могла никогда не рассказать мне об этом.

— Рассказать о чем? — поинтересовалась Нелл.

— Что это была девочка. Они собирались назвать ее Хэтауэй — Хэлли, как меня.

— Но... — начала Нелл, нахмурившись, потом замолчала. «Наверняка Софи сказала ей, что они собирались назвать девочку Нелл», — подумала Мария.

— Мама, — произнесла Мария, сжимая запястье матери. — Никакого выкидыша не было. Я сказала Гордону, что очень сожалею, а он ответил, что ничего об этом не знает. Софи все выдумала. Именно поэтому я и вернулась тогда в их дом.

Хэлли начала осознавать, что Мария говорит правду. Глаза ее наполнились отчаянием. Морщины отчетливо проступили на потемневшем лице. «Год, когда мать стала старой», — подумала Мария, глядя в сторону.

— Она была такой талантливой, — безучастным голосом произнесла Хэлли. — Она могла стать знаменитой певицей. Я уже представляла ее на сцене Метрополитен-опера, в роли Люсии ди Ламмермур.

— Я знаю, — сказала Мария.

— Моему голосу было далеко до ее, — заметила Хэлли. — И для оперы он не годился. Лучше всего мне удавались романсы. По ночам, когда вы уже спали, я пела их для Малькольма.

На мгновение ее лицо просветлело, потом уголки рта снова опустились; она положила голову на край стола и тяжело вздохнула.

— И что же нам делать? — спросила Мария, обращаясь к Нелл.

— Нужно поговорить с Софи.

— Она будет защищать его до потери пульса, — приподняв голову, произнесла Хэлли.

— Она не отвечает на мои звонки, — сказала Мария.

— Если я скажу ей, что знаю об этом, — промолвила Хэлли, — она перестанет со мной разговаривать. Софи никогда никому не позволяла критиковать Гордона. Однажды я заметила что-то по поводу его шортов — мне показалось, что они длинноваты, — и потом потратила две недели на то, чтобы вернуть ее расположение.

— Почему она так себя ведет? — спросила Нелл.

Никто не ответил. Мария тоже хотела бы знать, почему для Софи так важно поддерживать миф о совершенстве ее мужа.

— Я ужасно тревожусь о детях, — сказала Нелл. — Даже если он не бьет их, то, что они видят, скажется на всей их дальнейшей жизни.

— Не забывай, детская психика очень гибкая, — заметила Хэлли, прячась за стеной своего обычного слепого оптимизма.

— Боюсь, Софи причиняет им боль, — медленно произнесла Мария. — Может, не физическую, но душевную — это точно.

— Не исключено, что она делает это непреднамеренно, — вставила Нелл.

— Она может переносить на них то, что Гордон делает с ней.

Хэлли зажала уши руками.

— Не хочу больше слышать ни слова об этом — понятно? — ни слова! — Ее голос перешел в шепот, потом совсем затих.

Они сидели втроем, молча, неспособные утешить друг друга. По тому как Хэлли свела брови и выпрямила спину, Мария и Нелл поняли, что она хочет остаться одна. Мария подумала, что со стороны матери было жестоко и грубо так обрывать разговор, однако она поцеловала ее на прощание и, наклонившись, обняла, насколько та позволила. Мария знала, что Хэлли сейчас теряет свою младшую дочь, и не могла даже представить себе, что она должна была чувствовать.

В первый момент Мария подумала, что полученная ею открытка — рекламный трюк, однако при ближайшем рассмотрении карточка с семью разноцветными воздушными шариками и надписью «МЫ СДЕЛАЛИ ЭТО!» оказалась приглашением на золотую свадьбу родителей Гордона. Эд и Гвен Литтлфильд устраивали вечеринку в Масоник-Темпл в следующую субботу. Почерком Гвен, с наклоном в обратную сторону, на карточке была сделана приписка: «Поскольку ты вернулась из далеких стран, мы надеемся, что этот семейный праздник ты не пропустишь!» Мария поняла, что ее отсутствие на свадьбе Софи и Гордона, причиной которого были раскопки, было воспринято как преднамеренное. Она позвонила Хэлли.

— Ты получила приглашение? — прямо спросила ее мать.

— Да, — ответила Мария.

— Софи будет очень недовольна, — сказала Хэлли. — Она просила Гвен не приглашать тебя, однако карточки уже были разосланы. Для Софи было нелегко обратиться к Гвен — они не слишком близки, и она не хотела, чтобы та знала о наших семейных неприятностях. Гвен всегда во всем винит Софи. Иногда мне так и хочется заехать ей по физиономии.

— Насколько я понимаю, ты не говорила с Софи о том, что мы тебе рассказали, — сухо произнесла Мария.

— Нет, не говорила. И чем больше я думаю об этом, тем больше я уверена, что ты ошиблась.

— А как Софи объяснила, что она не хочет, чтобы меня приглашали?

— Она утверждает, что ты преследуешь Гордона. Заходишь к Кэти, чтобы позавтракать с ним. — Голос Хэлли звучал достаточно неодобрительно, чтобы Мария ощутила ярость.

— Не могла же ты поверить в это! — воскликнула она.

— Я и не поверила. Но это то же самое, о чем я говорила тебе, имея в виду Дункана Мердока: ты красивая разведенная женщина, а люди любят сплетничать. Даже твоя сестра неправильно истолковала твои поступки.

У Марии не было слов, чтобы возразить матери. Она ясно понимала, что происходит: ее мать готова была скорее поверить, что Мария пытается увести у сестры мужа, чем признать, что между Софи и Гордоном происходит нечто ужасное.

— А Питера и Нелл пригласили?

— О них она не упоминала.

«В конце концов, Питер и Нелл ничего не видели», — подумала Мария.

— По-моему, ты совершаешь ошибку, не говоря Софи о том, что знаешь. Этим ты не принесешь ей пользу. Она нуждается в помощи, — сказала Мария.

— Даже если предположить, что ты говоришь правду, — усталым тоном произнесла Хэлли, — чем поможет мое вмешательство? Я только оттолкну ее, и у нее не останется никого, с кем она могла бы поговорить.

«Ваши отношения насквозь фальшивые!» — хотела было выкрикнуть Мария. Софи играла роль счастливой жены и матери так долго, что теперь, начини кто-нибудь задавать ей вопросы, она так и останется в этой роли: любящая мать, преданная жена. Мария задавалась вопросом, какова ее сестра в действительности, что за человек скрывается под ее привычной маской. Она вспомнила картину «Крик»: ребенок с огромной головой, беззубый рот,

обведенный красным, распахнут так, что видна черная бездна глотки.

— Ты не должна идти на праздник, — сказала Хэлли. — Ради Софи.

— Почему? Чтобы все убедились, что она была права? — спросила Мария. — Не думаю, что ей от этого будет лучше. Я приду.

— Ах, дорогая, — только и промолвила Хэлли.

Мария знала, что на пятидесятую годовщину свадьбы принято дарить золото. Найти такой подарок в Перу было проще простого: достаточно было зайти к Ансельмо Рамису, местному ювелиру, и купить у него подвеску или фигурку ламы. В Хатуквити был только один ювелирный магазин, торговавший скучными изделиями массового изготовления: кулонами, которые родители покупают дочерям — старшеклассницам, сережками — гвоздиками, булавками, украшенными цветком с жемчужиной в центре. Кроме того, здесь золото было дорогое. Вместо него Мария решила купить родителям Гордона картину, написанную акварелью.

Она отправилась в Блэквуд — когда-то знаменитый центр импорта красного и розового дерева, а также тика: капитаны дальнего плавания привозили дерево с Востока. Теперь город славился своим отелем, построенным в конце прошлого века, ресторанами, антикварными лавками и художественными галереями, расположенными на Мейн-стрит. Несмотря на будний день ранней весны, в Блэквуде было полно туристов, оставшихся после выходных еще на несколько дней, и отпускников, решивших воспользоваться специальным предложением отеля и снять номер на неделю с сезонной скидкой. Мария оставила машину на Крукед-стрит, к северу от центра города.

Она прошла мимо домов, принадлежавших когда-то тем самым капитанам: белых, с высокими трубами, в окружении живых изгородей. Гейл Парсонс, девушка одних с Марией лет, выступавшая за команду по парусному спорту школы Блэквуд-хай, раньше жила в одном из них. Мария вспомнила, что отец Гейл был владельцем автомагазина «Блэквуд-Моторс» — именно он продал Малькольму его «мустанг». Сейчас окна в их доме были занавешены шелковыми шторами; наклейка на двери сообщала о том, что в доме установлена охранная сигнализация. Мария решила, что дом приобрела какая-нибудь семья из Нью-Йорка, чтобы выезжать сюда на выходные — только у них могли быть деньги на покупку. Местные жители предпочитали покидать Блэквуд и селиться в его окрестностях, в небольших, менее претенциозных городках вроде Хатуквити.

Вдоль тротуара шел газон с цветущими деревьями и клумбами, засаженными гиацинтами и нарциссами. Поход за подарком для родителей Гордона приобрел для Марии налет ирреальности, хотя и не лишенной удовольствия. Настроение у нее было приподнятым, при этом она чувствовала себя слегка отстраненной, как в тот единственный раз, когда она, вместе с Кармен Пуно, пожевала листья коки. Она заходила во все галереи подряд; в основном там продавались картины маринистов и виды блэквудской Мейн-стрит в разные исторические эпохи: до первых поселенцев, в годы торговли деревом, в наше время.

Для родителей Гордона, которых Мария запомнила как людей жизнерадостных и современных, они были слишком скучными.

Внезапно она набрела на новый магазин — большая редкость в Блэквуде. На вывеске было написано его название «МЫС ДОБРОЙ НАДЕЖДЫ», рядом была нарисована китобойная шхуна, преследующая добычу. Витрины были заполнены тотемами, рыбами, вырезанными из дерева, оловянными подсвечниками, индейскими украшениями и мусульманскими ковриками для молитвы. Когда Мария открыла дверь, у нее над головой

прозвенел колокольчик. Она медленно обошла темное, загроможденное пространство магазина, осматривая товары; все они выглядели так, словно их привезли из Индии, Мексики, Филиппин или Перу.

— Если вам нужна помощь, обращайтесь ко мне, — сказал голос у нее за спиной. Мария обернулась, ожидая увидеть фигуру, завернутую в сари. Однако продавщица, казалось, только что вышла с собрания Клуба садоводов Блэквуда: у нее были гладкие светлые волосы, едва заметный макияж, розовый вязаный свитер и длинная юбка цвета хаки.

— Спасибо, непременно, — отозвалась Мария, ошеломленная своей находкой: чеканкой с изображением верховного бога шавантов — зубастого человекоподобного существа, охраняющего вселенскую гармонию. Подумав, что чеканка попалась ей неспроста, она решила подарить ее Литтлфильдам.

— Великолепная вещь, — заметила продавщица, когда Мария положила чеканку на прилавок. Длинным розовым ногтем женщина провела по выступающим клыкам божка.

— Согласна, — кивнула Мария. — У вас есть еще изделия племени шавантов?

— Шавантов?

— Ну, перуанские, — пояснила Мария; вступать в дискуссию ей не хотелось.

— Здесь есть замечательные золотые изделия из Южной Африки, — сказала продавщица, показывая на запертую стеклянную витрину, идущую по всей длине стены.

Мария не собиралась покупать золото по американским ценам, пусть даже и в подарок на золотую свадьбу. Она подписала чек, расплачиваясь за чеканку, поблагодарила продавщицу и направилась к дверям. Взгляд ее вновь упал на стеклянную витрину.

За стеклом лежали бусы из лазурита, кольцо с топазом, старинные десятицентовики, монеты в полдоллара времен Кеннеди и там же, в свете маленькой лампочки, стояла золотая индейская богиня, которую Мария подарила Софи.

Не говоря ни слова, она была не в силах отвести взгляд. Вспоминала, как заказала копию статуэтки у Ансельмо Рамиса. Его лавочка находилась на пыльной улице, за массивным зданием Испанской колониальной церкви; Мария зашла туда как-то раз, возвращаясь с городского рынка. У Ансельмо был и подпольный бизнес — он покупал артефакты племени шавантов у расхитителей гробниц и продавал их коллекционерам из США и Европы. Альдо, стремясь сохранить древние захоронения в целостности, постоянно требовал, чтобы полиция арестовала Ансельмо. Мария же, хотя и была против махинаций последнего, не могла не оценить его таланта ювелира. Не сказав Альдо, она попросила Ансельмо сделать копию богини.

— Откуда она у вас? — спросила Мария продавщицу. Та вышла из-за прилавка, чтобы взглянуть, о каком предмете говорит женщина.

— От одной из наших клиенток. Восхитительная, правда?

— И эта клиентка продала ее вам?

— Именно так.

— А вы не знаете, откуда она у нее? — поинтересовалась Мария, ощущая, как громко забилося сердце.

— К сожалению, не знаю. Наверное, она занимается коллекционированием, поскольку часто приносит нам разные вещи.

Внезапно Мария отчетливо поняла, что под стеклом витрины лежат давно знакомые вещи: серебряный соусник матери, украшения бабушки и многое другое.

— А как зовут вашу клиентку? — спросила она.

Продавщица нервно заулыбалась, словно Мария переступила порог дозволенного.

— Не могу вам сказать. Это конфиденциальная информация.

Еще несколько секунд Мария смотрела на золотую богиню. Статуэтка великолепно сверкала в ярком сиянии витрины.

— Сколько она стоит? — спросила Мария.

— Две тысячи долларов, — ответила женщина. — Сделана в доколумбовское время, около девятист лет назад, вероятно, в Боливии. На самом деле эта вещь должна находиться в музее.

Ансельмо Рамису Мария заплатила за нее сумму, в пересчете равную тремстам американским долларам.

— Дороговато для меня, — сказала она, поблагодарила продавца и захлопнула за собой дверь магазина.

«Так вот куда она потратила деньги», — сказала Мария Питеру, наблюдая за тем, как Софи танцует с Гордоном. Платье Софи, все расшитое бисером, стоило, наверное, целое состояние. Когда-то они с Софи и Нелл называли такие «туалетами для пожилых леди».

— Если статуэтка продавалась за две тысячи долларов, Софи должна была получить за нее около шестисот, — заметил Питер.

— Это платье стоит не меньше шести сотен, поверь мне, — сказала Мария, наблюдая за тем, как в приглушенном свете бисер переливается всеми цветами радуги. Сама она была одета в узкое черное платье из тонкой шерстяной ткани с глубоким вырезом. Ее кожа в нем выглядела очень светлой. Это было любимое платье Марии, хотя оно и вызывало одновременно приятные и горькие воспоминания о том, как они с Альдо покупали его в бутике на Рю-дю-Фобург в Сент-Оноре. К платью была приколата чеканная золотая брошка в виде орла, купленная у Ансельмо Рамиса одновременно со статуэткой для Софи.

— Софи не разговаривает с тобой, да? — спросил Питер. Как обычно, он говорил без обиняков, однако его ласковый тон тронул Марию.

— Она на меня даже не взглянула.

— Ну, если тебе от этого будет легче, могу откровенно сказать, что со мной она ведет себя холодно, а с Нелл так и просто грубо.

— Нет, мне от этого не легче, — ответила Мария.

Литтлфильды постарались собрать в Масоник-Темпл всех своих родственников и друзей. Оркестрик под названием «Порч-Свинг», состоящий из пяти закадычных приятелей Эда, играл музыку сороковых, перемежая ее мелодиями Нила Даймонда.

Мария смотрела на Гвен: та с рассеянным видом сидела за столиком и курила. Оживилась она только дважды, при звуках песен «Я грущу» и «Вечно в джинсах» — оба раза Гвен вскакивала на ноги и вытаскивала Эда танцевать. Когда музыканты заиграли «Милую Каролину», а певец заменил «Каролину» на «Гвендолину», она поднялась из-за стола, и глаза ее наполнились слезами.

— Какая показуха, — пробормотала Хэлли себе под нос. Они с Джулианом стояли рядом с Питером и Марией. Питер крутил головой, высматривая Нелл, которая отправилась с Энди в туалет.

— Гвен довольна собой, — сказала Мария, зная, чем вызвано раздражение ее матери — в кои-то веки не она была в центре внимания. Джулиан стоял бок о бок с Хэлли, улыбаясь во весь рот.

— Как ты думаешь, Малькольму и Элизабет понравились бы эти старые мелодии? — спросила Хэлли, взяв его за запястья и заглянув в глаза.

— Я уверен, что понравились бы, — ответил Джулиан, явно очарованный Хэлли. Он взял ее руки в свои и держал до тех пор, пока Хэлли не повернулась к Марии.

— По-моему, Гвен решила, что, если она будет скакать по залу, как подросток, мы все забудем, сколько ей лет: поэтому они и играют эту музыку. А ее наряд — нет, вы только посмотрите! — Хэлли неодобрительно пощелкала языком. Она сама была одета в винтажный костюм от Шанель и держалась прямо-таки по-королевски.

На Гвен было длинное обтягивающее платье лавандового цвета из тонкого бархата — оно выгодно подчеркивало ее великолепную фигуру. Мария перевела взгляд с Гвен на Софи.

Сестра положила голову на плечо мужа, они оба взирали на Гвен с нескрываемым восхищением. Этим вечером мать Гордона была одета как молодая женщина, Софи же — как матрона в годах. В таком платье, как у Софи, Оливия де Хевиленд могла пойти на вручение Оскара. Внимание Марии привлек высокий ворот; однако, вспомнив, что скрывается под ним, она отвела взгляд.

— Ну что, Питер, — сказала Хэлли, протягивая сыну руку, — потанцуешь со своей старушкой матерью?

Питер улыбнулся, отвесил небольшой поклон и повел Хэлли танцевать. Джулиан бросил на Марию извиняющийся взгляд.

— Я не гожусь для танцев, — сказал он.

— Простите? — произнесла Мария.

— Проблемы с коленом. Не могу танцевать.

Ей захотелось рассмеяться, однако Мария подавила это желание и улыбнулась Джулиану.

— Ничего страшного. Я так давно не танцевала, наверное, все перезабыла.

— Подозреваю, что в Перу не было танцев с оркестрами, — заметил Джулиан, застегивая пуговицы на своем синем блейзере. Пуговицы были медные, инкрустированные эмалевыми вымпелами яхт-клуба Хатуквити. Он поправил платочек в нагрудном кармане — сине-белый, цветов клуба.

— Думаю, коктейль вашей мамы нужно освежить, — произнес он. — Могу я принести что-нибудь и вам? Вы не против, если я ненадолго вас покину?

— Конечно, все в порядке, — сказала Мария, очарованная его галантностью. Ей очень хотелось бы, чтобы Софи слышала это. Однако тут же на нее нахлынула печаль — она вспомнила, что Софи не хотела даже, чтобы ее приглашали на праздник.

— Здравствуйте, тетя Мария, — серьезно сказала Фло. Она стояла в нескольких шагах от Марии, сложив руки на груди. Из-за музыки Мария с трудом расслышала ее, но один вид девочки заставил ее изумиться. Неужели она так выросла с тех пор, как они виделись в последний раз?

— По-моему, ты стала как минимум на дюйм выше! — воскликнула Мария, наклоняясь, чтобы обнять племянницу. — Я не знала, что вы с Саймоном будете на празднике. Разве тебе не пора спать?

— Мне разрешили. — Голосок Фло звенел от восторга. Они обнялись, и натянутость между ними исчезла. — А Саймон остался дома. Только одному из нас разрешили прийти.

Мария постаралась не обращать на это внимание. На Фло было праздничное платье: розовое, с бантиками, закрывающими пуговицы. Из лаковых черных туфельек выглядывали белые кружевные носочки. Софи завила волосы дочки щипцами, и они спадали вниз пушистыми локонами. Фло постоянно прикасалась к ним, тревожно нахмурившись. Под глазами у нее были красные круги — в первый момент Мария приняла их за синяки, однако потом решила, что девочка терла глаза, чтобы не заснуть.

— У тебя чудесные локоны, — сказала Мария.

— Только они портятся, — ответила Фло.

— Раскручиваются? — спросила Мария.

— Портятся, — повторила Фло.

— Ничего, все равно очень красиво, — проговорила Мария, торопясь уйти от этого разговора. — Я очень скучала по тебе, — сказала она. Ей было интересно узнать, как Софи

объяснила детям, почему они больше не виделись.

— Я тоже по тебе скучала, — промолвила девчушка, но ее глаза следили за родителями, двигавшимися в танце.

— Твоя мама выглядит... очень красивой, — с ноткой сомнения произнесла Мария.

— А папа? Как по-твоему, папа красивый? — спросила Фло, более настойчиво, чем обычно, приблизив свое лицо к лицу тети.

— Очень красивый, — сказала Мария.

— Я знаю, он тебе нравится.

— Ну, он хороший, — произнесла Мария, настораживаясь.

— Он тебе очень нравится, да?

— Как тебе сказать... Он женат на твоей маме, а я очень люблю ее. Поэтому да, он мне очень нравится.

— Вот и мама так сказала. — В голосе Фло послышалось удовлетворение, как будто Мария разрешила ее сомнения.

— А почему Саймон не пришел? — резко перевела разговор Мария.

— Потому что на этой неделе я вела себя лучше, — с гордостью улыбнулась Фло. — Папа сказал, пойдет один из нас — тот, кто будет лучше себя вести.

— Привет, Фло! Здравствуй, Мария, — сказала Гвен, погладив внучку по голове.

— Прими мои поздравления, Гвен, — произнесла Мария.

— Мы рады, что ты смогла присутствовать.

Гвен говорила ледяным тоном; взяв Фло за руку, она отступила от Марии, словно пытаясь увести девочку. Супружеская пара, которую Мария раньше встречала в городе, подошла, чтобы поздравить Гвен; та встала к Марии вполоборота.

— Какая очаровательная малышка! — воскликнула женщина. — Это твоя внучка?

— Да, дочка Гордона.

— Прямо-таки копия своего отца, — заметил мужчина.

— Куколка! — ответила Гвен.

— Я тут как-то заходил в магазин Гордона, — продолжал мужчина. — Он прекрасно ведет семейный бизнес. Сделал мне скидку на отличный электрический секатор, Блэк-энд-Деккер, просто потому, что я — приятель Эда.

— Таков уж наш Гордон, — лучась улыбкой, сказала Гвен. — Я не раз говорила: многим матерям достаются хорошие дети, но мой мальчик — настоящее сокровище.

Супруги попрощались и откланялись. Прикурив сигарету, Гвен посмотрела им вслед.

— Всю жизнь не могла запомнить их имена, — призналась она. — Он раньше играл с Эдом в карты по четвергам. Тэд и Элен? Или она Дора? Не важно — они такие скучные. Их дочь была влюблена в Гордона, а он и смотреть на нее не хотел.

— Мне нравятся твои сережки, Гвен, — сказала Фло.

— Фло! — воскликнула Мария, улыбнувшись, потом посмотрела на Гвен: ее лицо не изменилось. — Ты так называешь свою бабушку?

— Конечно, — ответила Гвен.

— О! — произнесла Мария. Одной рукой Гвен упиралась в свое стройное бедро. Мария поняла, что таким образом мать Гордона пытается скрыть свой возраст. Софи стояла на другом конце зала, пытаясь придать лицу беззаботное выражение. Однако время от времени она бросала на Марию, Гвен и Фло тревожные взгляды, словно хотела узнать, о чем они говорят.

— Так значит, у вас с сестрой вышла размолвка, — сказала Гвен с теплотой, удивившей Марию.

— Да, — согласилась она.

— Я люблю Софи как собственную дочь, — начала Гвен, — поэтому, я уверена, ты не воспримешь мои слова как злопыхательство. Однако я считаю, что ей стоит похудеть — тогда и ревновать не придется.

— Мама ревнует? — спросила Фло.

— Думаю, она делает из мухи слона, — сказала Гвен, как будто не слыша вопроса внучки. — Когда Эд управлял магазином, женщины всегда заходили к нему, покупали какие-то мелочи, которые никак не могли пригодиться их мужьям. Эд понимал, почему они это делают, и даже флиртовал с ними — слегка, чтобы поддержать бизнес. Софи никогда не могла этого понять. Раз или два я видела, как она превращается прямо-таки в чудовище со своими зелеными глазами!

— Мама не чудовище! — воскликнула Фло голосом, полным тревоги. Ее подбородок задрожал.

— Конечно, нет, — согласилась Мария, поднимая девочку на руки. Она не могла найти достойного ответа Гвен. При Фло нужно было говорить очень осторожно. Как-то раз, в слезах, Софи поведала ей, что, когда Гордон заезжает к своим родителям, Гвен обязательно находит повод пройтись перед ним из спальни в ванную в кружевном белье, а он присвистывает, словно от восхищения. Однажды после вечеринки, вытирая посуду, Гвен потерла о свою обтянутую свитером грудь размера Д каждый бокал для шампанского, прежде чем отставить его в сторону.

— Что случилось, детка? — каменным тоном произнесла Софи, приближаясь к ним.

— Мамочка! — увидев Софи, Фло немедленно начала всхлипывать. Девочка протянула руки к матери, и та забрала ее у Марии. При виде Софи Мария задрожала; казалось, слова, которые она собиралась сказать сестре, душат ее.

— Все в порядке. — Софи поглаживала дочку по спине. — Что произошло?

— Никакое ты не чудовище, правда? — капризно спросила Фло.

Софи смотрела прямо на Марию; Гвен не произнесла ни слова, чтобы прояснить ситуацию. Мария поняла, что она и дальше будет молчать.

— Я этого не говорила, — спокойно сказала она.

— А вот и мои девочки, — произнес Эд, обнимая Гвен и Софи. Носом он потерся о носик Фло. — Привет, Мария!

— Здравствуй, Эд. Можно поговорить с тобой, Софи? — спросила Мария, не спуская глаз с сестры.

Софи молча покачала головой, продолжая смотреть на Марию. Взгляд был такой, что Мария готова была от смущения отвести глаза, однако она заставила себя не делать этого. Она знала, что, стоит ей отступить, и Софи воспримет это как доказательство ее вины.

— Ну и куда подевался этот болван? — спросил Эд. Лица невестки и Гвен окаменели, однако обе не сказали ни слова. — Где он? Сегодня снова бездельничал в магазине — я заходил туда. Ты должна поговорить с ним, Софи. Каждый раз, когда я проезжаю мимо, он стоит у дверей и болтает с Эрлом Марсденом. Бездельник, говорю я вам.

— Эрл строит новый дом, — сказала Софи с высокомерием, сразу напомнившим Марии их мать. Помимо своего желания, она испытала чувство гордости за сестру. На Эде был костюм из полиэстера каштанового цвета и широкий галстук с рисунком из корабликов. При

других обстоятельствах, Мария обязательно прошептала бы на ухо сестре «веселенькая расцветка», как только он отошел бы на пару шагов.

— Тоже мне шишка, Эрл Марсден, — усмехнулся Эд. — Вот люди из загородного клуба — это да. Только их нашему Клещику никогда не окрутить.

— Не называй его Клещиком, Эд, — негромко попросила Гвен.

— Клещик, Клещик, — рассмеялся Эд. — Выпускник Принстона, подумайте-ка! Ну и куда подевался этот болван, я вас спрашиваю?

— Он говорит о папе? — спросила Фло. — Папа закончил Принстон.

Софи ничего не ответила. Она стояла прямо и смотрела вдаль поверх головы дочки. Мария была поражена тем, что отец называет Гордона болваном и Клещиком, а Софи и Гвен не осмеливаются вступить за него. Поискав сына глазами, Эд выбросил вверх руку и завопил:

— Эй, Клещик! Иди-ка сюда! Потанцуй со своей женой.

Сгорбившись, словно мальчишка, пойманный за какой-нибудь проделкой, Гордон подошел к ним и робко улыбнулся. Он не отрывал взгляда от родителей; Софи потянулась было к нему, однако вместо нее он обнял Гвен.

— Отличная вечеринка, мама, папа, — произнес Гордон.

— Ты поел, дорогой? — спросила его мать. — Попробовал эти маленькие колбаски?

— В соусе барбекю? Да, съел почти целую тонну. Обожаю их.

— Я знаю, — сказала Гвен. — Я тоже их обожаю.

В присутствии Гордона она совершенно преобразилась — подтянулась и заулыбалась. Если бы Марию попросили описать отношение Гвен к сыну одним словом, это было бы слово «благоговение».

— Видел, как ты прохлаждался сегодня, Клещик, — заметил Эд.

— Нет, папа, — сказал Гордон, нахмурившись: он явно пытался вспомнить, какой момент тот может иметь в виду. — Я был занят весь день. Пытаюсь заключить договор с фирмой «Дач Бой».

— «Дач Бой»? — воскликнул Эд. — А почему тебя не устраивает «Кавер-Брайт»? Мы всегда работали с этой фирмой. Это именно то, чего хотят покупатели.

— Они не доставляют товар в срок, — сказал Гордон, судорожно сглатывая слюну. — Покупатели приходят ко мне, а у меня пустые полки. Думаю, это будет отличная сделка.

Отец ухмыльнулся:

— Клещик и его отличные сделки. Да-да, именно это я и говорю: ты и твои отличные сделки.

— Почему Эд называет папу Клещиком? — спросила Фло, сжимая ладошками щеки матери.

— Потому что однажды к нему присосался клещ, — объяснил дед. — Ему тогда было десять лет, и он ходил с огромным уродливым клещом на шее. Кто первый придумал эту кличку? Пол Конклин?

— Да, кажется, он, — ответил Гордон. Марии стало стыдно за Гордона, стыдно за себя — за то, что она стоит и слушает, как Эд рассказывает об этом отвратительном эпизоде. Ей захотелось обнять Софи и Фло и отвести их подальше, чтобы они не видели, как унижают Гордона, а он не видел, что они это видят.

— Пол Конклин, — повторил Эд. — Великий бейсболист. Сколько он выбил в ваш выпускной год? Триста шестьдесят?

— Да, кажется, триста шестьдесят, — Гордон по-идиотски повторял за отцом его слова.

— Неудивительно, что он сделал такую карьеру, — сказал Эд. — А где он сейчас?

Работает спортивным комментатором в «Уайт Сокс»?

— Да, кажется, — ответил Гордон.

— Люблю Чикаго, — сказала Мария, пытаясь направить разговор в другое русло. — Я была там только два раза, но...

— Одноклассник Гордона ведет оттуда спортивные передачи, — перебил ее Эд. — Раньше профессионально играл в бейсбол, а теперь вот работает на радио. Прошлой весной приезжал в Хагуквити на открытие нового стадиона. Конечно, принстонского диплома у него нет. Простой, честный парень, обычный бейсболист. Правильно я говорю, Клещик?

— Правильно, папа, — ответил Гордон. Его лицо налилось кровью, на шее выступили жилы. Софи, напротив, побледнела; можно было подумать, что в мыслях она находится за сотни миль отсюда. Марии показалось, что сестра напевает про себя какую-то мелодию.

— Потанцуй со своей женой, сынок, — сказал Эд. — Давай, а мы с мамой посмотрим за Фло. Пойдешь ко мне, котенок? — Он взял Фло из рук матери; Софи одарила его лучезарной улыбкой.

— О, спасибо тебе, Эд, — после долгого молчания ее речь текла потоком, — наконец-то еще одна возможность потанцевать с моим мужем!

Мария была поражена подобной трансформацией и тем, как сестра благодарила Эда после всего, что он наговорил.

Казалось, будто Софи, напевая, заглушила все его слова, кроме предложения посмотреть за ребенком.

Гордон взял Софи за руку и повел танцевать. Оркестр играл «Лунную реку». Мария стояла и смотрела, как Софи прижалась к Гордону и они стали медленно покачиваться под музыку. У противоположной стены стояли Хэлли с Джулианом и Питер с Нелл и Энди. Их взгляды были устремлены на Софи.

— Жалко, что танец медленный, — произнес Эд. — Ей не помешало бы растрясти жирок.

— Ты слишком плохо себя вел, так что награды не жди, — сказала Гвен. Мария пошла прочь от них, прямо к двери, не оглядываясь и даже не поцеловав племянницу на прощание. Она вышла в прозрачную зимнюю ночь и остановилась на пороге, глотая морозный воздух. В голове еще звучала мелодия «Лунной реки», но мысли ее были далеко — она думала о том, что может произойти, когда Гордон и Софи вернутся домой. Что сделает Гордон? Она предполагала, что кому-то придется расплачиваться за слова Эда и знала, что это будет Софи.

В своей новой шлюпке Мария неслась по волнам, направляясь к островам Духов. Соленые брызги обжигали глаза. Для апреля погода была мягкой, хотя и прохладной. Шлюпку, заново покрашенную, она обнаружила сегодня у своего причала, к штурвалу был прикреплен аккуратно отпечатанный счет из «Храброго капитана», а вместе с ним записка от Дункана: «Наслаждайся своим приобретением. Буду думать о тебе». Она долго держала записку в руках; мысли о Дункане придавали ей силы, но было жаль, что они не встретились.

Подойдя к мелководью у берега Подзорной трубы, она прыгнула в воду, которая доставала ей до колена, и вытащила шлюпку на каменистый пляж. От холодной воды ноги заломило, потом они окоченели. С собой Мария взяла рюкзак, в котором лежали инструменты, кеды и бутерброд. Усевшись на берегу, она высушила ноги. Потом тщательно стряхнула с них песок, надела кеды и завязала шнурки. Все это время она гнала от себя мысли о Софи и Гордоне.

Окинув взглядом остров, Мария вспомнила недавно прочитанные книги и попыталась представить, где могла находиться фактория, возле которой индейцы сгружали привезенный камень. Она знала, что многие коренные племена Новой Англии процветали благодаря торговле камнем: его добывали в Массачусетсе или к востоку от Нью-Йорка, а потом везли вниз по реке Коннектикут к факториям в проливе Лонг-Айленда. Она представляла, как индейцы пеко организовали торговый пункт на Подзорной трубе и как они вытачивали из камня котелки, снаряды для пращей, тарелки и блюда.

Вопреки всем правилам археологии она носком кеда обвела небольшой участок земли. Вокруг места раскопок следовало натянуть веревки, разбить его на секции и начинать аккуратно копать.

Все эти методы она изучала сначала в колледже, потом с Альдо и не отрицала их важности. Однако на Подзорной трубе она чувствовала себя свободной; это были ее собственные раскопки, и впервые за все время работы у нее за спиной не толкались ученики Альдо, заглядывающие ей через плечо.

По ее приблизительным оценкам длина острова равнялась половине мили, ширина — четверти. За исключением каменистого пляжа, остальные берега были гранитными — они поднимались вверх, где переходили в плоскую песчаную равнину. Прямо на скалах росли дубы с клочковатой листвой и карликовые сосны, кое-где виднелись участки, заросшие серебристой аммофилой. Мария была уверена, что каноэ причаливали к пляжу, поэтому прошла по нему до того места, где появлялась первая растительность.

Женщина взяла в руки лопатку и решила раскопать пробный участок. Альдо всегда требовал от студентов, чтобы они снимали верхний слой почвы — его интересовали только самые глубокие слои. Охваченный нетерпением, он спешил пробиться ниже. Мария же последовала собственному правилу: встав на колени, она аккуратно соскребала почву до тех пор, пока ее состав не менялся — например, галька переходила в глину или глина в песок.

Она работала медленно и методично, и это успокаивало ее. Двигаясь таким образом, чтобы не вставать коленями на раскопанные участки, отмечала про себя все перемены в цвете и текстуре земли. Солнце начинало припекать. Мария обнаружила первый артефакт — использованный презерватив, потом второй — ключ от алюминиевой банки. Обе находки обрадовали ее; ей всегда нравилось, по мере продвижения в глубь, находить артефакты из

разных эпох, в том порядке, в котором они оказались в земле, как будто она поворачивала время вспять.

Когда верхний слой сменился следующим, галечным, Мария ощутила неожиданный прилив восторга, вытащила кисть и стала расчищать землю в промежутках между камнями. Ей попались два гладких осколка раковин. Она осмотрела их, пытаясь понять, бросила ли эти раковины птица или оставили после себя люди, приезжавшие на пикник. Зафиксировала находку в своей записной книжке и отложила осколки. Еще около часа работала кистью; ее колени затекли, а на ладони вздулся волдырь.

Мария уже собиралась закончить, как вдруг наткнулась на камень, отличавшийся от всех, что попадались ей до этого, — его длинный конец выступал из земли. Длина камня была около двух с половиной дюймов, у него были уплощенные волнистые края, острый кончик и коническое основание. Женщина узнала в нем наконечник для стрелы, вытесанный из кремния. По ее предварительным оценкам, он был изготовлен индейцами пеко в поздний керамический период, около 1600 года, после прибытия поселенцев из Англии.

Держа наконечник в руках и поглаживая пальцами его заостренные края, она внезапно поняла, что ни одна археологическая находка еще не доставляла ей столько радости, но вдруг Марию поразила мысль, что ей захотелось увидеть рядом с собой Дункана.

Дункана, ее старого приятеля. Не Альдо...

Однако затем, из-за чувства вины или по привычке, ее мысли обратились к мужу.

Он соглашался с тем, что Мария, выросшая в Хатуквити — городе с индейским названием и фольклором, когда-нибудь должна провести там раскопки. То же самое действие оказывал на него Рим. Альдо ходил в школу вдоль стены Аврелия, играл в Колизее и Форуме, получил первое причастие в церкви, которой было больше тысячи лет, и поэтому стремился к изучению прошлого этого города. Думая об Альдо, Мария снова и снова поворачивала в руке высеченную древним индейцем стрелу.

Она вспомнила ту холодную ночь в палатке, когда сообщила мужу о своем уходе. Тот стоял вполоборота, опираясь на стол и засунув руки в карманы пиджака цвета хаки. Казалось, он рассматривает сделанную с воздуха фотографию раскопок, стоявшую на пюпитре. Его римский профиль четко вырисовывался в свете керосиновой лампы, было видно, что Альдо с трудом сдерживает гнев.

— Ты этого хочешь? Положить конец нашему браку? — произнес он, нарушив долгое молчание, воцарившееся после слов Марии.

— А ты? — спросила Мария. Ей было удивительно то, что после всех ночей, когда она оставалась одна, и дней, когда муж следил за ее работой с отчужденным, наставническим видом, ее решение оказалось для него неожиданностью. Они не в первый раз говорили о расставании.

Однако Мария впервые сказала Альдо, что едет в Хатуквити и не вернется назад.

Он пожал плечами, потом начал мерить шагами палатку, глядя на стены, пол — только не на Марию.

— После стольких лет, — сказал он.

«Посмотри на меня», — подумала Мария. Ей показалось, что муж сейчас заплачет, начнет говорить об ушедших счастливых временах, иными словами, даст понять, что решение Марии — одностороннее и никак не зависит от него.

— Ты хочешь сказать, что все еще любишь меня? — спросила она.

Альдо посмотрел ей в глаза.

— Я всегда буду любить тебя, — ответил Альдо. Однако по его грустной улыбке стало ясно: он тоже считает, что их браку пришел конец, и любит ее так же, как и она его — ощущая горечь потери, расставания с их прошлым.

— Я уезжаю на следующей неделе, — произнесла Мария. — Мне бы хотелось, чтобы без меня все шло гладко — большинство дел можно передать Кармен, а я...

Альдо прижал палец к ее губам, не дав ей закончить.

— Не будем об этом, — сказал он. — Только не сейчас. Моя жена сказала мне, что уходит, и это единственное, о чем я могу сейчас думать. Ты отважилась облечь в слова то, о чем мы оба думали.

Он говорил с грустью и нежностью, однако Мария ощутила злость при мысли о том, какой боли можно было бы избежать, если бы он сразу сказал ей, что думает о разводе, а не держал вместо этого на расстоянии, ежедневно унижая ее. Взгляд Марии упал на их кровать, стоящую в углу палатки. Каждую ночь, закончив работу, Альдо ложился рядом. Она не знала, будет ли он и дальше спать бок о бок с ней; не знала, хочет ли этого сама.

Однако Альдо поступил храбро. Он пересек палатку, подошел к ней и поцеловал в макушку.

— Buona notte, bella, — сказал он. — Посплю на раскладушке у себя в офисе.

Мария вздохнула. Она сидела рядом со своим новым раскопом на Подзорной трубе, трогая большим пальцем острие найденной стрелы. Ей на память пришла недавно прочитанная индейская легенда о любви и предательстве, в которой смельчак-индеец отправился за духом своей жены на Землю мертвых.

После того как она только что вызвала призраков из собственного прошлого, Мария готова была поверить в эту легенду.

Негромкий тархтящий звук заставил ее оглянуться — она увидела, что к берегу приближается «Алисия», оставляя пенный след на спокойной поверхности воды. За штурвалом стоял Дункан — увидев женщину, он помахал ей рукой. Потрясенная и обрадованная его приближением, Мария замахала в ответ. Она аккуратно сошла с раскопа и по гранитным выступам побежала к воде, держа в руке свою находку.

— Только взгляни на это, — воскликнула она, едва его лодка коснулась берега. Однако по тому, как он пошел к ней, — без улыбки, с суровым выражением карих глаз, — она сразу поняла, что произошло нечто ужасное.

— Что случилось? Говори скорее, — сказала она.

— Питер попросил меня поехать за тобой, — ответил Дункан. — Софи в больнице.

— Что произошло?! — закричала Мария. В ее голове мелькали страшные картины: Софи с удавкой на шее, Гордон со вздувшимися жилами, Фло и Саймон, в слезах мечущиеся по двору. Она услышала голос Эда: «Клещик, Клещик, Клещик». И где-то в глубине души она чувствовала: что-то должно случиться и надо этому как-то помешать.

— Софи упала с лестницы.

Мария безотчетно бросилась к своей шлюпке, но Дункан схватил ее за руку.

— Не надо, — сказал Дункан. — Я отвезу тебя. Не думаю, что ты сейчас в состоянии править.

У него на руках были следы синей краски, полоска такой же краски пересекала загорелую щеку.

Не говоря ни слова, Мария забралась на «Алисию» и посмотрела на Дункана, тот закреплял ее шлюпку на берегу, бросив якорь выше линии прилива. В ближайшие дни она

собиралась придумать для нее название, думая об индейцах, у которых не было фамилий, только имена. В «Сказках индейцев пеко» она прочла, что мальчиков называли в честь умерших предков или придумывали им имена, связанные с небом, например, Парящее Облако, или Небесный Орел. Имена девочек были связаны с землей, растениями или водой: Живущая Среди Кукурузы, Женщина из Долины или Та, Что плыла к берегу.

Последнее имя заставило Марию вспомнить о Софи — потерпевшей крушение, тонувшей, пытающейся плыть к берегу, без надежды на помощь, — и у нее из груди вырвался стон.

Дункан залез в шлюпку, завел мотор и посмотрел через левое плечо, собираясь отплыть от берега. Он поставил мотор на реверс, поколебался и вдруг вернул переключатель на нейтральную передачу. Потом встал с расшатанной деревянной скамьи и подошел к Марии. Он обнял ее так крепко, что молния его куртки впилась ей в щеку. Это длилось несколько секунд. Дункан пытался передать Марии часть своей силы; она думала о том, что Софи наверняка не падала ни с какой лестницы.

— Тебе лучше? — спросил он. Мария кивнула, но в душе ей хотелось, чтобы это объятие не кончалось. Он встал за штурвал и на максимальной скорости повел «Алисию» прочь от островов Духов, мимо Скво-Лэндинг к причалам Хатуквити.

В комнате ожидания городской больницы Марию ждал Питер.

— У нее сотрясение, одна рука сломана, но все будет в порядке, — успокоил он, целуя щеку сестры. — Они утверждают, София упала с лестницы, которая ведет в подвал — несла целую кучу белья.

— Ты ее видел? — спросила Мария. Она смотрела брату в глаза и поражалась их сходству с глазами Софи. Те же золотистые пятнышки вокруг зрачка, длинные прямые ресницы, грустное выражение, которое становилось особенно заметным в тяжелые для семьи времена, например после смерти отца.

— Нет. У нее Гордон.

— Ты же знаешь, он это сделал, — сказала Мария.

— Я готов его убить, — ответил Питер. Мария, с грязью под ногтями и в рабочей одежде, почувствовала себя рядом с братом замарашкой, ведь тот был одет в аккуратный клетчатый костюм.

— Я... — Мария глотала слезы. — Питер, я предполагала, что он набросится на нее. — Произнести это оказалось еще труднее, чем допустить такую мысль.

— Что ты имеешь в виду?

— Прошлым вечером, на празднике у его родителей, я видела, как Эд унижал Гордона, — сказала Мария, и ужасные воспоминания пронеслись у нее в голове. — Я видела, что Гордон злится все сильнее — он весь покраснел от гнева... — Мария замолчала.

— Ты ничего не могла поделать, — ровным тоном произнес Питер. Его взгляд был устремлен в дальний конец больничного коридора, куда выходили палаты пациентов — в одной из них лежала сейчас их сестра.

Мария ничего не ответила. Действительно, что она могла сделать? Сказать Софи, что Гордон в ярости? Она сама это знала. Позвонить в полицию и заявить о еще несовершеннолетнем преступлении? Прокрасться в их дом и ждать, пока он взорвется? И все-таки мысль о том, что она могла остановить Гордона, не покидала ее.

— Мария, послушай меня, — сказал Питер, взяв ее ладони в свои и глядя прямо в глаза,

словно требуя от нее безраздельного внимания. — Я хотел, чтобы ты приехала сюда. Нелл сказала, что ты на раскопках, но Дункан Мердок знает, где тебя найти. Я оказался здесь потому, что мне позвонил доктор Солтер. Он говорит, Софи уже попадала к ним. Никто из нас об этом не знал, но ее не раз уже лечили от порезов и кровоподтеков. Однажды у нее был сильный ожог. Солтер позвонил мне в офис и сказал, что подозревает Гордона в нанесении ей телесных повреждений. Официально врач ничего не может сделать — обвинение должна выдвинуть Софи, а она даже с социальным работником не хотела разговаривать. Но на этот раз... — Питер замолчал, пытаясь справиться с накотившими слезами. Никогда раньше Мария не видела, чтобы брат плакал. Она погладила его по руке, сосредоточив взгляд на манжете идеально белой рубашки, выглядывавшей из рукава пиджака.

— Все будет хорошо, — прошептала она. Питер изо всех сил старался справиться с собой, не дать выхода рыданиям; все его тело содрогалось. Мария гадала, от страха или от смущения ее брат не дает выхода не привычным для него сильным чувствам. Возможно, дело было в группе интернов, стоявших у поста медсестры.

— На этот раз, когда за Софи приехала скорая, врачи заметили кое-что у Фло.

— Кое-что? — Мария почувствовала, как по коже у нее побежали мурашки. — Что именно?

— Синяки. Большие синяки на руке.

— А где она сейчас? И где Саймон?

— Они у родителей Гордона, — ответил Питер. — По закону доктор Солтер обязан сообщать полиции обо всех случаях, когда у него возникает подозрение в жестоком обращении с детьми. — Заговорив о законах и процедурах, Питер, казалось, смог собраться. Он снял очки, протер их льняным носовым платком, надел обратно.

— Ты сказал маме?

Питер покачал головой:

— Нелл должна была заехать к ней и все рассказать.

— Как Софи допустила, чтобы это случилось? — спросила Мария, чувствуя себя опустошенной. — Я любила ее так сильно и так долго, но знаешь что?

— Что? — спросил Питер. Как будто догадавшись, что Мария собирается сказать нечто очень тяжелое для нее, он обнял ее за плечи.

— Я ненавижу ее за это. За то, что она позволила мужу так обращаться с собой и с Фло.

— Не надо ее ненавидеть, — полным грусти голосом произнес Питер. — Сейчас ты ей нужна, как никогда раньше.

Мария поняла, что страстно желает, чтобы сестра нуждалась в ней. Она зажмурилась изо всех сил, сжав веки так, что, когда открыла глаза, перед ней поплыли цветные пятна.

В этот момент Гордон вышел из палаты и направился к ним. Казалось, он был удивлен, увидев Марию.

— Все в порядке, она отдыхает, — сказал он, напомнив ей старого семейного доктора.

— Ты чертов ублюдок! — воскликнул Питер, прижимая его к стене. Гордон поднял вверх руки, закрывая лицо. Брат Софи схватил его за руки, но тут Гордон отскочил в сторону и ударил Питера по носу. Питер дал ему кулаком под дых и собирался нанести еще удар, однако двое интернов оттащили его назад. Пятна крови, стекавшей по лицу Питера, расплывались на его белоснежной рубашке и ветровке Гордона.

— Он сломал вам нос, — сказал один из врачей.

Мария стояла в стороне и глядела на докторов и охранников, окруживших дерущихся;

потом повернулась и пошла по коридору к палате Софи.

Софи, лежавшая на белой постели с закрытыми глазами и марлевой повязкой на голове, выглядела безмятежной, словно мадонна Мемлинга. На ее щеке был фиолетовый кровоподтек. Мария подошла поближе, ей захотелось дотронуться до сестры.

— Софи! — негромко позвала она.

Левый глаз Софи вздрогнул и приоткрылся; правый так и остался закрытым. Увидев Марию, она вновь прикрыла веко.

— Что случилось? — спросила Мария.

— Я упала с лестницы, — еле слышно ответила Софи.

— Софи, скажи мне правду, — взмолилась Мария. — Я могу тебе помочь. Тебе нужна помощь, я знаю, это так. Ты должна мне открыться, хотя бы ради Фло и Саймона.

— Уходи.

— Это он сделал, так ведь? — настаивала Мария. — И Фло ударил тоже он.

— Он никогда не ударил бы Фло. Он ее отец. Фло получила синяки, потому что пыталась помочь мне. Она стояла внизу лестницы. — Софи говорила заученные фразы, словно ребенок, участвующий в рождественской театральной постановке.

— Это может убедить социального работника, — сказала Мария, — но не меня. Я знаю правду. Я видела, что он делал с тобой раньше.

— Тебе никто не поверит. Все знают, что ты завидуешь нашим с Гордоном отношениям. — На лице Софи появилась слабая самодовольная улыбка, словно она действительно верила в то, что говорит. При мысли о таком ужасающем самообмане Мария ощутила тошноту.

— Тебе нужна помощь, Софи, — произнесла она.

— У меня все в порядке, — отозвалась Софи. — Я счастлива.

Мария смотрела на сестру, не говоря ни слова, пытаясь привести свои мысли в порядок. В какой-то момент ей захотелось, не оглядываясь, покинуть палату. Однако она решила использовать свой последний шанс.

— Не говори ничего. — Просто подумай — обо всем, что произошло. Запомни, как тебе было больно. А потом подумай о Фло. Питер говорит, у нее вся рука в синяках.

При этих словах лицо Софи исказилось. Она словно боролась сама с собой, пытаясь овладеть ситуацией и решить, что говорить дальше. Однако глаза ее были по-прежнему закрыты.

— Софи? — обратилась к ней Мария.

— Оставь нас в покое, — сказала Софи. — Мы семья.

— Я тоже твоя семья, — заметила Мария. Софи не ответила, только еще сильнее зажмурила глаза. Ее здоровая рука сжалась в кулак.

— Почему ты не хочешь посмотреть на меня? — спросила Мария, заранее зная ответ: Софи, находившаяся под влиянием Гордона, понимала, что единственным человеком, способным развеять эти чары, была ее сестра. У нее возникло чувство, что, если она заставит Софи встретиться с ней глазами хотя бы на несколько секунд, та придет в себя.

Наверное, Софи тоже почувствовала это, потому что в панике стала искать на поручне кровати кнопку вызова медсестры. Найдя кнопку, она немедленно на нее нажала.

— Я вызываю медсестру, — сказала Софи. — Пусть она выведет тебя.

Мария ничего не ответила. Она коснулась губами влажного лба Софи и, не дожидаясь появления медсестры, вышла из палаты.

Нос Питера оказался сломан; сейчас его вправляли. Один из интернов передал Марии, что ее брат задержится в больнице на некоторое время и что он просил ее ехать домой и ждать там его звонка. Она вышла из дверей больницы, поразившись тому, что снаружи по-прежнему блестал восхитительный день. На тротуаре она увидела Дункана — тот стоял прислонившись к борту грузовичка с эмблемой «Храброго капитана». Он подошел к ней.

— Как она? — спросил Дункан.

— Она поправится, — тихо сказала Мария. — А почему ты не на работе? — Своим появлением он застал ее врасплох; внезапно у нее заколотилось сердце, а в желудке стало горячо — из последних сил она старалась держать себя в руках.

— У меня перерыв, — ответил он. — Я подумал, что у тебя здесь нет ни лодки, ни машины, вот и решил подвезти.

При обычных обстоятельствах такая предупредительность показалась бы ей чрезмерной, однако после пережитых тревог Мария ощутила, что колени ее слабеют.

— Вопрос в том, — продолжал мужчина, — хочешь ли ты вернуться домой или к своей шлюпке?

— Я и забыла про шлюпку, — сказала Мария. Точно так же она забыла и про наконечник стрелы, лежащий у нее в кармане. Она достала его и сжала в ладони, словно талисман.

— Шлюпку нельзя оставлять там до отлива, — сказал Дункан. — Ты никогда не вытащишь ее из песка.

— Тогда, наверное, я хотела бы вернуться на Подзорную трубу, — заметила Мария, ни в чем не будучи уверена. Город они проехали в полном молчании. Она смотрела в окно, не ощущая никакого желания завязать беседу, как делала обычно, оставаясь один на один с людьми, не принадлежащими к ее семье.

Она смотрела на Дункана, гадая, почему все-таки он приехал за ней — ее интересовала настоящая причина. Взгляд Марии упал на сильную мужскую руку, лежавшую на переключателе скоростей; она представила себе, как этой рукой Дункан касается ее щеки, и отвернулась к окну.

— А где «Алисия»? — спросил Дункан Джима, оставив грузовичок на стоянке.

— Тори поплыла на ней проверить сети Моргана, — отозвался Джим.

— Жаль, — сказала Мария. Ей хотелось вернуться к раскопкам, однако еще сильнее — и она признавалась в этом самой себе — ей хотелось снова пройтись на лодке с Дунканом.

— Не беспокойся, — произнес Дункан. — Мы пойдем под парусами. Я недавно спустил на воду лодку, в этом году плавал на ней только один раз. День отличный, ветер крепкий. Почему бы не попробовать? — Его взгляд был направлен на изящную парусную лодку, пришвартованную к пирсу; ее белоснежный корпус сверкал в солнечных лучах. На транце было выписано ее название — «Арктур».

— Люблю ходить под парусом, — сказала Мария.

Двадцать минут спустя, держа руку на румпеле, Мария поражалась тому, как можно было за такое короткое время перейти от отчаяния к безудержному веселью. Солнце скользило по спокойной поверхности моря, прокладывая алмазную дорожку от бухты Хатуквити до островов Духов.

На парусной лодке Мария чувствовала себя более привычно, чем на моторке. Они отплыли от пирса, потом обогнули красный буй в устье бухты и галсами пошли по проливу.

Лодка неслась по воде. Дункан сидел рядом с ней на поручне с наветренной стороны; крен был такой, что прямо перед глазами оказывались их собственные ноги, упирающиеся в бушприт, а леер правого борта постоянно погружался в воду.

— Готова, — сказала она. Они нырнули вниз, пропустив гик над головами. Кливер и грот опали, затем шелкнули, распрямляясь, когда лодка повернула через фордевинд налево. С поручня, на котором сидели Дункан и Мария, стекала вода.

— Почему ты продал мне не такую лодку, а это корыто? — прокричала Мария Дункану на ухо.

— Это очень хорошее корыто, — закричал он в ответ. — Для того, чтобы мотаться на Подзорную трубу и обратно, оно подходит гораздо лучше, чем эта лодка. Ты что-нибудь нашла сегодня утром?

— Да! — Их пальцы переплелись, и она вложила наконечник стрелы в его ладонь.

Мужчина внимательно осмотрел стрелу, улыбаясь Марии, когда они встречались глазами, потом протянул ее обратно. Когда лодка приблизилась к мелководью рифа Таутог, Мария слегка изменила курс. Их скорость снизилась почти наполовину.

— Ты отличный моряк! — воскликнул Дункан.

— После школы я редко ходила под парусом, — ответила Мария, польщенная его похвалой. В мыслях она вернулась к ее последнему плаванию: с Альдо, на озере Титикака, распложенном на две с половиной мили выше уровня моря, в окружении сияющих на солнце заснеженных гор.

— Я бы плавал весь день, будь у меня такая возможность, — сказал Дункан. — Конечно, я босс, так что ино-г-да даю себе поблажку.

Они прошли через пролив между Подзорной трубой и Маленькой раковиной и оказались в бухте. Шлюпка Марии качалась на воде, которая теперь стояла ниже. Мария ослабила фал, приспуская грот. Сойдя на берег, она вспомнила, какое счастье охватило ее, когда, копая землю, она заметила приближение Дункана. Потом она подумала о Софи.

— Я очень беспокоюсь за детей Софи, — сказала она.

— Флосси и... как имя ее брата? — спросил Дункан.

— Саймон. У Фло нашли синяки, — добавила Мария. — Что с ними будет, если их заберут у родителей? Куда их отправят?

— В приемные семьи, я думаю, — с сомнением в голосе сказал Дункан.

— Софи это убьет, — произнесла Мария. Что Софи будет делать без Саймона и Фло? Она подумала о том, что произойдет, если Софи и Гордон останутся одни, если им не нужно будет ни о ком заботиться и ни с кем считаться, и попыталась представить, как далеко все это может зайти. До сегодняшнего дня, когда она увидела сестру на больничной койке, она и вообразить не могла, что они способны на такое.

— Если он бьет Флосси, — сказал Дункан, — лучше будет отобрать ее у него. Она совсем крошка. Он же может ее покалечить.

— Я знаю, — согласилась Мария и спрятала лицо в ладони.

Она почувствовала, как Дункан обнял ее, но не стала сопротивляться. Через минуту все же высвободилась из его объятий.

— Ты женат, — спокойно прозвучал ее голос.

Он кивнул.

— Понимаешь, — начал он, — между нами... не все ладится. Она несчастна, и я тоже. Я уже и не думал, что когда-нибудь...

Мария хотела и дальше слушать Дункана, однако вместо этого обняла его рукой за шею и поцеловала. Закрыв глаза, она ощутила вкус соли на мягких, теплых губах. От мужчины пахло морским ветром и машинным маслом.

Когда поцелуй закончился, Дункан пристально посмотрел ей в глаза.

— Ну что ж... — сказал он.

— Мы оба несвободны, — промолвила она.

— Я не чувствую себя женатым, — отозвался он. — В это сложно поверить? Но это так, и уже давно. Мы живем вместе, вот и все.

— Я тебе верю, — произнесла Мария, подумав о них с Альдо. Ей хотелось прикоснуться к Дункану, хотелось, чтобы он снова обнял и поцеловал ее. — Когда перестаешь любить кого-то и когда вы уже не живете как муж и жена, браку конец.

Дункан покачал головой:

— Она тоже это чувствует. Алисия, моя жена. Мы почти не замечаем друг друга. Иногда не хватает сил даже на простую вежливость.

— Ты назвал шлюпку в ее честь, — заметила Мария.

— Назвал, — сказал Дункан. — Я никогда не хотел причинить ей боль и теперь не хочу. У нас есть ребенок, ему я тоже не хочу причинять боль.

Мария молчала, внезапно пораженная мыслью о том, насколько лучше для Саймона и Фло было бы, чтобы их родители развелись, а не играли в свои ужасные игры.

Дункан потянулся к Марии и поцеловал еще раз. Второй поцелуй отличался от первого — от него у нее по всему телу побежали мурашки; ей захотелось вместе с мужчиной спуститься в каюту его лодки.

— Не хочу возвращаться, — сказал Дункан через минуту.

Мария тоже не хотела назад. Она взглянула на часы, вспомнив о том, что Питер должен был позвонить ей по возвращении из больницы.

— Я должна ехать, — произнесла она.

— Я знал, что ты так скажешь, — ответил Дункан, не выпуская ее из объятий.

Мария не двинулась с места. В самой атмосфере этого места, мелководья у берегов Подзорной трубы, было что-то завораживающее, и она задавала себе вопрос, решились ли бы они с Дунканом поцеловаться где-нибудь еще.

— Позвони мне, если тебе что-нибудь будет нужно, — сказал он. Ее рука еще некоторое время лежала в его руке, потом он отпустил ее.

— Позвоню, — ответила Мария. Однако, забираясь в шлюпку и запуская мотор, она ощутила глубокую грусть. Она знала, что никогда не станет ему звонить. Вдали отсюда все встанет на свои места. Мария покидала остров, который индейцы пеко называли Землей мертвых, и отправлялась назад, в город, основанный пуританами, — она была их потомком, а старые убеждения не перешагнешь в одночасье.

Софи пробыла в больнице восемь дней — слишком долго для сотрясения; это беспокоило Дарков, особенно с учетом того, что Софи отказывалась видеть кого-либо из них, даже Хэлли. Однако доктор Солтер, принимавший обоих детей Софи и их двоюродного брата Энди, каждый вечер звонил Питеру и сообщал о ее состоянии. По его словам, на первой компьютерной томограмме было видно затемнение вокруг сосудов мозга; вторая томограмма ничего не показала, и Софи отпустили домой.

— Никто не верит, что она упала с лестницы, но сделать ничего нельзя, — сказал Питер. Он сидел во главе стола в доме матери, где собралась их семья.

— А что, если я расскажу полиции о той ночи, когда Гордон надел удавку ей на шею? — спросила Мария. — Тогда они смогут его арестовать?

Питер покачал головой:

— Только Софи может выдвинуть обвинение против мужа. Если бы у нас были доказательства жестокого обращения с детьми, тогда другое дело.

— Я страшно злюсь на Эда и Гвен, прямо-таки кричать готова, — сказала Хэлли тонким напряженным голосом. — Они держат детей у себя, как будто те находятся в их единоличной собственности. Кем они себя возомнили? Я тоже их бабушка!

— Да, никто не давал им на это права! — сказала Нелл. — Я позвонила Гвен, хотела пригласить их к нам поиграть, но она сказала, что дети только-только начинают привыкать к жизни в их доме, что они страшно расстроены происшествием с их матерью и нельзя нарушать их покой. И почему это Гордон живет у родителей? Почему не заберет детей домой? Никогда не думала, что он такой маменькин сынок.

— Гвен покрывает Гордона, — сказала Мария. — Она не хочет, чтобы мы увидели синяки на руке Фло. — Социальный работник подтвердил, что рука у ребенка была синечерная, с пятью четкими пятнами, соответствующими отпечаткам пальцев, однако это не имело никакого значения. Доктор Солтер объяснил им, что социальный работник ничего не может сделать, пока собственными глазами не увидит, что Гордон бьет дочь. Фло же подтверждала версию родителей, говоря, что Софи толкнула ее, когда падала со ступенек. Самым страшным во всей этой ситуации для Марии было то, что Фло, шестилетнюю малышку, заставляли лгать люди, которым она верила больше всего.

— И что же мы будем делать? — уныло спросила Нелл. — Сидеть и ждать, пока он ее убьет?

— О нет! — воскликнула Хэлли, зажимая уши руками. — Я даже слышать этого не хочу!

— Мне очень жаль, Хэлли, — сказала Нелл, однако та так и сидела, закрывая уши руками и зажмурив глаза.

Мария бесстрастно смотрела на свою мать. Как обычно, ее руки украшали золотые браслеты — один особенно массивный, с римскими монетами — и рубиновое кольцо с бриллиантами, подаренное Малькольмом на день рождения, — все это сейчас переливалось и играло в свете люстры. На фоне этих громоздких украшений запястья женщины выглядели еще более изящными и тонкими, как у ребенка. «Ну ладно, — подумала Мария, теряя терпение, — если ты хочешь, чтобы с тобой обращались как с ребенком...»

Мария потянулась к матери и отняла ее ладони от ушей. Удивленная, Хэлли распахнула глаза.

— Прекрати это! — сказала Мария.

— Мария, — предупреждая произнес Питер. Он сидел за столом в клетчатой фланелевой рубашке с расстегнутым воротом, взлохмаченный, чего никогда не позволял себе до этой истории с Софи.

— Прекратить что? — высокомерным тоном произнесла Хэлли.

— Прекрати строить из себя страдалицу, — сказала Мария. — У Софи серьезные проблемы. Из-за Гордона она оказалась в больнице — ты это понимаешь?

Хэлли кивнула и опустила голову. В уголках ее глаз показались слезы. Мария, пораженная, смотрела на мать — впервые в жизни она довела ее до слез. Она даже забыла, что собиралась сказать.

— Когда я была маленькая, — заговорила Хэлли, — я просто обожала моего отца. Все, что он делал, было правильно. Поэтому мне очень... больно слышать о том, что Гордон бьет Фло, и думать, что она не сможет любить своего отца так же сильно, как любила я. Это так грустно.

— Она справится с этим, — заметила Нелл. — Если он изменится, она сможет снова любить его. А потом, когда вырастет, будет уважать еще сильнее за то, что он смог изменить себя. — Она отвела от глаз прядь своих тонких рыжих волос. Мария никогда не одобряла это стремление подруги сглаживать острые углы. Ее мать, широко раскрыв глаза, прислушивалась к каждому слову невестки.

Мария продолжала смотреть на Хэлли. Как всегда, ей хотелось, чтобы мать отреагировала по-другому. Она не сомневалась в том, что Хэлли напугана происшедшим с дочерью. Однако каким-то образом ее потребность в душевном комфорте снова вышла на передний план, и вот уже Питер гладит ее по плечу, а во взгляде Нелл скользит тепло и симпатия. Действительно, она же мать Софи. На мгновение Мария ощутила чувство вины, однако оно тут же сменилось гневом — ведь утешали Хэлли, в то время как больше всего в этом нуждалась она, Мария. Она любила сестру сильнее всех на свете и как никто другой нуждалась в утешении.

— Я такая эгоистка, — несчастным голосом сказала Хэлли. — Если бы только я больше времени проводила с ними, я бы заметила, что там что-то не так. Я всегда любила Гордона, однако, честно говоря, не была близка с ним. Ему нужно обратиться за помощью — ради семьи.

— Да какое нам дело до Гордона! — вскипела Мария. Она понимала, что ее слова обидели Хэлли, однако безудержная ярость толкала ее вперед. — Какая разница, изменится он или нет! Я хочу одного — чтобы он убрался к чертовой матери и оставил в покое Софи и детей!

— Он же ее муж, — произнесла Хэлли.

— И что? — воскликнула Мария. — Я — ее сестра. Я боюсь, — она секунду поколебалась и закончила, — что он ее убьет.

— Не говори так! — повторила Хэлли, однако на этот раз голос ее был ровнее, и она не зажала уши руками.

Дарки так и не пришли ни к какому решению. В полном молчании они сидели вокруг стола, разглядывая привычный рисунок древесины. Мария нашла своего индейского вождя. Она отвоевала это место у Гордона. Нельзя было представить, что он снова войдет в дом Хэлли. Потом она подумала, что может больше не увидеть Софи, и содрогнулась от ужаса.

— Это Энди? — спросил Питер, прислушиваясь. Потом отодвинул стул, слегка

скрипнув по доскам пола, и пошел через холл в гостевую комнату, где Хэлли поставила для внуков кроватку. Не говоря ни слова, все последовали за ним.

Питер приоткрыл дверь в гостевую и тихонько вошел внутрь. Он, Нелл, Хэлли и Мария полукругом встали над спящим ребенком. Электрический свет из холла пробивался в комнату, но не доставал до кроватки, в которой мирно спал Энди.

Они долго стояли там, глядя на малыша. Он спал на животе, зажав руки в кулачки, его попка торчала вверх, а ножки были раздвинуты в стороны и согнуты, как у лягушки перед прыжком. Волосы мальчика — такие же рыжие, как у Нелл, — влажными завитками прилипли ко лбу, рот был слегка приоткрыт. Мария услышала, как где-то на берегу реки козодой испустил свой жалобный крик, и подумала о том, мог ли Дункан услышать его. Она заметила, что дышит в такт Энди, и поняла, что и другие дышат так же: в такт с ребенком, который сладко спит в своей кроватке, защищенный от всех невзгод.

Остров Подзорная труба выдавался из воды на большую высоту, чем остальные острова Духов. На его гребне росли дубы и сосны; если бы не деревья и не выпуклая центральная часть острова, то с одного берега можно было бы легко разглядеть противоположный. Самый глубокий слой почвы начинался сразу за песчаным пляжем, на который Мария вытаскивала свою шлюпку, и именно там она решила сосредоточить свои раскопки.

Ей попало несколько монеток, черная пуговица, обломки пластмассового буйка и наконечник для стрелы с одним зазубренным краем. Женщина пробовала копать в разных точках, однако, как ни старалась, других следов индейцев обнаружить не могла. Она уже подумывала о том, чтобы перенести раскопки на другой остров, когда на тринадцатый день, аккуратно расчищая землю, наткнулась на могилу.

Скелет лежал на спине, его руки были подняты вверх и закрывали лицо. Рядом с ним из земли выступал ободок каменной чаши. В нее положили пищу, которая могла пригодиться покойнику в следующей жизни, — Мария знала, что этой традиции следовали как индейцы пеко, так и шаванты. находка потрясла и обрадовала ее, однако благодаря своему опыту она действовала неторопливо и осторожно. Кистью расчистив пыль, обнаружила среди костей бусы и тусклые металлические диски. Это были драгоценности, и их присутствие означало, что кто-то любовно одел и украсил тело перед погребением. Там же лежал и наконечник от стрелы, наверное, для защиты на Земле мертвых.

Расчистка скелета заняла несколько часов. Солнце грело Марии спину, пока она, стоя на коленях, записывала в дневнике сведения о глубине захоронения, состоянии и расположении костей. Для того чтобы похоронить тело в таком необычном положении, с руками, закрывающими лицо, должны были потребоваться немалые ухищрения.

Она сделала несколько черно-белых фотографий, потом несколько цветных, чтобы зафиксировать отложения ярь-медянки на костях в тех местах, где находились бронзовые украшения. Мария пристально рассмотрела скелет: два ребра были сломаны, а по длинным пальцам на руках и широкому тазу она сделала заключение, что это было тело индианки.

Ближе к вечеру Мария встала на ноги и потянулась. От долгого стояния на коленях все ее тело затекло. Она не могла понять, почему женщину похоронили одну, на острове. Обычно кладбища у индейцев пеко располагались неподалеку от их поселений, ведь они любили навещать своих покойников. Хотя небо было еще светлым, на востоке уже висел бледный месяц. Из рюкзака Мария достала колышки, бечевку и лист полиэтилена. Она воткнула колышки в землю и соорудила над захоронением подобие тента. В бухте рыба плеснула по поверхности воды и тут же нырнула в глубину. Мария не планировала так надолго задерживаться на острове.

Дрожа, она забралась в шлюпку и отплыла от берега, направляясь к Скво-Лэндинг. В городке зажигались огни, на землю опускалась ночь. Мария медленно вела шлюпку по волнам, оставив в кильватере острова Духов, и всю дорогу домой думала о могиле, которую нашла.

После того как Софи вышла из больницы, Мария не раз испытывала настойчивую потребность позвонить Дункану. И вот наконец, усевшись у разожженного камина с бокалом вина в руке, она набрала номер мастерской. Слушая длинные гудки, она представляла себе, что скажет, если он ответит, и собиралась рассказать о сегодняшнем дне и захоронении на

Подзорной трубе.

Она прижимала к уху телефонную трубку, и гудки, казалось, вели с ней диалог. Стало ясно, что Дункана в мастерской нет. Воображение рисовало картину: вот он дома, сидит на диване рядом с Алисией — кстати, а как она выглядит? — и помогает сыну делать домашнее задание. Мария повесила трубку, почувствовав себя виноватой за то, что первым делом позвонила ему.

Однако ей было необходимо с кем-то поговорить, и тогда она набрала номер клуба археологов в Шаван де Хуантаре, надеясь застать Альдо за ужином.

В крайнем случае там могла оказаться Кармен Пуно. На ломаном испанском она спросила Альдо — оказалось, он сидел в баре.

— Мария! — раздался знакомый голос в трубке. Услышать свое имя, произнесенное этим голосом с итальянским акцентом, было так приятно, что она улыбнулась, потом отпила вино и ответила:

— Привет, Альдо!

— У тебя все в порядке? За все это время я не получил от тебя ни одного письма.

— Все хорошо. — Она боролась с желанием рассказать мужу о Софи. Мария знала, что стоит только начать, и она уже не сможет остановиться. На разговор уйдет не меньше часа — а ведь это международная линия. Поэтому лучше было промолчать. — Я веду раскопки на островах Духов, — сказала она.

— Нашла что-нибудь?

— Сегодня обнаружила могилу. — Она описала свою находку: положение тела, состояние костей, сказала, что, по ее предположению, это тело индианки.

— А посмертные подношения? — задумчиво спросил Альдо, желая получить полную картину. Мария знала, что посмертные подношения — предметы, похороненные вместе с телом, — всегда интересовали его.

— Я их еще не доставала. Там есть каменная чаша, наконечник стрелы, кое-какие драгоценности. Но они пока находятся слишком глубоко.

— Поблизости есть другие могилы? — спросил Альдо.

— Я не видела, — ответила Мария. — Я и эту не ожидала обнаружить. Я предполагала найти там следы фактории, а не захоронение.

— Очень интересно, — отозвался Альдо. Мария представила себе, как там, в Перу, он сидит, прижав палец ко лбу, и размышляет о раскопе, которого никогда не видел. Дедукция была его коньком. В каждой археологической находке он видел загадку, которую требовалось разгадать. Это он научил Марию узнавать историю каждого обломка, каждого скелета, благодаря ему она по-прежнему считала, что частные детали по важности не уступают широкому контексту.

— Какие предположения насчет ее смерти?

— Пока никаких.

— Видимые повреждения есть? Кости все на месте?

Мария попыталась вспомнить.

— Два ребра сломаны, — сказала она.

— Да, это могло быть ранение, — заключил Альдо. — А может, они сломались позже, под весом почвы. Оружие?

— Пока не видела, — ответила Мария. — Я еще дошла не очень глубоко.

— Отправь мне твои записи, bella. — Альдо заговорил быстрее, как будто стараясь

закончить разговор. Мария подумала, что у него могла появиться девушка, которая теперь стоит рядом и торопит его. При этой мысли она ощутила укол ревности.

— Я сделаю копию. — И пошлю тебе фотографии.

— Мария, — сказал Альдо, внезапно посерьезнев. — У меня новости от кардинала.

— Какого кардинала? — спросила Мария.

— Джованни, — ответил Альдо, имея в виду своего дядю, гордость семьи Джордано, одного из самых влиятельных кардиналов в Италии. — Наш брак признан недействительным.

— Но мы же говорили о разводе, — возразила Мария, потрясенная. — О разводе, а не о признании брака недействительным. Получается, мы никогда не были женаты? Ты сказал, что между нами не было брачных отношений или еще что-то в этом роде? — При мысли об этом Мария пришла в ярость.

— Нет, конечно, нет, — поспешно возразил Альдо. — Разрешение на признание брака недействительным дал сам папа. В знак благоволения кардиналу.

— Но для чего?

— Для того, чтобы мы снова могли вступить в брак, — ответил Альдо.

— Ты уже нашел кого-нибудь? — спросила Мария, вспоминая Филиппу, красавицу-студентку с последнего курса Кембриджа.

— Нет. Но я думал, что так будет лучше, bella. Зачем тратить время на суды и адвокатов? Мы с тобой не такие люди. Я бы очень страдал, зная, что заставил тебя пройти через развод.

— Альдо, ты просто кусок дерьма, — отрезала Мария.

— Я знаю, — грустно согласился он.

— Никогда больше не называй меня bella, — продолжала она.

— Этого я не могу обещать.

— Я тебя ненавижу!

— Это естественно, — сказал Альдо.

— Недействителен! — вполголоса повторила Мария.

— В долгосрочной перспективе это лучший вариант, — ответил он. — Уверен, позднее ты согласишься со мной.

— Возможно, — грустно произнесла Мария. — Что ж, мне пора.

— Спокойной ночи, Мария, — сказал Альдо. Она попрощалась с ним и повесила трубку.

«Я не замужем, — думала Мария, допивая свой бокал. — И никогда не была». Беседа с Альдо была похожа на всю их совместную жизнь: неорганизованную, волнующую и полную сюрпризов. Он был прав: признание брака недействительным это лучше, чем развод. Она уже давно знала, что их браку настал конец, так что какая разница, как это будет называться с точки зрения закона? Она представила себе, как папа римский читает молитву, разрывая на мелкие клочки их свидетельство о браке, и расхохоталась. Ей захотелось немедленно поговорить с Софи.

Мария взяла трубку и набрала номер Литтлфильдов.

— Представь себе, — сказала она, когда в трубке раздался голос Софи, — мой брак аннулирован. Римский папа, близкий друг моего мужа, объявил, что мы с Альдо никогда не были женаты.

Ей показалось или она услышала на том конце провода сдавленный смех?

— Софи? — позвала Мария, широко улыбаясь. — Ты слышала, что я сказала? Его святейшество все отменил. Наверное, это значит, что ты никогда не была подружкой невесты у меня на свадьбе.

Софи не вешала трубку, хотя и продолжала молчать. До Марии доносились только звуки телевизора, который работал где-то в доме Литтлфильдов. Она долго сидела так, связанная с сестрой через телефонную линию. Потом Софи тихонько положила трубку и Мария услышала короткие гудки.

Дождь лил без перерыва четыре дня. Дворы превратились в болота, а улицы — в реки. Речка Белл вышла из берегов, как это обычно бывало весной. Владельцы магазинов клали у дверей газеты и листы гофрированного картона в тщетной попытке сохранить чистоту; покупатели, обутые в резиновые сапоги, оставляли за собой грязные следы вперемешку с бумажной кашей. Вместо приветствия жители города говорили: «Ну и грязища!»

Мария чувствовала себя подавленной из-за того, что никак не могла поговорить с Софи. Последняя попытка была все же лучше, чем ничего, однако она лишней раз напомнила Марии, как они относились друг к другу раньше. Каждое утро она усаживалась у окна и смотрела на туман. Иногда он немного развеивался, и тогда можно было разглядеть острова Духов. Она стремилась продолжить раскопки, однако для них было слишком сыро.

Марии захотелось побольше узнать о кладбищах индейцев пеко, поэтому она позвонила отцу Хоуксу, священнику епископальной церкви и местному знатоку истории. Он предложил ей зайти.

Она оставила свой черный зонтик у входа, предварительно стряхнув с него дождевые капли, и вошла в обшитую досками и покрашенную белой краской церковь Святого Луки. В последний раз она там была на Рождество, в тот год, когда родилась Фло. В честь этого радостного события Дарки и Литтлфильды решили вместе отправиться в церковь и поблагодарить Господа за дарованную младенцу жизнь. Всю службу Фло плакала, поэтому Софи пришлось уйти пораньше.

Холодный серый свет пробивался через высокие окна. Мария бросила взгляд на скамью, на которой они сидели, когда отпевали отца.

Мария сидела между Хэлли и Софи. Она вспомнила, как мать тихонько всхлипывала, пока шло отпевание. Она взяла ее руку в свою и пожалала, однако ладонь Хэлли так и осталась безжизненно лежать в ее ладони. Хэлли была безутешна. Марии было грустно, точно так же чувствовали себя Питер и Софи. Однако они почти не знали своего отца. К тому моменту, когда они немного подросли, он был уже слишком стар и болен. Именно тогда Мария поняла, что Хэлли не просто заботилась о нем, как о престарелом родственнике: она была ему преданна, потому что искренне любила.

Теперь, глядя на скамью, где она сделала это открытие, Мария подумала о том, что Малькольм был единственной настоящей любовью Хэлли, и после его смерти не осталось никого, кто относился бы к ней как к ребенку. Вместо этого у нее самой на руках оказалось трое детей, и она не представляла, как с ними управляться.

— Мария? — отец Хоукс стоял в дверях своего кабинета. Они пожали друг другу руки. Женщина чувствовала себя неловко из-за того, что пришла в церковь говорить об археологии, и это после того, как она много лет не была на воскресной мессе.

— Как поживают ваши родственники? — спросил он.

— Хорошо. Ее мысли переключились было на Софи, но она тут же вспомнила, что пришла по делу.

— Проходите, — пригласил ее отец Хоукс.

— Спасибо, что согласились встретиться со мной, — сказала Мария. Отец Хоукс всегда казался ей похожим на ястреба с его крючковатым носом, загнутым вниз, и подбородком, загнутым вверх; у него были маленькие и пронизательные голубые глаза. Из-за высокого

роста он слегка сутулился, пряча шею в свой белый воротничок. Мария всегда побаивалась его, да и церкви вообще. Она казалась ей суровой и беспощадной, как ледяной ветер Новой Англии. Однако отец Хоукс одарил ее широкой, обезоруживающей улыбкой.

— Для меня это удовольствие, — произнес мужчина, указывая на черное виндзорское кресло по другую сторону стола. — Я всегда думал, что кто-то должен произвести в наших краях археологические изыскания. Удивительно, что этого до сих пор не произошло, ведь здесь находился важный центр жизни индейцев пеко.

— Это не полномасштабные раскопки, — сказала Мария. — Я работаю сама по себе, на островах Духов.

— У нас есть кое-какие средства, — сообщил он. — Историческое общество получает финансирование, мы никогда не тратили из него ни копейки. Я председатель, так что...

Мария так и не поняла, предлагает он ей деньги или нет. Со вчерашнего дня она начала подумывать о том, чтобы подать в Археологический фонд заявку и получить грант на изучение обнаруженного захоронения.

— Вчера я нашла могилу, — сказала она, устраиваясь поудобнее.

— На островах? — спросил он, нахмурившись. — Удивительно. Мы знаем о кладбище индейцев пеко, расположенном здесь, в городе, и еще об одном, на Скво-Лэндинг. Никогда не слышал, чтобы кладбище располагалось на островах. — Он подошел к длинному столу, стоявшему между двумя окнами, и вернулся, неся в руках большую черную книгу с названием «Древние кладбища в штате Коннектикут». Он открыл книгу на страницу с картой Хатуквити. Мария узнала ее: такая же карта была в книге с легендами, которую она брала в библиотеке.

— Я живу здесь, — сказала она, указав место на Скво-Лэндинг, где стоял ее дом.

— Ваш дом, может статься, построен на могилах индейцев, — сурово произнес отец Хоукс.

Судя по карте, ближайшее к ней кладбище располагалось на пространстве между двумя домами. Она не раз проходила там, однако могилы не были никак помечены.

— Не здесь, — сказала Мария, указывая на кладбище и думая о том, что он неправильно ее понял. — Дом стоит чуть западнее.

— На Скво-Лэндинг могилы разбросаны повсюду, — уточнил отец Хоукс. — Индейцы заключили соглашение с англичанином, купившим это место, что он перенесет кладбище.

— Я читала об этом. Он был убит до того, как смог сдержать обещание.

Священник кивнул головой:

— Это просто ужасно. Группы в защиту интересов коренного населения Америки до сих пор требуют, чтобы останки их предков были перезахоронены. Однако никто не знает точно, где находятся могилы. Каждый раз, когда копают землю под фундамент, находят новый скелет.

Мария, все это время думавшая о найденном захоронении, пришла в восторг от мысли о таких археологических сокровищах, лежавших буквально у нее на заднем дворе.

Отец Хоукс посмотрел на часы:

— Мария, было очень приятно с вами поговорить. Я высоко ценю то, что вы проводите здесь свои исследования. Пожалуйста, держите меня в курсе.

— Непременно, — ответила она, вставая; про себя она задавалась вопросом, насколько он был искренен.

— И я посмотрю, можем ли мы выделить вам деньги на работу, чтобы покрыть часть

расходов. Конечно, у нас сейчас не лучшие времена, и все же...

— Спасибо, — улыбнулась Мария. — Это было бы очень кстати. У меня большая и очень прожорливая шлюпка.

— Вы можете обратиться в местную корабельную мастерскую, — сказал священник. — Владелец женат на моей племяннице.

— Ее зовут Алисия Мердок? — спросила Мария.

— В девичестве Алисия Хоукс, — ответил он.

— О! — сказала Мария, пожалала ему руку и вышла из кабинета.

Вместо того чтобы отправиться прямо домой, Мария зашла пообедать у Кэти. Она заказала «сырную мечту» — сыр, поджаренный на гриле, с маринованными огурчиками и жареной картошкой. Кэти стояла за стойкой и болтала с посетителями, лопаткой счищая нагар с огромного черного гриля. Мария села за столик у стены и стала читать о погребальных традициях индейцев пеко. Дождь колотил по висящим под окнами ящикам с цветами, сминая примулы, частички земли попадали на стекло. На гриле шипела ее «сырная мечта». Каждый раз, когда хлопала дверь, Мария отрывала взгляд от книги, надеясь увидеть Дункана и опасаясь встретиться с Гордоном.

В кафетерий забежала Нэнси Грюнвальд, на ней был красный непромокаемый плащ и такого же цвета сапоги.

— Нэнси! — позвала ее Мария, надеясь, что та составит ей компанию.

— Как тебе дом? — спросила Нэнси, стряхивая воду с плаща.

— Восхитительно! Присядешь?

— Я бы с удовольствием, — ответила Нэнси, — но я только захвачу сэндвич и побегу обратно в офис. Я сегодня там одна.

— Жаль, — сказала Мария.

Дверь широко распахнулась, и в зал вошли Дункан с Джимом.

— В дождливый день весь город собирается у Кэти, — заметила Нэнси.

— До чего скверно на улице, — сказал Дункан, глядя прямо в глаза Марии.

— Вы знакомы? — спросила Нэнси; она собиралась представить их друг другу.

— Да, знакомы, — ответила Мария, заливаясь краской. — Привет, Дункан. Привет, Джим.

Вода, стекавшая с плащей Нэнси, Дункана и Джима, собиралась под столом Марии в лужу. Она чувствовала, как намокают подошвы ее кедров. Нэнси стала рассказывать, как ужасно в такую погоду показывать клиентам дома, всем очень неудобно из-за того, что в дом попадает грязь.

— Город превратился в болото, — сказал Джим.

— В большую лужу, — согласился Дункан. — Когда-то мы называли так Атлантический океан, а теперь зовем нашу корабельную мастерскую.

— Какой тебе сэндвич, Дункан? — спросил Джим.

— Наверное, я поем здесь. Ничего, если я присяду к тебе? — обратился Дункан к Марии.

— Конечно, пожалуйста, — ответила она, надеясь, что он не заметил, как сильно она обрадовалась.

— Что ж, побегу обратно на работу, — сказала Нэнси. — Была рада повидаться, Мария.

— Я тоже, — промолвила Мария. Она посмотрела, как Нэнси и Джим забирают со

стойки свои сандвичи, потом взглянула на Дункана. Он отряхивал дождевые капли с плаща и не заметил ее взгляда. Его рубашка прилипла к спине; ей захотелось расправить ее, однако она осталась сидеть на месте.

Официантка, работавшая в кафетерии в обеденные часы, убрала тарелку Марии и приняла у Дункана заказ: индейку с рисом. Мария попросила чаю с лимоном.

— Что ты читаешь? — спросил Дункан, взяв книгу у нее из рук.

— Я звонила тебе вчера вечером. В мастерскую.

— Обычно мы закрываемся в половине шестого. Надо было звонить домой. — Он рассеянно посмотрел в сторону Кэти, и Мария поняла, что на самом деле он этого не хотел.

— Я не могу звонить тебе домой, — заметила она.

— Мне недолго осталось там жить, — сказал Дункан. — Я переезжаю в коттедж у нас в мастерской. В эти выходные, после того, как мы все объясним Джеми.

Его слова повисли в воздухе. Удары сердца отдавались у Марии в ушах. Не из-за нее ли он собрался переезжать? Но она не могла задать ему этот вопрос.

— Мне было тяжело расстаться с Альдо, — медленно произнесла она. — Знаешь, вчера, когда я не дозвонилась до тебя, я позвонила моему мужу в Перу, и он сказал, что наш брак признан недействительным. — Мария старалась, чтобы ее слова прозвучали как шутка. Однако если вчера новость показалась ей смешной, то сегодня она не могла даже улыбнуться. Странно было говорить об Альдо, когда на самом деле она хотела быть с Дунканом. Тот протянул руку через стол и на мгновение прикоснулся к ее пальцам. Их взгляды встретились, они улыбнулись друг другу, и на сердце у нее потеплело.

— Я только что разговаривала с отцом Хоуксом, — сказала Мария.

— Дядя Алисии, — произнес Дункан. — Он венчал нас. — Его голос звучал глухо, а в глазах была видна боль.

Много ночей подряд, не в силах заснуть, она лежала и представляла себе разговор с Дунканом. Он всегда завершался поцелуем, ничем больше. Однако в этих фантазиях Дункан был полон любви и говорил ей такие вещи, которые она не слышала ни от одного другого мужчины. Сейчас, сидя в кафетерии Кэти, она потянулась к нему через столик и легонько дотронулась до его руки.

— Смотри-ка, — внезапно произнес Дункан. Мария подняла глаза и увидела, что в дверь входит Гордон. Он вытер ноги и отряхнулся всем телом, как пес лабрадор. Мария хотела, чтобы он увидел ее, тогда у него была бы возможность спешно ретироваться. Однако Гордон уже прошел точку невозвращения; он заметил сестру жены, только сняв пиджак. Пять долгих секунд они смотрели друг на друга. Потом Гордон дернулся и прошел к столику, делая вид, что не узнает Марию.

Мария была настолько поглощена страстями, разгоравшимися у Литтлфильдов, что ей странно было осознавать, что остальные жители города даже не подозревают о страшных тайнах их семейства. В глубине души ей казалось, что посетители кафетерия должны наброситься на Гордона, выкинуть за дверь, оставить мокнуть под дождем.

— Никогда раньше я не хотела никого убить, — ровным тоном проговорила она. — Но я так и вижу, как убила бы его.

Мария представила, как Гордон умирает от ее рук, как она убивает его за то, что он сделал с Софи. Ей не хотелось стоять на расстоянии от него, поэтому пистолет не годился, она хотела воткнуть в него нож или просто задушить голыми руками.

— Алисия говорит, Флосси в последние дни была очень тихая, — сказал Дункан.

— Да? Ты сказал жене, что произошло? — спросила Мария. Абсурдно было ждать от Дункана, что он будет хранить их семейные секреты от своей жены.

— Нет. Она сама обратила внимание. Обычно Флосси такая веселая, разговорчивая. Сложно было не заметить, что девочка вдруг так притихла.

— Действительно, — заметила Мария, вспоминая улыбающееся личико Фло и то, с каким восторгом она рассказывала свои длинные, запутанные истории. Все на свете было ей интересно. Мария перевела взгляд на Гордона. Он читал газету, листая страницы с таким ожесточением, что они едва не отрывались.

— Он чувствует себя не в своей тарелке из-за того, что я здесь.

— Само собой, — ответил Дункан. — Ты здесь единственный человек, который знает, что он натворил.

— А Алисия ничего больше не говорила про Фло? Она не видела синяки?

— Об этом она не упоминала. А ты их видела?

— Я не встречалась с детьми уже несколько недель, — сказала Мария. — Никто из нас их не видел. Гордон и Софи не подпускают нас к ним.

— В самом деле? — спросил Дункан. Его голос звучал тревожно. — Думаю, тебе надо с ними повидаться. Я имею в виду, с учетом того, что Гордон, м-м-м, жестокий, а Софи, ну... — Он запнулся, потом посмотрел прямо в глаза Марии. Чем дольше он молчал, тем сильнее нарастал страх в ее груди. — Больна, — выговорил он наконец.

Внезапно Мария поняла, что ей необходимо увидеть Фло и Саймона и убедиться, что дети в безопасности. Она взглянула на часы — половина второго. Племянники должны быть еще в школе.

— Во сколько у них большая перемена? — спросила Мария.

— В начальной школе? Не знаю, — ответил Дункан. — Пошли, я тебя подвезу.

Блеск в его глазах заставил Марию на мгновение остановиться. Она поняла, что видит в них отражение своего собственного страха за сестру, ее детей, за всю их семью. Однако ощущение общности с Дунканом немного ее успокоило.

— Я хотела бы, чтобы ты пошел со мной, но мы не можем явиться вместе в школу, где учится Джеми, — сказала она.

Дункан кивнул, сжимая ее руку. Мария больше не боялась, наоборот, она ощущала себя сильной, благодаря тому, что у нее был настоящий друг. Она поднялась и вышла на улицу.

Мария припарковала свой «мустанг» на стоянке для преподавателей и побежала под дождем к северной двери школы. Входить через эту дверь могли только ученики пятых и шестых классов, учителя и посетители; малыши пользовались южной дверью. Она помнила об этом еще с тех времен, когда сама здесь училась. Хуже всего было, когда она перешла в пятый класс и должна была входить в северную дверь, а не в южную, вместе с Софи, Питером и Нелл. Однако к шестому классу ей начало даже нравиться ощущать себя старшеклассницей.

Младшие классы располагались в дальнем конце коридора. Мария заглянула в один из них, потом в другой: оба были пусты. На стендах висели детские рисунки; в центре класса стоял небольшой каменный террариум. Мария не удержалась и заглянула в него, надеясь увидеть растения и черепашек, но террариум был пуст. От этого зрелища ей стало грустно. В школьные годы она обожала этот террариум.

Она почувствовала запах попкорна и вспомнила о давней школьной традиции жарить

его в дождливые или снежные дни и есть во время большой перемены в спортивном зале. Лестница, когда-то казавшаяся огромной, оказалась совсем маленькой — она шагала по ней через три ступеньки. В коридоре отдавалось негромкое эхо детских голосов. На мгновение Мария испугалась заходить в зал: что, если там ее встретят призраки ее учителей и одноклассников. Миссис Лерд, миссис МакМоррис, мисс Розен, Патти Шеллер, Хелен Уорбли, Джеффри Клэй, Во Стэнтон.

Однако в зале она увидела совершенно живых детей, занятых играми. Одетые в яркие теплые одежды, они бегали за мечами, скакали на матах, танцевали под песню Мадонны, словно запах попкорна привел их в неистовый восторг.

Учителя пока не принесли его, и Мария вспомнила, как ей всегда хотелось узнать, где они его готовят. Ее одноклассники утверждали, что попкорн жарят в кабинете директора или у школьной медсестры, однако наверняка никто не знал. В школе Ковой не было кухни: если бы она была, им не пришлось бы приносить с собой завтраки и они могли бы есть горячие блюда, как в старшей школе Хатуквити.

— Могу я вам помочь? — спросила учительница. Она выглядела очень молодо — с трудом верилось в то, что она уже закончила колледж.

— Я ищу Флоренс Литтлфильд, — вежливо ответила Мария.

Учительница взглянула на нее с подозрением.

— Вы не ее мать, — сказала она.

— Нет, я ее тетя. Мария Дарк.

Мария пожала учительнице руку.

— Теперь я вас узнала. Я видела вашу фотографию в «Нэшнл Джеографик», — сказала та, улыбаясь. — Дети знают, что вы учились в нашей школе, у нас на стенде висит ваш портрет. Фло вон там, вместе с братом. — Учительница указала в сторону окна. В сером свете Мария разглядела две небольшие фигурки.

— Спасибо, — поблагодарила она учительницу, повернулась и уже хотела идти, но вдруг остановилась. — Не могли бы вы сказать, где жарят попкорн?

— В учительской. Там есть микроволновка.

— А-а, — сказала Мария. Она подумала, что очень странно задавать вопрос, преследовавший ее в школьные годы, девушке, которая тогда еще даже не родилась.

Фло и Саймон стояли рядышком, прислонившись к стене, и смотрели, как играют другие дети. Несмотря на то, что они заметили Марию, ни один из них не пошевелился.

— Привет, тетя Мария, — сказал Саймон, когда она подошла к ним вплотную.

— Привет, мои дорогие, — отозвалась она, не пытаясь их обнять. Ей не хотелось смущать детей перед их товарищами. Поскольку дети могли подумать, что она принесла какие-то недобрые известия, Мария решила успокоить их.

— Я как раз проезжала мимо школы, — сказала она, — вот и решила зайти. Я ведь тоже здесь училась. Оказывается, в дождливые дни здесь по-прежнему жарят попкорн.

— Да, — ответил Саймон.

Фло молчала. Она смотрела в пространство, старательно избегая встречаться глазами с Марией.

— Фло? — обратилась к ней Мария. — Может быть, здороваешься?

Та медленно перевела взгляд на тетку и несколько секунд неотрывно смотрела на нее. Кожа девочки была бледной, как будто она простудилась. Софи одевала ее по-прежнему

аккуратно: на Фло был красный комбинезон и голубая водолазка. Косички были перевязаны бантиками из толстой желтой пряжи.

— Привет, — сказала Фло и снова уставилась вдаль.

— Почему вы не играете? — поинтересовалась Мария. Никто из детей ей не ответил. —

Так почему? — настаивала она.

— Мы не хотим, — ответил Саймон.

— А ты, Фло?

— Мы не хотим, — повторила девочка.

— Жаль. Большая перемена была моим любимым временем, — сказала Мария, покрывив душой в попытке скрыть охватившую ее тревогу.

— Мама не хочет, чтобы мы с тобой разговаривали. И папа тоже, — с усилием выговорил Саймон.

— Я этого не понимаю, — заметила Мария. — Я люблю вас. Родители объяснили вам причину?

— Потому что ты хочешь навредить нашей семье, — ответил Саймон. — Ты хочешь, чтобы нас забрали у родителей, — грустно закончил он.

— Саймон, все совсем не так, — сказала Мария.

— Нам пора идти. Мы не можем с тобой больше разговаривать. — Саймон подтолкнул Фло, она споткнулась. Мария подхватила ребенка, и на какое-то мгновение Фло прижалась к ней.

— Убери от нее руки, сука, — сказал Саймон.

— Саймон! — воскликнула Мария, шагнув вперед, к своему десятилетнему племяннику. Однако он отступил назад, потянув за собой Фло.

Не размышляя, одним движением Мария схватила Фло за руку и подняла длинный рукав водолазки. Жемчужно-белая кожа девочки была покрыта синяками. Фло заплакала.

— Отлично, — бросил Саймон Марии тем же голосом, каким говорил его отец. — Видишь, что ты наделала? — Они с сестрой бросились бежать.

Мария стояла, не двигаясь, и смотрела им вслед. Она знала, что должна обратиться к учительнице Фло, к директору или школьной медсестре, но вместо этого побежала по лестнице вниз, выскочила через северную дверь на парковку и застыла, стоя среди машин, под проливным дождем.

Облака, собравшиеся над Хатуквити за эту неделю проливных дождей, никак не хотели расступаться. От низкого давления у Марии постоянно болела голова; кроме того, тучи казались ей предвестниками беды. Она позвонила в школу и поговорила с учительницей Фло и директором. Казалось, ее звонок принес им облегчение.

— Я рада, что семья обеспокоена этой ситуацией, — сказала директор школы миссис Кэннон. — Мы очень тревожимся за Фло и Саймона.

— Тогда почему вы ничего не предпринимаете? — спросила Мария. Успокаивающий дружеский тон директора взбесил ее. Мария скорее поняла бы, если бы миссис Кэннон пылала ненавистью так же, как она.

— Мы сообщили о своих подозрениях в органы, расследующие дела по жестокому обращению с детьми. Они прислали к Литтлфильдам социальных работников, но те ничего не обнаружили.

— Ничего? А как же синяки? — недоумевала Мария. — И вообще, вы видели, как дети изменились? Фло всегда была такой веселой, общительной, а Саймон таким вежливым! — Мария не могла забыть пренебрежительного выражения на лице мальчика и того, как он назвал ее.

— Мисс Кальдероне, наш школьный психолог, пыталась поговорить с ними обоими. Однако дети твердят одно и то же: дома все в порядке, они любят родителей, а родители их.

Каким бы страшным противоречием это ни выглядело, но Мария верила, что родители действительно их любят. Она видела, какой сплоченной может быть их семья, как они всегда защищают друг друга.

Ей казалось, что Гордон создал собственную вселенную, единственными жителями которой были его жена и дети, где он правил единолично.

— И что же будет дальше? — поинтересовалась она.

— Мы надеемся, что дети доверятся кому-нибудь, — сказала миссис Кэннон.

— Или Гордона придется ловить на месте преступления? — спросила Мария.

— Боюсь, что так. Хотя мы, собственно, не знаем наверняка, что это он.

На мгновение Мария онемела. Ей уже показалось, что она нашла союзника, кого-то, кто тоже хочет защитить Софи и детей от Гордона, однако сейчас директор говорила, что это могла быть и Софи.

— Мы знаем, что это Гордон, — ледяным тоном сказала Мария.

Повесив трубку, она почувствовала себя так, словно отсиживается, ждет, пока уляжется буря, хотя в глубине души знает, что у этой истории не может быть счастливого конца.

Одиночество сводило ее с ума, поэтому Мария поехала навестить мать. Хэлли сидела на диване в гостиной и вышивала, она протянула вышивку Марии, чтобы та оценила ее.

— Это футляр для очков, подарок Джулиану на день рождения, — сказала Хэлли. — Я сама придумала, как его сшить.

Мария полюбовалась узором — это был вышитый мелкими стежками герб Кантри-клуба Хатуквити, а над ним скрещенные клюшки для гольфа.

— Уверена, что ему понравится, — заметила она. Мария смотрела, как мать вертит вышивку в руках, и думала, что этот подарок стоит Хэлли немалых усилий. Похоже, она питала к Джулиану сильные чувства.

— У вас с ним как, серьезно? — внезапно встревожившись, спросила Мария.

— Нет, — отрезала Хэлли безапелляционным тоном.

— На днях я была в церкви, говорила с отцом Хоуксом, и вспомнила похороны отца.

Хэлли бросила на Марию короткий взгляд:

— Ты говорила с ним о Софи?

— Нет, мы говорили о местной истории.

— После смерти отца Софи так заботилась обо мне, — сказала Хэлли, глядя на свою вышивку. — Мне казалось, что моей жизни настал конец, но Софи пришла мне на помощь. Она была такой хорошей девочкой.

— Наверное, трудно было остаться одной с тремя детьми, — нерешительно сказала Мария.

— Действительно трудно, — ответила Хэлли. — Сейчас с трудом верится, что с тех пор прошло столько лет. Мне шестьдесят семь, но в душе я ощущаю себя шестнадцатилетней.

Хэлли никогда не закрашивала седину. Она явно только что вернулась из парикмахерской: Мария обратила внимание на то, что волосы матери были уложены и закреплены лаком. Прическа старила мать, в то время как выражение лица Хэлли было потерянным и немного инфантильным.

— Могу себе представить, — без всякой иронии сказала Мария. Она присела рядом с матерью и взяла ее за руку. — Я приехала поговорить с тобой о Саймоне и Фло.

— Хорошо, — ответила Хэлли. — Только давай я сначала приготовлю нам чай.

Хэлли направилась в кухню ставить чайник, Мария пошла за ней. По дороге Хэлли бросила в стиральную машину несколько полотенец. Потом зазвонил телефон — это была Джинджер Тэлискер. Хэлли устроилась на стуле рядом с висевшим на стене телефоном — это означало, что она собирается поболтать всласть. Несколько минут Мария смотрела на мать, но та не обращала на нее внимание. Тогда она встала и поехала домой.

Ближе к вечеру выглянуло солнце. Мария схватила свои инструменты, завела мотор шлюпки и поплыла к островам Духов. Теплый бриз разогнал застилавшие небо тучи. Морская прогулка помогла Марии избавиться от неприятного осадка, оставшегося в душе после разговора с матерью. Впервые за последние дни она почувствовала себя свободной от семьи и стала думать о женщине, чью могилу не посещала с того дня, когда начались дожди.

Порывы ветра отогнули один из углов тента. Мария заглянула под него: кости лежали в том же положении, в котором она их оставила. Мария свернула полиэтиленовую пленку. В одну из бессонных ночей Мария подумала о том, что необходимо проверить тазовые кости скелета — на них могли оказаться следы растяжения, означавшие, что у индианки были дети.

Мария наклонилась и мягкой кистью начала расчищать таз покойницы. Она обратила внимание на обесцвеченные и истонченные края пористых коричневых костей. Прикоснувшись к одной из них, она провела пальцем по изгибу кости до сочленения с позвоночником. В одном месте кость выступала наружу; она могла сдвинуться с места, когда ребенок проходил по родовым путям. Дело довершили влажная почва, черви и минеральные отложения — они расширили трещину. Скелет сохранился на удивление хорошо: Мария была уверена, что тот, кто хоронил тело, сначала аккуратно завернул его в кожи, меха и циновки.

Она сидела на корточках и, словно сорока, переводила взгляд с потерявших блеск

украшений на кости. Внезапно она вспомнила вопрос Альдо о повреждениях, и стала проверять берцовые и бедренные кости, разыскивая следы переломов.

Потом Мария решила сосредоточиться на расчистке нескольких посмертных подношений, лежавших среди костей. Скорее всего, в момент похорон они были завернуты в саван, но по мере разложения все сместилось, поэтому кости и индейские талисманы перемешались между собой. Очистила от земли бусы — плесень и грязь оставили на них коричневые пятна, однако на свету стало ясно, что бусы были пурпурными, изготовленными из перламутровых раковин.

Откопать наконечник стрелы оказалось труднее. Он лежал в непосредственной близости от одного ребра, прижатый вторым. Мария взглянула на небо и поняла, что через час станет слишком темно для раскопок. Ей очень хотелось достать стрелу до заката. Она ожесточенно заработала кистью и маленьким долотом, думая о том, как странно, что стрела оказалась так близко к тому месту, где было сердце. И в тот же момент, подобно холодной волне, на нее накатило осознание: женщину убили стрелой в сердце.

На своих первых раскопках при виде скелетов Мария всегда начинала рыдать: их стиснутые зубы казались ей свидетельством пережитой боли; они словно просили о помощи.

Со временем она стала не такой сентиментальной и больше не плакала, научившись смотреть на свои находки отстраненно. На смену печали пришла объективность ученого.

Однако это могила отличалась от других. Она находилась совсем рядом с ее домом. Женщина, похороненная в ней, могла ходить по той же земле, по которой ходили теперь Мария и те, кого она любит. И в свое последнее путешествие индианка, живая или мертвая, отправилась, скорее всего, со Скво-Лэндинг.

Солнце уже садилось, заливая небо золотистым светом. Мария долго стояла на коленях, глядя на убитую индианку. Ей хотелось узнать, как та умерла, кто пустил стрелу и мог ли кто-нибудь ее спасти. Размышляя о возможности защищать, спасать, Мария вспомнила о Софи. Она встала и отряхнула с коленей грязь. Потом заново натянула над могилой полиэтиленовый тент.

Медленно идя по камням, она думала о Дункане Мердоке. Ей хотелось целовать его здесь, на берегу моря, которое он любил больше всего на свете. В этот самый момент тархтение мотора, послышавшееся со стороны бухты, заставило ее обернуться, и она увидела «Алисию», огибавшую мыс. Мария почувствовала себя так, будто сбылось ее заветное желание, сердце громко заколотилось в груди. Подойдя к кромке воды, она ждала Дункана.

Они помахали друг другу руками, не говоря ни слова. Мария смотрела, как мужчина бросает якорь в прибрежный песок, как подтягивает шлюпку к берегу. Солнце спряталось за верхушки сосен, спокойная вода бухты сверкала подобно черному льду. Окна домов на Скво-Лэндинг сияли оранжевым огнем, отражая закатные лучи.

Мария вспомнила, как в последний раз встречалась здесь с Дунканом. Предчувствие подсказывало ей, что сегодня он не принес никаких плохих новостей. Сердце Марии колотилось, казалось у самого горла. Ей хотелось еще немного посмотреть на него издали, подождать, пока сердце успокоится. Но он соскочил с носа шлюпки и по мокрому песку двинулся к ней. Светлые волосы, мокрые от соленых брызг, падали ему на глаза, и Марии захотелось своей рукой отвести их назад.

— Привет, — сказал он. — Я увидел твою шлюпку. Я знал, что ты будешь здесь.

— Откуда?

— Это первый погожий денек за последнее время. Я собирался плыть на рыбалку.

— О! — произнесла Мария.

Губы Дункана растянулись в улыбке.

— Но потом решил сделать остановку. Пока тебя здесь не было, я рыбачил, наверное, раз пятьсот. А сегодня увидел твою шлюпку.

— Я рада.

— Я подумал, может, ты хочешь есть? — сказал Дункан. — Сейчас время ужина.

— Серьезно? — отозвалась Мария.

— Ага. Хочешь чего-нибудь? Моя шлюпка — это почти что дом. Даже кухня есть.

— Я нашла кое-что невероятное, — похвасталась Мария, разглядывая шерстяной свитер Дункана, темно-синий, с белыми вкраплениями.

— И что это? — спросил он, наклоняясь к ней.

— Убитую индианку.

Мария хотела рассказать ему о своей находке, однако глаза мужчины, в которых плескались веселые огоньки, словно гипнотизировали ее. Они оба были счастливы просто от того, что стояли рядом, и знали, что произойдет дальше. Он притянул ее к себе, женщина уткнулась лицом в его свитер, а потом запрокинула голову для поцелуя.

Свитер оказался шершавый, и его руки тоже. Мария потерлась о него щекой и левой рукой ухватилась за манжету рукава.

— И ты приплыл сюда, чтобы накормить меня ужином? — спросила она, стремясь скорее оказаться в его шлюпке. Возможно, дело было в ее разговоре с матерью, которая никогда ее не слушала, или в часах, что она провела в одиночестве, извлекая стрелу из грудной клетки убитой индианки, но Марии было важно почувствовать рядом с собой теплое тело Дункана, погладить его широкую спину, ощутить, как от ее прикосновений по его коже пробегает дрожь, понять, что они оба живы.

— Мне нужно было тебя увидеть, — сказал он. Мария позволила ему взять себя за руку и подвести к шлюпке. Они забрались на нос суденышка, облепленный рыбьей чешуей, которая блестела в последних лучах солнца, протиснулись мимо зеленых проволочных вершей для омаров и пустых корзин к рубке и по маленькой лестнице спустились в каюту. Дункан зажег свет, и Мария смогла оглядеться. Она увидела маленький камбуз, обеденный стол, две койки, накрытые красными пледами и полки, на которых стояли журналы о лодочном спорте и детективы. Полки были из светлого дерева, неяркое розоватое освещение давали две маленькие лампы.

Дункан разжег плиту, и в каюте сразу стало теплее. Запустив руку в шкафчик, он доставал оттуда консервные банки и смотрел, что написано на этикетках.

— Как насчет похлебки из моллюсков? — спросил он.

— Отлично, — ответила Мария.

Дункан открыл банку, вылил содержимое в кастрюлю, добавил воды из бутылки и слегка уменьшил огонь.

— Итак, — сказала Мария, усаживаясь на койку.

Дункан сел напротив нее, сложил руки на столе и посмотрел на них. Руки покрывал загар, три костяшки были разбиты. Потом он поднял глаза и улыбнулся.

— Два месяца я ждал, что ты придешь сюда, — сказал он.

— Я тоже этого ждала, — призналась Мария. Она знала, что это звучит двусмысленно, но ей было все равно. Суп забулькал в кастрюле.

Дункан обошел вокруг стола. Для такого крупного мужчины он двигался грациозно, даже в тесном пространстве каюты. Он сел на койку рядом с Марией; она почувствовала, как его рука обвила ее плечи, она обняла его за шею и поцеловала. Мужские пальцы пробежали по ее шее, нырнули под свитер, погладили ключицу.

Они легли на койку и начали стыдливо расстегивать друг другу пуговицы на рубашках, потом остановились и крепко обнялись. Для Марии было очень странно лежать с кем-то, кроме Альдо, и она спрашивала себя, испытывает ли Дункан те же чувства. По сравнению с шершавыми руками, кожа на его мускулистых плечах и груди казалась очень мягкой; он погладил Марию по шее, потом по рукам так нежно, что она зажмурила глаза.

— Какая у тебя гладкая кожа, — прошептал он. — Я даже не думал, что кожа может быть такой гладкой.

Приподняв веки, она увидела прямо перед собой глаза цвета лесных орехов с золотистыми крапинками. Он улыбался ей. Она тоже улыбнулась, пальцем провела по его губам, ощущая тепло, биение жизни в их телах. Произнесла его имя, а он в ответ произнес ее.

— Я влюбился в тебя, — прошептал он, и она поверила его признанию.

Дункан выключил плиту и снова поцеловал ее. Его руки скользнули вверх, к ее груди. Он ласкал ее соски, сперва один, потом другой, пока она расстегивала его ремень. Это напоминало школьные времена, любовные объятия в тесноте, на заднем сиденье автомобиля, однако без прежней неловкости.

Да, неловкости не было, и Мария расстегнула его брюки, а он ее. Она высвободила его пенис, твердый, как слоновая кость. Дункан склонился над ней, опираясь на локти, заглянул ей в глаза, и они улыбнулись друг другу.

Койка немного пахла сыростью, из рубки тянуло свежим морским ветром.

— Я никогда не занимался здесь любовью, — заметил Дункан.

— Я рада, — шепнула Мария, обнимая его за шею.

Она притянула мужчину к себе, и он вошел в нее. Их тела двигались в такт морю, набегаящим волнам, ласкавшим корпус их суденышка, и ей хотелось прижаться к этому человеку так крепко, чтобы никакая сила не смогла их разлучить.

Домой они поплыли порознь, каждый на своей шлюпке. Мария плыла в кильватере Дункана, пока они не обогнули черный жестяной буй у входа в бухту острова. За ним Дункан повернул налево, к городу. Удаляясь, он дал два гудка, и Мария ответила тем же. Впервые она правила шлюпкой в темноте, ориентируясь на освещенное крыльцо соседского дома.

Созвездия пылали у нее над головой: Орион, Плеяды, Большая Медведица, Кассиопея. Мария все еще ощущала прикосновение сильных мужских рук на своем теле, а легкий ветер, игравший с ее волосами, напоминал дыхание Дункана.

Она включила прожектор и направила шлюпку к берегу, выбралась из нее и по жесткой траве зашагала к своему дому. Мысли перескакивали с Дункана на Софи, потом на индианку, лежавшую в могиле на острове Подзорной трубы. Подняв глаза на небо, она внезапно поняла, что ее чувства к обоим женщинам до странности похожи: она горевала и сопереживала им из-за тяжелых испытаний, которые выпали на их долю.

Очутившись дома, Мария приготовила себе чашку чаю, задернула занавески и села на диван в гостиной. Она представляла себе, что Саймон и Фло поселились у нее, а их родители уехали куда-то далеко, чтобы разобраться в собственных проблемах. Сейчас дети спали в своих комнатах наверху, а Дункан, их новый дядя, ждал Марию в спальне. При этой мысли

Мария улыбнулась. Неужели и вправду она, археолог, объездивший весь мир, мечтает сейчас о муже, детях, доме в Хатуквити?

Однако она тут же вернулась к реальности: Фло и Саймон не были ее детьми, а Дункан — мужем. Он был женат на другой женщине. Она отнесла пустую чашку в кухню и уже поднималась по лестнице наверх, когда зазвонил телефон.

— Алло? — сказала Мария.

— Это я, — прозвучал на том конце тихий голос Софи.

— Я как раз думала о тебе, — произнесла она, но сестра, не ответив, тяжело дышала в трубку.

— Софи? — спросила Мария, встревожившись. — Что случилось?

— Успокойся, пожалуйста, — негромко промолвила Софи. — Ты не могла бы приехать ко мне? Прямо сейчас. Я только что убила Гордона.

Софи ждала Марию на подъездной дороге. В доме на первом этаже горели почти все огни, словно там проходил праздник. Какое-то время сестры стояли в нескольких шагах друг от друга. Мария смотрела на красные потеки на щеках и груди Софи.

Спереди ее свитер был весь пропитан кровью. Когда Мария обняла сестру, та словно застыла.

— Все будет хорошо, — сказала она, отступая от Марии и потирая правое плечо и руку.

— Ты ранена? — спросила Мария.

— Я в порядке.

— Что случилось?

— Я уже позвонила в полицию, — произнесла Софи, словно не слыша вопроса Марии. Она как будто что-то сверяла в уме. — Я хотела убедиться, что ты уже едешь и что ты заберешь Фло и Саймона к себе. Они наверху, собирают вещи. В школу им завтра не нужно.

— Что случилось? — повторила Мария.

Софи посмотрела в сторону гаража, потом снова на сестру.

— Да скажи мне! — воскликнула Мария, встряхнув Софи за плечи. От прикосновения Софи вся скорчилась и внезапно повалилась на дорогу, сжавшись в комочек. Возможно, поступок Марии напомнил Софи то, что делал с ней Гордон: Мария пожалела, что так получилось. Она склонилась над Софи и попыталась обнять ее, но, когда прикоснулась к правой руке сестры, та снова отпрянула.

— По телефону ты сказала, что убила Гордона.

— Убила, — ответила Софи, всхлипнув. — Это был несчастный случай. Он выскочил прямо перед моей машиной.

Мария почувствовала, как внутри затеплилась надежда; если это не было убийством, сестре не придется сидеть в тюрьме.

— То есть ты не хотела этого делать? А где это случилось?

— Вон там, — сказала Софи, указывая рукой на свою машину, припаркованную на обычном месте перед гаражом. Из-за яркого света на первом этаже дома Мария не сразу ее заметила. Однако то, что она приняла за тень китайского клена, в действительности оказалось ногой Гордона.

— О, Гордон, — простонала Софи. Мария медленно подошла к телу Гордона. Его верхняя половина скрывалась под днищем машины, выступали только ноги. Мария склонилась над телом и увидела, что левое переднее колесо проехало по его груди.

Услышав голоса, Мария подняла взгляд на дом. Голова Саймона скрылась в окне родительской спальни на втором этаже, прямо над ней.

— Он мертв, так ведь? — спросила Софи.

Мария попыталась вспомнить, можно ли прощупать пульс на ноге, единственной части тела Гордона, к которой у них был доступ.

— Думаю, да, — ответила она, страшась дотронуться до него, и поспешила назад к сестре.

— Мы поссорились, — деревянным голосом сказала Софи. — Очень сильно. Я решила уйти от него и вскочила в машину. Уже завела мотор, и тут Гордон выскочил прямо передо мной. А потом он... оказался внизу.

— Софи, а откуда на тебе его кровь? — поинтересовалась Мария, касаясь щеки сестры.

— Кровь, — произнесла Софи, словно в беспамятстве. Пальцами она отыскивала на щеке место, к которому прикоснулась Мария. — Я залезла под машину, чтобы быть рядом с ним, — объяснила она несколько секунд спустя.

— А дети видели? Они были с тобой в машине?

— Дети спали, — ответила Софи.

В этот момент Мария поняла, что ее сестра лжет: Софи никогда бы не попыталась сбежать, не захватив с собой Фло и Саймона. Мария взяла Софи за руку; ей показалось, что она слышит звук сирены, однако это был телевизор, работавший в доме.

— Я позвоню Питеру, — сказала она. — Тебе нужен адвокат. Ты ничего не должна говорить полиции до тех пор, пока он не приедет.

Софи кивнула. В полутьме она выглядела совсем юной: смущенной, красивой и напуганной. Потеки на ее щеках можно было принять за грязные следы после бейсбольного матча, но никак не за кровь ее мужа.

— Ты сделала это сознательно, так ведь? — прошептала Мария.

— Да, — сказала Софи, сжимая ее руку. Ее глаза с доверием смотрели на сестру, и Марии показалось, что в их глубине она заметила торжествующий блеск.

— Но почему сегодня? — спросила она. Теперь сирены на самом деле приближались; их звук стал громче, когда машины свернули с Коув-роуд на подъездную дорогу к дому Литтлфильдов. — Что он сделал?

— Когда-нибудь я тебе расскажу, — пообещала Софи. Она отпустила руку Марии и повернулась к приближавшимся полицейским машинам. Их синие маячки уже мелькали между деревьями.

— Я позвоню Питеру, — повторила Мария. Она бросилась в кухню, но кто-то сорвал со стены висевший там телефон. Она побежала по лестнице на второй этаж, в спальню супругов. Саймон и Фло, съжившись, забились в угол родительской кровати. Увидев тетю, девочка завизжала и протянула к ней руки.

— Дорогие мои! — воскликнула Мария, обнимая Фло и целуя Саймона в лоб. Взгляд Марии остановился на прокушенной губе племянницы, однако в это время полицейские машины въехали во двор. — Я должна позвонить дяде Питеру, — сказала Мария.

Она потянулась к телефону, но внезапно увидела большой кровавый отпечаток ладони на трубке. Выбора не было, это был единственный в доме работающий телефон. Осторожно, чтобы не смазать отпечаток, Мария подняла трубку и набрала номер брата.

— Немедленно приезжай к Софи, — сказала Мария, как только Питер ответил. — Она только что убила Гордона.

Фло и Саймон никак не отреагировали на произнесенное вслух сообщение о том, что их мать убила их отца. Дети были как парализованные. Можно было подумать, что они спят с открытыми глазами и видят один и тот же кошмар. Их взгляды были направлены в одну точку. Мария покачала племянницу и, проследив за ее взглядом, увидела то, на что дети смотрели все это время и что будет преследовать их теперь всю жизнь: стену спальни, с брызгами крови и налипшими на них волосами, толстый светлый ковер, весь пропитанный кровью их отца, и открытое окно. Автоматически Мария оглядела комнату в поисках пистолета, ножа или ключи.

Она подхватила Фло на руки. Саймон не хотел вылезать из родительской кровати.

— Я сказал маме, чтобы она умыла лицо, — тихо пролепетал он. Он сидел сторбившись, охваченный отчаянием. Мария вспомнила его жестокую выходку в школе — сейчас с трудом верилось, что это тот же самый ребенок. Поскольку мальчик отказывался двигаться с места, Марии пришлось взять его другой рукой. Она была готова на что угодно, лишь бы увести детей из этой комнаты, залитой кровью.

Ей хотелось поскорее преодолеть лестницу и проследить, чтобы Софи не сказала ничего лишнего. В прихожей уже стоял полицейский.

— Привет, ребята, — добродушно произнес он.

Мария по-прежнему держала Фло на руках, а Саймона опустила на пол. Освободившись от его веса, ощутила боль в плече и внезапно поняла, почему Софи не давала дотронуться до своей правой руки: она растянула ее, когда тащила тело Гордона к окну и потом выталкивала наружу. Мария вспомнила, что сказала ей сестра перед приездом полиции: «Когда-нибудь я тебе расскажу», — и подумала, суждено ли ей услышать этот рассказ на самом деле.

Часть 2

ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОР, ИЛИ СТОЛИЦА МИРА

Они готовы все простить мне, выпустить меня из тюрьмы. Они рассматривают мои синяки, подбитый глаз, эту уродливую язву на ноге.

— За что ты убила мужа? — спросила меня одна из надзирательниц. Когда-то я видела ее в супермаркете «Колдуэлл», на ней была форма, и она покупала овощи. Женщина так легко задала этот вопрос, как будто бы мы столкнулись в магазине и она поинтересовалась, как я собираюсь приготовить цыпленка, лежащего в моей тележке.

— Я не знаю, — ответила я, решив, что это не ее дело. Я хотела одного — чтобы меня оставили в покое.

— Как же, наверное, ты его ненавидела, — сказала она голосом, полным участия. А потом рассказала, что как раз сейчас за стенами тюрьмы проходит марш в мою поддержку. — Там в основном феминистки — они всегда выступают, когда узнают о случаях, вроде твоего. Бастующие требуют, чтобы тебя освободили.

Я представила себе участниц этого марша, с их несчастными плакатами из картонок, привязанных к палкам от изгороди. Мама всегда жалуется на то, что они мешают движению, особенно летом, когда у нас и так нигде не протолкнуться из-за отдыхающих. Мне они никогда не мешали, наоборот, мне нравится включать вечером телевизор и видеть нашу тюрьму, здание из кирпича с белыми колоннами — в колониальном стиле, — место, где происходят такие интересные события.

Как правило, они требуют освобождения людей, которых считают несправедливо осужденными. Они всегда так страстно выступают в защиту этих заключенных — мне и в голову не приходило, что на самом деле те могут быть виновны. Поэтому сейчас я с тревогой представляю себе, как они ходят вокруг тюрьмы с плакатами, на которых написано: «ОСВОБОДИТЕ СОФИ! НАКАЗЫВАЙТЕ ПРЕСТУПНИКА, А НЕ ЖЕРТВУ». Ведь я на самом деле виновна.

Я не хочу, чтобы меня освободили. Я боюсь возвращаться домой. Как я могу войти в наш дом, когда мужа там больше нет?

Прошлой ночью мне приснилось, что он там. Сон был такой реальный, я видела все как наяву. Дети выросли, вылетели из гнезда. Мы готовили лобстеров в тяжелой черной кастрюле и слушали музыку по радио. Нам не нужно было говорить — мы читали мысли друг друга. Гордон думал: «Я люблю тебя», — а я думала: «Лобстеры почти готовы». Он достал из холодильника колбаску сливочного масла без соли и положил ее в маленький медный котелок, который Мария привезла нам из Парижа. Я подумала: «Будет забавно нарядиться в детские слюнявчики с нарисованными лобстерами». Гордон услышал мои мысли и рассмеялся. Он снял с сушилки наволочку, взял волшебные фломастеры Фло и нарисовал на ней лобстера, а потом завязал наволочку у меня на шее — слишком туго, как в той игре с удавкой, но во сне я знала, что он не хотел причинить мне боль. И тут я проснулась.

Когда я поняла, что это был сон, на меня навалились тоска и одиночество. Во сне я чувствовала себя счастливой, живой; проснувшись, я снова помертвела. Я сижу в тюрьме. В одиночной камере, под постоянным наблюдением. Я спрашивала, можно ли мне взять с собой фотографии Саймона и Фло; надзирательница сказала, что пока нельзя, но она скоро вернет их мне. В камере есть узкая койка, унитаз и раковина. Ни книг, ни газет, ни музыки.

Мое тело и платье, которое мне дали здесь, это единственные предметы, которые не прикручены к полу или стенам. Думаю, они опасаются, что я убью себя.

Я не могу перестать думать о Гордоне: я слышу его голос, вспоминаю время, которое мы провели вместе. Как мы праздновали Рождество, сажали яблони прошлой весной, ходили покупать детям обувь для школы в Торговый центр «Джуэл-Бокс», вечер нашего знакомства.

Билли Уокер пригласил меня на танцы по случаю Дня труда. У нас с Билли и у Джона Финнигана и Полли Крофорд не было постоянных возлюбленных, так что мы пошли вчетвером. Весь день в яхт-клубе Полли изводила нас вопросами о победителях дерби в Кентукки — все из-за того, что у ее родителей был дурацкий набор бокалов для коктейля, на которых были изображены эти знаменитые лошади: Воитель, Секретарь, Гордость Сиэтла, Танец Севера.

Я заметила Гордона сразу же, как вошла, меня словно током ударило — впервые после Джека.

Гордон стоял у бара, один, в своем синем блейзере, выпрямив спину и возвышаясь на шесть дюймов почти над всеми собравшимися. Он только что окончил Принстон; я прочла об этом в «Хатуквити Энкуайер», в статье, где говорилось о том, как он взял на себя управление отцовским магазином инструментов. Я сделала ошибку, решив поделиться с Билли своими восторгами по поводу того, как замечательно поступил Гордон, взвалив на себя семейный бизнес, в то время как он был выпускником Принстона и весь мир лежал у его ног.

— Ну и что такого замечательного в торговле инструментами? — спросил Билли.

— Не в этом дело, — попыталась объяснить я.

— Пойди к нему и скажи, что тебе нужна отвертка, — сказал Билли. Он, наверное, думал, что блеснул своим чувством юмора, однако его шутка годилась разве что для старшеклассника. Мы же к тому времени закончили Университет Коннектикута. Я понимала, что его чувства ко мне глубже, чем мои к нему, поэтому я рассмеялась, делая вид, что оценила его остроумие.

Как-то раз я сказала Марии, что уже на первом свидании знала, что хочу выйти замуж за Гордона, но на самом деле я поняла это уже тогда, в яхт-клубе, еще до того, как познакомилась с ним. У него было все: внешность, социальное положение, собственный бизнес и самые прекрасные в мире глаза. Этим глазам можно было верить. В тот вечер в них была грусть; он стоял там, в одиночестве, не обращая внимания на девушек, которые подходили к стойке и заказывали напитки. Однако его глаза сказали мне, что он нуждается в любви так же сильно, как я, поэтому в конце концов я не выдержала, подошла к бару и откашлялась. Мне хотелось показаться застенчивой, и для этого не пришлось прикладывать особых усилий.

— Я хотела задать вам глупый вопрос, — сказала я ему.

Он улыбнулся.

— Уверен, что вопрос не такой уж глупый, — заметил он.

— Вы случайно не находили водительские права на тротуаре рядом с вашим магазином? — спросила я. — Меня там остановил полицейский. Я помню, как он вернул мне права, но когда я приехала домой, их у меня не было.

Он нахмурился. Я поняла, что Гордон пытается припомнить, когда это дорожная инспекция проводилась перед его магазином, и мне стало ужасно стыдно от того, что я вожу его за нос. Однако я некоторое время смотрела на этого мужчину, прежде чем подойти, и

знала, что он не откликнется на обычный флирт.

— Нет, я их не видел, — произнес он.

— Черт. Может быть, если вы вдруг их найдете, позвоните мне?

— Конечно. Как вас зовут? — спросил он, доставая из кармана записную книжку. Я помню ее как сейчас: в оранжевой обложке, с черным штампом Принстонского университета.

— Софи Дарк, — представилась я. Потом продиктовала номер своего телефона и попрощалась.

Билли опередил Питера и сейчас танцевал с Нелл, поэтому я попросила Джона отвезти меня домой и проехать через город — я оставила свои права на тротуаре перед магазином Гордона, придавив их пустой банкой из-под кока-колы. Джон смеялся как сумасшедший. Я заставила его пообещать, что он никому об этом не расскажет.

На следующий день Гордон позвонил.

— Я их нашел, — сказал он.

— Отлично! — воскликнула я. — Я заеду за ними.

— Может быть, вы согласитесь со мной поужинать? — спросил Гордон. — Тогда и заберете.

— С удовольствием, — ответила я.

Он повел меня в «Хижину рыбака». Мы сидели за столиком у окна, за которым, по его словам, их семья всегда отмечала дни рождения и годовщины свадьбы. Как счастлива я была бы в тот вечер, если бы узнала, что следующие двенадцать лет и мы будем праздновать там свои годовщины! Даже не заглянув в меню, он сделал заказ: устрицы на сковородке, суп из лобстера и запеченный фаршированный лобстер. Я заикнулась было о том, что предпочитаю устрицы сырыми, а лобстера вареным, однако выражение его лица заставило меня остановиться.

При одном воспоминании об этом у меня на глаза наворачиваются слезы. Гордона так легко было обидеть! Вы могли сказать что-нибудь не то и даже не заметить этого, а он потом накручивал себя и в какой-то момент взрывался и высказывал все, что у него на душе. Я всегда винила Эда и Гвен за то, что они вырастили его таким неуверенным в себе.

— Я с удовольствием съем устриц на сковородке и жареного лобстера, — сказала я, как только поняла, что нарушила его планы. Он был очень доволен тем, что заказал такой необычный ужин — для нас обоих. Он весь сиял от гордости, а я не могла не улыбаться, глядя на него. Джек тоже водил меня в рестораны, однако с Гордоном все было по-другому: всерьез, по-взрослому. Я знала — хотя он и не говорил об этом, — что он готов к созданию семьи.

Пока мы пили виски с лимонным соком, он рассказал мне о Принстоне, о том, что окончил экономический факультет и как не стал вступать в знаменитые гастрономические клубы — «Айви», «Коттедж» и «Тайгер-Инн» — из-за слишком утонченного вкуса. Он говорил о девушке из Брин-Мора, с которой встречался какое-то время, а потом разорвал отношения перед ее выпускным балом. Она слишком давила на него со свадьбой. Однако по тому, как порывисто он говорил, словно пытаясь скрыть свои истинные чувства, я решила, что, скорее всего, как раз она порвала с ним, а не наоборот. Он упомянул о том, как получил предложения о работе от компаний «IBM», «Мерил Линч» и банка «Чейз-Манхеттен». Потом Гордон спросил обо мне.

Эту часть я ненавижу.

Поскольку я не могла себе представить, чтобы выпускник Принстона захотел жениться на женщине, которая всю жизнь просидела в Хатуквити, за исключением нескольких лет в Университете штата, я рассказала ему биографию Марии.

— Я училась в Рэдклиффе, — сказала я. — Первый год провела в Риме, изучала археологию. Собиралась защищать дипломную работу в Кембридже, получила стипендию Фулбрайта, но потом передумала.

Что я ответила бы, спроси он, почему я не поехала в Кембридж? До сих пор ощущаю неловкость при мысли о том, что была бы вынуждена ответить что-то вроде: «Я решила, что хочу остаться здесь, в Хауквити, потому что мне нравится простая, обыкновенная жизнь. А эти тараканы бега я оставила сестре». Мне казалось, что такой ответ должен понравиться ему — мужчине, который не стал вступать в знаменитые принстонские гастрономические клубы из-за слишком утонченного вкуса и вернулся домой, чтобы управлять семейным бизнесом. Как и он, я словно бы отказалась от возможностей, которые для многих были пределом мечтаний. Однако он ничего не спросил.

— Я рад, что ты не поехала, — произнес он, накрывая мою ладонь своей. От его улыбки у меня слабели колени — так было на протяжении всех лет, которые мы прожили вместе. Однако тот вечер был для меня испорчен из-за лжи, которую я произнесла, и уже в следующий же момент я начала мучительно думать о том, как рассказать ему всю правду, перебирая в уме возможные варианты.

Я никак не могла решить, насколько правдивым должен быть мой рассказ. Может, сказать, что я участвовала в университетской постановке Аиды? Или рассказать о том, как мои стихи опубликовали в студенческом журнале? Или мимоходом упомянуть, что я бросила Джека, потому что в нем было недостаточно естественности? Все это было ложью, а правда заключалась в том, что я окончила факультет филологии в Университете Коннектикута, пела в студенческом оперном кружке и что парень, которого я любила и за которого собиралась выйти замуж, недавно бросил меня ради другой.

Сидя напротив Гордона и слушая, как он применяет принципы экономики, которые изучал в Принстоне, в своем магазине, я стыдилась своей правды и радовалась, что солгала. Я наклонилась вперед и оперлась подбородком о ладонь — чтобы мои глаза сверкали в свете свечей. Фантазировала, как он благодарит свою счастливую звезду за то, что она послала ему женщину, какой я ему представилась.

Я подсчитывала его плюсы. У Гордона было все то, чего не хватало Джеку: хорошая семья, собственный бизнес, отличные манеры. Я говорила себе, что жизнь с Джеком была бы похожа на американские горки, что Джек любил удовольствия больше всего — и уж точно больше, чем меня, — и что рано или поздно его новая девушка ему надоест и он бросит ее так же, как бросил меня. Я была уверена, что с Гордоном такого не случится. Почему-то я с самого начала знала, каким надежным человеком он был, как много требовал любви к себе и как щедро готов был отдавать ее.

Наша свадьба стала сюрпризом для всех, кроме нас самих. Господи, сколько сил его мать положила на то, чтобы отговорить его! Он пересказывал мне все, что она говорила, в точности изображая ее голос: «Ты в этом уверен, мой мальчик? Ты же знаешь, ее мать полна снобизма, и мы оба с тобой знаем, как ты относишься к таким людям... А ее сестра — такая важная персона». Слава богу, Гордон так и не рассказал ей о моем вранье, потому что Фелисия Вудз, моя соседка по комнате, приходилась его чертовой мамаше чертовой крестницей и не преминула доложить Гвен все подробности моей жизни в колледже,

включая разрыв с Джеком и то, как после этого я целыми днями лежала в постели и они с Кэрол были вынуждены силой отвести меня к врачу. Гордон ни разу не упоминал о моей лжи; по крайней мере, до позапрошлого года.

Наверное, я единственный человек в мире, оказавшийся в тюрьме, которая стоит бок о бок с домом его матери. Бедная мама, она совсем близко, за этими самыми деревьями. Наверное, изо всех сил старается забыть, что я здесь, и, конечно, ей это не удастся. Это как игра, в которую играли Саймон и Фло: он запрещал ей думать о белой обезьяне, и после этого она не могла думать ни о чем другом.

Прошлым вечером, когда меня привезли сюда, я старалась гнать мысли о Гордоне. Я пыталась обмануть себя. «Тебе не надо больше думать о нем», — говорила я себе. И все равно я хочу думать только о Гордоне. Пока все они, кудахча, как наседки, смывали с меня его кровь и говорили, что он превратил мою жизнь в кошмар и, значит, я поступила правильно, я сжимала руку в кулак, чтобы под ногтями сохранить частички его крови. Как бы патетически это ни прозвучало, они — последнее, что мне осталось от него.

— «Приключения Шарлотты» — моя любимая книжка, — сказала Фло. — Я так думаю.

— А ты, Саймон? — спросила Мария. — Какую книгу ты любишь больше всего?

— Не знаю, — глухим голосом ответил мальчик.

— Ты, наверное, уже слишком взрослый для «Приключений Шарлотты»? — снова обратилась к нему Мария, придумывая, как бы выйти из положения. Если бы у детей была книга, которую они оба любили, она могла бы почитать им часок, после чего они бы устали и отправились спать. Весь день дети тихонько сидели в гостиной или ходили по двору, а Мария пыталась как-то развлечь их.

Постоянно звонил телефон: Питер, Хэлли и Нелл сообщали последние новости о Софи, говорили об устройстве похорон Гордона, о полицейском расследовании, давали ей советы и спрашивали о том, как чувствуют себя племянники. Один раз позвонил Дункан, просто чтобы сказать, что все время думает о ней. Только с ним она позволила себе расплакаться.

— Можно нам посмотреть телевизор? — спросил Саймон.

— Я уже говорила — у меня нет телевизора, — ответила Мария. — Но мы его купим.

Тут она замолчала; у нее чуть не слетело с губ «завтра», однако завтра должны были состояться похороны Гордона.

— Давай купим «Сони», — предложил Саймон, впервые за весь день немного оживившись.

— Давай, — согласилась Мария.

— Но я хочу домой, — сказала Фло, и ее губы задрожали. — Дома есть телевизор.

— Нам нельзя домой, — резко произнес Саймон.

— Я хочу к маме и папе! — закричала Фло.

— Замолчи! — оборвал ее брат.

Мария обняла девочку одной рукой, вторую протянула к Саймону, но тот, нахмурившись, отстранился. Мария чувствовала себя обессиленной — она ничем не могла их утешить. Утром с ними разговаривала служащая полиции; дети стояли на своем, утверждая, что смотрели телевизор, когда их мать пришла и сообщила, что случайно сбила отца машиной.

— Я знаю, что вы скучаете по родителям, — начала Мария. Однако она не могла продолжить и сказать: «Но они скоро вернутся домой».

— Мы даже не поцеловали маму на прощание, — сказал Саймон и дернул головой, отбрасывая волосы от глаз, как это делал Гордон.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Мария.

— Она не вернется домой, — ответил ребенок. — Она теперь одна из тех женщин, что сидят в нашей тюрьме.

— Сейчас она и правда там, — медленно произнесла Мария, — но мы не знаем, как надолго.

— А что будет дальше? — с тревогой спросила Фло. Она накрутила прядь волос на палец, и теперь волосы запутались. Мария стала распутывать их, делая вид, что целиком сосредоточена на этом занятии.

— Что будет с ней? — настойчиво повторил вопрос Саймон.

— Дядя Питер попросил мистера Грюнвальда быть адвокатом вашей мамы. Мистер

Грюнвальд поговорит с полицейскими, с другими юристами и судьей, и они решат, как долго она должна оставаться в тюрьме.

— Как они могут оставить ее там? — недоумевала Фло. — У нее же есть дети, о которых надо заботиться.

— Папа говорил, когда-нибудь она там все равно окажется, — дерзко произнес Саймон.

— О чем ты? — спросила Мария голосом более резким, чем ей хотелось бы. Она увидела, что напугала этим племянника: он сторбился и уставился в пол. — Расскажи мне, хорошо? — мягко попросила она.

— Он всегда так говорил, — ответил Саймон.

— Говорил, — подтвердила Фло. — Бедный папочка.

— Интересно, почему вдруг он говорил такие странные вещи, — сказала Мария. Ей не хотелось давить на детей, но было необходимо узнать подробности.

— А что тут странного? — спросил Саймон. — Он был прав — теперь она там, так ведь?

— Она очень вас любит, — сказала Мария.

— Ага, любит, — произнес Саймон, упершись взглядом в свои колени. Дети были в пижамах; у мальчика она была фланелевая, с нарисованными динозаврами, и он пальцем ковырял дырку, начинавшуюся возле головы стегозавра.

— Конечно, любит, — повторила Мария, потрясенная его тоном.

Саймон повернул голову и скривил рот в лукавой ухмылке.

— Я знаю, — добавил он. — Я же сказал: «Ага, любит».

От его слов у Марии мурашки пробежали по спине. Она с ужасом думала о том, чему ее племянники стали невольными свидетелями. Боб Фредериксон, окружной прокурор, который учился с Софи в одном классе, сообщил Питеру, что в Гордона пять раз выстрелили из револьвера 38-го калибра, потом выбросили тело из окна и несколько раз проехали по нему колесами автомобиля. Револьвер полицейские пока не нашли, однако они были уверены, что это было оружие Гордона, которое он хранил в тумбочке возле кровати. Софи ни в чем не сознавалась и пока что находилась в тюремном медицинском изоляторе: у нее был вывих плеча, растяжение связок кисти и множественные ушибы на теле.

— Я хочу, чтобы у нас был телевизор, — снова сказал Саймон.

— Вам нравится смотреть телевизор, правда? — спросила Мария, стараясь подвести их к тому, что произошло вчерашним вечером. Она понимала, что играет с огнем, что для детей может быть опасно вспоминать эти события перед сном, однако не могла остановиться.

— Нравится, — подтвердил Фло.

— А что вы смотрели вчера вечером? — поинтересовалась Мария.

— Старые мультики, — ответил Саймон. — Очень хорошие старые мультики.

— Какие мультики?

— «Кейт и Элли». Потом «Косби», кажется.

— Тебе нравится девочка из «Косби»? — спросила Фло, дергая Марию за рукав. — Правда, она миленькая? Мама всегда заплетает мне косички, как у нее.

— Можно мы пойдем спать? — спросил Саймон.

— Вы устали?

— Ну да, — ответил он. — Телевизора все равно нет.

— Ладно, — сказала Мария, пытаясь вспомнить, что дети должны сделать перед сном.

В последний раз она оставалась с ними на ночь давным-давно, когда они с Альдо приезжали

в Хатуквити, и Софи с Гордоном решили поехать на остров Нантакет. Она знала, что должна поговорить с детьми о предстоящих похоронах, объяснить им, что там будет происходить. Однако она не представляла, как рассказать им об этом. Ей хотелось, чтобы рядом с ней был Дункан: он подсказал бы, как хороший родитель — или хорошая тетка — должен действовать в такой ситуации.

— Наверное, вам нужно почистить зубы? — заметила Мария, пытаясь вспомнить, какой ритуал отхода ко сну был в детстве у нее самой. — А потом мы встанем на колени и прочтем молитву.

— Обычно мы еще что-нибудь едим перед сном, — с надеждой в голосе сказала Фло. — Печенье или хлопья с молоком.

— Как насчет тостов с корицей? — предложила Мария.

— Пойдет, — ответил Саймон.

— Это просто ужасно. И унизительно, — прошептала Хэлли на ухо Марии. Вся семья Дарков, Саймон с Фло и Джулиан Портер стояли в церкви Святого Луки, в том же приделе, где когда-то прощались с Малькольмом. Эд и Гвен Литтлфильд стояли напротив них. Друзья Софи и Гордона, жители города, полицейские и репортеры заполняли оставшееся пространство церкви.

— Такой толпы не было даже на похоронах мэра Брауна, и это при том, что он умер на работе, — произнесла Хэлли.

— Ш-ш-ш, — ответила Мария. Фло не выпускала ее руку из своей. Питер, с Энди на руках, сидел между Фло и Саймоном; Нелл устроилась на конце скамьи, всего в шести футах от Гвен Литтлфильд. На голове у матери Гордона была непрозрачная вуаль, которая закрывала ее лицо до верхней губы. Она плакала не переставая; когда Мария взглянула на Гвен, то увидела, как слезы капаят у нее с подбородка.

— Лучше бы ей прекратить это, — вновь зашептала Хэлли.

— Попытайся понять: Гордон был ее единственным ребенком, — мягко обратился к ней Джулиан.

— Будь так добр, замолчи, — сквозь стиснутые зубы прошипела Хэлли. Она была так расстроена, что Мария и Питер опасались, как бы у нее не случился сердечный приступ.

Мать сходила с ума от тревоги за Софи. В то же время она искренне скорбела по Гордону, которого очень любила, и страшно стыдилась всей этой истории.

На входе в церковь Дарков ждали репортеры и фотографы. Хэлли встала перед ними, выпрямив спину, и не проронила ни слова, пока не воцарилось молчание.

— У нас нет комментариев, — холодно и с достоинством произнесла она. Фотографы начали щелкать своими аппаратами, пытаясь снять Саймона и Фло, таких очаровательных в своих пасхальных нарядах, а также Хэлли, в элегантном черном костюме из шерсти-букле, черных лайковых перчатках и итальянских туфлях на высоком каблуке.

В церковь вошел отец Хоукс, все присутствовавшие встали. Дядя и двоюродные братья Гордона внесли гроб и поставили его на возвышение между семьями Дарков и Литтлфильдов. Мария посмотрела на детей. Увидев гроб, Саймон склонился к нему, словно его толкнули в спину. Потом он резко повернул голову, и Мария заметила, как племянник нахмурился, глядя на священника.

Фло взглянула на гроб отца, отвернулась, снова посмотрела туда. Хэлли перегнулась через Марию и погладила девочку по колену.

— Ангелы забирают твоего папу на небеса, — прошептала Хэлли. — Скажи это брату.

— Ангелы забирают папу на небеса, — громко сказала Фло Саймону. Он кивнул, но лицо его по-прежнему было нахмурено.

Отец Хоукс начал службу, и Мария почувствовала, как слезы потекли по ее щекам. Она хотела стереть их, но Фло держала ее за одну руку, а Хэлли — за другую. Мария представила, что должна была чувствовать в этот момент Софи. Воображение рисовало ей, как сестра сидит одна в своей камере и думает о похоронах мужа, которые проходят без нее.

Тюрьма находилась всего лишь в нескольких милях отсюда, вниз по дороге. Похоронная процессия должна была пройти мимо нее к кладбищу. Мария подумала, что Софи может увидеть в окно людей, несущих гроб с телом ее мужа, и лимузины, в которых едет ее семья. Она не знала, будет ли сестра плакать или чувство облегчения, освобождения от власти Гордона, пересилит скорбь. Все улики говорили о том, что Софи убила Гордона преднамеренно, однако сама она в этом никому не призналась.

Никому, кроме Марии. Мария помнила, как спросила сестру, хотела ли она убить мужа, и та ответила, что хотела.

И все же Софи и Гордон прожили в браке двенадцать лет, у них было двое замечательных детей, поэтому Мария не могла не признать, что где-то в душе Софи очень любила его.

Внезапно до ее слуха донеслись громкие рыдания. Мария огляделась вокруг. Она увидела, что в толпе людей позади нее стоят Дункан с женой. На мгновение их глаза встретились, потом она отвернулась. Рыдания послышались снова — это был Эд, стоявший по ту сторону гроба. Его рот был безвольно распахнут, а по подбородку бежала слюна. Мария вспомнила, как Эд называл Гордона Клещиком на том злополучном празднике, после которого Гордон так избил Софи, что она оказалась в больнице. Мария почувствовала, как слезы высыхают у нее на щеках. С каменным лицом она смотрела прямо перед собой. Неожиданно Мария осознала, что из всех Дарков и Литтлфильдов только она, Фло и Саймон не плакали — вероятно, потому, что они трое были ближе всего к истине.

— Никогда не забуду, как они игнорировали нас на похоронах, — произнесла Хэлли часом позже, когда они вернулись в ее дом. Из-за сложившихся обстоятельств они решили не приглашать никого из присутствовавших на кладбище на традиционный кофе с пирогом. — Можно подумать, что мы рады всему этому.

— В конце концов, Гордон был их сыном, — произнес Питер.

— То же самое я говорил ей, — сказал Джулиан. Как обычно, он не отходил от Хэлли на расстояние больше фута. — Должно быть, нелегко потерять своего единственного ребенка.

Нелл потихоньку заглянула в кабинет, где Саймон и Фло смотрели по телевизору игровое шоу, а Энди играл в кубики.

— Меня поражает то, что Саймон и Фло не проявляют никаких чувств, — сказала Нелл. — Я тревожусь за них.

— Думаю, они очень храбрые, — сказала их бабушка.

— Они просто не знают, что им чувствовать, — заметила Мария. — Они совершенно запутались. Дети любили отца, но в то же время видели, что он делал с их матерью. Я уверена: они знали, что происходит в их доме.

— Как они могли это знать? — спросила Хэлли. — Даже мы, взрослые, ничего не

знали.

— Они же жили там, — ответила Мария, глядя матери прямо в глаза.

— Они могли видеть, как Софи застрелила Гордона, — тихо сказал Питер. — И уж наверняка они слышали выстрелы.

— Мы не знаем, что там произошло! — закричала Хэлли. — Господи боже мой! Если она застрелила его, то где же пистолет?

Все посмотрели на нее с сочувствием, не желая спорить.

— Пойдем, дорогая, — предложил Джулиан. — Давай присядем и выпьем что-нибудь.

— Выпьем? — презрительно переспросила Хэлли, давая понять, что само предложение о выпивке до полудня кажется ей оскорбительным.

— Я настаиваю, — сказал Джулиан, уводя ее.

— Вы можете в это поверить? — спросила Мария, когда мать вышла из комнаты. — Софи сидит в тюрьме за убийство Гордона, а мама так чертовски обеспокоена тем, что скажут люди, что нам надо чуть ли не заливать выпивку ей в глотку.

— Успокойся, — произнес Питер.

— Может, будь она повнимательнее, ничего этого бы не случилось. Гордон издевался над Софи много лет, а она даже не могла обратиться к матери за помощью, — сказала Мария, думая о том, какой одинокой должна была чувствовать себя ее сестра и как та боялась довериться кому-либо. Потом в ней вспыхнул гнев на Питера и Нелл, в особенности на Нелл. Почему она не обратила внимания на то, что происходило у нее под носом?

— Софи всегда защищала вашу мать, — мягко произнесла Нелл. — Еще с тех пор, когда все мы были детьми. Помнишь, Мария?

— Конечно, я помню, — выпрямила спину Мария.

— Возможно, Софи не хотела обременять ее своими трудностями, думала, что она этого не перенесет.

— Или же что мать будет ее стыдиться, — предположила Мария. — Мама всегда четко давала понять, что она может принять, а что нет. Уж точно она не приняла бы того, что Софи позволяет мужу издеваться над собой.

— Ты хочешь сказать, она не приняла бы того, что Гордон издевается над ней, — поправил ее Питер.

— Нет, я вовсе не это хочу сказать, — заметила Мария, повысив голос. — Не старайся подменить мои слова своими, Питер. Я хотела сказать, что в этой ситуации мама в первую очередь стала бы критиковать Софи.

— Не надо ненавидеть ее, — произнес брат. Он сел и обхватил голову руками. — Нам и так достаточно плохо, не хватало только, чтобы мы возненавидели друг друга. Я знаю, ты считаешь, что я должен был обратить внимание на то, что происходит, и позаботиться о Софи.

— И почему ты этого не сделал? — спросила Мария. Из-за паники, которую она ощущала внутри, ее голос сорвался.

— Боже, Мария, — сказала Нелл, прозрачная кожа которой порозовела, словно ее лихорадило. — Питер любит Софи не меньше, чем ты, и я тоже. Мы просто ничего не знали. На самом деле тебе лучше смириться с тем фактом, что ситуация ухудшилась, когда ты вернулась домой. — На последних словах Нелл задохнулась, словно не собиралась произносить их.

Мария судорожно выдохнула и присела рядом с Питером, так, что их колени

соприкоснулись. Нелл озвучила то, что не решалась высказать Мария: отношения Софи и Гордона ухудшились после того, как она приехала в Хатуквити. Иначе почему они ничего не заметили раньше?

— Мы с ней были слишком близки, — промолвила Мария, ощутив себя сломленной. Ее гнев обратился в тоску, на глаза навернулись слезы. — От меня она не смогла скрыть правду. — Мария напомнила себе, что именно ей Софи позвонила после того, как убила Гордона, и ей она призналась в том, что сделала это намеренно.

— Мы тоже были близки, — сказала Нелл высоким тоном, на который, как собака на свист, отозвался Энди. Он прошлепал в кухню, и Нелл подхватила ребенка на руки. — Пока ты не вернулась, мы обязательно выходили с ней куда-нибудь раз в две недели.

— Я знаю, что вы очень дружили, — согласилась Мария. Ей больше не хотелось искать виноватых, она хотела только понять. — Но Нелл, почему ты не сказала Софи, что знаешь о ее воровстве? Ведь это могло ей помочь. Почему в тот вечер, когда она украла твои деньги в аэропорту, ты прямо не сказала ей об этом?

— Не знаю, — слабым голосом ответила Нелл, и слезы потекли у нее по лицу. Она прижала Энди к груди.

— Я готова была что угодно сделать, только бы помочь ей. Но я знала, как ей будет стыдно, если я скажу, что она ворует.

— Нелл любит Софи, — сказал Питер, улыбнувшись жене и глядя на нее так, словно хотел передать ей свою силу. — Я это знаю, и Софи тоже знает.

— Па-па, па-па, — залепетал Энди; Питер протянул к нему руки и взял малыша у Нелл.

— Думаю, мы должны помягче обращаться с мамой, — сказал Питер, оборачиваясь к Марии. — Ее жизнь и так превратилась в ад. Вы не очень ладили между собой с тех пор, как ты вернулась домой, а я оказался между вами.

— Все эти новости про Софи и Гордона страшно ее потрясли. Она думала, что у них идеальный брак, — своим ласковым голосом произнесла Нелл.

— И что, в наши обязанности входит помогать ей обманывать себя? — так же мягко спросила Мария. — Я точно не собираюсь этого делать.

— Неужели это так ужасно, позволить ей и дальше думать, что свою неродившуюся дочку Софи хотела назвать Хэтауэй?

— Нелл, ты не права, — сказала Мария, потрясенная тем, что все в их семье предпочитали сохранять статус-кво, вместо того чтобы попытаться доискаться правды и тем самым, возможно, помочь Софи. Если бы кто-нибудь вмешался немного раньше, Гордон мог остаться в живых, а Софи сейчас не сидела бы за решеткой. От этой мысли Мария застонала.

— Я никак не могу поверить в это! — заметила Нелл, всхлипывая. Тоска и ощущение безумия от случившегося наполнили комнату. На личике Энди тревога сменилась ужасом, и он громко заплакал.

— Перестаньте ссориться! — внезапно закричал Саймон. Он и Фло стояли в дверях, не касаясь друг друга, и слезы текли у них по щекам.

Мария повернулась к племянникам, не говоря ни слова, едва осмеливаясь дышать, напуганная тем, что они могли причинить детям еще больше боли, чем они уже переживали.

— Мы ненавидим ссоры! — всхлипнула Фло.

Мария услышала, как Нелл шепнула на ухо Питеру:

— Наконец-то она заплакала! Когда-то она должна была заплакать по своему отцу. Возможно, облегчение, которое Нелл испытала, увидев, что Фло ведет себя как

нормальный ребенок, осушило ее собственные слезы.

Однако, когда Мария прижала к себе своих племянников и почувствовала, как те дрожат и, всхлипывая, глотают воздух, она подумала, что эти слезы вызваны не только скорбью по отцу. Саймон и Фло не могли смотреть на то, как ссорятся Мария, Питер и Нелл, потому что знали, куда ссоры между людьми, которые, казалось бы, любят друг друга, могут привести.

Мария встретила Софи в комнате свиданий, где заключенные обычно разговаривали со своими адвокатами. За час до нее у Софи был Стив Грюнвальд, в конце беседы он пригласил Марию войти и оставил сестер наедине.

— Он производит впечатление очень компетентного юриста, — заметила Мария о Стиве.

— Он славный, — откликнулась Софи. — Странно думать, что моя судьба находится в руках парня, с которым я когда-то играла в волейбол. И которого угощала рыбой на гриле.

— Твоя судьба? — переспросила Мария.

— За то, что я совершила, люди получают смертный приговор, — спокойно произнесла Софи. — Или по крайней мере должны получать.

— Софи, остановись, — сказала Мария, неосознанно ощупывая нижнюю поверхность столешницы и ручки своего кресла в поисках подслушивающего устройства. — Не говори так.

— Почему? — спросила Софи. Можно было подумать, что она совершенно отказалась от борьбы. На ней было тюремное платье лилового цвета, такого же, как у длинных рулонов бумажных полотенец, которые висят в туалетах ресторанов. Платье болталось на ней; Мария поняла, что за то время, которое Софи провела здесь, она сильно похудела.

— Я хотела, я... — Софи запнулась. Мария молчала, ей хотелось, чтобы Софи продолжила говорить. Сестра склонила голову и стала тереть нитки, торчавшие из дырочки на ее платье. Мария поняла, откуда эта привычка у Саймона. Она смотрела поверх головы Софи, а та теперь крутила плохо пришитую пуговицу на рукаве.

— Я хотела спросить, как там дети, — наконец произнесла Софи, по-прежнему не глядя на Марию.

— У них сейчас тяжелое время, — ответила Мария.

— Расскажи мне. Как... — начала Софи, но вдруг остановилась и усмехнулась. — Можно подумать, я не знаю.

— Оба очень тоскуют. Они никому не говорят, что у вас произошло. Фло ведет себя как маленький ребенок. Она постоянно сосет палец, а прошлой ночью намочила постель. К Саймону вообще не подступиться.

— Фло любит строить из себя маленькую, — заметила Софи и в первый раз за всю их беседу улыбнулась. — Ей нравится забираться ко мне на колени, чтобы я играла с ее волосами. Она тебе этого не говорила?

— Говорила, — ответила Мария. На самом деле все произошло без слов: Мария читала, сидя на диване, когда Фло в розовом полосатом халате забралась к ней на колени, отняла ее левую руку от книги и положила себе на голову. Мария поняла, чего хочет девочка, и стала играть с длинными прядями ее волос.

Неожиданно Софи нахмурилась. Мария решила, что она ревнует дочь.

— Они очень скучают по тебе, — сказала Мария.

— Без меня им лучше, — возразила Софи, и в ее голосе прорезались стальные нотки.

— Это неправда.

— Фло мочится в постель уже несколько месяцев, — деловым тоном сказала Софи. — От этого она страшно смущается. Ты сказала ей, что знаешь об этом?

— Конечно, сказала, — ответила Мария, обескураженная.

— Не надо было этого делать. Ты только сильнее ее расстроила. В следующий раз просто поменяй постельное белье, но ничего не говори.

— Почему все в этой семье так любят секреты? — взорвалась Мария. — Хэлли точно такая же. Не говори Нелл, что Хэлли злится на нее, не говори мне, что Гордон бьет тебя. — Мария смотрела в глаза сестре, ожидая ее реакции.

— Он почти никогда меня не бил, — промолвила Софи после долгого молчания. Ее задумчивый тон поразил Марию. — Такие случаи можно пересчитать на пальцах одной руки. Странно, но это беспокоило меня меньше, чем все остальное.

— Что остальное? — взволнованно поинтересовалась Мария.

— Я не хочу сейчас об этом разговаривать, — отрезала Софи, улыбаясь. — Стив сильно расстроился, когда я сказала ему, что Гордон редко бывал жестоким со мной. Он сказал, что это подрывает мою защиту.

— Что же было хуже побоев? — настойчиво спросила Мария.

— Да многое, — заметила Софи, опустив глаза. Потом она снова собралась и продолжила: — Все было не так уж плохо. Вовсе нет. Ты можешь не верить, но в нашей семье было больше любви, чем у многих наших знакомых.

Мария кивнула, протянула руку через стол и сжала ладонь Софи. Она понимала, что Софи была убеждена в своей правоте, ведь иногда она сама так думала. Сейчас это казалось невероятным. Она даже завидовала тому, как близки Софи и Гордон и какие у них замечательные дети.

— Значит, дети сейчас у тебя? — спросила Софи, совладав с собой.

— Да. И останутся на столько, на сколько понадобится.

— Понадобится для чего? Чтобы я вышла отсюда? — добавила Софи, и голос ее опять задрожал.

— Как ты тут? Здесь очень плохо?

— Совсем даже нет. Только все время на виду. Они обращаются со мной, как... как... — Она нахмурилась, подыскивая нужное слово.

— С дерьмом? — спросила Мария.

— Наоборот, — ответила Софи. — Как с героиней. Не только заключенные, надзирательницы тоже. У многих заключенных были мужья, которые их избивали. У меня все время спрашивают, смотрела ли я «Горящую постель». Я говорю, что в моем случае все было не так однозначно, но на это никто не обращает внимания. Они считают, что я очень здорово поступила, когда... убила Гордона.

— Почему мы не могли поговорить так до того, как все это произошло? — уныло спросила Мария.

— Как «так»?

— Почему ты не сказала мне, что у вас происходит? — произнесла Мария. — Я знаю, я смогла бы помочь тебе выбраться из всего этого.

— Я не хотела выбираться, — сказала Софи. Внезапно ее голос стал ледяным. — И что, собственно, ты подразумеваешь под словами «поговорить так»? На самом деле я не сказала тебе ничего особенного. Чего ты ко мне пристала?

Мария съежилась, словно от пощечины. Она пыталась найти причину неожиданной вспышки сестры, потеряв дар речи от ее выпада.

— Я хочу, чтобы ты поговорила со мной, — после долгой паузы произнесла Мария, —

потому что ты моя сестра и я люблю тебя.

— А не потому ли, что ты хочешь узнать всякие нелицеприятные подробности? — спросила Софи с отвращением в голосе, и Мария поняла, что сестру переполняет ненависть к самой себе.

— Нет, вовсе не поэтому.

— Не хочу сказать, что мое дело — труба, — заметила Софи, — однако я сейчас далеко не в лучшей форме.

Казалось, что Софи взывает о помощи, однако Мария, все еще не пришедшая в себя после ее отповеди, ничего не ответила. Где-то глубоко внутри засела мысль о том, что Софи вообще-то должна была поблагодарить ее за любовь и поддержку, за то, что она взяла на себя заботу о детях и позволила Саймону и Фло перевернуть всю ее жизнь.

— Тебе нужен мужчина, — сказала Софи. — Тем более что его святейшество объявил, что вы с Альдо больше не муж и жена.

Мария усмехнулась:

— Я работаю над этим.

— Я слышала, что Общество ветеранов войны во Вьетнаме проводит отличные вечера встреч для одиночек, — с улыбкой добавила Софи. — Почему бы тебе не сходить туда? Ты могла бы встретить отличного парня.

Мария хорошо представляла себе такие вечера и парней в клетчатых рубашках, которые приходили на них.

— Я уже встречаюсь кое с кем, — сообщила она.

— С Дунканом Мердоком, так? — спросила Софи.

Мария кивнула:

— Тебе мама сказала? Или Нелл? Они, наверное, считают меня коварной захватчицей.

— Никто мне не говорил. Я просто знаю. Ты всегда была от него без ума. Еще со школы. Попробуй только сказать, что это неправда.

— Это правда, — промолвила Мария, и улыбка осветила ее лицо. Она вспомнила, как они занимались любовью в каюте его лодки. Воспоминание возникло сразу, целиком: ночь, опускающаяся на остров Подзорной трубы, тепло каюты, руки Дункана, обнимающие ее.

— Знаешь, его жена, она немного... странная, — сказала Софи.

— В каком смысле? — поинтересовалась Мария.

— Вечно носится со своими идеями. Считает, что должна выступать в Линкольн-центре. Два-три раза в год пытается объединить нескольких мамаш, когда-то занимавшихся музыкой, и подготовить концерт. Она должна играть на скрипке, Энн Дрейк на фортепьяно, а я петь. — Софи поставила локти на пластиковую столешницу. Их беседа перестала быть похожей на те, что обычно ведут заключенные со своими родственниками, она могла бы состояться где угодно. Теперь они были просто сестрами, которые болтают друг с другом.

— А что в этом такого ужасного? — спросила Мария. — Звучит замечательно.

— Она хочет, чтобы город выделил деньги на проведение цикла концертов и на рекламу по всей стране. Она хочет, чтобы мы прославились, а у нас, поверь мне, нет для этого никаких данных.

— Конечно есть! — воскликнула Мария. Разговор о жене Дункана поверг ее в тоску; она знала, что это такое, когда разрушается брак. До тех пор, пока их с Дунканом роман развивался на воде, вдали от города, она еще могла не задумываться о том, что происходит с его семьей. Ее собственный разрыв с мужем был очень болезненным, а ведь у них не было

детей. К тому же она еще не знала, состоялся ли у Дункана разговор с Алисией и их сыном.

— Он уходит от нее, — тихо произнесла Мария.

— Ты его любишь? — спросила Софи.

— Да, — ответила Мария, улыбнувшись, и ее щеки залились румянцем. — Но он уходит не из-за меня. Он сказал, что их отношения не ладятся уже давно. — Она вспомнила их последнюю встречу на похоронах Гордона, когда Алисия стояла рядом с ним. Ее хрупкость поразила Марию. Она была ростом с ребенка и такая же худенькая. У нее были большие оленьи глаза, тонкие серебристые волосы падали на плечи.

— Я уверена, что он уходит не из-за тебя, — ободряющим тоном заметила Софи. — Все знают, что рано или поздно Мердоки должны были развестись. Они никогда не подходили друг другу. Как-то раз Алисия сама сказала мне об этом. В общем, как и вы с Альдо. — Увидев выражение лица сестры, Софи одарила ее умиротворяющей улыбкой. — Я же права, не так ли? Иначе ты сейчас была бы в Перу.

— Да, это так, — согласилась Мария, погрузившись.

— Дункан симпатичный, — сказала Софи. — И умный. Тебе нужно немного поторопить события. Знаешь, что ты должна сделать? Нанять лимузин. Желательно в какой-нибудь компании за пределами штата. Хорошо, если на машине будут нью-йоркские номера. Скажи, чтобы шофер подъехал к лодочной мастерской и остановился прямо у ворот. Лучше, если это будет вечером. В то время, когда пьют коктейли.

— Зачем? — спросила Мария, сбита с толку.

— Устрой все так, чтобы в этот момент оказаться в мастерской. Например, тебе надо поговорить с Дунканом насчет... ну не знаю, скажи ему, что ты потеряла якорь и хочешь купить новый. Тут подъезжает лимузин. Его сразу все заметят: в Хатуквити никто не заказывает лимузины. Дункан отправит кого-нибудь спросить у шофера, зачем тот приехал. А тот должен ответить: «Мистер Клуни ожидает миссис Дарк». Главное, чтобы стекла у машины были затемненные и не было видно, кто сидит внутри. — Софи тихонько хихикнула, в восторге от собственной изобретательности. — Дункан тут же упадет к твоим ногам. Представь, что он почувствует, если узнает, что Джордж Клуни присылает за тобой машину.

Мурашки побежали у Марии по коже, когда она поняла, что Софи не шутит. Не найдя, что ответить, она сжала руку сестры.

— Думаю, так тебе и надо поступить, — закончила Софи. Она словно забыла, что находится в тюрьме, — Мария это видела.

— Надеюсь, я справлюсь сама, без Джорджа Клуни, — произнесла Мария, думая о том, что чувство вины могло бы вернуть ее сестру к реальности.

— А там были гимны? — неожиданно спросила Софи.

Мария не поняла.

— Что ты сказала? — переспросила она.

— На похоронах Гордона.

— Нет, — ответила Мария, шокированная внезапной сменой темы. — Гимнов не было.

Софи пыталась бороться со слезами, которые потекли у нее по щекам.

— Наверняка это дело рук Гвен, — сказала она. — Пение гимнов напоминало бы обо мне. Изгоняя из церкви музыку, она изгоняла меня.

— Неужели она способна на такое? — поинтересовалась Мария. Предположение сестры показалось ей слишком надуманным.

— Да. Обещай мне одну вещь, — просительным тоном промолвила Софи.

— Какую? — спросила Мария, готовая пообещать все, что угодно. Она хотела, чтобы Софи говорила еще, чтобы она рассказала ей обо всем, что Гордон сделал с ней и что заставило ее убить его.

— Обещай, что не позволишь Гвен завладеть Фло и Саймоном.

— Ты имеешь в виду получить опеку? — спросила Мария. — Конечно, я ей не позволю.

— Я не это имею в виду. Я не хочу, чтобы дети ездили к ней, не хочу, чтобы она виделась или говорила с ними.

— Софи, — сказала Мария. — Как я могу ей помешать? Она их бабушка. Кроме того, дети будут чувствовать стабильность, если смогут общаться с людьми, которых знают и любят, разве нет?

— То есть твой ответ «нет». Ты не можешь дать мне такое обещание.

— Если ты знаешь, как это сделать, то скажи мне, — взмолилась Мария. Она хотела, чтобы сестра убедила ее. — Я понимаю, как ты ненавидишь Гвен и Эда. Я слышала, как они разговаривали с Гордоном на том празднике. Я знаю, что ты должна была чувствовать...

— Никто не знает, что я чувствую, — произнесла Софи, и голос ее дрогнул.

— Софи, — обратилась к ней Мария.

Но сестра смотрела прямо перед собой, как будто уже высказала все, что собиралась сказать. Ее отказ говорить, смотреть в глаза напомнил Марии их встречу в больнице, сразу после праздника Гвен и Эда, когда Софи, избитая, лежала в своей кровати, отказываясь принять помощь. Сейчас же она попросила о помощи, а Мария отказала ей. Несколько секунд Мария смотрела на Софи, на то, как она пытается совладать с чем-то внутри себя.

Через несколько мгновений Софи снова заговорила.

— Я отдаю моих детей тебе, — тихо сказала она.

— Нет, ты скоро вернешься... — Голос Марии сорвался.

Софи посмотрела сестре в глаза:

— Ты слышала, что я сказала? Ты понимаешь, что я говорю? Саймона и Фло...

— Я знаю, — промолвила Мария, сдвинувшись на краешек стула.

— Я отдаю их тебе и никому другому. Не Питеру с Нелл, не маме...

— Ты можешь себе представить, чтобы мама... — Мария уже готова была произнести «заботилась о детях шести и десяти лет», но спокойный взгляд Софи заставил ее замолчать.

— Ты единственный человек, которому я могу их доверить. Я знаю, что ты будешь любить их, потому что ты любишь меня. Я знаю это, Мария. — Слезы текли по щекам обеих сестер.

— Я позабочусь о них, — пообещала Мария.

Софи кивнула:

— Я не хочу, чтобы они бывали у Гвен, потому что она плохо обращалась с Гордоном. У нее был маленький сын, которого она превратила... — Софи споткнулась и вздрогнула всем телом.

— Превратила в кого? — потрясенная, спросила Мария.

— В монстра, — сказала Софи.

— Что она с ним делала? — спросила Мария.

— Что она с ним делала? — на тон выше повторила Софи. — Она запирала его в подвале. И надевала на него... — Софи подняла вверх одну руку, словно не могла говорить дальше. — Забудь об этом. Не имеет значения.

— По-моему имеет, — заметила Мария. — По-моему, это ужасно. — Голос Софи леденил душу; казалось, будто она не может заставить себя продолжать.

— Я хочу, чтобы ты и близко не подпускала к ним Гвен, — обессиленно вымолвила Софи.

— Хорошо, — ответила Мария. — Я так и сделаю. — Они с Софи поднялись и теперь стояли напротив друг друга не в силах расстаться. Потом Софи крепко поцеловала сестру в губы, и они обнялись на несколько секунд, пока не пришла надзирательница. Она увела Софи во внутреннее помещение, а Мария покинула тюрьму через главный вход.

Питер всегда хотел быть надежной опорой для всей их семьи. Он говорил сестрам, чтобы они полагались на него, и требовал от матери, чтобы она обращалась к нему, если ей что-нибудь понадобится. Женщины в семье Дарков были сильными и своевольными, они отнюдь не стремились обращаться за помощью, и это противоречило его представлениям о себе. На похоронах Гордона и после них Мария видела, как сильно Питер переживает за Софи. Он не мог понять, почему она не позвонила ему и не попросила защитить от Гордона, и был уязвлен тем, что Софи доверила своих детей не ему, а Марии. Его роль в ее защите также была второстепенной. Мария понимала, что все это ранит брата, но в то же время считала, что корни этой ситуации лежат еще в их детстве. В их семье, состоящей преимущественно из женщин, Питер был словно третьим лишним.

Возвращаясь домой из тюрьмы, Мария заехала к брату на работу. Она оставила машину на Саммер-стрит и пешком дошла до каменного дома с белыми колоннами, где в восемнадцатом веке жил какой-то капитан-китобой, а сейчас размещались приемные адвокатов, бухгалтеров, студия фотографа и дерматологический кабинет.

Секретарша Питера, жизнерадостная молодая женщина, не скрывающая свою беременность, указала Марии на дверь в его офис.

— Надеюсь, ты не против, что я вот так, без приглашения, — сказала Мария, глядя в окно с зеркальными стеклами на гавань Хатуквити и разноцветную флотилию лодок, стоящих у причалов. Она попыталась разглядеть лодочную мастерскую, однако ее оттуда не было видно.

Питер вышел из-за стола, чтобы поцеловать Марию. Он коснулся губами ее щеки и сразу же отступил, однако она крепко обняла его и прижалась щекой к его плечу. Питер был без пиджака; от его белой рубашки исходил легкий аромат лосьона после бритья.

— Черт, — произнес он спустя пару секунд.

— С ней все в порядке, — сообщила Мария, выпуская брата из объятий.

— Я знаю, как с ней все в порядке, — сказал Питер, усаживаясь. — У меня уже были клиенты из нашей тюрьмы. Софи не выдержит там.

— Выдержит, — заверила Мария, хотя ей вдруг стало страшно.

— Она не позволяет нам освободить ее под залог. — Она отказывается.

— Почему?

— Она говорит, что не заслуживает быть на свободе.

Поскольку Мария не отвечала, Питер продолжил.

— А как дети? — спросил он.

— Не очень хорошо. Они не понимают, почему Софи не возвращается домой. Я даже не уверена, что они понимают, почему не возвращается Гордон.

Взгляд Питера сосредоточился на карандаше, лежавшем на столе.

— Я помню, как Гордон объяснял Саймону, что такое смерть. Это было уже давно, кажется, Фло тогда еще не родилась. Маленький дрозд выпал из гнезда и сломал крыло. Софи пыталась спасти его, копала для него червячков на заднем дворе и поила водой из пипетки. Саймон называл его Крошкой.

— Птенец умер? — спросила Мария.

— Да. Утром мы все собрались у них, кажется, на воскресный завтрак, и Саймону

захотелось узнать, как себя чувствует Крошка. Гордон отвел его во двор, показал мертвую птичку и стал говорить, что смерть — это вроде как сон. А Саймон все время твердил, «он спит» или «Крошка спит», и на лице у него весь день было это ужасное, растерянное выражение.

— Саймон напуган, — сказала Мария. — Или зол, я бы сказала. Постоянно ходит мрачный. И агрессивно ведет себя с Фло. Когда я пытаюсь утешить его, он смотрит на меня, как на полную дуру.

— Его мать только что застрелила его отца, — заметил Питер, запуская пальцы в свои волосы. — Черт!

— А ты помнишь, как умер папа? — спросила Мария. — Тебе было примерно столько же, сколько Саймону.

— Это совсем другое, Мария, — ответил Питер. — Отец умер от старости.

— Я знаю, что это другое, — тихо промолвила Мария. — Мы почти не заметили его смерти. Он и до этого никогда не бывал с нами.

— Нет, бывал, — сказал Питер. — Я навещал его в его комнате, и он рассказывал мне о работе в суде. О том, как говорил неодобрительным тоном и понижал голос, чтобы запутать свидетелей со стороны противника. Сейчас я сам так делаю.

Мария подняла голову и взглянула на брата.

— Ты пережил его смерть гораздо тяжелее, чем я и Софи. Ты был единственным, с кем он разговаривал. С тобой да еще с мамой.

— Да, — согласился Питер. — А после его смерти мама прилепилась к Софи, и все было кончено.

Мария никогда не задумывалась о том, каково пришлось Питеру после смерти Малькольма. Мария и Софи всегда были близки, они могли утешить друг друга; Мария никогда не обижалась на Хэлли за то, что им приходится делить между собой привязанность Софи. Но Питер — кто был у него? Мать и сестры снисходительно позволяли ему играть роль единственного мужчины в семье и забавлялись, глядя на то, как он старается, чтобы газон всегда был подстрижен, книги расставлены в нужном порядке, а ставни покрашены свежей краской, и иногда снисходили до благодарности. Сейчас Мария понимала, как сильно он старался завоевать их любовь.

— Ты так добр с мамой, — сказала Мария. — Иногда я тоже пытаюсь быть к ней добрее, но у меня такое впечатление, что она живет в своем собственном иллюзорном мире. И никто ей там не нужен.

— Нет, она хочет, чтобы мы были с ней, — произнес Питер, — но не хочет говорить о реальных вещах. Она отказывается думать о том, что случилось с Софи.

— Я знаю. — Ей стыдно. Она не может выносить всех этих телерепортеров, статьи...

Питер покачал головой:

— Дело не в этом. Она ненавидит такую публичность, но это не главное.

— А что главное? — спросила Мария с ноткой сомнения в голосе.

— Если мама признает то, что случилось с Софи, ей придется признать и свою роль в этом. Она должна признать, что Софи не могла обратиться к ней за помощью, никогда не могла.

— Мама никогда и ни в чем не признавала своей вины, — заметила Мария. — Все разговоры между ней и Софи сводились к тому, что Софи слушала мамины воспоминания о ее детстве, да еще они вместе мечтали о том, как Софи будет петь в Карнеги-холле.

— В твоих словах столько горечи, Мария, — сказал Питер, потрясенный.

— Нет, просто я так воспринимаю ее. И вообще нашу семью. — Ее голос смягчился. —

Я долго отсутствовала, а ты был здесь и старался, чтобы все было в порядке.

— Спасибо, — поблагодарил Питер. Ее слова он воспринял как комплимент — с этой целью они и были произнесены.

Мария встала, одернула юбку. Ей очень хотелось пойти повидаться с Дунканом. Мысли о нем, светлые и сладкие, заставили ее заколебаться.

— Мне пора. Я еще хотела купить телевизор — кстати, где это можно сделать?

— В «Эрни Электроникс», — сказал Питер. — По дороге на Блэквуд.

— Ясно, — ответила Мария, целуя брата на прощание.

Часом позже, подгоняя машину к дверям магазина Эрни, Мария заметила отца Хоукса, шагавшего около парковки. Он помахал рукой и направился в ее сторону. Мария передала ключи от машины служащему магазина, попросила поставить телевизор на заднее сиденье и пошла навстречу отцу Хоуксу. С тех пор как она узнала, что тот приходился Алисии дядей и совершал обряд бракосочетания Мердоков, она испытывала в его обществе некоторую неловкость.

— Добрый день, Мария, — сказал он. Его зоркие глаза пробежали по ее лицу. В последний раз они виделись на похоронах Гордона. — Как поживает ваша семья?

Мария пожала плечами.

— Мы справляемся, — сказала она. — Сегодня я навещала Софи.

— А меня она видеть не хочет, — заметил священник.

Мария понимала почему: Софи, как и она сама, никогда не была особо религиозной. Очевидно, последние события никак этого не изменили. Она не знала, что ответить ему.

— Саймон и Фло живут со мной, — добавила она.

— Наверное, это мешает вашей работе, — предположил отец Хоукс.

— Я ею совсем не занималась с тех пор, как... — Мария пыталась найти нужные слова. — С тех пор, как дети переехали ко мне.

— Возможно, им стоит с кем-то поговорить.

Мария открыла было рот, чтобы возразить — последний, кого Софи хотела бы видеть в роли доверенного лица Саймона и Фло, был отец Хоукс — однако он продолжал:

— Мне говорили много хорошего о докторе Миддлтон. Она специализируется на работе с детьми.

— Она психиатр?

— Клинический психолог, — сказал отец Хоукс, хлопая по карманам. Он достал блокнот и написал: «Доктор Элизабет Миддлтон, Слокум, Коннектикут».

— Я не знаю ее номера, но он наверняка есть в телефонном справочнике. Пойдем-ка к моей машине, Мария, — добавил он, улыбаясь. — Я хотел передать тебе кое-что.

Идя по парковке, они оживленно разговаривали. Мария рассказывала о том, что Хэлли старается как-то пережить последние события, Питер много работает, а Нелл почти каждый день привозит горячие обеды для Марии и детей. Потом она вспомнила о захоронении. Она начала говорить о том, что обнаружила в могиле стрелу и о своих предположениях насчет того, что женщина была убита, однако ей не хотелось снова возвращаться к убийствам. Она вспомнила о Софи, которая сидела в тюремной камере, и все остальные мысли вылетели у нее из головы.

Отец Хоукс отпер переднюю пассажирскую дверь своей машины, синего «бьюика». Покопавшись в кожаном портфеле, он извлек оттуда то, что искал, — листок с ксерокопией какого-то документа, написанного неразборчивым почерком.

— Это из земельного реестра Хатуквити, — объяснил он. — Копия договора о продаже, между вождем индейцев пеко и Чарльзом Слокумом, англичанином, который купил земли на Скво-Лэндинг.

— Да, и не перенес оттуда могилы, — сказала Мария, читая следующий текст:

Настоящим подтверждаю, что я, Нассиквиджон, вождь хатуквити, заключил торговую сделку и продал Чарльзу Слокуму из Адамсвиля в штате Коннектикут все мои права, титулы и выгоды, касающиеся участка земли, который индейцы называют Сквам, лежащего на краю мыса, выдающегося в море.

Площадь участка равна тридцати акрам или около того, включая погребальные земли Хатуквити, и я свидетельствую о продаже мною этого участка, равно как и о том, что права на него не принадлежат другому индейцу или индейцам, за исключением тех, кто похоронен на этой земле и чьи останки должны быть перенесены на другую землю, а также о том, что я получил за него всю сумму сполна. Засвидетельствовано моей подписью, дата: год 1665, 5 августа.

Свидетели: Джон Честер, регистратор, Мэтью Уокер.

Подпись: Нассиквиджон.

— Скво-Лэндинг когда-то называли «Сквам», — задумчиво произнес отец Хоукс. — Никогда об этом не слышал. Я посмотрел, это означает «Приятное место у воды». Наверное, английские поселенцы исказили название, когда заняли эти земли.

— Спасибо вам за документ, — сказала Мария, сворачивая бумагу.

Отец Хоукс улыбнулся, с пониманием посмотрев на нее.

— Я знаю, что работа очень помогает в подобных ситуациях, — добавил он. — Надеюсь, договор вам пригодится.

— Безусловно, — произнесла Мария, тронутая его заботой. И все же, пожимая ему руку, она не могла отвязаться от мысли, что этот человек когда-то венчал Дункана и его жену.

Дети еще не вернулись из школы, от чего Мария испытала облегчение. Она попыталась последовать совету отца Хоукса — поработать — и разложила на столе снимки могилы, свои записи, книги по истории индейских племен в их местности. Однако никак не удавалось сосредоточиться. Зазвонил телефон, Мария взяла трубку.

— Алло.

— У тебя все в порядке? — спросил Дункан.

— В порядке. Я скучаю по тебе.

— Ты даже не представляешь себе, как я скучаю, — ответил мужской голос. Потом, после долгого молчания, продолжил: — Я видел тебя в церкви. Мне очень хотелось быть рядом с тобой!

— Я знаю, — сказала она.

— Я смотрел на тебя, как ты сидишь между матерью и Фло, и мне казалось, что я понимаю твои чувства. Когда ты говорила со мной о сестре, ты предполагала что-то в этом роде?

— Не совсем, — ответила Мария, в ее голосе чувствовалось напряжение. — Я никогда не думала, что дело пойдет так далеко. Я только считала, что Софи нужна помощь. — Она замолчала на несколько секунд, сжимая трубку в руке. — Знаешь что, Дункан? Я рада, что это она убила его, а не наоборот. Когда я узнала, что Гордон избивает ее, я испугалась, что он ее убьет.

— И ты все время об этом думала?

— Да, подспудно... Я скучаю по тебе, — снова сказала Мария, чувствуя себя опустошенной.

— Алисия захотела пойти на похороны — она знала Гордона, заходила к нему в магазин.

— Я видела твою жену. Она знает о нас?

— Нет. В эти выходные мы собираемся поговорить с Джеми о том, — он запнулся, — что разводимся. В понедельник я переезжаю.

— Правда? — спросила Мария. — Я рада. То есть я хочу сказать, мне жаль, что все так вышло с твоей семьей, но я рада за себя. Я только что встретила ее дядю. Мы говорили о старых документах из земельного реестра, и у меня появилось нехорошее предчувствие. Он ничего не знает.

— Он знает о нас с Алисией уже давно, — возразил Дункан. — И хочешь верь, хочешь нет, но он не встал ни на одну из сторон.

В голосе Дункана Мария уловила колебание и подумала, вправду ли он верил в то, что говорил, или просто пытался убедить себя.

— Все будет хорошо, — сказала она.

— Я знаю. — Он сделал паузу. — Я хочу, чтобы все поскорее закончилось и мы могли видеться. Я чувствую себя так, словно меня отправили в ссылку.

— Я понимаю.

— Почему мы не нашли друг друга тогда, много лет назад? — спросил мужчина. — Прежде, чем встретили других?

Мария молча держала трубку в ладони, ее сердце сильно стучало, казалось, что его стук слышен Дункану.

— Потому что нам предстояло совершить множество ошибок, — прошептала она. — И мы не хотели делать это друг с другом.

— Мне нужен подарок на день рождения Тоби Дженкинс, — сказала Фло, когда они субботним утром уселись завтракать.

— А когда у нее день рождения? — спросила Мария. Она стояла у тостера, дожидаясь, пока разогреется следующая порция замороженных вафель.

— На следующей неделе, — ответила племянница. — Мы пойдем к ней после уроков.

— Она спрашивает, в какой день, тупица, — заметил Саймон.

— Не называй меня тупицей! — хнычущим голосом произнесла Фло.

— Она права, Саймон, — сказала Мария. — Знаете, давайте-ка поедем в Торговый центр. Купим подарок Тоби, а вам — новые кеды.

— «Найк»? — заинтересовался мальчик.

— Само собой, — ответила Мария, обрадовавшись тому, что предотвратила очередную ссору. Она положила детям вафли; пока они мазали их маслом и поливали сиропом, Мария налила себе кофе, уселась на противоположном конце стола и попыталась читать «Хатуквити Энкуайер».

Она опасалась натолкнуться на статью о Софи, поэтому пролистнула страницу с новостями и сразу обратилась к гороскопу, комиксам и прогнозу погоды. В последние дни газета служила предлогом отсрочить беседу с племянниками; Марии требовалось сначала выпить чашку кофе и мысленно подготовиться к этому разговору. Хотя им было всего шесть и десять лет, они требовали от нее больше правды и логики, чем взрослые, с которыми ей до сих пор приходилось общаться.

Иногда Мария вспоминала горы: как они с Альдо вместе завтракали, обсуждая события в мире, свои планы на день, работу других археологов.

Поверх газеты она взглянула на Фло, та, нахмурив лоб, резала вафли на маленькие кусочки.

— Тебе помочь? — спросила Мария.

— Нет, спасибо, — ответила девочка, не поднимая головы.

Мария снова сделала вид, что читает. Она подумала о Дункане. В эти выходные они с Алисией собирались поговорить с сыном о разводе и о том, как изменится их жизнь.

Мария перевернула страницу и вспомнила об Альдо — увидятся ли они еще когда-нибудь? Когда она планировала развестись с ним, обязательная отсрочка, предусмотренная законами штата Коннектикут, казалась ей насилием, наследием пуританства, таким отеческим шлепком пониже спины: мол, разойдитесь-ка по разным комнатам и подумайте, какую глупость собираетесь совершить.

С тяжелым сердцем она думала о том, что Дункану только предстоит через все это пройти. Она не знала, что будет дальше: смогут ли они встречаться открыто и когда Дункан познакомит ее с сыном. Ей казалось, что отсрочка дается супругам для того, чтобы их обида по отношению друг к другу стала еще острее, перед тем как они окажутся по разные стороны барьера в суде. При мысли о том, какую роль она сама сыграла во всей этой истории, Мария ощутила, как все сжалось у нее внутри.

С другой стороны, то, как стремительно был аннулирован ее брак, напоминало скоростную смерть одного из членов семьи по сравнению с болезненной агонией девятидневной отсрочки в соответствии с законами Коннектикута. Мария чувствовала, что

она не в силах позвонить Альдо, снова услышать его голос, рассказать ему о преступлении Софи; вместо этого она написала мужу длинное письмо и приложила копию своих рабочих заметок, касающихся захоронения.

— Можно я поеду на месте стрелка? — поинтересовался Саймон.

— Что? — растерявшись, переспросила Мария.

— По дороге в Торговый центр. Место стрелка — это переднее сиденье. Папа рассказывал, что стрелок всегда сидел рядом с ковбоем и защищал ее.

— Я хочу ехать на месте стрелка, — захныкала Фло.

— А что, если Саймон будет ехать впереди по дороге туда, а ты — обратно? — предложила Мария.

— Это по-честному, — кивнул Саймон.

Однако часом позже, стоя у машины, дети снова начали ссориться.

— Мама всегда разрешает мне ехать на переднем сиденье по дороге в магазин, — произнесла Фло, и слезы потекли у нее из глаз.

— Плакса! — обозвал сестру Саймон.

Стоя по другую сторону машины, Мария заметила, как Саймон ущипнул девочку за руку. От боли Фло вскрикнула, закрыла это место другой рукой и, наклонив голову, разрыдалась.

— Я все видела, — спокойно сказала Мария, по кругу обходя машину. Ссоры, которые разгорались между ней, Софи и Питером по утрам в субботу, были привычными и безобидными. Они с Софи щипали Питера, как только им удавалось до него дотянуться, а он поддавал ногой по гравию так, чтобы испачкать их чистые тряпочные туфли. Проявления враждебности у племянников были куда более зловещими, очевидно, что они научились этому у своих родителей.

— Она просто маленькая дурочка, — сказал Саймон голосом, звенящим от злобы.

Фло все еще рыдала; Мария заметила, что обе руки у нее сжаты в кулаки.

— Никакая она не дурочка, — возразила Мария. — А ну-ка извинись!

— Извини, — неохотно буркнул Саймон.

— Ни за что! — ответила Фло.

— Да пожалуйста, садись вперед, если тебе так приспичило, — взорвался Саймон. — Все равно это место покойника. — Он распахнул переднюю дверь машины, потянул на себя сиденье и, нагнувшись, стал пробираться назад, но ударился носом о стойку двери. Теперь оба ребенка плакали. Мария смотрела, как они стоят рядом, такие несчастные, неспособные принять утешение ни друг от друга, ни от нее.

— Почему ты сказал, что это место покойника? — спросила сестра. Теперь, когда Саймон тоже расплакался, она, казалось, немного успокоилась.

— Большинство людей, погибших в автомобильных авариях, сидело на переднем пассажирском месте, — объяснил Саймон, словно повторяя статистическую сводку. — Когда там ехал я, папа говорил, что это место стрелка. Когда там ехала мама, он говорил, что это место покойника.

— Давайте просто называть его передним сиденьем, — предложила Мария, стараясь унять дрожь в голосе. — И давайте договоримся, что Саймон сидит на нем по дороге в магазин, а ты, Фло, на обратном пути. О'кей?

Дети закивали. Саймон придержал спинку переднего сиденья, чтобы помочь Фло забраться назад. Потом они с Марией уселись на свои места. Мария подождала, пока дети

пристегнут ремни, завела машину и выехала на дорогу.

— Мне здесь очень нравится, — сказала Фло. Блеск в ее глазах напомнил Марии Джуди Гарленд в тот момент, когда она впервые увидела Изумрудный город.

— Здесь классно, — с жаром подхватил Фло ее брат. Мария никогда раньше не была в «Джуэл-Бокс-Молл», «шкатулке с драгоценностями» — так назывался Торговый центр, и детям не терпелось устроить ей экскурсию. По дороге они рассказывали, что каждый пассаж центра носит собственное название: там были «Рубиновый двор», «Бриллиантовый путь», «Сапфировая дорожка», «Золотая и серебряная аллеи», — именно поэтому Торговому центру дали такое название. Для детей эти слова звучали как волшебные заклинания, даже Саймона увлекало сравнение магазина со шкатулкой, полной драгоценностей.

Места для парковки автомобилей оставались только в дальних рядах, и им пришлось долго идти через бесконечные ряды машин. Был солнечный майский день. Проводить его в Торговом центре вовсе не улыбалось Марии, и она подумала о том, как здорово было бы, чтобы Софи вышла из тюрьмы и сама отправилась со своими детьми за покупками, а Мария смогла бы вернуться на Подзорную трубу к своему захоронению. Как бы ей хотелось, чтобы все было именно так!

— Гвен иногда водит нас сюда, — заметила племянница.

— Правда? — спросила Мария, вспомнив, что обещала Софи держать детей подальше от Гвен. Какова вероятность того, что именно сегодня она отправится за покупками и они столкнутся здесь? — А какие магазины предпочитает ваша бабушка? — поинтересовалась Мария, надеясь обойти их стороной, просто так, на всякий случай.

— Ей нравится «Джинниз», — ответил Саймон.

— А еще больше она любит магазин со свечами, — добавила Фло. — Гвен любит свечи. А еще духи и ремни.

— Разве можно любить ремни? — удивленно спросила Мария.

— Гвен любит, — доверительно произнесла девочка.

Внутри Торгового центра люди двигались подобно машинам на огромной развязке. Западная галерея вела к магазину «Джинниз»; восточная — через «Рубиновый двор» к магазину «Рафаэль». С потолка свисали алые, бирюзовые и золотистые флаги, ярко сияла хрустальная люстра.

Ребята, как зачарованные, прилипли к витринам «Тьюнвилль» и «Фокскрофт Твидз». Люди, проходившие мимо, с любопытством смотрели на них. Мария догадалась, что они могли видеть их фотографии в газетах; к счастью, дети не замечали этих взглядов.

— Можно я куплю диск «Металлики»? — попросил Саймон.

— Гадость! — вырвалось у Фло. — Не позволяй ему, тетя Мария.

— Почему не позволять? Почему это гадость? — спросила она, готовая раскошелиться на диск.

— Это тяжелый рок, — грустным голосом произнесла Фло.

— Это круто! — заверил племянник. — Можно мне его купить?

— Ладно, — ответила Мария, протягивая мальчику двадцатидолларовую бумажку. Он бросился в магазин. Фло, стоявшая рядом с Марией, покачала головой. Мария посмотрела на ребенка и улыбнулась. — Если тебе не нравится эта музыка, не обязательно ее слушать. Саймон может слушать диск в своей комнате, а мы с тобой пойдем вниз и поставим «Призрак оперы», — сказала Мария, зная, что Фло любит эту музыку.

— Маме это не понравилось бы.

— Почему? — спросила Мария.

— Она не разрешает Саймону покупать такие диски. Она против тяжелого рока.

Мария взяла девочку за руку и вошла в «Тьюнвилль». Разница во вкусах — это куда ни шло, но нарушать запреты Софи она не собиралась. Саймон стоял у прилавка, сжимая диск в руках, и ждал, пока продавец пробьет чек.

— Послушай, Саймон, — сказала Мария, прикидывая, согласится ли он поменять диск «Металлики» на какой-нибудь другой. Мальчик с надеждой заглянул ей в глаза. Он выглядел таким счастливым! Уголки его рта потянулись вверх, потом он широко улыбнулся. — Нет, ничего, — произнесла Мария.

— Тетя Мария! — воскликнула Фло.

Когда они вышли из магазина и влились в толпу покупателей, двигавшихся по галерее, Мария положила руку Саймону на плечо:

— Я прошу тебя в следующий раз придерживаться правил. Я не буду покупать тебе вещи, которые твоя мама запрещает. Договорились?

— То есть диск придется вернуть? — спросил племянник.

— Нет, — ответила Мария. Ей было нелегко пойти против требований Софи, но еще тяжелее было бы снова увидеть тоску на лице Саймона.

В качестве подарка для Тоби Фло выбрала розовую балетную пачку. Она увидела ее в витрине «Пенни Вайолет», магазина детской одежды, названного в честь двух дочек его владелицы. Купальник, к которому крепилась пачка, был белым и таким шелковистым, что Мария не сразу поверила в то, что он сшит из нейлона. Горловина и края рукавов были обшиты серебряными блестками. Сквозь многочисленные слои розового тюля сверкали стразы.

— Тоби любит балет? — спросила Мария.

— Не знаю, — ответила Фло, не сводя глаз с пачки.

— Тоби в нее не влезет, — сказал Саймон, который стоял поодаль, всем своим видом демонстрируя, что выбор подарка его несколько не интересует. — Тоби слишком большая.

— Она во втором классе, — ответила Фло. — Но ей понравится пачка. Она в ней будет очень красивой.

— Ну, раз мы не знаем, любит именинница балет или нет, может, поищем ей что-нибудь другое? — предложила Мария. — Давай-ка пройдемся по магазину.

Мария помнила, что во времена ее детства на день рождения дарили наборы красок, бейсбольные перчатки или колечки, символизировавшие вечную дружбу, однако Фло настаивала на том, чтобы подарить Тоби что-нибудь из одежды. Фло и Мария пересмотрели множество платьев, слишком дорогих, чтобы покупать их девочке, которая скоро из них вырастет. На полке лежали свитера. Мария вытащила один, в разноцветные полосы: красные, синие, желтые, зеленые, розовые, оранжевые и лиловые. Он напомнил ей об одном Рождестве: ей тогда было семь лет, и она попросила у Санта-Клауса «юбку разных цветов», а вместо этого получила черную с мелкими фиолетовыми узорами.

Фло снова потянулась за пачкой.

— Как насчет этого свитера? — спросила Мария.

Фло кивнула.

— Подойдет, — сказала она. — Если ты хочешь.

— Знаешь, — сказала Мария, вспомнившая всю горечь того рождественского подарка, — мы можем купить эту пачку для тебя. Как ты на это смотришь?

— Ой, правда? — воскликнула Фло и захлопала в ладоши.

— Можем мы наконец идти? — спросил Саймон.

— Сейчас, только заплачу, — ответила Мария. — Кеды купим в «Спорт-Лофт», по дороге домой. — Стоя в очереди, Мария почувствовала странное облегчение. Она поняла, что все время, пока они находились в Торговом центре, постоянно оглядывалась по сторонам, боясь встретиться с Гвен. Сейчас у нее было ощущение, что они спасаются бегством. И в то же время она была в восторге от того, что ей удалось заставить детей Софи улыбнуться.

Однако вечером того же дня, когда дети уже легли спать, Гвен позвонила.

— Мы с Эдом хотели узнать, приедут ли внуки к нам на обед в воскресенье, — произнесла она. — У нас это стало своего рода традицией, кроме того, я уверена, у тебя найдутся свои дела.

— Вообще-то нас уже пригласила моя мама, — сказала Мария, и ее голос прозвучал более тепло, чем ей хотелось бы. Это было трудно — вежливо разговаривать с матерью человека, который издевался над Софи, особенно после того, как сестра рассказала о роли, которую Гвен сыграла в жизни Гордона. Однако Мария понимала, что и Гвен нелегко нормально разговаривать с сестрой убийцы ее сына.

— Понятно, — отозвалась Гвен. Она на мгновение замолчала и, поскольку Мария ничего не говорила, продолжила. — Как они там?

— Очень расстроены, — ответила Мария.

— Могу себе представить, — послышался ее голос, и, несмотря на последовавшее за этим молчание, Мария поняла, что Гвен плачет на другом конце провода.

— Это тяжелое время, — тихо произнесла Мария.

— Я не могу поверить, что его больше нет, — сказала мать Гордона, и сердце Марии сжалось. Она подумала о Софи, которая сейчас находится в тюрьме. Мария сочувствовала Гвен в ее утрате, но не могла заставить себя произнести эти слова вслух.

— Ну что ж, я скажу детям, что вы звонили, — пообещала Мария.

— Когда мы их увидим? — всхлипывая, спросила Гвен. — Я хотела позвонить раньше, но, честно говоря, я думала, что Эд не перенесет встречи с ними. Саймон просто копия Гордона. Эд ужасно страдает.

— Я понимаю, — чуть помедлив, вымолвила Мария.

— Итак, когда это можно сделать? — спросила Гвен.

— Не думаю, что вам стоит сейчас встречаться с детьми, — ответила Мария.

— Почему? — внезапно тон Гвен стал ледяным.

— По той же причине, по которой Эд не мог увидеться с ними: эта встреча может разбудить тяжелые воспоминания.

— Мне это совсем не нравится, — отрезала Гвен. Сейчас она говорила в своей привычной манере. — Не знаю, где ты набралась подобных мыслей, но хочу задать тебе один вопрос: ты когда-нибудь слышала о правах деда и бабушки?

— Да, — ответила Мария.

— Так что если ты будешь мешать нам с Эдом общаться с детьми Гордона, мы подадим на тебя в суд. Это понятно?

— Да, — сказала Мария и аккуратно повесила трубку. Она посмотрела в темное окно, где висело ее отражение, но ничего не увидела и, подумав о Софи, закрыла глаза.

Мария и Питер сидели напротив сестры за длинным столом в тюремной библиотеке и смотрели, как она перебирает полароидные снимки ее детей, сделанные утром того же дня. Скулы, ключицы и даже нос Софи выступали все сильнее, как будто она продолжала терять вес. Мария со страхом думала о том, что сестра может намеренно лишать себя пищи в наказание за совершенное преступление. Софи грустно улыбнулась, и Мария решила, что та вспоминает обо всем, чего лишена: общения с детьми, ласкового майского ветерка, свободы.

— Наверняка она не хочет ее снимать, — грустно усмехнувшись, сказала Софи. В руках она держала фотографию Фло в балетной пачке.

— Как ты догадалась? — спросила Мария.

— Ну, это же Фло. Привязывается к какой-то вещи и не расстается с ней до тех пор, пока не найдется нечто еще более замечательное. Она еще не ходила в этом в школу?

— Она просила, но я не разрешила. Подожди, что ты хочешь сказать? Пачку? В школу?

— Позволь ей! — взвизгнула Софи. — Боже, Мария, ты же не ханжа какая-нибудь!

— Софи, я тоже не разрешил бы, — вмешался Питер.

Софи быстрым взглядом осмотрела брата: его аккуратно подстриженные усики, шейный платок, заколотый золотой булавкой их отца с монограммой, платочек из той же ткани, выглядывавший из кармана пиджака.

— Я не шучу, — сказала Софи невозмутимо, и Мария рассмеялась.

— Очень смешно, Мария, — сказал Питер с важным видом ответственного и разумного человека, однако Мария видела, что его чувства задеты.

— В прошлом году мы с Гордоном подарили Фло бриджи и жокейскую шапочку, чтобы она ездила в них на пони ее подруги Эммы, так она наотрез отказывалась их снимать — только когда ложилась спать. Ее учительница ничего не имела против того, чтобы она ходила в этом в школу.

— Софи... — позвал Питер.

— Она выглядела так мило, — продолжала Софи. — Знаете, вы зря противитесь. Обязательно разрешите ей пойти в школу в пачке.

— Ну, если ты так говоришь, — согласилась Мария.

— А как в остальном, с ними все в порядке? — спросила Софи.

— Да, — ответила Мария.

Мария и Питер замолчали, ожидая, что Софи заговорит сама, что она расскажет им о том, что произошло между ней и Гордоном.

— Ну же, Софи, — после долгой паузы произнес Питер.

— Что? — безучастно отозвалась сестра.

— Стив говорит, ты ничего ему не рассказываешь. Он говорит, ты не сообщила никаких деталей, а ему нужно знать все, чтобы выстроить защиту.

— В этом весь наш братец-адвокат, — снисходительно произнесла Софи.

— Не могла бы ты относиться к этому серьезнее? — спросила Мария.

— Занимайся своими делами, — ответила Софи тем же теплым, мелодичным голосом, каким только что говорила с Питером. Марию потрясла разница между тоном сестры и содержанием ее слов. Ей захотелось схватить Софи за плечи и потрясти. Желание было таким сильным, что Марии пришлось зажмуриться и стиснуть зубы.

— Ты стреляла в Гордона? — поинтересовался Питер. Поскольку Софи не отвечала, он спросил еще раз, с нажимом. — Ты стреляла в него пять раз?

Софи кивнула.

— Ты отвечаешь «да»? — настаивал Питер, и Софи снова весело кивнула.

Желание Марии встряхнуть сестру за плечи вдруг превратилось в потребность — не менее настоятельную — взять ее за руку. Она потянулась к Софи через стол.

— Ты помнишь ту ночь? Когда ты сказала мне, что однажды расскажешь, почему ты это сделала?

— Только не сегодня, — промолвила Софи.

— Рассказав нам все, ты поможешь себе, — сказал Питер. — Разве ты не хочешь выйти отсюда? Не хочешь поехать домой?

— Нет. Я не хочу.

Мария не могла поверить в то, что слышала.

— Ты что, шутишь? — спросила она.

— Нет, не шучу, — ответила Софи, глядя сестре прямо в глаза. И хотя Мария не понимала причин, заставлявших Софи говорить так, она поверила ей.

Питер снова и снова перечитывал полицейский отчет. Мария знала, что в нем говорилось: в Гордона выпустили пять пуль, одна из которых убила его, потом его тело выкинули из окна в спальне и несколько раз проехали по нему автомобилем. Брат сообщил Марии, что, по словам полицейских, Гордона «убили многократно».

— Как твое плечо? — спросила Мария.

— В порядке, — ответила Софи. Однако при этих словах она пошевелила рукой, словно проверяя, болит та еще или нет.

— В тот вечер он что-то сделал Фло? Или Саймону? — спросила Мария, предполагая, что жестокое обращение Гордона с детьми могло заставить Софи убить своего мужа.

Софи покачала головой.

Питер вздохнул:

— Ладно, раз ты не хочешь говорить о Гордоне, давай поговорим о его родителях. Их адвокат направил мне письмо. Не Стиву, а мне. Если ты не разрешишь им видеться с детьми, они подадут в суд и будут требовать опеки над ними.

При этих словах лицо Софи побледнело, и она выдернула руку из ладони Марии.

— Я их ненавижу, — выговорила она.

— Скажи мне, что они сделали, — попросила Мария.

— Они запирали Гордона в подвале, надолго. Когда он еще был маленьким. Ты бы видела, что это за место... темнотища, и полно пауков. И еще там стоит их ужасная искусственная елка, прямо с украшениями.

— По сравнению с тем, что Гордон делал с тобой... — сказала Мария.

— Ш-ш, — остановил ее Питер. — Наконец-то она заговорила.

Но Софи, казалось, не слышала их.

— Эд называл его трусом и бабой за то, что он не поехал воевать во Вьетнам. Ему было плевать, что его сын получил высокий балл на экзаменах и поэтому его не призвали.

Питер нахмурился и постучал по столу кончиком карандаша.

— По-моему, Эд должен был радоваться, что Гордон остался дома.

— Эду повезло, что Гордону не пришлось идти на войну, — после долгой паузы произнесла Мария. Она подумала о Хэлли, которая любила рассказывать о том, как ее отец

прославился на Марне и как Малькольм был пилотом и воевал над Нормандией, но в то же время была счастлива от того, что Питер был слишком юн, чтобы воевать во Вьетнаме.

— Эд, — сказала Софи и потрясла головой.

— Если ты позволишь ему и Гвен видаться с детьми, они не будут подавать на опеку, — сказал Питер.

— А каков шанс, что они ее получат? — спросила Софи.

Питер пожал плечами:

— Не думаю, чтобы это было возможно, однако все зависит от судьи. Мария не замужем, у нее нет собственных детей. Некоторые судьи могли бы решить, что Литтлфильды в этом смысле более квалифицированы.

— Это было бы катастрофой, — произнесла Софи.

— Ты хочешь сказать, что родители Гордона плохо обращались с ним и поэтому он так вел себя с тобой и вашими детьми? — спросила Мария.

Софи, с лицом, белым как мел, кивнула.

— Объясни!

Софи стала теревить дырочку на рукаве своего платья.

— Однажды они застали его, когда он отдирал обои со стены в своей комнате. В наказание они посадили Гордона на цепь, — сообщила Софи. — В подвале, без света. Ему на шею надели собачий ошейник и цепью привязали к верстаку Эда. — Она подняла глаза и посмотрела на Питера и Марию. — Только представьте себе этот ужас!

Мария подумала об удавке, которую Гордон надевал на шею любимой женщины, и ничего не сказала.

— Почему он не снял ошейник? — спросил Питер.

— Однажды он попробовал его снять, и тогда Гвен поднесла к его заднице горящую сигарету и заверила, что в следующий раз прижжет ему кожу. Больше он не смел ослушаться. Ему же было всего восемь!

— Господи боже! — произнес Питер.

— Теперь вы понимаете, почему я не хочу, чтобы они получили опеку над Саймоном и Фло, — спокойно и задумчиво проговорила Софи, как будто — в первый раз — всерьез обдумывала свои дальнейшие действия. — Я могу разрешить детям посещать их при одном условии: предупредите Гвен, что, если дети скажут хоть одно слово о том, что она или Эд плохо обращались с ними, они не увидят их до конца своих дней.

— Хорошо, — сказал Питер, кивая и делая пометки в своем желтом блокноте.

— Я хочу, чтобы ты поскорее вышла отсюда, — произнесла Мария. — Чтобы ты сама воспитывала Саймона и Фло.

— Они тебе так надоели? — с улыбкой спросила Софи.

— Дело не в этом, — ответила Мария. — Просто они так сильно по тебе скучают! Я очень за них беспокоюсь. Я назначила для них встречу с психологом, которого посоветовал отец Хоукс.

— Это хорошо.

— Расскажи нам еще что-нибудь, — попросил Питер. — О той ночи.

— О той ночи? — переспросила Софи. — Когда я убила Гордона?

— Да. Скажи, куда ты дела пистолет?

— Выбросила в реку, — голосом, лишенным всякого выражения, произнесла Софи.

Полицейские уже несколько часов обшаривали дно реки. Мария, Саймон, Фло, Питер, Нелл и Энди собрались у Хэлли на пикник. Питер склонился над Саймоном — он учил мальчика играть в подкову. Хэлли приставала ко всем с аэрозолем от комаров. Мария сидела в шезлонге и прислушивалась к отдаленным звукам полицейских раций. Полицейские оставили свои машины на лесной опушке недалеко от дома Литтлфильдов. Мария хорошо знала это место — старшекласники часто останавливались там, чтобы провести несколько приятных минут: Мария сама бывала на этой опушке с несколькими мальчишками, имена которых сейчас вряд ли бы вспомнила.

Нелл сидела рядом с ней, потягивая джин с тоником. Подковы падали с глухим стуком, потом в дело вмешался Питер и послышался звон. Хэлли и Джулиан наблюдали за игрой со стороны.

— Bravo! — выкрикнула Хэлли, хотя это больше подходило для оперы, а не для спортивных соревнований.

Никто не сказал ей, что Софи выкинула пистолет в воды Белл, поэтому для нее переключка полицейских раций не имела никакого значения.

Из-под полей своей соломенной шляпы Мария взглянула на Нелл. Та поймала ее взгляд и улыбнулась.

— Они даже не близко, — отметила Мария.

— Да уж, — согласилась ее подруга.

Высоко в небе над ними пролетел самолет, направляющийся из Европы в Нью-Йорк; они увидели оставленный им белый след и только потом услышали шум моторов. Большинство самолетов из Рима, Женевы, Парижа и Лондона, прежде чем сесть в аэропорту Кеннеди, пролетало над Хатуквити. Мария почувствовала, как по спине пробежала легкая дрожь при воспоминании о том, как она, сидя в самолете рядом с Альдо, видела внизу знакомые очертания бухты Наррагансет, Поинт-Юдит, Вестерли, Скво-Лэндинг и, наконец, Хатуквити. Она научилась находить и реку Белл, впадавшую в пролив Лонг-Айленда.

— Не хочешь сходить туда? — предложила Мария.

— Пойдем, — согласилась Нелл.

Босиком женщины пошли по высокой траве в сторону реки. На Марии было короткое, без рукавов платье цвета морской волны, выгоревшее на солнце: она нашла его в шкафу своей спальни в доме матери. Волновал пряный запах травы, приятно щекотавший ноги; Мария слегка замедлила шаг и наклонилась, ее укусил кто-то за голень.

По берегам реки росли дубы и клены. В их тени пышно разрослись камыши. Земля стала мягкой и влажной, Мария чувствовала, как она расползается у нее под ногами. Дом Софи стоял в двухстах ярдах отсюда, на другом берегу реки, именно там полицейские искали пистолет. Бормотание бегущей воды заглушало их рации.

— Тысячу лет не была здесь, — сказала Нелл.

— Я тоже, — ответила Мария. — Интересно, сможем мы его найти?

Обе привычным взглядом отыскивали точку, располагавшуюся примерно в десяти футах от берега, на лугу Дарков. Подойдя к краю крошечной сосновой рощи, Мария замедлила шаг.

— Оно где-то здесь.

Нелл бросила на нее торжествующий взгляд.

— Камни! — воскликнула она. — Боже мой, ты можешь себе представить — они все еще здесь!

Мария подошла к тому месту, где стояла Нелл, и увидела скрытые жесткой травой

вросшие в землю камни. Двадцать лет назад Софи выложила из них сердце в память о той ночи, когда по легенде была буря, звонил церковный колокол, а влюбленные стояли на разных берегах, произнося свои клятвы. Мария наклонилась и расчистила камни. Теперь, по прошествии времени, они стали настоящими артефактами. Возможно, попадись они на глаза какому-нибудь другому археологу, он долго гадал бы, каким образом камни с гладкими, обточенными морем боками оказались за три мили от берега и образовали сердце, но Мария знала ответ.

— Как будто это было вчера, — слышался голос Нелл. — Ты стояла вот тут. А Софи, склонившись так же, как ты сейчас, вкапывала камни в землю.

— А ты жаловалась, что она заставила тебя тащить с пляжа больше камней, чем несла сама.

— Я помню, там был розовый кварц, — сказала Нелл, опускаясь на колени рядом с Марией. — Он все еще здесь?

Мария смахнула пыль с неровного камня, лежавшего в острие сердца; это должен был быть розовый кварц, однако земля и мох успели оставить на нем коричневатозеленые пятна.

— Не могу сказать наверняка, но, по-моему, это он, — произнесла она.

— О, Софи, — вздохнула Нелл.

Мария ничего не сказала, но глаза ее наполнились слезами. Очертания каменного сердца расплывались перед ней. Она не помнила, почему сестра решила, что именно здесь должно было состояться то венчание, однако помнила, как сильно Софи верила в это.

— Все случилось тут, — повторяла она. — Я знаю это. Я уверена.

Мария и Нелл согласились, доверились ее инстинкту. Софи, хотя и была младше Марии, всегда верховодила в их компании. Именно поэтому сейчас, глядя на каменное сердце, Мария отказывалась понимать, как ее сестра могла отречься от своих убеждений и стать жертвой Гордона.

То, что в конце концов она освободилась от него путем убийства, казалось Марии гораздо более логичным, чем тот факт, что Софи столько лет терпела все это.

— Здесь мелко, — заметила Мария, поднимаясь на ноги. Нелл пошла следом за ней к берегу. Они склонились над водой, глубина которой была не больше нескольких дюймов, и стали пристально разглядывать каменистое дно. Водяные жуки скользили по поверхности реки. Откуда-то поднимались пузырьки, наверное, лягушка пряталась на мелководье. Течение заставляло извиваться нити водорослей, дно было покрыто крупной галькой. На ней, под водой, лежал револьвер, из которого Софи застрелила Гордона.

Не могу представить, какой матери хотелось бы, чтобы дети навещали ее здесь. У Бесс, которая теперь сидит со мной в одной камере, три сына, они навещают ее по субботам два раза в месяц. Ужас берет, когда думаешь о том, какой им рисуется мать в воображении: как она ходит в тюремной униформе и живет среди преступников, потому что сама является преступницей. Она постоянно говорит о своих детях: Бенджамине, Дуги и Лэнсе. Она плачет, потому что они живут далеко, в другом конце штата, и не могут навещать ее чаще. На это я отвечаю, что им, наоборот, повезло: было бы гораздо хуже, если бы они жили в Хатуквити и каждый день в школьном автобусе проезжали мимо тюрьмы, зная, что там находится их мать.

Конечно, матери часто ошибаются, думая, что знают, как будет лучше для их детей. Возьмите хотя бы маму. Когда мы были маленькими, она смотрела на нас с Марией как на этаких девиц-дебютанток, а на Питера как на удобного сопровождающего. Мария, конечно, была слишком интеллектуальной, чтобы участвовать во всяких маминых затеях вроде соревнований по выезде, зато я честно посещала уроки вокала. Питер играл на кларнете; он был такой же длинный и тощий, как этот инструмент, и ни разу не взял на нем ни одной верной ноты. Считалось, что он играет для собственного удовольствия. Конечно, в уроках музыки нет ничего плохого, но мама надеялась, что благодаря им мы попадем в Джуллиард.

Она не навещает меня здесь. «Для нее это тяжело», — говорит Питер. Он относится к ней с таким пониманием, что мне становится тошно. То есть я хочу сказать, что, конечно, надо стараться понять, через что человек проходит, но в то же время надо говорить ему, что ты сам об этом думаешь. Если бы я узнала, что мама собирается прийти, я бы написала ей записку: «Не стоит беспокоиться». Почему?

Потому что она никогда не думала, что ее дочь может оказаться здесь. В Радклиффе, в Карнеги-холле — да, но только не в тюрьме.

Хотя, может, я и несправедлива. Мама вообще небольшая поклонница подобных визитов. Когда ей удалили матку и она лежала в госпитале Слокум-Дженерал, она никому не позволяла навещать ее. «Я приду сегодня в шесть», — говорила я. Шесть было как раз подходящее время — самая середина часов посещения. Однако мама не разрешала. «На дорогах будет не протолкнуться, дорогая», — отвечала она. Или: «Проведите лучше это время дома, своей маленькой семьей. А мне пришлите цветы. Обожаю георгины».

Меня сильно задевало, когда она говорила «своей маленькой семьей». Как будто ее семья была такой уж огромной! У нее всего на одного ребенка больше, чем у меня. Хотя, конечно, когда ей делали эту операцию, у меня был только Саймон. Возможно, это все объясняет. В любом случае, только через много лет я поняла, почему она не пускала к себе посетителей: боялась, что и ей придется их потом навещать. Она приходила ко мне, когда родились мои дети, однако когда мне делали операцию по удалению грыжи диска, она ни разу меня не навестила. Больницы навевают на нее тоску.

Гвен, напротив, прямо-таки профессионал в этом деле. Ее друзья вечно лежат в больницах с самыми жуткими болезнями: то у них рак прямой кишки, то им удаляют нос или ампутуют пальцы на ногах после осложнения от диабета. Она знает всех хороших флористов и состоит в клубе рукодельниц, где учат делать всякие маленькие безделушки, которые ее больные друзья смогут поставить на тумбочку в изголовье кровати. И если вы

думаете, что это началось не так давно, когда ее друзья начали стареть, то глубоко ошибаетесь — так было всегда.

Когда-то она брала с собой Гордона. Вообще-то детям вход в хирургическое отделение был тогда строго запрещен, однако Гвен так часто там бывала, что медсестры делали исключение для ее сына. Она учила его делать сувениры, которые освоила в клубе. Некоторые из них она хранит до сих пор: связанный крючком колпачок, который надевается на запасной рулон туалетной бумаги, рождественские ясли, сделанные из ершиков для чистки трубок, или венок, которым украшают центр стола, согнутый из проволоки и обмотанный фольгой. В четвертом классе он сделал портрет своей учительницы: на обратной стороне блюдца приклеил перевернутую чашку; ручка чашки изображала нос. Потом он нарисовал голубые глаза, улыбающийся рот, приклеил желтые нитки вместо волос, а ободок блюдца украсил кружевом — это был воротничок.

Но в основном подарки Гордона предназначались для больных друзей его матери. Специальным образом высушенные яблоки и апельсины, ароматические смеси из лепестков роз и глициний, росших в саду Гвен, фетровые портсигары. Я просто прихожу в ярость, когда думаю о том, как Гвен таскала его в хирургическое отделение навещать мистера Пибоди, которому отрезали нос. Кем этот мистер Пибоди приходился Гордону? Да никем! Он привозил им на дом вещи из химчистки «Клинмо», а Гвен отдавала туда тряпок больше, чем кто-либо другой в Слокуме.

Лучше было не начинать. Все равно здесь больше нечем заняться, только своими воспоминаниями. Ничего хорошего не приходит в голову, потому я перебираю свои обиды. Нет смысла отпираться — я лежу и думаю о том, как сильно ненавижу родителей Гордона. Гордон мог стать таким замечательным мужчиной. Он мог быть так счастлив! Иногда я нахожу в себе силы признать то, что в глубине души знала всегда: у него в жизни не было ни одного счастливого дня.

Они слишком много от него хотели. Гордон много делал для них, но все это было не то. Эд никак не мог смириться с мыслью, что его сын не стал профессиональным спортсменом. «В каком виде спорта?» — спрашивала я его. «Не важно, — отвечал Гордон. — В любом». Он занимался легкой атлетикой, играл в гольф, плавал. В Принстоне он участвовал в соревнованиях по гольфу, и Эд надеялся, что Гордон вернется домой и станет профессиональным игроком гольф-клуба Хатуквити. Поначалу мы только смеялись, когда Эд говорил, что, если бы Гордон не женился на мне и ему не пришлось бы содержать семью, он мог бы сделать карьеру в спорте. Однако через некоторое время его слова перестали казаться смешными, и я заметила, что муж поверил в это.

Все женщины здесь жалуются на своих свекровей. Это самая популярная тема для разговоров. Обычно они говорят, что не соответствовали ожиданиям, требованиям мамаш к женам их сыновей. Иногда возмущаются, что те лезли не в свое дело, критиковали, поучали. Они постоянно спрашивают меня про Гвен; «Ну она и штучка, — говорят они, — раз вырастила такого сыночка!» Они правы, но не в том смысле, в котором думают.

Им кажется, что Гвен — ведьма, которая вырастила злодея, а на самом деле она — глупая женщина, вырастившая одинокого, потерянного мальчика.

Бесс — единственная, с кем я могу разговаривать. Она слышит, как я плачу по ночам, и иногда протягивает мне руку, чтобы я могла взяться за нее. Здесь так трудно найти утешение. И все-таки мы часто беседуем: о наших свекровях, о том, какие они стервы, как продолжают лезть в жизнь взрослых мужчин, которых мы любим. Прошлой ночью мы с Бесс

долго не засыпали, разговаривая о наших мужьях и их матерях. Надзирательница дважды делала нам замечание, но мы не могли остановиться. Стоит только начать, и мысли все лезут и лезут в голову.

Бесс говорит, что родители Джима, ее мужа, били его, поэтому он бил собственных детей. Она сказала, что это называется «цепь насилия», и спросила, как родители Гордона обращались с ним. Я ответила: «Они его не били. Существуют вещи и похуже». «Какие, например?», — спросила она. «Запереть ребенка в подвале. Или никогда не хвалить его. Или делать вид, что его не слышат, как будто его нет». — «Ну, а у Джимми самым страшным были побои, да, собственно, и остаются», — сказала Бесс. Она спросила, что самое плохое из тех вещей, которые делал со мной Гордон. Я долго думала и никак не могла найти ответ. Но тут кое-что всплыло в моей памяти — одна вещь, которую Гордон в последние несколько месяцев делал постоянно и этим по-настоящему изводил меня. Бесс — единственная, кому я рассказала об этом.

Стоило мне войти в комнату, Гордон выходил оттуда. Если он читал, а я входила со стопкой чистого белья, которое надо было убрать в шкаф, он закрывал книгу и удалялся. При этом, проходя мимо меня, он что-то шептал сквозь зубы. «Что?» — спрашивала я. Но он просто закрывал дверь.

Месяц назад он стал говорить громче. Я могла расслышать слова: «Хотел бы я...» Собираясь ложиться спать, я слышала, как Гордон шипит свое «хотел бы я», прежде чем закрыться в ванной. «Чего ты хотел бы? — спрашивала я сквозь дверь. — Пожалуйста, скажи мне». Но он никогда не говорил. Я пыталась представить, чего Гордон мог хотеть. Чтобы мы были счастливее? Чтобы он больше любил детей и меня? Чтобы все это никогда не начиналось?

Однажды вечером я уложила Саймона и Фло и пошла в кухню налить себе чашку чаю.

Гордон стоял у стола, насыпая кофе в кофеварку на утро. Это была специальная смесь венских и французских сортов, которую я заказала по почте в фирме «Дин-энд-Делюка». Муж, нахмурившись, мерной ложкой отмерял нужное количество кофе. Я смотрела на него и вспоминала первые годы после нашей свадьбы, когда мы были так счастливы. Когда я думала, что у нас настоящая любовь.

«Я люблю тебя», — сказала я Гордону. Он бросил на меня короткий взгляд; казалось, он удивился, увидев меня, как будто в мыслях был за сто миль от дома. Он бросил фильтр с кофе в мусорное ведро и пошел прочь из кухни. «Хотел бы я...» — сказал он, чуть громче, чем обычно, проходя мимо меня.

«Чего ты хотел бы?» — воскликнула я, бросаясь за ним. Я готова была умолять его сказать мне, но этого не потребовалось. Он остановился в прихожей, у шкафа с верхней одеждой. Свет был потушен; я потянулась к выключателю, разглядев в темноте его лицо, но он схватил меня за руку и сжал ее, правда, несильно. Точно так же он держал мою руку, когда мы танцевали. Мы стояли там долго, постепенно мои глаза привыкли к темноте, и я стала видеть отчетливо. Его красивые глаза, высокий лоб, выступающие скулы, — за этого человека я когда-то вышла замуж. Он был отцом моих детей. Мы стояли в прихожей, в доме, который выбрали и устроили вместе, и я чувствовала тепло его дыхания на своих волосах.

«Хотел бы я, чтоб ты сдохла», — сказал мне Гордон. И пошел вверх по лестнице.

— Хотите прокатиться на лодке? — спросила Мария. Саймон и Фло растянулись на диване и смотрели видеоклипы по телевизору; казалось, они не слышали ее слов. После

школы дети прошли напрямик в дом, бросили книжки на рабочий стол Марии, взяли что-то перекусить и уселись перед телевизором. Мария, одетая для раскопок, смотрела на племянников, стараясь справиться с нетерпением. Это был первый относительно сухой день после нескольких дождливых.

— Я спросила, хочет ли кто-нибудь из вас прокатиться на лодке? — медленно повторила она.

— Я не хочу никуда ехать, — сказал Саймон.

— И я не хочу, — произнесла Фло. Ее розовая пачка была усыпана крошками шоколадного печенья, но девочка, казалось, этого не замечала. Мария подумала, можно ли постирать пачку, не испортив торчащую юбку; этот вопрос был добавлен к длинному унылому списку домашней работы, которую ей приходилось выполнять с тех пор, как дети поселились в ее доме. Она выключила телевизор.

— Эй! — запротестовал Саймон.

— Переодевайтесь. Мы едем кататься на лодке.

— Куда? — поинтересовался Саймон. Он так и сидел на диване, скептически глядя на тетку, как будто ждал, что она ответит, чтобы решить — поедет он или нет.

— Поедем на раскопки. На острова Духов. Так что поторопитесь, — сказала она. Глаза детей расширились, когда они услышали ее тон; они побежали на второй этаж.

Пока Саймон и Фло переодевались, Мария спустилась к лодке, чтобы проверить, все ли в порядке. Она пыталась понять, почему у нее так тяжело на душе, и решила, что все дело в отсутствии свободы. Ей нравилось работать во второй половине дня, но именно в это время дети возвращались из школы. Нужно было покупать продукты, стирать белье, проверять домашние задания. С тех пор как племянники переехали к ней, она ни разу не виделась с Дунканом. Мария скучала по нему. Иногда она злилась на Питера с Нелл и на Хэлли за то, что они не могут сменить ее и позаботиться о ребятах. Однако она понимала, что дети нуждаются в ней, нуждаются в стабильности, что переезды из дома в дом тяжело скажутся на них. И все же она не могла дождаться пятницы, когда Саймон и Фло — с ее согласия, данного весьма неохотно, — отправятся к Эду и Гвен.

— Можно я поеду так, тетя Мария? — спросила Фло. Мария улыбнулась: прямо на пачку Фло напялила куртку, а пышную юбку затолкала в джинсы.

— Можно, — сказала Мария. — А где твой брат?

Фло пожалала плечами. Мария усадила девочку в шлюпку и надела ей на шею оранжевый спасательный воротник. Дожидаясь Саймона, они сквозь туман рассматривали тихую бухту и острова Духов, вырисовывающиеся на горизонте подобно миражу.

Мария услышала, как хлопнула дверь, и обернулась к дому. Опустив глаза, Саймон медленно шагал по дороге, нехотя переставляя ноги. Мария сделала вид, что не замечает его настроения. Она знала, что, если спросит ребенка, в чем дело, тот ответит: «Ни в чем». Она поборола в себе желание побыстрее затолкать его в шлюпку. Кое-как мальчик перебрался через поручни. Мария велела ему надеть спасательный жилет. Саймон натянул жилет через голову, но не застегнул его. Мария решила не обращать на это внимание.

Пока они шли через пролив, Мария несколько раз оборачивалась, чтобы взглянуть на племянников. Ей хотелось, чтобы прогулка им понравилась, как понравилась бы ей, когда она была в их возрасте, однако лица детей отражали только скуку.

— Посмотрите сюда! — крикнула она, стараясь заглушить рокот мотора. Крачки ныряли в воду за рыбой, которая косяком шла рядом со шлюпкой. Серебристые хвосты

колотили по поверхности воды.

— Они голубые, — крикнул Саймон, внезапно проявляя заинтересованность. Он перегнулся через поручень и наблюдал за косяком до тех пор, пока Мария не обогнула красный буй и не заглушила мотор. Она пожалела, что у них с собой не было удочек.

Они вытащили шлюпку на пляж.

— Хотите посмотреть раскопки? — спросила Мария.

— Мы лучше поиграем, — ответил Саймон.

— Что же это хорошая идея, — согласилась Мария, и дети стали карабкаться по камням, отыскивая среди них подходящее озерцо, оставленное приливом. Мария посмотрела им в след. Похоже, они немного развеселились, и это доставило ей удовольствие. Большую часть времени дети Софи казались серьезными и мрачными. Будто бы ели свои беды, отрезая аккуратные кусочки. Без единой улыбки смотрели в экран телевизора. Порой шутили — весьма зло. Сейчас они, взвизгивая, пробирались по камням, и при звуке их голосов Мария улыбалась. Наконец-то они вели себя как обычные дети.

Теперь она сама посерьезнела и пошла вверх по холму, неся в руках свой рюкзак. Мария давно не была на раскопе. Подойдя поближе, она остановилась и внимательно осмотрела его. Дождь размыл канавки по краям тента; тонкий слой пыли осел на всех поверхностях, которые она неделю назад так тщательно очистила. Земля была сплошь покрыта следами — птица или какое-то мелкое животное, должно быть, охотилась там на червяков. Несколько минут Мария задумчиво смотрела на могилу, размышляя, как действовать дальше. Возвращаться к раскопу после долгого перерыва было нелегко. Она не была уверена, что теории, которые сложились у нее до этого, подтвердятся теперь.

Сняв полиэтиленовый тент, Мария осмотрела кости. Она подумала об индейском кладбище на Скво-Лэндинг: почему эту женщину не похоронили там? Встав на колени, отыскала сломанное ребро. Может, убитых нельзя было хоронить на кладбище? В некоторых культурах, которые она изучала вместе с Альдо, убийство считалось постыдным как для жертвы, так и для убийцы.

В то же время в могиле было немало посмертных подношений, свидетельствовавших о том, что индианку очень любили; в трехдневный путь на Землю мертвых ей положили с собой немало разных даров. Мария попыталась вспомнить легенду племени пеко о храбреце, отправившемся вслед за духом жены на Землю мертвых, которая, как считали индейцы, находилась где-то на островах Духов. Кости могут принадлежать этой женщине, подумала Мария, жесткой кистью счищая землю с металлического диска.

— Это скелет? — спросил Саймон. От неожиданности Мария вскочила на ноги. Они с Фло стояли на гребне холма.

— Да. Это скелет женщины, индианки. Хотите посмотреть?

Дети подошли ближе к могиле. Мария отступила влево, чтобы им было видно кости.

— Я стараюсь отыскать вот такие бусины и камешки, — сказала она. — Когда индейцы хоронили своих покойников, они всегда клали в могилу подарки.

— А когда она умерла? — спросила Фло. Она протянула руку и коснулась берцовой кости; Мария не стала останавливать ее.

— Триста лет назад.

— Папа тоже будет выглядеть так? — спросил Саймон. Встав на колени, он рассматривал череп женщины.

— Пожалуй, — после секундной заминки произнесла Мария.

— Точно будет, — со злобным придыханием сказал Саймон.

— Папа не будет таким, — заметила Фло. Ее голос дрожал.

Мария протянула руку и обняла девочку. Как археолог, она привыкла к подобным зрелищам и не подумала о том, что дети, возможно, в первый раз видят скелет.

— Мы все будем выглядеть так, — негромко произнесла Мария. — Но это ничего. Если нас любили, когда мы были живы, нас будут любить и после того, как мы умрем. Видите, как сильно любили эту женщину? Ей положили с собой вот эту чашу и много украшений.

— Я все еще люблю папу, — сказала Фло.

— Теперь понимаешь, что я имела в виду? — спросила Мария.

— Я тоже люблю его, — произнес Саймон. Слезы текли у него по щекам, и он слизывал их с губ. — Это нечестно, что он тоже станет таким. А что, если он уже такой?

— Нет, — ответила Мария.

— Если он так выглядит, то как же мы узнаем его, когда попадем на небеса? — спросила Фло.

— На небесах люди выглядят так же, как в жизни, — сказала Мария. — Они такие, какими мы их запомнили.

— Только счастливые, — добавил Саймон. — У них те же лица, что были в жизни, но на небесах они счастливые.

Сердце Марии забилось быстрее — она ждала, что Саймон скажет дальше. Мальчик молчал, и она положила руку ему на плечо, чтобы приободрить его.

— Почему, милый? — поинтересовалась она. — Разве твой папа не был счастлив?

Саймон покачал головой.

— Он не был счастлив, — согласилась Фло и тоже покачала головой.

— А вы знаете почему? — спросила Мария. — Почему он не был счастлив?

— Из-за мамы, — ответил Саймон.

— Но мама старалась сделать его счастливым, — тонким, звенящим от напряжения голосом произнесла Фло. — Она знала, что он любит. Помнишь эту икру?

— Черная икра из России, — сказал Саймон. — Люди едят ее только по особым случаям, а у нас она была очень часто.

— А еще она покупала ему подарки, — вымолвила Фло, словно пожилая леди, вспоминающая старые добрые времена. — Она их специально заказывала. Со всего мира. У папы были самые мягкие пижамы и лучшие шарфы и галстуки.

— Тогда почему вы говорите, что он был несчастлив из-за мамы? Что она делала не так? — спросила Мария. Ей хотелось подтолкнуть их, заставить говорить дальше.

Ей казалось, что дети наконец-то готовы рассказать правду, все ее нервы напряглись — вот-вот она узнает, что же Гордон сделал с ними.

— Он был несчастлив, потому что мама била нас, — промолвила Фло.

— Папа всегда говорил, что она сядет в тюрьму за то, что делала с нами, — добавил ее брат. Голос его звучал глухо и одновременно горько. — Он говорил, она кончит в тюрьме.

У Марии закружилась голова. Стук сердца отдавался в ушах.

— Но Софи никогда не смогла бы причинить вам боль, — сказала она.

Фло покачала головой:

— О да, она могла. Она всегда так делала.

«Они лгут, — подумала Мария. — В точности как их родители». Ей захотелось прыгнуть в шлюпку и уплыть, бросив детей на острове. Однако она заставила себя оставаться

на месте и попыталась унять дрожь в голосе.

— А в тот раз, когда Софи оказалась в госпитале и говорила, что она упала с лестницы? — начала Мария. — А ты была вся в синяках, Фло? Ты сказала, что она упала на тебя. Это правда? Все так и было?

Руки Фло сжались в кулаки. Она покачала головой; рыдания мешали ей говорить.

— В тот день мама сильно побила Фло, — сказал Саймон.

В мыслях Мария вернулась в тот зимний день, когда она подслушала разговор Софи с Фло в библиотеке Хатуквити, и поняла, что дети говорят правду.

— А что же тогда случилось с вашей мамой? — неожиданно спокойно спросила Мария. — Как она оказалась в больнице?

— Папа столкнул ее с лестницы, — ответил Саймон. — Чтобы наказать за то, что она избивала Фло. Он столкнул ее, а потом закрыл дверь и сказал, что надо оставить маму там, чтобы она подумала о том, что натворила.

Фло рыдала еще сильнее; Мария прижала девочку к себе и стала баюкать, словно прося прощения за то, что причинили этим детям их родители. Слова Саймона потрясли Марию, но у нее не оставалось сил на то, чтобы как-то на них реагировать. Она вспомнила страстную речь, которую Софи произнесла перед ней и Питером, о том, как родители Гордона запирали его в подвале, и подумала, а не прячут ли Софи с Гордоном в собственном подвале рождественскую елку прямо с украшениями.

— Интересно, а папе в гроб положили какие-нибудь подарки? — через какое-то время спросил Саймон.

— В наше время так уже не делают, — сказала Мария.

— А почему? Это неплохая идея. Я бы хотел взять с собой мой скейтборд. И телевизор.

— А я хочу мою пачку, — заметила Фло. Она больше не рыдала, только тихонько всхлипывала и сосала большой палец.

— Думаю, у папы все-таки было много подарков, — доверительным тоном произнес Саймон. — Ты же сказала, что людей, которых любили при жизни, хоронят с подарками. А мы все любили его.

— А как же ваша мама? — поинтересовалась Мария, страшась услышать ответ. — Ей бы вы положили подарки?

— Конечно, — ответил Саймон. — Ее мы тоже любим.

— Очень любим, — добавила Фло.

В пятницу после обеда Мария должна была отвезти Фло на праздник к Тоби Дженкинс, проводить Саймона на первую встречу с доктором Миддлтон, купить продукты, забрать обоих детей и проследить, чтобы в шесть часов они были готовы ехать к Эду и Гвен, которые забирали их с ночевкой. Дункан должен был прийти на ужин — они встречались впервые с тех пор, как он переехал из своего дома в мастерскую.

Когда Мария проснулась, график предстоящего дня угрожающе всплыл в ее воображении. Она попыталась выстроить события столбцами, как в ежедневнике: слева — время, справа — назначенная встреча. Однако она ни на секунду не могла отвлечься от страшной мысли — детей била Софи, а не Гордон. Мария никому об этом не сказала и сейчас пыталась найти слова, чтобы попросить детей хранить это в секрете от Эда и Гвен.

Саймон остался в машине, а Мария взяла Фло за руку и повела по мощенной плиткой дорожке к дому Тоби Дженкинс. Дверь открыла мать Тоби — женщина с преждевременной сединой в волосах и ослепительной улыбкой.

— Вы, должно быть, Мария, — произнесла она, пожимая Марии руку. — Я Оливия Дженкинс.

— Здравствуйте, — отозвалась Мария.

— Беги скорее, Фло, — сказала Оливия, потрепав девочку по волосам, заплетенным в косички. — Без тебя праздник не начнется.

Фло стояла в дверях, не решаясь идти дальше, с подарком, завернутым в бумагу с фиолетовыми мишками.

— Иди, детка, — помогла ей Мария. Чтобы девочка почувствовала себя увереннее, она положила руку ей на плечо.

Мария знала, как тяжело для Фло было войти в комнату, полную детей, которые знали о том, что случилось с ее матерью. Миссис Кэннон сообщила ей, что в школе Фло и Саймона дразнили.

— Может быть, останетесь выпить кофе? — спросила Оливия. — Некоторые другие мамы остались здесь.

— Саймон ждет меня в машине, но все равно спасибо, — поблагодарила Мария, отметив про себя слова Оливии про «других мам».

Вместе с Фло она вошла в гостиную, где шумная группка шестилетних детишек играла с воздушными шариками. Несколько молодых женщин сидели вокруг низкого столика и разговаривали между собой. Среди них была и Алисия Мердок. Она смотрела на Марию насмешливым взглядом, довольно настойчиво, словно пытаясь поставить ее на место. Наверное, она запомнила Марию еще на похоронах Гордона. Взволнованная, Мария похвалила небольшой пейзаж, висевший рядом с дверью. Она посмотрела, как Фло вручила Тоби подарок и присоединилась к играющим детям, а потом, бросив еще один, последний взгляд на женщину, мужа которой она полюбила, попрощалась с Оливией и ушла.

Чувствуя себя так, словно она бежала с поля боя, Мария быстро забралась в машину. Саймон даже не повернулся к ней, он сидел неподвижно, смотря в окно. При взгляде на него — такого подавленного и молчаливого — сердце Марии заныло. Волосы мальчугана упали на глаза, и он стряхнул их резким движением головы, точно так же, как это делал Гордон. Мария смотрела на ребенка, пытаясь отгадать, о чем тот думает.

Потом ее охватила злость. Она не рассчитывала на такое: молчание Саймона, мокрые простыни Фло, злые шутки их одноклассников. Она не могла дождаться шести часов вечера, когда Эд и Гвен заберут детей и Дункан приедет на Скво-Лэндинг.

— Тебе, наверное, есть что рассказать доктору Миддлтон, — сказала Мария.

— Да не особенно, — нахмурился Саймон, по-прежнему уставившись в окно.

— Ты можешь говорить с ней обо всем. Она будет держать это в тайне.

Саймон ничего не ответил; пальцем он теребил края дырочки на коленке его коричневых джинсов.

— Что она знает обо мне? — спросил он наконец.

— Она знает про твоих родителей, — ответила Мария.

— Тогда зачем ей что-то рассказывать? — натянуто спросил Саймон.

— Ты можешь поговорить с ней, Саймон. Рассказать, что ты чувствуешь.

— Чувствую?

— Ну да. Например, что тебе грустно или тревожно. Что ты скучаешь по родителям. Или злишься на меня. Все, что хочешь.

— Звучит довольно глупо. От разговоров становится только хуже, — горько произнес он.

— Это не так. Может, ты думаешь, что легче смотреть телевизор и притворяться, что все в порядке, но когда передача закончится, проблемы вернутся.

— Нет. Потому что начнется другая передача, — сказал мальчик.

Что Мария могла ответить на это? Когда она видела, как Саймон часами просиживает перед голубым экраном, ей хотелось разбить телевизор к чертовой матери.

— Ты мог бы поговорить о том, что вас дразнят в школе.

— Это потому, что мама в тюрьме, а я хочу просто забыть об этом! — Мука в его голосе подняла в душе Марии волну ненависти к Софи. С тех пор как дети рассказали ей, что Софи их избивала, она ни разу не навещала сестру в тюрьме — ей не хотелось ее видеть.

Мария припарковала машину. Несколько секунд они с Саймоном смотрели на здание, в котором располагался кабинет доктора Миддлтон — большой белый дом со стеклянным подъездом. Не говоря ни слова, они пошли ко входу. Внутри, в комнате ожидания, были развешаны плакаты с изображениями цветов и кораблей. Мария взяла полистать журнал, Саймон стал играть с рисовальной доской.

Открылась внутренняя дверь, и высокая, красивая женщина вошла в приемную. Мария решила, что доктор Миддлтон примерно тех же лет, что она сама.

— Здравствуйте. Мария? — спросила доктор.

Мария пожала ей руку, а врач тем временем сосредоточилась на Саймоне.

— Привет, Саймон, — сказала она, улыбаясь и глядя прямо ему в глаза.

— Привет, — отозвался Саймон, сгорбившись.

— Может, пойдём в мой кабинет? — предложила женщина.

Саймон пожал плечами. Мария хотела было пойти за ними, но доктор остановила ее.

— Думаю, сегодня мы с Саймоном поговорим наедине, если, конечно, он не против.

— Я? — спросил мальчик, удивленно глядя на Марию.

— Ты не возражаешь? — спросила она.

— Не возражаю, — ответил Саймон. И, даже не помахав Марии на прощание, вошел в кабинет доктора Миддлтон и закрыл за собой дверь.

Мария купила салат, помидоры, картофель, рыбу-меч, чтобы приготовить ее на гриле, и шоколадный торт. Покупки она делала впопыхах, боясь не успеть встретить Саймона, когда он выйдет из кабинета доктора Миддлтон. Дожидаясь племянника в машине, она смотрела на людей, которые проходили мимо по улице. Некоторые узнавали ее или ее машину и тайком оглядывались, а потом продолжали свой путь. За покупками ей пришлось отправиться в Торговый центр, расположенный неподалеку от Блэкуда, только чтобы избежать этих надоедливых взглядов. За пределами Хатуквити истории их семьи уделяли гораздо меньше внимания.

Легкой походкой мимо нее шагали Хэлли и Нелл. Нелл везла в коляске Энди. Хэлли была в широкополой шляпе и солнцезащитных очках. Они увлеченно беседовали между собой. Мария вышла из машины.

— Где ты была? — спросила Хэлли. — Я звонила тебе.

— Ездил за покупками, — ответила Мария.

Хэлли огляделась вокруг. В основном на Саммер-стрит располагались жилые дома. Те, что побольше, были поделены на квартиры или кондоминиумы, иногда в них располагались приемные врачей.

— Что ты тут делаешь? — спросила Хэлли.

— Привезла Саймона к доктору Миддлтон, психологу.

Хэлли поджала губы.

— Мне это не нравится, — сказала она.

— А по-моему, это отличная идея, — заметила Нелл.

— У нас все и так достаточно плохо, не хватало только, чтобы люди подумали, что дети тоже замешаны во всем этом.

— Мама, ты что, шутишь? — сказала Мария. Даже для Хэлли это было слишком.

Хэлли сдвинула очки на нос и посмотрела на дочь. В глазах матери Мария увидела растерянность и страх.

— Это же пятно, которое они будут нести всю свою жизнь — то, что им пришлось обращаться к психиатру. Что, если из-за этого они не смогут поступить в колледж?

— Мама! — воскликнула Мария, шокированная косной логикой матери.

— Считайте меня старомодной, но в мое время семьи сами справлялись со своими проблемами, а не бросались чуть что к психиатру.

— Думаю, с этой проблемой нам самим не справиться, — сказала Мария преувеличенно спокойно, пытаясь скрыть тревогу. Она вспомнила теорию Питера о том, что мать не желает признавать всю тяжесть сложившейся ситуации, для сохранения собственного душевного спокойствия.

— Посмотри, сколько людей прошли мимо и не заговорили со мной, — сказала Хэлли. — Никогда не думала, что однажды не смогу пройти по Хатуквити с высоко поднятой головой.

Мария, ощущавшая то же самое, взглянула на Нелл в поисках поддержки.

— Это не продлится вечно, — произнесла Нелл. — Люди просто не знают, что говорить. Я думала, что другие мамы, забирающие детей из детского сада, избегают меня, но вчера, когда я пришла за Энди, одна из них сказала мне, что очень сожалеет о Софи и вообще обо всем этом. По-моему, она была искренна.

Хэлли бросила взгляд на дом, где находился кабинет доктора Миддлтон.

— Они любят обвинять во всем матерей. Уверена, сейчас он говорит Саймону, что

Софи испытывала проблемы из-за меня.

— Доктор Миддлтон — женщина, и я уверена, что она понимает, как на самом деле все неоднозначно, — сказала Мария, хотя не была до конца уверена в том, что ее мать не права. Перед ее машиной припарковался грузовик службы доставки UPS, водитель начал разгружать коробки. Его присутствие заставило женщин обратить внимание на то, что они уже несколько минут говорят на повышенных тонах.

— Ты придешь на воскресный обед? — уже не так резко спросила Хэлли, пытаясь успокоиться.

— Да, — ответила Мария.

— А сегодня, значит, тот самый вечер? — с нажимом выговорила Хэлли. Мария поняла, что она говорит об Эде и Гвен, которые забирают детей на ночь. Она кивнула.

— Думаю, Софи с ума сходит от одной мысли об этом, — сказала Нелл.

У Марии появилось ощущение, что они говорят на каком-то секретном, зашифрованном языке; представила себе семнадцатый век, когда Чарльз Слокум купил эту землю у вождя индейцев. Три женщины, обсуждающие какие-то свои проблемы посреди Саммер-стрит, вполне могли сойти за ведьм.

— Пожалуй, я подожду Саймона в приемной, — произнесла Мария.

— Пока, дорогая, — попрощалась Хэлли. — Увидимся в воскресенье.

— Приятного вечера, — сказала Нелл, помахав ей рукой.

— О чем это вы? — спросила Хэлли. Мария отвернулась и пошла по дороге, предоставив Нелл самой объяснять все Хэлли.

Из кабинета доктора Саймон вышел уже не таким напряженным. Пусть он не улыбался, но когда Мария сказала, что видела Хэлли и Нелл с Энди, мальчик одобрительно кивнул. У дома Дженкинсов он даже вышел из машины, чтобы погладить их колли.

— Кэрол и Алисия до сих пор здесь, — сообщила Оливия. — Может быть, зайдете выпить с нами бокал вина?

— Спасибо, — быстро ответила Мария, — но мне нужно собрать детей, — они сегодня ночуют у бабушки с дедом. — Меньше всего ей хотелось увидеть Алисию сейчас, за несколько часов до прихода Дункана.

Оливия улыбнулась:

— Я понимаю, что вы сейчас чувствуете. Я тоже страшно волнуюсь, когда отправляю Тоби к ее отцу на выходные. Я беспокоюсь о том, чтобы дочь произвела на него хорошее впечатление — гораздо сильнее, чем когда мы были женаты.

— Я боюсь, что забуду положить какую-нибудь мелочь, вроде их зубных щеток, и все решат, что я недостаточно хорошая тетка.

— Как надолго они едут? — поинтересовалась Оливия.

— Только на одну ночь.

— Ну, это несложно. Просто встаньте посреди их комнаты с сумкой в руках и подумайте, что может им пригодиться в течение двадцати четырех часов. Пижама, ночная рубашка, тапочки, книжки, игрушки, с которыми они спят, одежда, в которой они смогут поиграть завтра, запасные носки, купальники, если бабка с дедом возьят их на пляж... вы легко с этим справитесь.

— Спасибо, Оливия, — сказала Мария, заглядывая в дом. Из холла доносился шум: дети устроили там беготню.

— У нас тут было одно недоразумение, — произнесла Оливия, понизив голос.

— Пэтти спросила Фло, правда ли, что ее мама в тюрьме — хотите верьте, хотите нет, но я не думаю, что она хотела поиздеваться над Фло. Но та повела себя так, будто не понимает, о чем Пэтти говорит, и сказала, что ее мама дома. Обе сразу забыли об этом. А вот и она! — сказала Оливия, протягивая руку к пробежавшей мимо Фло.

Мария кивнула, поблагодарила Оливию и попрощалась. Ее мысли были сосредоточены на другом. Она вела Фло за руку к машине, где Саймон все еще играл с собакой, и пыталась придумать, как объяснить детям, что они должны защищать мать, которая не сумела защитить их.

Тревога Саймона нарастала с каждой минутой. В ожидании Литтлфильдов они с Фло бросили свои рюкзаки на ступеньки перед входной дверью и уселись на них. Нахмурившись, мальчик смотрел на Марию.

— Что такое?

— Гвен и Эд ненавидят маму? — спросил Саймон.

— Не знаю, — ответила Мария.

— Скорее всего, — сказал он. — Потому что она убила папу. Ведь наша мама тоже ненавидела бы того, кто убил бы меня или Фло.

Мария готова была расцеловать его за понятливость. Она подумала, не обсуждал ли ребенок этот вопрос с доктором Миддлтон.

— Уверена, что да.

— Им не понять, — сказал Саймон. — Они не были там.

— Это правда, — нейтральным тоном произнесла Мария, давая племяннику возможность продолжить.

— Я не хочу, чтобы они знали о тех плохих вещах, которые делала мама, — добавил Саймон. — Потому что они сразу обвинят во всем ее.

— В чем? — спросила Фло.

— Во всем, — ответил Саймон. Несколько секунд он смотрел на сестру. Мария видела, что мальчик пытается разрешить ту же дилемму, с которой она сама столкнулась часом раньше: как объяснить Фло, что надо держать рот на замке. — Ты же не хочешь, чтобы мама навсегда осталась в тюрьме? — спросил он.

Фло ничего не ответила, только серьезно покачала головой.

— Тогда не говори никому о том, что она тебя била, — сказал он.

— А почему вы рассказали об этом мне? — поинтересовалась Мария, усаживаясь на ступеньку между детьми, удивленная, что племянник сам поднял эту тему.

— Потому что ты ее сестра. Ты знаешь, что она совсем не плохой человек, — просто ответил Саймон.

Мария, тронутая его словами, крепко обняла племянника. Она даже не предполагала, что он это понимает.

Эд и Гвен подъехали к дому, но не вышли из машины. Дети сами побежали к ним. Мария смотрела, как они уезжали. Дети махали ей руками, но Эд и Гвен так и не обернулись. Мария проводила машину взглядом, подождала, пока она скроется за поворотом, а потом подошла к почтовому ящику. В нем лежало письмо от Альдо.

Время было неподходящим — Мария не хотела читать письмо, дожидаясь прихода

Дункана. Она сунула его в задний карман, обошла дом и поднялась на террасу. Там она уселась в плетеное кресло с металлическими ножками и стала смотреть на острова Духов. Мария не смогла удержаться и распечатала письмо. Ей хотелось узнать, что думает Альдо о ее теории по поводу убитой индианки. Однако тут появился Дункан.

Она услышала стук в заднюю дверь.

— Я здесь, — крикнула Мария, и Дункан направился к ней. Увидев друга после долгой разлуки, — за время которой столько всего случилось, — она не смогла удержаться от слез, но потом смахнула их и улыбнулась ему.

— О, как же я рад тебя видеть, — сказал он, заключая ее в объятия. Футболку с логотипом «ХРАБРЫЙ КАПИТАН», в которой он работал в мастерской, Дункан сменил на красную рубашку-поло; его волосы были мокрыми после душа, однако от него все еще шел легкий запах полироли и машинного масла. Вдыхая этот запах, Мария закрыла глаза, знакомые мужские руки крепко обнимали ее, слегка покачивая.

— Я весь день носилась как сумасшедшая, но думала только о том, что вечером увижу тебя.

— Я принес вина, — сказал Дункан и, слегка отстранившись от нее, протянул коричневый пакет.

— Садись, — произнесла Мария, высвобождаясь из объятий и думая о том, что ему приятно будет после рабочего дня посидеть и полюбоваться на море, — а я открою бутылку.

— Ну уж нет, я пойду с тобой, — возразил Дункан и снова обнял ее. Он поцеловал ее в губы, и женщина почувствовала, как ее переполняет желание. «Только бы не заплакать», — подумала она, стараясь взять себя в руки. Они вошли в дом.

— Значит, здесь ты живешь.

— Трудно поверить, что ты до сих пор здесь не был, — отозвалась Мария.

Поскольку мужчина продолжал обнимать ее и не собирался отпускать, у него не было возможности как следует оглядеться. Однако он успел заметить широкие окна, мебель и фотографии родственников Марии на каминной полке. Мария поставила на стол бокалы, а Дункан освободил одну руку и открыл бутылку белого вина.

— Дункан, ты сказал... — начала Мария, не в силах ждать дальше.

Дункан нахмурился и сжал в пальцах пробку. В его глазах была видна боль.

— Боже, разговор с Джеми — это было ужасно. Алисия заставила меня сказать, что мы разъезжаемся на время, чтобы у сына оставалась надежда, что я еще могу вернуться. Мы сильно поссорились из-за этого — я говорил, надо сказать Джеми правду, что мы подаем на развод. Но она хотела преподнести это ему помягче.

— Может, это Алисия хочет надеяться, что ты еще можешь вернуться? — сказала Мария, глядя Дункану в лицо.

Он кивнул, отведя взгляд:

— Может быть. Когда я уходил, она не выглядела несчастной. Алисия была в кухне, болтала по телефону с подругой. Она мне помахала на прощание рукой, как будто я шел на работу. Но с тех пор она каждый вечер звонит мне.

Мария взяла Дункана за руку:

— Пойдем-ка на улицу, выпьем вина и поговорим о моем муже и твоей жене. Я только что получила письмо от Альдо. — Она старалась говорить непринужденно, хотя на сердце у нее было тяжело.

Они сдвинули два кресла так, чтобы сидеть рядом, касаясь друг друга локтями. Мария

была босиком. Дункан сбросил кеды и аккуратно положил свою стопу поверх голых ног Марии. Они смотрели на солнце, ярким оранжево-желтым пятном стоявшее над горизонтом.

— Если бы все можно было изменить, ты бы хотел снова быть с ней вместе? — спросила Мария, страшась услышать откровенный ответ.

— Я не могу вспомнить, когда мы по-настоящему были вместе, — ответил Дункан. Потом помолчал, сжимая запястье одной руки пальцами другой. — Я не уверен, что мы вообще когда-то были... вместе.

Мария закрыла глаза. «Вместе». Что значит это слово? Она вспомнила про Софи и вздрогнула.

— Как дела у твоей сестры? — поинтересовался Дункан.

Мария попыталась ответить, но в горле у нее застрял комок.

Дункан понял, что этот вопрос оказался для нее слишком сложным, взял ее за руку и спросил по-другому:

— Как ее защита? Когда я ехал сюда, то видел Стива — он как раз выходил из здания тюрьмы.

— Когда я вижу Стива Грюнвальда, сразу вспоминаю его в форме капитана бейсбольной команды, с огромными сумками, полными бит и перчаток, шагающим по школьному коридору. Мне страшно думать, что сейчас он занимается делом Софи.

— Он лучший адвокат в городе после Питера, — сказал Дункан.

— Все равно, — отозвалась Мария. — Может, нам надо было нанять человека, имеющего больший опыт в уголовных делах.

Дункан пожал ее ладонь:

— Стив справится. Он позаботится о ней. Как она справляется со всем этим?

Мария покачала головой:

— Она и не пытается бороться. Я думала, Софи будет рваться домой. Но она даже отказывается подать прошение, чтобы выйти под залог. Ведет себя так, словно ее загипнотизировали.

— Меня это не удивляет, — сказал Дункан. — Наверное, это настоящий ад, когда не можешь видеться с детьми. Я переехал только в понедельник, но я уже... — Он запнулся.

— Скучаешь по Джеми?

Дункан кивнул:

— Ненавижу находиться вдали от него. Это самое худшее. У тебя же нет детей. — Это был не вопрос, а утверждение, но он взглянул на нее, словно ждал ответа.

— Нет. Но когда Саймон и Фло стали жить со мной, я начала задумываться, как Софи... Понимаешь, они такие неугомонные — они все время здесь. — Она остановилась, задумавшись. — А бывает, я читаю Фло сказку, и она засыпает, прижавшись ко мне, словно щенок. Или вот сегодня — Саймон вышел из кабинета доктора не таким расстроенным, и я почувствовала, что поступила правильно, когда отвела его туда...

— Ты совершенно права, — согласился с ней Дункан. — Они неугомонные. Им так много нужно, и только ты можешь дать им это.

— Или их родители?

— Родители или те, кто заботится о них. Сейчас для Саймона и Фло это ты.

«Это правда», — подумала Мария, но внезапно вспомнила о Хэлли. Когда умер Малькольм, она как будто пропала вместе с ним. Мария была уже достаточно взрослой, чтобы самой позаботиться о себе, но Софи, должно быть, страдала сильнее, чем она думала.

Возможно, Софи старалась казаться сильной, чтобы облегчить жизнь матери. Кто знает? Мария поставила бокал на дощатый пол.

— Я разожгу угли, — сказала она, поднимаясь. — У нас сегодня на ужин рыба-меч.

— Я тебе помогу. Я готовлю рыбу-меч почти так же хорошо, как суп из моллюсков.

— Это была лучшая еда из всего, что я пробовала, — заметила Мария, уткнувшись лицом в плечо Дункана. Оба они рассмеялись, вспоминая этот обед на его лодке, когда ни один из них не попробовал ни ложки.

Дожидаюсь, пока угли побелеют, влюбленные смотрели, как огненное солнце садится за островом Подзорной трубы.

— Однажды мы с отцом смотрели на такой же закат, — начала Мария, — и он сказал: «Завтра будет жаркий денек». — Воспоминание пришло из ниоткуда. Ей было два года, они ехали на машине домой с пляжа, и она одной рукой обнимала отца за шею. Тем июльским вечером Хэлли, беременная Софи, сказала, что готовить слишком жарко. Мария вспомнила, как она копала яму в песке, собирала топляк для костра, а потом они жарили сосиски на палочках.

— Твой отец умер, когда мы были в старших классах, да? — спросил Дункан.

— В восьмом, — ответила Мария.

— А мой — годом раньше, — сказал Дункан.

— Правда? Я не знала.

— Ну да. Я помню, что очень сочувствовал тебе, когда это случилось. Ты всегда казалась такой счастливой, всегда участвовала во всех школьных мероприятиях, но я знал, что ты на самом деле чувствовала. Ведь то же самое произошло и со мной.

— Не знаю, — произнесла Мария. Она пыталась вспомнить, каково было ждать смерти Малькольма. Как-то ночью она лежала в кровати и в ужасе смотрела в потолок, зная, что скоро — может быть, в этот самый миг — дыхание ее отца остановится. — Он был старый и сильно болел, — сказала Мария. — Когда в конце концов он умер, это было своего рода облегчение. Это плохо, да? Я страшно виню себя за то, что так думала. Особенно с учетом того, что все остальные в нашем доме тяжело переживали его смерть. Моя мать, и брат, и сестра. Правда, я всегда думала, что Софи и Питер отнеслись к этому так же, как я.

— Должно быть, это ужасно — смотреть, как тот, кого ты любишь, медленно умирает, — сказал Дункан.

— А твой отец?..

— Автокатастрофа. Поздно ночью, по дороге домой. Он скончался прямо на месте аварии, мы больше никогда его не видели.

Они стояли на крыльце, погружившись каждый в свои воспоминания, и смотрели на море. Потом Мария повернулась к Дункану:

— Хочу поцеловать тебя.

Дункан притянул ее к себе, поцеловал макушку, лоб, щеки, потом губы. Она провела пальцами вниз по его спине до ремня, просунула ладонь под брюки. Дункан отстранился, удивленный.

— У нас есть несколько минут, прежде чем уголь будет готов? — спросила Мария. — Можем мы пойти наверх? — Она перевела взгляд на раздвижные двери гостиной. Ей хотелось развеять нахлынувшие на нее чувства: любовь и грусть по отцу, Софи и ее детям, по всем членам их семьи. Чтобы усмирить подступавшую панику, она старалась дышать ровно и

глубоко.

— Конечно, — прошептал Дункан ей на ухо. — Мы можем делать все, что ты захочешь.

Он поднял Марию на руки и перешагнул через порог дома. Она держалась за его шею; а Дункан открыл дверь, легонько толкнув ее ногой, и понес женщину вверх по ступенькам в спальню.

Прохладный ветерок шевелил занавески на распахнутом окне, на другой стороне залива сверкал огонь маяка Литтл-Харбор. Дункан положил Марию на кровать, она улыбнулась, глядя на него снизу вверх.

— Никто еще не носил меня до кровати, — сказала она.

— Ты легкая, как перышко, — ответил он, дыша чуть тяжелее, чем обычно.

— Тебе нужна минутка, чтобы перевести дух? — спросила Мария.

Он прикоснулся к своему сердцу:

— Только не после тебя.

Лежа на постели, они целовались и раздевали один другого. Несколько раз Мария отстранялась, чтобы взглянуть на их обнаженные тела, льнущие друг к другу. В вечернем свете загорелая кожа выглядела еще более темной. Ее грудь и бедра, ягодички Дункана — части тела, защищенные от солнца, — казались жемчужно-белыми, и Мария испытывала странное возбуждение, глядя на них.

Она легла на спину, а Дункан стал покрывать ее тело поцелуями, всю ее, начиная с пальцев ног. Добравшись до икр, он перевернул женщину на живот и начал щекотать языком ее ямочки под коленями. Мария почувствовала, как трепет пробежал по всему ее телу. Она перевернулась и с тихим стоном уперлась руками в мужские властные плечи.

— Иди сюда, — позвала она. — Обними меня.

Как будто не слыша ее, он продвигался все выше по ногам Марии, целуя и лаская каждый сантиметр ее тела с выражением бесконечного блаженства на лице. Мария ощутила тягучее, нарастающее возбуждение в самых неожиданных точках — лодыжках, сосках, волосах на голове. Голова металась по подушке; она чувствовала себя пленницей Дункана и своего собственного наслаждения, ей хотелось кричать. В какой-то момент Мария поняла, что не может больше этого выносить, и приподнялась на постели.

— Пожалуйста! — произнесла она. Она готова была умолять его остановиться, но он взял ее за руку и улыбнулся.

— Доверься мне, — сказал Дункан. — Я люблю тебя. И хочу делать это с тобой.

Мария заглянула в его, такие знакомые, глаза. Она знала, почему сейчас нуждается в поддержке: она чувствовала себя новым, другим человеком. Никогда раньше ей не случалось зайти так далеко.

Ей было страшно, но не из-за того, что делал Дункан, а из-за того, что он чувствовал к ней. Она видела это в его глазах, блестящих в темноте. Мария кивнула, потом откинулась обратно на подушку. Ощущения нахлынули вновь — еще более острые, чем раньше, — и Мария вдруг поняла, что теряет контроль и что она согласна на это.

Только на следующее утро, после полуночного ужина из поджаренной на гриле рыбы-меч и целой ночи любви, лежа в постели рядом со спящим Дунканом, Мария открыла письмо от Альдо.

Дорогая Мария!

Твое письмо взволновало меня — по многим причинам. Во-первых, бедная Софи! Бедный Гордон. Я молюсь за них, за их детей и прежде всего за тебя, bella. Я знаю, как тяжело тебе приходится. Я вспоминаю рождественские праздники, которые мы проводили с твоей семьей, вспоминаю, как ты радовалась, находясь среди них. Твоя улыбка часто была печальной — рядом с Дарками ты всегда улыбалась, но порой грустно. Я знаю, какую боль тебе причинил, когда оторвал тебя от них. Наверное, сейчас ты нахмурилась — злишься на меня за то, что я позволил себе думать, будто заставил тебя сделать то, чего ты не желала. Мария, я знаю, что ты хотела поехать со мной. Знаю, что ты сделала это из любви ко мне. Знаю, что любил тебя не так, как должен был любить, и мне придется жить с этим до конца моих дней.

Ты никогда не была счастлива. Когда-нибудь ты это признаешь. В Англии, в Перу, в Париже — нигде. Только когда мы садились в самолет, летевший в Нью-Йорк, твои глаза начинали блестеть по-настоящему. В самолете ты предвкушала, как окажешься в родном доме. А оказавшись в нем, начинала грустить, потому что вскоре надо было уезжать.

Как ты справляешься со всем этим? Какая ты сильная! Софи в тюрьме — может быть, ее немного утешает то, что она может выглянуть в окно и увидеть сквозь ветви деревьев свет в окнах вашего дома. Когда я бросал взгляд на эту тюрьму, я и предположить не мог, что твоя сестра окажется там. Ей очень повезло, что ты взяла на себя заботу о Саймоне и Фло, но не думай, что она будет тебе признательна за это.

Мария, может, тебе и не хочется это слышать, но знай: Софи завидовала тебе. Да, у нее был муж, на местном уровне — очень выгодная партия, замечательные дети, уютный дом. Но подумай: смогла бы ты довольствоваться этим, если бы перед глазами у тебя был пример сестры, добившейся куда больших успехов? Вспомни, какие надежды возлагала на нее ваша мать, bella. В глубине души Софи наверняка упрекала себя за то, что не смогла соответствовать ее ожиданиям, особенно на фоне твоих достижений.

А теперь тебе достались еще и ее дети.

Я не говорю, что ты должна отказаться от них. Я уверен, что лучше всего им жить с тобой. Бедные Саймон и Фло, страшно подумать о том, что родители жестоко обращались с ними. И уж безумием кажется мысль, что Гордон избивал Софи. Я всегда считал его застенчивым, безобидным, совершенно не склонным к импульсивным поступкам человеком. Конечно, дети должны остаться с тобой. (Я представляю себе, как ты целуешь их в лоб перед сном, и слезы наворачиваются у меня на глаза, когда я думаю, что ты никогда не целовала собственных детей).

А теперь о твоих полевых записках. На раскопках ты часто давала волю фантазии — так было и в Шаван де Хуантаре, и я считаю это твоим большим талантом. Но на этот раз у тебя практически нет версий! Итак, ты обнаружила убитую индианку из племени пеко, похороненную на острове, вдали от индейских кладбищ. Почему она оказалась там? Тщательно исследуй посмертные подношения, обращая внимание даже на малейшие

зацепки. Наверняка человек, похоронивший ее, оставил тебе ключ к разгадке этой тайны. Не забывай, что дары, с которыми человека отправляли в последний путь, говорят о культуре народа больше, чем любые другие артефакты.

Думаю, что у тебя до сих пор не возникло никаких догадок только потому, что ты находишься в подавленном эмоциональном состоянии и еще потому, что рядом нет меня, чтобы помочь тебе.

Если бы я знал, что все так сложится, я бы не торопился с аннулированием брака. Я знаю, что для тебя было хорошо оказаться в кругу семьи, на берегу твоего любимого пролива Лонг-Айленда. Но я все еще люблю тебя и всегда буду любить.

Нежно целую тебя,
Альдо».

Мария почувствовала, как Дункан коснулся ее ноги.

— Доброе утро, — произнес он.

— Наверное, мне не стоило читать это, лежа рядом с тобой, — сказала Мария. — Но я уже давным-давно не сплю.

— Письмо тебя расстроило?

— Немного. Альдо пишет точно так же, как говорит, и сейчас у меня такое ощущение, словно он в этой комнате, вместе с нами.

— Но его здесь нет, — сказал Дункан.

— Я знаю.

— Я сам проснулся несколько часов назад — мне показалось, что я слышу внизу голоса Алисии и Джеми, словно они готовят завтрак.

— Ты бы хотел оказаться с ними? — спросила Мария.

— Нет, — ответил Дункан.

Они обнялись. Когда-то в юности она наивно полагала, что любовные романы не должны ничем омрачаться. Вот и на этот раз все началось беззаботно — тогда, в лодке. Но Альдо всколыхнул в ней воспоминания, о которых Дункан ничего не знает и, возможно, не узнает никогда. Альдо она знала до мозга костей. Сейчас, лежа в кровати солнечным летним утром, Мария внезапно испугалась той власти, которую позволила Дункану взять над собой прошлой ночью.

— Но это не значит, что я отказываюсь от завтрака, — заметил Дункан, целуя ее и выбираясь из постели. — Я приготовлю нам кофе с тостами и принесу все сюда, ладно?

— Прекрасно, но я пойду с тобой, — сказала Мария и пошла за ним, чтобы не оставаться наедине с письмом от Альдо.

Летом по субботам Дункан занимался бумажной работой в офисе «Храброго капитана», поэтому сразу после завтрака он собрался уходить. Он уже стоял в дверях, одетый в красную рубашку и брюки цвета хаки. Мария надела белые брюки и просторную белую рубашку, чтобы не перегреться на солнце. Ее предсказание сбылось: день обещал быть жарким и влажным, несмотря на то, что лето только начиналось.

— Я увижу тебя сегодня вечером? — спросил Дункан.

— Дети будут дома, — ответила Мария.

— Да, правда, — Дункан обнял ее, покачал взад-вперед. Они улыбнулись друг другу: обоим не хотелось расставаться. — Дело в том, что я не хочу, чтобы ты проходила через это одна. Я хочу быть с тобой.

— Мне нужно подумать, — произнесла Мария. Внутреннее чувство подсказывало ей, что Саймон и Фло могут расстроиться, увидев свою тетку рядом с отцом Джеми.

— Ну, ты уже не замужем, и я официально разошелся с женой.

— Я должна спросить у их матери, — сказала Мария.

Дункан поцеловал ее на прощание. За долгим поцелуем последовало еще более долгое объятие. Потом он пошел по двору к своему грузовичку. С тяжелым сердцем Мария смотрела ему вслед.

Она могла занять предстоящий день чем угодно: вернуться на раскопки, сходить с Нелл на пляж, написать ответ Альдо, изучить предметы, которые она обнаружила в могиле индианки. Но вместо этого, как только грузовичок Дункана скрылся за поворотом, она вскочила в свою машину и поехала по направлению к тюрьме.

На этот раз Софи все время говорила о Бесс — своей сокамернице. Поначалу ее рассказ ошеломил Марию, однако затем она решила использовать монолог сестры для того, чтобы собраться с мыслями, прежде чем обсуждать с ней то, что рассказали ей дети.

— Она очень интересный человек, — говорила Софи, — честное слово! Сегодня мы с ней полночи проговорили — надзирательница грозитя расселить нас, точно так же, как мама грозила нам, когда мы с тобой не хотели спать.

У нее была такая необычная жизнь. Она родилась в Джексонвилле, мать Бесс умерла, когда ей было шесть — ее убил грабитель. Тогда девочку отправили в приемную семью, так в ту же самую ночь, когда она туда приехала, ее приемный брат напал на их приемную мать. Можешь себе представить?

— Это действительно ужасно, — сказала Мария.

— Тогда она приехала сюда и стала жить с бабушкой. Бабушка к ней очень хорошо относится, она ее любит, как собственную дочь, только между ними нет всех этих сложностей, как обычно между матерью и дочерью — как у меня с Хэлли.

— Что ты имеешь в виду? — поинтересовалась Мария.

— О, ну ты же понимаешь, — ответила Софи. — Всякие сложности. Когда дочь ненавидит мать. А в четырнадцать лет Бесс родила Бенджамина. Она так и не вышла замуж за его отца.

— А как обстоят дела с твоей защитой? — перебила ее Мария.

— Почему ты так себя ведешь? Ты что, не рада, что у меня здесь появился друг? — с обиженным видом спросила Софи.

— Да я просто в шоке, — вскипела Мария. — Твои дети пытаются как-то справляться со своей новой жизнью, я сижу с ними день и ночь и не знаю, что мне делать, а ты даже не спросишь про них!

— Ах, Мария, — погрузнев, произнесла Софи.

Мария сразу пожалела о своей внезапной вспышке. Ей захотелось взять сестру за руку, но она не осмеливалась сделать это. Софи явно стоило усилий как-то прийти в себя.

— Прости, — сказала Мария. — Пожалуйста, Софи, прости меня.

Софи кивнула.

— Просто меня ужаснуло то, как ты рассказываешь о здешней жизни, о своей приятельнице — как будто твое место здесь.

— Так и есть, — произнесла Софи. — Веришь ты или нет, но мне здесь нравится.

— Почему? Почему ты не позволяешь Стиву попытаться вытащить тебя отсюда?

— Не знаю, — ответила Софи. Но у Марии появилось чувство, что сестра знает ответ и просто не хочет его произносить вслух. Может, в тюрьме она ощущает себя в безопасности? Или считает, что заслуживает наказания?

— Расскажи, что говорит Стив, — попросила Мария. — Что будет дальше? Как он строит твою защиту?

— Ох, я не знаю. Все дело в том, было ли убийство преднамеренным. Если Гордон умер в спальне, от огнестрельных ранений, обвинение не такое тяжелое, потому что тогда получается, что у меня не было предварительного намерения. Я просто схватила пистолет и выстрелила. Но если он умер на дороге, это гораздо хуже. Это все сильно осложняет — что я вытолкнула его в окно и проехала по нему машиной. С учетом того, что я вывихнула плечо, выбрасывая его в окно, уже нельзя сказать, что я действовала непреднамеренно. Но я знаю, что он умер в спальне.

— Софи, — мягко обратилась к сестре Мария. — Я помню все, что он делал с тобой. Я видела удавку у тебя на шее. Я буду свидетельствовать в твою пользу.

— Удавка, — мечтательно произнесла Софи, смертельно напугав Марию. — Разве ты никому не позволяла зайти с тобой дальше, чем обычно?

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду отдать себя — даже свою жизнь — в чьи-то руки? Настолько довериться другому человеку.

Мария задумалась. Не это ли произошло сегодняшней ночью между ней и Дунканом? Однако она тут же отбросила эту мысль. Как можно сравнивать их с Дунканом любовные ласки и то, что приходилось выносить Софи?

— Ты хочешь сказать, что тебе нравилось, когда он душил тебя веревкой? — спросила она.

— Все относительно, — ответила Софи. — Это была игра, и я играла в нее, чтобы сделать приятное Гордону. Мне нравилось делать его счастливым.

— Той ночью он избил тебя, — сказала Мария. — Я же видела...

Рука Софи непроизвольно дернулась к ключице, потом упала на колени. Она нахмурилась:

— Процесс будет страшным потрясением для детей. Все это выйдет наружу.

— Тогда расскажи мне все, — попросила Мария. — Помоги мне подготовить их.

— Почти все, что случилось со мной, я заслужила, — заметила Софи.

— Ты говоришь о том, что... била детей? — спросила Мария.

Софи подняла голову:

— Они рассказали тебе?

— Да, но что бы ты ни сделала, ты не заслужила того, что Гордон сделал с тобой. Они сказали, он толкнул тебя с лестницы. И я видела, что той ночью в вашей спальне он тоже бил тебя.

— Все началось с того, что я стала шлепать их, — с отсутствующим видом произнесла Софи. — Когда они плохо себя вели. В книгах сказано, что детей надо наказывать, оставляя их в одиночестве на десять минут, чтобы они осознали свой проступок. Так Нелл делает с Энди. Но с Саймоном и Фло это не помогало. Поэтому я шлепала их.

Мария нахмурилась. Она думала о том, что дети могли неправильно все понять и сказать, что мать их била, в то время как она просто шлепала их за плохое поведение. Не исключено, что отец внушил им эту версию.

— То есть ты просто пыталась научить их дисциплине? — спросила Мария, заранее подсказывая Софи ответ.

— Нет, Мария, — ответила Софи, уставив на сестру пронизывающий взгляд. — Я била их.

— Как ты могла бить Саймона и Фло?

— Как ты могла бить Саймона и Фло? — передразнила ее Софи с такой жестокостью в голосе, что Мария сразу представила себе, как сильно дети могли бояться ее. — Ты думаешь, я делала это нарочно? Специально избивала их? Я же люблю моих детей. — Ее голос упал. — Иногда я просто не могла вовремя остановиться. Я и правда шлепала их, когда они плохо себя вели. Но бывало, что их поведение так расстраивало меня... Гордон просто с ума сходил, когда они начинали беситься по вечерам, перед сном.

— О чем ты?

— Он говорил, что я не могу управляться даже с моими собственными детьми.

— Это и его дети тоже, — сказала Мария. Она была близка к тому, чтобы свалить на Гордона вину за поступки Софи, и все же понимала, что ответственность лежит на ее сестре.

— Гордон был для меня всем, — произнесла Софи, снова принимая отсутствующий вид. — И остается. Даже сейчас, после того, что я сделала. Он хотел, чтобы все у нас было идеально, и я старалась стать идеальной.

Мария хотела было спросить, как воровство и жестокое обращение с детьми вписывалось в концепцию «идеала» Софи, но не решилась. Глядя на сестру, она прикидывала, сколько фунтов та потеряла с тех пор, как оказалась в тюрьме. Десять? Двенадцать? Она вспомнила Софи в старших классах. Та была такой тоненькой, что Мария порой беспокоилась, не страдает ли сестра от анорексии. Софи казалась совершенной, как будто никогда не утрачивала контроля над собой.

— Ты так сильно похудела, — заметила Мария.

— Это ничего, — ответила Софи.

— Наверное, ты была очень несчастна, — сказала Мария, вспоминая свадебные фотографии сестры. Ее наряд был точной копией платья Жаклин Кеннеди, с короткими рукавчиками, едва прикрывающими руки. Софи выглядела в нем такой прекрасной и такой счастливой.

— Может, мы отвлечемся от моего веса и поговорим о чем-нибудь другом? — спросила Софи. — Расскажи мне про Саймона и Фло.

— Им очень тяжело, — мягко сказала Мария. — В пятницу Саймон был у доктора Миддлтон, а в понедельник я поведу к ней Фло. Думаю, ты знаешь, что сегодня они ночевали у Эда и Гвен.

— Да, знаю.

Меньше чем через два часа дети должны были вернуться домой. Мария помнила, что ей нужно быть там и встретить их. Она посмотрела на Софи — губы сестры дрожали. «Сколько еще она выдержит?» — подумала Мария, внезапно ощутив страх.

— Ты не спрашивала, — произнесла она, — но я уверена, ты хочешь знать, что они чувствуют к тебе. Они тебя любят.

— Они это сказали? — спросила Софи, опустив глаза, словно боялась прочитать ответ во взгляде Марии.

— Да, сказали. Просто они совсем сбиты с толку. Они хотят, чтобы ты вернулась домой.

— Спасибо, что рассказала мне, — произнесла Софи. Наконец-то она подняла голову, и

несколько секунд они с Марией смотрели друг другу прямо в глаза, без улыбки, спаянные этим взглядом сильнее, чем объятием.

Мария поднялась, собираясь уходить.

— Тебе идет белое, — сказала Софи.

— На улице жарко.

— Ты наденешь белое платье на свою вторую свадьбу?

Мария улыбнулась.

— Софи! — сказала она, качая головой.

— Значит, у вас все хорошо, — ответила Софи, улыбнувшись ей в ответ.

— Все прекрасно. Дункан...

— Что Дункан?

— Он очень хорошо относится ко мне, — тихо произнесла Мария. При мысли о том, что они с сестрой говорят об этом здесь, у нее защемило сердце.

— Ты этого заслуживаешь. Правда, Мария.

— Спасибо, — ответила Мария. — Он уже переехал. Прошлую ночь мы провели вместе. Но он не будет ночевать у меня, когда дети дома.

— Может, это и правильно, но ты обязательно пригласи его на обед. Приготовь какое-нибудь роскошное блюдо. — На секунду Софи примолкла. — Мне нравится Дункан. Думаю, для детей будет хорошо, если он станет приходить к вам.

Мария кивнула с благодарностью.

— Смотри только, чтобы мама не узнала, — сказала Софи. В ее голосе прорезалась горечь.

— О Дункане? Я уже знаю, что она не одобряет наших отношений, — заметила Мария.

— Дункан тут ни при чем. Она злится, потому что ты счастлива.

— Софи! — воскликнула Мария, потрясенная.

— Подожди, поживешь здесь подольше, тогда и узнаешь, что я имела в виду, — ответила Софи.

Мария вышла из здания тюрьмы. По дороге домой она никак не могла унять дрожь — ей казалось, что она никогда не привыкнет к тому, что вынуждена встречаться с сестрой в тюрьме, ее потрясло то, как та разговаривала. Подъезжая к заповеднику Лавкрафта, она вспомнила слова Софи, сказанные в самом начале их встречи: о том, что она ненавидела Хэлли.

Традиционный воскресный ужин в семье Дарков состоял из ростбифа зимой и рыбы на гриле летом. Питер, Саймон и Мария, стоя во дворе, чистили полосатого окуня, которого Питер с Саймоном поймали этим утром. Нелл и Хэлли были в кухне: готовили салат. Джулиан повел Фло и Энди на прогулку по берегу реки.

— Какая замечательная рыба! — воскликнула Мария.

— Сорок дюймов длиной, — сказал Саймон, глядя, как Питер чистит окуня. — Самая большая из всех, которые я поймал.

— На какую наживку ты ловил?

— «Кастмастер», — ответил Питер. — Мы стояли на конце пирса, где ловятся синие окуни, но ничего не могли поймать. А потом вдруг Саймон забросил удочку подальше и поймал этого красавца.

— Это было здорово, дядя Питер, правда?

— Правда, Саймон.

— Фло тоже поймала одну. Я пойду поищу ее, ладно?

— Ладно, — произнесла Мария. Она погладила племянника по голове и посмотрела ему вслед. Потом повернулась к брату.

— Что Стив говорит о деле Софи? — спросила она.

— Хорошая новость — если такие новости вообще можно назвать хорошими — заключается в том, что Гордон умер еще до того, как она выбросила его из окна. — Питер понизил голос и украдкой огляделся по сторонам. — Не могу себе представить, чтобы Софи сделала это. А ты?

— Нет, — ответила Мария. Она действительно не могла представить весь этот ужас: ненависть в глазах Софи, револьверные выстрелы, окровавленное тело Гордона, падающее из окна их спальни, и машину, раз за разом проезжающую по нему.

— Она такая крошечная по сравнению с ним, — сказал Питер. — Он же валялся там мертвым грузом — в буквальном смысле слова. Как, черт побери, ей удалось поднять его и выбросить в окно?

— А Стив не может сказать, что в тот момент она была невменяема? — спросила Мария.

— Ему даже не придется этого делать. Тут и так ясно — это не убийство первой степени. — Питер покачал головой. — Я не могу относиться к ее делу объективно. Я знаю, что наказания ей не избежать, и я просто не в силах выносить это.

— Я была у нее вчера, — сообщила Мария.

— Я тоже, — сказал Питер. — Она говорила, что ты навещала ее. Она... рассказала, о чем вы разговаривали.

— Правда?

— Да. О том, что детей била она, а не Гордон.

На несколько секунд они замолчали. Тонким ножом Мария отделяла филе рыбы от костей. Потом подставила руки под шланг, чтобы смыть с них кровь.

— Ты подозревал это, да? — спокойным тоном спросила она.

— Да.

— И почему же? — поинтересовалась Мария, отметив про себя, как легко она

восприняла слова Питера. У нее уже не было сил удивляться чему-либо.

— Понимаешь, со стороны все смотрелось вполне невинно. Софи всегда шлепала своих детей, мы же выступали против этого. Мы с Нелл никогда не шлепаем Энди. Я видел, как Софи наказывала Саймона, по-настоящему лупила его. — При этих словах лицо Питера искажилось. — Когда я заговорил с ней об этом, она начала защищаться. Сказала, что это просто способ наказания. Но сейчас, когда я вспоминаю об этом, я понимаю, что она была мальчика слишком сильно.

— А тебе не приходило в голову, что ты должен вмешаться? — повысив голос, спросила Мария. — Должен встать на их защиту?

— Конечно, я должен был что-то сделать. Я верил ей, потому что хотел верить. Мы все соглашались с ее объяснениями, уж больно неприглядная была альтернатива. — На его лице отражалось смятение брата, позволившего сестре разрушить свою жизнь.

— Я тоже поверила бы, — произнесла Мария. Мысленно она задавала себе вопрос: будь она рядом, заметила бы она то, что другие отказывались замечать?

— Проклятый Гордон, — сказал Питер. — Я всегда думал, что это Софи командует им. Она же у нас вечный заводила. Я считал, что он пляшет под ее дудку. Она занималась всем сама: ухаживала за домом, за детьми, за ним. Я и представить не мог, что у них происходит такое, даже когда она начала меняться.

— Я понимаю, почему вы верили ей. Но я не могу понять, почему вы не обратили внимания на эти перемены. Или почему Нелл заметила их, но ничего не сделала.

— Мария, тебя же здесь не было. Ты утверждаешь, что очень сильно переживаешь за Софи, и обвиняешь нас в том, что мы ничего не сделали для нее, однако тебя в то время даже не было рядом. Я же был здесь всегда, за исключением нескольких лет, проведенных в армии и на юридическом факультете, и я всегда делал для семьи все, что было в моих силах.

— Но Софи ты не помог, — сорвалась Мария, ощутив внезапный прилив злости на брата. Однако в следующий момент она испытала укол совести и пожалела о своих словах.

— Пожалуйста, прекратите, — сказала Нелл, выходя из задней двери и вытирая руки о юбку. — Лучше пройдите до речки и найдите остальных. Дети не должны видеть, как вы ссоритесь.

Мария зажмурила глаза. Неужели Нелл думает, что им достаточно пойти прогуляться и все снова станет хорошо? Однако она заставила себя успокоиться.

— Ладно, Нелл, — ответила она.

— Нелл права, — заметил Питер. — Бедные дети!

— Ты правильно поступил, пригласив Саймона порыбачить, — примирительно сказала Мария.

— Мужские дела. Очень важно для воспитания, — добавила Нелл, улыбнувшись подруге и ожидая от нее ответной улыбки.

Мария смыла с рук кровь, подставив их под шланг.

— Прогуляйтесь лучше вы, — сказала она и грустно улыбнулась. — А я остаюсь здесь. — Она подчеркнула слово «здесь» специально для Питера.

Стоя у раковины в кухне матери, Мария чистила первые в этом сезоне початки кукурузы и чувствовала, как внутри у нее нарастает гнев. Периодически она бросала взгляды на мать, которая педантично вытаскивала отдельные ниточки из уже очищенных початков.

— Сейчас кукуруза уже не та, — сказала Хэлли. — Когда я была маленькая, мы ели

только сорт «Золотой Бантам». Очень вкусный и желтый, как топленое масло. Отец его обожал. Никто тогда не знал ни про «Масло и сахар», ни про «Серебряную королеву».

— Почему ты не навещаешь Софи? — спросила Мария, оборвав ее монолог.

Хэлли не подняла взгляд; она собрала шелковистые нити в хвост и расчесывала их своими пальцами.

— Мария, — вздохнула она, как будто из последних сил.

— Это слишком тяжело для тебя? — спросила ее дочь, чувствуя себя коршуном, нацелившимся на добычу.

— Да, тяжело.

— Тогда представь, что сейчас чувствует Софи. Она же в двух шагах отсюда, вот за этими деревьями. — Мария обошла кухонный стол, одной рукой обняла мать за плечи и пальцем показала на сосновую поросль. — Она вон там!

— Я это знаю, — сказала Хэлли. — Я живу с этим каждый день.

— Неужели тебе будет хуже, если ты повидаешься с ней? — спросила Мария. — Что, по-твоему, может быть хуже реальности?

— Наверное, ничего. — Тон матери заставил Марию задуматься: ей показалось, что она понимает положение Софи лучше, чем кто-либо другой. Но голос матери разбудил тревогу, в нем были одновременно смирение и скептицизм.

— Скажи мне, о чем ты думаешь, — попросила Мария, стараясь, чтобы это прозвучало мягко.

Силуэт Хэлли выделялся на фоне ярко освещенного окна, Мария не могла разглядеть выражения лица матери. Однако, когда Хэлли обернулась к ней, Мария увидела, что ее глаза полны тоски.

— Я думаю, что потеряла дочь, — сказала она.

— О, мама! — воскликнула Мария. — Софи нуждается в тебе. Оказавшись в тюрьме, она не перестала быть твоей дочерью. Ты должна сходить повидаться с ней.

— Я не хочу туда идти, — произнесла Хэлли. — Я никогда не была там. Меня угнетало то, что я живу рядом с тюрьмой, а сейчас я в ужасе от мысли, что моя дочь сидит в ней. Что она вынуждена жить среди преступников. — Хэлли закашлялась. — Я видела ее фотографию в «Хатуквити Энкуайер» — она снята в этом мешковатом тюремном платье. Это просто кошмар!

— Ну так не читай газеты, — сказала Мария.

— Но я хочу знать, что о ней пишут. Хочу знать, что происходит.

Мария потрясла головой, чтобы прийти в себя. Как могла мать читать эти бесконечные статьи, интервью с психиатрами, экспертами, другими женщинами, подвергшимися насилию, смотреть на фотографии Дарков и Литтлфильдов, предоставленные лжедрузьями Софи, и при этом ни разу не навестить дочь в тюрьме?

— Почему бы тебе не сходить туда и не спросить у нее самой? Она ведь прежняя — ты же не думаешь, что Софи стала теперь другим человеком?

— Я не знаю, — ответила Хэлли. Марии показалось, что мать мучает какая-то мысль, которую она не высказывает вслух. — Она была такая талантливая. Когда она пела, слезы наворачивались на глаза. Она вкладывала в пение все свое сердце.

Это была правда. Однажды июльским вечером, когда жара не давала заснуть, Мария и Софи вышли во двор в поисках прохлады и по сухой траве пошли к речке. Кажется, им было тогда тринадцать и шестнадцать. Они сели на берегу, опустив ноги в воду, и сидели так,

напевая песни, напоминавшие им о мальчиках, которые им нравились. Это было время каникул, и когда Софи пела «Лунную реку», сердце Марии переполняли чувства, а в глазах стояли слезы.

— Ты думаешь, все это случилось потому, что Софи не захотела стать профессиональной певицей? — спросила Мария.

— Я думаю, что она зарыла свой талант в землю. Сделала неправильный выбор, — горько произнесла Хэлли.

— Ты говоришь так, будто не можешь простить ее за это, — заметила Мария.

— До конца не могу, — сказала Хэлли, глядя дочери в лицо. — Я никогда не пойму, как она могла так расточительно отнестись к своему дару. Она не захотела использовать его, а он в отместку стал разъедать ее изнутри. И это не только мое мнение. Один психолог считает, что Софи позволяла Гордону бить ее, потому что чувствовала себя ни на что не годной.

— Ты прочла это в газете?

— Да.

— И ты поверила? — сказала Мария, на секунду лишившись дыхания. Она с трудом удержалась от того, чтобы сказать Хэлли, что Софи ненавидит ее.

— Это вполне обоснованно.

— Сходи к Софи, — с каменным выражением лица произнесла Мария. — Тебе это необходимо. И ей тоже — это самый страшный период в ее жизни.

— И в моей, — добавила Хэлли. Глядя, как она снова начала расчесывать хвост из кукурузных нитей, зажатый у нее в ладони, Мария поняла, что тема закрыта.

— Мама, по-моему, ты не права, — тихо произнесла Мария. — Я думаю, ты делаешь большую ошибку, отказываясь встретиться с ней. Я страшусь того, что может случиться.

— А что еще может случиться? — спросила Хэлли.

— Она может никогда не вернуться домой, — ответила Мария. Она заметила, что дух Софи ослабевает с каждым днем. — Ей все равно, выйдет она из тюрьмы или нет. Может, ты и права и она действительно считает себя ни на что не годной. Но мы должны убедить ее, что это не так.

Хэлли делала вид, что слушает, но со двора донеслись звуки, возвещающие о приходе остальных, и она тут же отвернулась от дочери. Глядя, как Хэлли торопится к дверям, как повторяет всем, чтобы они вытирали ноги, и обнимает внуков, Мария почувствовала, что глаза ее наполняются слезами. Она спрашивала себя о том, как могло сердце девочки, которая так прекрасно пела, превратиться в камень.

Боже, до чего же здесь скучно! Я пытаюсь занять свой ум, припоминая истории, которые потом рассказываю Бесс и другим, но за исключением Бесс все хотят слышать только про Гордона, а мне невыносимо рассказывать про него. Я знаю, их интересуют самые страшные моменты. Но когда я говорю о них кому-то кроме Бесс, то потом чувствую себя ужасно, словно осквернила его память.

Один раз я начала говорить о Гордоне и не могла остановиться — вокруг сидели женщины, которых я едва знаю, а я показывала им шрамы у меня на спине и ногах. Я все еще слышу свой голос — он был мерзким, отвратительным. Я была словно под гипнозом, одновременно смеялась и плакала.

Впрочем, не важно. За исключением моментов вроде этого я все время скучаю. Приходит посетитель, и меня поспешно ведут на свидание. Мария, Питер, Нелл, Стив... меня никогда не навещают соседи, вообще никто из нашего города. К женщинам из Бейнбриджа — расположенного очень далеко — приезжает больше людей, чем ко мне. Но я не жалею. Не представляю, как бы я сидела напротив Нэнси Грюнвальд или Алисии Мердок и обсуждала с ними других заключенных.

По-моему, самое интересное, что здесь происходит, это программа «творческой реабилитации». Дело не в том, что это так уж весело, и не в том, что я собираюсь в ней поучаствовать: просто благодаря этой программе к нам приходят необычные люди. Я не имею в виду тех двух социологов из Нью-Йорка — противно вспомнить, как они заученно поддакивают тебе с грустным выражением на лице. Я говорю о хореографе и актерах из театра «Уайтхолл».

В прошлую среду, на собрании, я впервые с тех пор, как оказалась здесь, захотела показать кому-то, что отличаюсь от остальных заключенных, что я не одна из них. Мы все сидели в зале и слушали социолога, который говорил, что в августе у нас должен состояться концерт. Я чуть было не уснула, но тут на сцену вышли два парня из «Уайтхолла» и сыграли эпизод из «Кордебалета».

Я еле усидела на месте. Честное слово! Одного из них я знала: видела в пьесе Линдена Мобли. Название пьесы я не смогла вспомнить. Мы с Гордоном смотрели ее в прошлом году, весной, в театре «Уайтхолл» в Адамсвилле. Глядя на этого актера, я так смеялась, что чуть живот не надорвала, хотя пьеса была в общем-то не смешная. Он играл отлично. Он вышел на сцену и остановился, как будто забыл что-то, а потом оглянулся и окинул зал таким забавным лукавым взглядом. Гордон не обратил на это внимание, а мне очень понравилось.

После пьесы кто-то из клиентов Гордона настоял на том, чтобы мы присоединились к ним с женой и пошли выпить в бар, находившийся в одном квартале от здания театра. Он делал упор на то, что в баре зрители могут встретить любимых актеров, которые тоже ходят туда.

После окончания спектакля прошел час, мы с Гордоном уже собирались уходить из бара, когда этот самый актер вошел туда. Я поймала его взгляд, и мы с ним улыбнулись друг другу. «Мне очень понравилось», — произнесла я, имея в виду его игру, и он поблагодарил меня. Гордон наверняка не услышал моих слов, потому что иначе он обязательно поднял бы эту тему потом, но он ничего не сказал.

Так странно было видеть его на сцене в тюрьме! Я думала, что, наверное, являюсь

единственным человеком в этом зале, видевшим его на сцене «Уайтхолла». Несколько заключенных стали свистеть и завывать, как делали всегда при виде мужчины, и это страшно меня взбесило. Раньше я никогда не слышала, как этот актер — его зовут Джеймс Корт — поет. Наконец все успокоились, и я смогла расслышать его голос. Он был не особенно выдающийся, но актер вкладывал в пение душу, и поэтому его хотелось слушать.

После выступления я попыталась заговорить с ним. Его окружали надзирательницы, социологи и пара женщин в деловых костюмах. Он был так близко! Я объяснила ситуацию Эtte, одной из моих любимых надзирательниц, — сказала, что видела его в театре в Адамсвилле, — но она не разрешила мне подойти к нему. Да и чего я, собственно, ожидала?

Бесс ждет не дождется этого концерта. Она умеет показывать карточные фокусы и собирается выступить с ними, нарядившись как настоящий фокусник.

Она говорит, что ее сыновья приедут на концерт, и хочет, чтобы они гордились ею. Марла Жерико бьет чечетку и уговаривает меня вместе с ней репетировать номер из «Сорок второй улицы». Она собирается нарядиться в трико, туфли для чечетки на высоких каблуках и танцевать на огромном барабане, а я в это время должна буду петь. Она когда-нибудь смотрела на себя в зеркало? Можете представить женщину весом двести фунтов, одетую в трико и танцующую на барабане?

По словам надзирательницы, заключенные не обязаны принимать участие в концерте, так что я и не буду. По-моему, в нашем положении очень глупо вырядиться и выставять себя на посмешище. То же самое Хэлли говорила о школьных представлениях: приходится отсидеть выступления сорока детей без слуха и голоса, чтобы три секунды послушать собственного ребенка.

Но это несправедливо по отношению к детям. У меня до сих пор все сжимается внутри, когда я вспоминаю, как Мария читала со сцены «Кубла-хана» Колриджа и забыла слова. Дома она тысячу раз повторяла это стихотворение. Сцена делает с человеком странные вещи; со мной такого не случилось, но я могу себе представить, что чувствовала тогда сестра.

Мария стояла, сложив руки перед собой, в бархатной курточке, лаковых туфлях, с бантами в волосах. Ее аккуратный вид только все усугублял: если бы она была одета небрежно, ситуация не казалась бы такой унижительной. Она просто замолчала. Тишина. Глазами она нашла меня среди зрителей. Я так часто слушала, как она репетирует стихотворение, что хорошо запомнила его. Я попыталась беззвучно произнести следующую строку, но она не могла разобрать слова по губам. Тогда я произнесла ее вслух. Мама наградила меня ледяным взглядом, но я была рада, что сделала это. Мария дочитала стихотворение до конца.

Интересно, помнит ли она об этом?

Гордон не разрешил Фло петь на рождественском концерте. Учительнице он сказал, что разрешил бы, будь это настоящие рождественские гимны. Они собирались петь обычные детские песенки: «Снеговик», «Серебряные колокольчики», «Рудольф — северный олень», а Гордон требовал, чтобы их заменили на «Внемлите ангелов пенью» и «Адесте фиделис». Интересно, что бы он стал делать, согласись учительница изменить программу.

Сомневаюсь, что он позволил бы Фло выступать. Он говорил, что не хочет, чтобы дочь превратилась в актрисульку вроде меня.

Фло страшно переживала. На концерте она должна была звонить в колокольчик, когда Рудольф появлялся на сцене. Я так и не смогла объяснить ей, почему она не будет выступать. Я просто посадила ее к себе на колени и дала выплакаться.

Каждый раз, когда я вспоминаю подобные эпизоды, я задаю себе вопрос: как я могла допустить это? Как я могла закрывать глаза на столь многие вещи? Как могла бить их? Вспоминаю их личики, искажившиеся от боли. Боли, которую причинила я. Я, я, я!

Бесс учит меня молиться. Она очень религиозна. Я имею в виду, что она по-настоящему духовный человек, а не показушница, как многие новообращенные из заключенных. Они вечно пытаются навязать тебе свою веру и советуют «молить Господа» даже о таких тривиальных вещах, как вафли на завтрак. А Бесс правда верит. В искупление грехов и в спасение.

— Мои грехи слишком велики, — шепнула я ей прошлой ночью.

— Это правда, — согласилась она.

— Но в чем они заключаются? — спросила я. Я хотела, чтобы она сказала мне. Может, то, что я считала самым страшным своим грехом, вовсе им не было? Я лгала, воровала, убивала. Я причиняла боль своим детям.

— Твой самый страшный грех в том, что ты не смогла полюбить себя, — сказала мне Бесс. — Если бы ты любила себя, ничего этого не случилось бы. Тебе надо начать с самого начала. Господь любит тебя, и ты должна любить себя. Должна брать пример с Господа. Господь любит всех нас.

— Даже Гордона? — спросила я.

На секунду Бесс замолчала.

— Да, конечно, — продолжила она. Бесс обняла меня, и я почувствовала, как сладко пахнет ее кожа — мне еще не приходилось слышать запаха слаще. Мы обе отпивали из бутылки с водкой, которую принес ей ее муж Джимми.

— Прочти молитву, — попросила я.

— «Отче наш, иже еси на небеси, да святится имя Твое...» — начала она, но тут я стала смеяться и никак не могла остановиться.

— В чем дело? — спросила она, безо всякого раздражения, которое я наверняка бы испытала на ее месте.

— Я подумала про Саймона, — сказала я. — Когда он был маленький, он думал, что Бога зовут Дасвятится. Что в молитве говорится «Дасвятится — имя твое».

— Боже, благослови Саймона, — ответила Бесс, и мы так сильно смеялись над этой его милой ошибкой, что пришла надзирательница и приказала Бесс отправляться на свою койку.

— Я прочту настоящую молитву, — прошептала Бесс, когда надзирательница ушла. — «Дорогой Господь, пожалуйста, защити всех, кого я люблю. Посмотри за бабулей, она такая старенькая. Помогни моей подруге Софи искупить ее грехи и найти свой путь. Позаботься о Саймоне и Фло, и о душе Гордона. Наставь сестру Софи Марию, чтобы она хорошо заботилась об этих двух детях, ведь ты знаешь, что твои наставления очень ей нужны. Помогни матери Софи измениться в лучшую сторону. Благослови наших адвокатов и надзирателей. Смилуйся над нами, Господи, и убереги нас всех ото зла. Аминь!»

— Аминь, — прошептала я.

Среди ночи Мария услышала крик Саймона. Полусонная, она вскочила с постели и в холле натолкнулась на Фло, которая бежала к ней.

— Ему снится кошмар, — сказала девочка. В ее широко распахнутых глазах застыл страх.

Вместе Мария и Фло поспешили к Саймону. Он метался по кровати, спеленутый в простыни, как мумия, его волосы намокли от пота. Рот мальчика был широко открыт, он кричал, не переставая.

— Саймон, — резко окликнула его Мария, чувствуя, как бешено колотится сердце у нее в груди. Она склонилась над ним, убрала влажные волосы со лба. — Саймон, дорогой, проснись! Все хорошо. Я здесь и Фло тоже.

— Я здесь, — дрожащим голосом подтвердила Фло.

Саймон высвободил руки из простыней и стал колотить воздух перед собой. Кулаком он ударил Марию в лицо — и в тот же момент перестал кричать, а потом открыл глаза.

Мария, не обращая внимания на боль, поцеловала его в лоб.

— Привет, Саймон, — прошептала она.

— Он душил ее, — глухо произнес Саймон. — Или они оба душили меня.

— Это был просто сон, — сказала Мария. — Все уже закончилось.

— Я не знал, где мама, а где я, — заметил мальчик. — Сначала знал, а потом мы стали как один человек. — Он расплакался.

Мария задрожала и обняла племянника крепче. Его глаза были широко открыты, но он, казалось, не узнает ни ее, ни сестру. Фло прижалась к ним.

— Ты уже проснулся, да? Проснулся, Саймон? — спрашивала она.

Саймон не отвечал. Его тело словно одеревенело. Мария спела ему колыбельную, поглаживая ребенка по спине, и постепенно он расслабился. Когда Мария поняла, что мальчик спит, она тихонько положила его на кровать. Ее сердце все еще бешено колотилось.

— Можно мне поспать с тобой? — прошептала Фло.

— Разве тебе не будет удобнее в твоей кроватке? — спросила Мария.

Фло смотрела на нее снизу вверх умоляющим взглядом.

— Что, если его кошмар передастся мне, пока я буду спать?

— Так не бывает, — ответила Мария. — У каждого человека собственные сны.

— Иногда бывает. Такой же кошмар мне приснился вчера. Наверное, я передала его Саймону.

— Не думаю, что это так. Но, наверное, тебе нужно рассказать об этом доктору Миддлтон, когда ты в следующий раз пойдешь к ней, — сказала Мария. Она разрешила Фло спать с ней в эту ночь. Сама она так и не уснула — болела щека, а в ушах стояли крики Саймона. Фло лежала рядом, сладко посапывая, но на рассвете она начала метаться, и Мария испугалась, что девочке тоже приснился плохой сон, а потом Фло помочилась в постель.

Утром Саймон ничего не помнил о своем кошмаре. Когда Мария и Фло стали спрашивать его, он ответил «нет»; ребенок был потрясен тем, что мог совершить такой невероятный поступок — ударить тетку — и не запомнить этого.

— Тебе больно? — спросил Саймон, озабоченно нахмутив лоб.

— Не очень, — ответила Мария, касаясь подбитого глаза. В последний раз фингал у нее

был в младших классах — Софи задела ее по лицу прыгалками.

— Прости меня, — сказал Саймон.

— Ничего, — успокоила его Мария, — все в порядке.

Она чувствовала себя беспомощной и готова была разрыдаться. Ей хотелось избавиться от племянников, их ночных кошмаров и недержания мочи, их психологов, их бесконечных потребностей. Она хотела, чтобы кто-нибудь ее утешил, сказал, что она отлично справляется, что им гораздо лучше с ней, чем без нее. Потом ей захотелось, чтобы дети просто исчезли. Ей было стыдно за это желание, однако она не могла побороть его.

Дети вытащили на крыльцо свои удочки. Они собирались отправиться на рыбалку. Из глубин кухонного шкафа Саймон достал коробку с рыболовными снастями. Там была целая коллекция крючков, свинцовых грузил, красно-белых поплавков, разноцветных наживок: серебристых, розовых, зеленых — в форме червяка; к тем из них, которые использовались раньше, кое-где пристали засохшие водоросли. Там же лежал тонкий филейный нож с прилипшей к нему тусклой рыбьей чешуей. Саймон и Фло разложили содержимое коробки на ступеньках, чтобы выбрать подходящую наживку.

— Если мы поймем рыбу, приготовим ее на обед? — спросила Фло.

— Конечно, — ответила Мария. — Разведем огонь и поджарим ее на гриле.

— В прошлый раз мы ловили на «Кастмастера», вот эту большую серебристую штуку, — сказал Саймон.

— Эту? — с сомнением в голосе спросила Фло. Она подняла вверх трапециевидную приманку длиной около двух дюймов, серебристую с одной стороны и синюю с другой. По сравнению с остальными, кричаще-яркими, она выглядела весьма элегантной.

— Ну да, на нее, — ответил Саймон.

— Похожа на маленькую рыбку, — заметила Фло.

— Совершенно верно, — сказала Мария, гордясь дарвиновским чутьем племянницы. — Большие рыбы, например окунь, едят маленьких, поэтому в наших краях многие ловят на «Кастмастера». Ты знаешь, что такое «пищевая цепочка»?

— Нет, — ответила Фло.

— Это когда в школе на День благодарения собирают еду для бедных? — предположил Саймон.

— Нет, это называется благотворительностью, — сказала Мария с улыбкой, жалея о том, что Софи нет с ними и она не слышит этого. — «Пищевая цепочка» начинается с планктона — микроскопических растений и животных, обитающих в море. Ими питаются самые мелкие рыбки, а их потом едят просто мелкие. Большие рыбы едят рыб поменьше.

— А потом мы едим больших рыб, — сказала Фло.

— А потом акулы едят нас! — добавил Саймон.

— Один раз папа видел большую белую акулу, — сказала Фло, положив одну руку на скрещенные ноги Марии. Она опустила голову на колени тетки, чтобы та поиграла с ее волосами.

— Правда? — спросила Мария. — Когда рыбачил возле Монтока?

— Нет, прямо здесь, возле пляжа Хатуквити, — горячо перебил ее Саймон. — Как раз когда мы купались! Мы с мамой и Фло плавали, а папа стоял на берегу и кричал нам, чтобы мы вылезали. А когда мы вылезли, он сказал, что большая белая акула плавала рядом с нами!

— Она нас чуть не съела, — заметила Фло. Она снова сосала свой большой палец.

Мария не знала, что сказать. Она живо представила себе эту сцену: Софи с детишками

весело плещется в воде, а Гордон стоит на берегу, чувствуя себя покинутым, и думает, как испортить им удовольствие. Она не сомневалась, что это произошло в сентябре — октябре, когда на пляже практически нет людей, и, значит, никто, кроме членов семьи, не мог услышать его. И только Софи, еще один взрослый человек, могла понять, что он сделал.

— Почему мы не можем увидеться с мамой? — спросила Фло и расплакалась.

— Она вас любит, — аккуратно начала Мария, — но боится, что вам будет тяжело навещать ее в тюрьме.

— Она больше не хочет нас видеть, — сказал Саймон. — Так что забудь об этом.

— Нет, она хочет, — возразила ему Мария, хотя сама не верила своим словам.

Дети забыли про коробку со снастями и уселись порознь, свесив ноги с крыльца. Боковым зрением Мария заметила, как «Алисия» входит в бухту, и почувствовала, что у нее по спине от облегчения побежали мурашки.

Дункан подвел шлюпку к пирсу и заглушил мотор. Мария с детьми смотрели, как он бросает швартовы.

Саймон обернулся и через плечо бросил на Марию недоумевающий взгляд.

— В чем дело? — поинтересовалась она.

— Почему он приехал? — встревоженно, спросил Саймон.

— Я его пригласила, — ответила Мария.

— Он повезет нас на рыбалку на лодке?

— Думаю, да, — ответила Мария.

— Тогда я не поеду.

Саймон поднялся на ноги и пошел к двери.

— Саймон, — позвала Мария, — объясни, что случилось?

— Просто мне захотелось рыбачить, — сказал Саймон.

— Он боится отплыть далеко от берега, потому что там акулы, — завизжала Фло. — Боится, что они потом ему приснятся.

— Неправда! — возразил Саймон.

Дункан помахал им рукой, идя по направлению к дому.

— Я же сказал, мне захотелось рыбачить.

— И мне, — сказала Фло.

— Привет, Саймон. Привет, Флосси, — произнес Дункан. Стоя рядом с Марией, он, нахмурившись, разглядывал ее синяк. — Что случилось?

— Я ударил ее во сне, — сказал Саймон, напуганный. — Я не нарочно!

— Конечно, не нарочно, — подтвердила Мария, пытаясь успокоить его.

— Уверен, что все произошло случайно, — сказал Дункан.

— Я в порядке, — заметила Мария. Голос ее дрожал.

Дункан заглянул ей в глаза и понял, насколько она расстроена. Он подмигнул ей, давая понять, что на некоторое время берет детей на себя.

— Что это у вас здесь? — спросил Дункан, склоняясь над наживками. Поскольку никто не ответил, он взял одну и стал рассматривать.

— Мы собирались удить на «Кастмастера», — с сомнением в голосе произнес Саймон. — Только я не думаю, что нам надо плыть на лодке.

— Хорошая мысль, — сказал Дункан. — Когда я подплывал, я видел целый косяк окуней прямо здесь, в бухте. Что, если нам порыбачить с причала?

Лицо Саймона просветлело. Он смотрел, как Дункан собирает удочки, несколько

наживок и ведерко.

Мальчик шагнул вперед, взял свою удочку из рук Дункана и пошел вперед, к причалу.

— Ты идешь, Флосси? — спросил Дункан.

— Иду, — откликнулась Фло.

— А ты не пойдешь с нами, тетя Мария? — поинтересовался Саймон.

Мария подумала, что ей надо бы присоединиться к ним и проследить, чтобы все прошло хорошо. Однако мысль о том, что она будет рыбачить, вместо того чтобы изучать свои полевые заметки и предметы, найденные в захоронении, заставила ее ощутить сильное разочарование.

— Может, дадим тете Марии закончить с ее работой? — предложил Дункан авторитетным тоном хорошего отца. — Что вы скажете, если мы пойдем и поймаем для нее большую рыбу?

— Если она не против, — сказал Саймон, глядя на Марию.

— Это было бы замечательно, — отозвалась она с улыбкой и кивнула, предлагая племяннику последовать за Дунканом. Саймон улыбнулся в ответ и поспешил присоединиться к Дункану и Фло.

Однако Мария никак не могла сосредоточиться. Она поняла, что ей нужно поскорее увидеться с сестрой, и поехала в тюрьму.

— У меня проблема с детьми, — сообщила Мария, когда Софи вошла в комнату для свиданий.

Софи выглядела растерянной, словно только что пробудилась ото сна.

— Простой ночью Саймону приснился кошмар. Никогда раньше не слышала, чтобы кто-нибудь так кричал. — Мария прикоснулась рукой к лицу. — Это было так страшно! Он ударил меня, во сне.

— А что ему снилось?

— Вы с Гордоном.

Они замолчали, каждая ждала, что другая продолжит.

— Ты ничего не скажешь? — спросила наконец Мария.

— Он рассказал еще что-нибудь? Что мы делали?

— Душили друг друга. — Мария замолчала, глядя прямо в лицо сестры. — Думаю, все усугубляется еще и тем, что ты не хочешь видеться с ними.

— Я не хочу, чтобы они видели меня здесь, — произнесла Софи.

— Господи, ты говоришь в точности как Хэлли, — сказала Мария. — Она не хочет видеть тебя здесь, а ты не хочешь, чтобы дети увидели здесь тебя. Проблема в том, что ты все равно здесь!

— Душили друг друга, — медленно отозвалась Софи, как будто прислушиваясь к своим ощущениям.

— Я не смогу выносить это долго. — Мария почувствовала, как у нее начинает кружиться голова. — Я понятия не имею, что с ними делать. Они ходят к доктору Миддлтон, но как узнать, помогает ли она им? Я не справляюсь со своей работой и, по-моему, не справляюсь с детьми.

— Сделай глубокий вдох, Мария, — ласково сказала Софи. — Опусть голову между коленями.

Мария последовала совету; кровь прилила к ее глазам. Она подняла голову и посмотрела

на сестру.

— Скажи, что мне делать?

— Ты все делаешь правильно, — продолжала Софи. — С тобой им живется лучше, чем с кем бы то ни было еще.

— Им нужно увидеться с тобой, — сказала Мария.

— Я подумала, что они могли бы прийти на концерт, — заметила Софи, отводя взгляд.

— Какой концерт?

— О, дурацкая затея администрации тюрьмы. Думаю, это делается для того, чтобы мы не чувствовали себя ни на что не годными и обнаружили в себе скрытые таланты. Бесс будет показывать карточные фокусы.

— Ты могла бы спеть, — предложила Мария.

— Я не буду петь, — ответила Софи, и ее глаза наполнились слезами. Она попыталась утереть их указательными пальцами, но слезы так и текли у нее по щекам. — Каждую ночь во сне я вижу своих детей. Как мы живем счастливой семьей, все вместе, в городке вроде Хатуквити, только в Австралии или где-нибудь еще.

— Послушай меня! Слушай! — повысила голос Мария. — Это все фантазии. Фантазии и сны. Реальность заключается в том, что у тебя двое замечательных детей, которые нуждаются в тебе. А мне с ними не справиться. Ты меня слышишь, Софи?

— Я слышу, — сказала Софи сквозь слезы.

— Тогда расскажи мне все, чтобы я знала, с чем мне предстоит столкнуться. Они видели, как ты убила Гордона? Что вообще они знают?

— Все, — сообщила Софи.

— Все? — спросила Мария, и у нее перехватило дыхание.

— Да, все.

Сестры посмотрели друг на друга; их молчание нарастало, пока не стало почти осязаемым. Софи опустила взгляд на свои руки и начала рассматривать обломанные ногти. Потеребила нитку, торчавшую из левого рукава платья. Потом подняла глаза.

— Они видели, как я застрелила Гордона, — сказала она.

— Софи? — отозвалась Мария, потому что сестра вдруг замолчала.

— Я сделала это у них на глазах. Они смотрели телевизор, а потом услышали, как мы кричим друг на друга. Обычно я никогда не кричу. Просто слушаю. Поэтому, наверное, они и переполошились, услышав мой голос. Они прибежали в спальню. У меня в руке был пистолет — Гордон стоял, прислонившись к стене возле окна, там, где висит фотография Хатуквити в двадцатые годы.

Она посмотрела на сестру, чтобы убедиться, поняла ли она, о каком месте идет речь. Мария кивнула.

— Я сказала детям отойти и выстрелила. Я знала, что они стоят рядом, но мне было наплевать. Я выстрелила пять раз. Саймон кричал и просил меня остановиться. Фло обнимала меня за колени и плакала. Когда я перестала стрелять, они не произнесли ни слова. Молчали как рыбы. Они забрались к нам на кровать — она была вся смята, потому что мы с Гордоном лежали на ней. За час до этого мы занимались любовью. — Софи рассмеялась, но смех перешел в рыдание. — Они смотрели, как я, с плачем и воем, выкидывала тело их отца из окна.

Мария вспомнила, как нашла детей в кровати: они смотрели на следы крови и волос Гордона на стене.

— Почему ты сделала это, Софи? — прошептала она.

Софи нетерпеливо потрясла головой:

— Потом я пошла к реке. Я оставила детей одних, в комнате, в которой только что убила их отца, на целых полчаса. Я словно потеряла рассудок. Я хотела поскорее отделаться от пистолета, спрятать улики. Ты знаешь, где я его выбросила?

— Знаю. Возле нашего каменного сердца.

— А потом я вернулась домой и увидела Гордона, лежащего на дороге. Это последнее, что я помню, до тех пор, пока ты не приехала. Я даже не помню, как позвонила тебе.

— Почему ты сделала это? — снова спросила Мария.

Софи проигнорировала ее вопрос.

— Теперь ты понимаешь, почему я не хочу видеть детей? После всего, через что они прошли из-за меня?

Мария кивнула:

— Я понимаю. Но ведь они сами хотят повидаться с тобой — это все меняет.

Софи пожалала плечами:

— Иногда я думаю, что они простили бы меня, если бы знали, через что мне пришлось пройти. Но я знаю, что это невозможно.

— Не так уж невозможно, — заверила Мария.

Софи усмехнулась:

— Какая глупость, этот тюремный концерт. Мы, шайка убийц и грабительниц, должны будем петь и танцевать.

— Недавно я вспоминала, как ты пела «Лунную реку», — сказала Мария. — Однажды ночью, когда жара нам не давала заснуть.

— Это было так давно, — отозвалась Софи со слабой улыбкой.

Мария хотела, чтобы сестра продолжала говорить. Ей нужно было узнать все.

— Я должна признаться тебе кое в чем. Помнишь ту красивую маленькую богиню, которую ты мне подарила? Я продала ее.

— Я знаю.

Удивленная, Софи подняла глаза.

— Я наткнулась на нее в Блэквуде, — объяснила Мария. — И подумала, что ты потратила деньги на платье, в котором была на празднике у Эда и Гвен. — Марии не терпелось вернуться к разговору о той ночи, когда Софи убила Гордона.

— Нет, — сказала Софи. — На них я купила пистолет.

На несколько секунд Мария замерла, пытаясь переварить эту новость.

— Ты меня слышала? — спросила Софи.

— Ты сказала об этом Питеру? Или Стиву?

— Нет. Об этом знаешь только ты, — мягко произнесла Софи. — И ты никому не скажешь.

— Где ты его купила? — спросила Мария.

— У одного знакомого из Стэмфорда. Торговца антиквариатом.

— Пистолет старинный? — поинтересовалась Мария, почувствовав, что сестра пытается избежать этой темы.

— Нет, новый. Он продал мне его просто так, без документов. Полицейские решили, что пистолет принадлежал Гордону. Будто тот хранил его в своей тумбочке на случай ограбления. Но у Гордона в жизни не было оружия.

— Почему какой-то парень вдруг продал тебе незарегистрированный пистолет? — спросила Мария.

Софи поджала губы — на ее лице появилось насмешливое выражение.

— Потому что у нас и раньше были дела. Я кое-что продавала ему.

— Вещи, которые ты крадала?

— Да, Мария. Вещи, которые я украла, — подтвердила Софи, и ее голос дрогнул. — Боже, ты такая безупречная. Ты никогда не делала ошибок, всегда твердо стояла на ногах. Почему бы тебе не поехать домой и не приготовить невероятно полезный обед для моих детей?

— О чем ты? Какой обед? — спросила Мария, растерянная и взбешенная. — Это ведь ты у нас знаменитая хозяйка! Мамин серебряный соусник ты продала, чтобы купить трюфели? Или еще что-нибудь к столу? Ты считаешь, что так было нужно?

— Нет. На самом деле я так не считаю, — сказала Софи. Она подняла голову и теперь смотрела прямо в лицо сестры. — Мне все равно, что ты думаешь обо мне.

Мария ничего не ответила.

— Давай, сознайся, что ты обо мне думаешь. Облегчи душу. Тебе станет лучше, вот увидишь. А заодно скажи, что обо мне думают Хэлли, Питер и Нелл — все эти безупречные люди.

Потрясенная, Мария смотрела на сестру.

— Неужели ты считаешь, что мы все против тебя?

— Тебе лучше уйти, — произнесла Софи. — Думаю, Дункану уже надоело сидеть с детьми.

— Ответь мне только на один вопрос, — сказала Мария. — Что заставило тебя купить пистолет? Ты уже тогда планировала?..

Софи покачала головой:

— Мне просто захотелось его иметь. Для защиты. Вот и все. В ту ночь, когда я схватила пистолет и вошла в нашу комнату — это было как во сне. По крайней мере мне так казалось.

— Ты сказала, что купила пистолет для защиты, — заговорила Мария, пытаясь поверить в слова сестры. — Что же он сделал той ночью? Почему ты решила защищаться таким образом?

— Он причинил мне боль, Мария, — слабым голосом призналась Софи. — Давай сойдемся на этом. — Она посмотрела на дверь, словно хотела, чтобы надзирательница увела ее отсюда.

— Ты сказала, вы как раз перед этим занимались любовью. Это тогда он причинил тебе боль?

Софи долго молчала.

— Как же так вышло? — спросила она, обращаясь сама к себе. Потом подняла глаза. — Ты никогда не позволяла мужчинам причинять тебе боль, так ведь?

— Нет, — ответила Мария.

— Поначалу это совсем не плохо. Своего рода наслаждение. Он связывал меня и говорил, что будет мучить, но это означало, что он долго ласкал меня, прежде чем я кончала. Это было восхитительно. Тебе этого не понять.

Мария ничего не сказала. Она думала о той ночи с Дунканом, когда он попросил ее лежать, а сам ласкал и целовал все ее тело.

— Но потом он держал меня связанной все дольше и дольше, щипал, делал мне больно.

У меня остался шрам... он сказал, что хочет поставить мне клеймо, чтобы ни один другой мужчина...

Мария была в ужасе.

— Так вот что он сделал с тобой той ночью? Поставил тебе клеймо?

Софи покачала головой:

— Нет, это было давным-давно. В ту ночь он меня и пальцем не тронул.

— Но ты сказала, он причинил тебе боль!

Мария знала, что Софи часто лгала ей, но здесь было что-то другое, более страшное. Она почувствовала головокружение, ее затошнило.

Софи смотрела прямо ей в глаза. Она сложила руки на груди, словно показывая, что разговор окончен.

— Я лучше пойду, — неловко сказала Мария, поднимаясь из-за стола. — Ты позволишь завтра привести детей? Пожалуйста!

— Только не завтра, — попросила Софи. Она явно испытывала облегчение от того, что Мария собралась уходить. — Но ты поцелуй их за меня. И передай, что я люблю их.

— Я всегда так делаю, — сказала Мария. Она не могла себе представить, что же сделал Гордон той ночью, если это было хуже всего, что сестре пришлось пережить раньше.

Мария шла по пирсу в глубокой задумчивости, словно часть ее осталась в тюрьме. Саймон и Фло сидели рядом с Дунканом, а он пристально наблюдал за водой у их ног. Мария посмотрела вниз и увидела, что там полно рыбы. Возле пирса вилась стайка полосатых окуней, рядом плавали черные рыбки, которых они называли «тиграми».

— Мы ничего не поймали, — грустно произнес Саймон.

— Да, мы в пролете, — подтвердил Дункан. Он посмотрел снизу вверх на Марию, пытаясь прочесть ее чувства по глазам. Потом поднялся на ноги и обнял ее. — В бухте полно макрели, но мы не поймали ни одной. Приманки слишком большие.

Они с Марией направились к дому, оставив детей дожидаться клева.

Шагая рядом с Дунканом, Мария внезапно подумала об Альдо. За время их брака он хорошо изучил семью Дарков, в которую вошел еще до свадьбы Софи и рождения их с Гордоном детей. После всех ужасов, жестокости и лжи ничто не могло потрясти ее сильнее, чем рассказ Софи о том, как муж поставил на ней клеймо и она позволила ему сделать это. В голове у нее все перепуталось. Что это было за клеймо? Как Софи вытерпела боль? Она представляла себе все новые подробности и никак не могла рассказать об этом Дункану.

— Что она сказала тебе? — спросил он.

— Она не хочет их видеть, — с отчаянием в голосе ответила Мария. Рука Дункана на ее плече показалась ей чужой. Она высвободилась из его объятий и почувствовала, что не может смотреть ему в глаза.

— Что еще она сказала? — поинтересовался Дункан.

— Я не могу об этом говорить, — ответила она. — Я хочу рассказать, но еще больше хочу сесть с тобой в лодку, уплыть в море и никогда не вспоминать об этом.

— Мы можем сделать это, — сказал Дункан, снова обнимая ее. — Но, по-моему, будет лучше, если ты поговоришь со мной.

Мария посмотрела ему в лицо. От солнца он прищурил глаза; сейчас Дункан напоминал ей настоящего морского капитана.

— Я с тобой говорю, — сказала она.

— Нет. Ты говоришь, что расстроена, но не объясняешь почему. Ты не рассказываешь никаких подробностей. Ты говоришь, что тебе трудно управляться с детьми, но не пытаешься ничего изменить. Ты говоришь, что переживаешь из-за сестры: мол, она была такой хорошей девочкой, а теперь оказалась в тюрьме.

— А что еще мне говорить? — воскликнула Мария. Она смотрела, как рыбацкий кораблик шел по проливу между островами Подзорной трубы и Маленькой раковины, таща за собой корзины для ловли лобстеров, и мечтала о том, чтобы вернуться на раскопки. Как замечательно было бы снова начать работать, прямо сейчас: разметить захоронение на квадраты, тщательно изучить все находки, разгадать эту загадку.

— Начни с детей, — предложил Дункан, глядя ее по волосам. — Расскажи, как тебе тревожно из-за того, что Саймон никогда не улыбается, а Флосси постоянно сосет палец. Что Саймону всего десять, а он отрывает ноги у живых крабов.

— Он это делал? — спросила Мария, и сердце подскочило у нее в груди.

Дункан кивнул:

— Я поймал одного, хотел использовать как наживку, и прежде, чем я его убил, Саймон стал отрывать у него ноги.

— Боже, и этот кошмар, который приснился ему ночью... — сказала Мария.

Они снова сидели в креслах; Дункан протянул руку и коснулся ее пальцев.

— Мария! Я хочу тебе помочь.

В семье Дарков проявлять свои чувства всегда было опасно, они предпочитали скрывать их от окружающих и друг от друга. Сейчас Мария дрожала, не в силах и дальше сдерживать себя.

— Сегодня Софи созналась, что дети видели, как она убила Гордона, — с трудом произнесла Мария. — Фло обнимала ее за колени, когда она стреляла.

— Господи боже мой! — сказал Дункан, снова обнимая ее.

— Они видели все. И если Саймон мучает крабов, то это потому, что он видел, как его отец мучил его мать. Один раз я тоже видела. Как-то вечером я зашла к ним в спальню и увидела Софи с удавкой на шее. А сегодня она сказала... сказала... — Мария не находила в себе сил продолжить, рассказать о том, как Гордон заклеил ее. Она вспомнила, что сначала Софи нравилось, когда ее связывали, и подумала, в какой момент они перешли черту.

— Неудивительно... — произнес Дункан.

— Что неудивительно? Что она его убила? — спросила Мария. — Она любила его! Вот что самое страшное во всей этой истории. Любила даже после всего того, что он с ней сделал.

— И ты не могла помочь ей, — сказал Дункан. В его голосе была такая нежность, что Мария не удержалась.

— Нет, — открылась она и заплакала.

Дункан съездил в город, купил филе макрели, а Мария приготовила ее с сидром — рецепт, которому ее научила одна французенка-археолог на раскопках в Гастингсе. Пусть они не поймали рыбу собственными руками, но по крайней мере видели, как она плавает у причала — так что дети ели с большим удовольствием. Рыбалка утомила их, и они еще засветло улеглись спать, послушав всего одну сказку.

— Ты в порядке? — спросил Дункан. Мария попыталась улыбнуться, он заметил это и

пальцем прикоснулся к ее губам. — Не отвечай, — сказал он. — Я знаю, что нет.

— Нет, — прошептала она.

Он смотрел на нее своими карими глазами, полными тревоги и сочувствия. Она вздрогнула при мысли о том, что никто и никогда не смотрел на нее так. В их семье все любили друг друга — проблема была в том, что они не умели показывать это.

Дункан шагнул к ней; ее глаза были полны слез.

— Я хочу обнять тебя, — сказал он.

— Не могу, — ответила Мария. Она закрыла глаза; в этот момент ей казалось, что жизнь течет слишком быстро. Мир вертелся прямо у нее под ногами. Как другим людям удавалось удержаться и не улететь в космос? На ее ресницах дрожали слезы. Она горевала по всей своей семье, по людям, которых любила. Знала ли она их по-настоящему? Позволила ли им по-настоящему узнать ее? А если не им, то хоть кому-нибудь?

— Столько всего случилось с тех пор, как ты вернулась домой, — произнес Дункан. — Но твоей вины в этом нет.

— Кое в чем я все-таки виновата, — сказала она.

— Например?

— Я не придавала значения многим вещам, — ответила Мария. — А они оказались очень важными. Я не понимала, что делает с нашей семьей стремление все держать в секрете. И я... — Она замолкла, глядя ему в глаза. — Я увела тебя из семьи.

— Это не ты, — ответил Дункан. — Все случилось гораздо раньше.

Сердце Марии заколотилось в груди — ей так хотелось поверить ему. Сейчас, когда она видела, как распадается ее собственная семья, мысль о том, что она разрушила другую, была ей невыносима.

— Мы с тобой похожи, — сказал Дункан. Никогда еще она не слышала, чтобы он говорил так серьезно.

— В чем?

— Мы оба боимся близости с другими людьми. Мой брак тому примером...

— И мой, — прошептала она.

Только сейчас Дункан взял ее за руку.

Мария судорожно сглотнула. Их пальцы переплелись, он повел ее вниз по ступеням. Трава под ее босыми ногами была влажной и прохладной. Листья шелестели у них над головой под порывами ветерка, налетавшего с островов Духов. Дункан стоял так близко, что она ощущала тепло его тела. Мужчина поднял ее руку и приложил к своему сердцу; кончиками пальцев она ощутила его ровное биение.

— Вот какой близости я хочу с тобой, — сказал он.

— И как нам этого достичь?

— Придумаем.

Глядя на него, Мария заметила падающую звезду. Она сверкнула на черном бархате неба, но Мария смотрела только в знакомые глаза. Они были необузданные, полные страсти и желания. Стоя во дворе своего дома, Мария думала о том, что ей пришлось объехать полмира, чтобы найти мужчину, которого она знала всю жизнь. Его сердце нетерпеливо стучало под ее ладонью.

— Как у нас получится то, что никогда не получалось раньше?

— На этот раз друг у друга есть мы, — прошептал он.

И она знала, что это правда.

Они вошли в дом и поднялись по ступеням. Зайдя посмотреть, как там дети, Мария не удержалась и поцеловала каждого в лоб. Они спали так крепко, что даже не пошевелились.

В спальне Дункан уложил ее на кровать.

— Я люблю тебя, Мария, — тихо произнес он.

— А я тебя, Дункан, — прошептала она в ответ.

— Теперь, для разнообразия, кто-то должен позаботиться о тебе, — сказал Дункан, расстегивая пуговицы на ее рубашке. Мария хотела лежать спокойно, но не смогла. Она провела руками по его спине и притянула Дункана к себе. Его лицо, склонившееся над ней, улыбалось, и они поцеловались. Целуя Дункана, Мария думала о том, как здорово они подходят друг другу: он хотел, чтобы она расслабилась и позволила ему позаботиться о ней, а она, не привыкшая к такой заботе, хотела доставить ему наслаждение, — и вот теперь мужчина выгибался и стонал, как будто никто до нее не делал этого с ним.

Хороший археолог, работая на раскопках, не оставляет после себя следов. Хороший археолог пробирается сквозь пыль веков, как вор-домушник: бесшумно, весь в черном, на бархатных лапах. Дункан задремал, а Мария, устроив голову у него на груди, лежала без сна, глядя, как лунный свет серебрится на старых стенах дома, спрашивая себя, не слишком ли поздно оставить прошлое за спиной.

В один из дней, когда Нелл повела Саймона и Фло вместе с Энди на пляж, Мария пригласила мать прокатиться на лодке. По этому случаю Хэлли нарядилась как Кэтрин Хэпберн в «Королеве Африки»: на ней была широкополая соломенная шляпа, перевязанная шифоновым шарфом, поверх легкой рубашки и брюк развевалось нечто вроде халата. Не хватало разве что зонтика от солнца.

— Обожаю кататься на лодке, — сказала Хэлли, усаживаясь на баке. — Надо бы почаще выбираться.

Мария завела мотор и отшвартовалась от пирса. Она знала, что таким образом Хэлли прозрачно намекает на то, что ей давно следовало пригласить мать на прогулку.

— Может, сплаваем к островам Духов?! — крикнула она.

— Только сначала давай пройдем мимо заповедника Лавкрафта — я хотела помахать Джинджер Тэлискер. Она должна быть там, наблюдать за тем, как гнездятся лебеди.

Медленно, почти не оставляя следа на поверхности воды, шлюпка шла по заросшему камышами проливу к заповеднику. У излучины они спугнули серую цаплю, стоявшую на шишковатой ноге: птица взмахнула своими широкими крыльями и медленно полетела прочь. Мария посмотрела вниз: в воде было полно водорослей зостеры. Мотор стучал, делая беседу невозможной. Пара скоп кружилась у них над головами, возле отмели порхали зуйки. На поверхности воды появились небольшие волны. Мария все время думала о Дункане.

Хэлли наморщила нос.

— Давай-ка выбираться отсюда, — крикнула она. — Мне не нравится запах отлива!

У Марии появилось странное ощущение: как будто она взяла на прогулку своего старшего ребенка. Отлив... Хэлли никогда не могла принять природу или смириться с ней.

Заложив петлю, Мария вывела шлюпку с болот и направилась к острову Подзорной трубы.

— Здесь я провожу раскопки, — сказала она, бросая якорь в бухте острова.

— Этой индейской могилы, которую ты нашла? — спросила Хэлли, делая вид, что она страшно заинтересована. — Неудивительно, что эти острова называли островами Духов.

— Не хочешь посмотреть? — спросила Мария, заранее зная, что мать откажется.

— Мне не нравятся кости, — ответила Хэлли. — Может, просто посидим в лодке? Так приятно покачаться на волнах.

Мария оперлась о планширь, глядя на захоронение. Она накрыла могилу полиэтиленовым тентом, но смогла рассмотреть только его уголок.

— Как дела у твоей сестры?

— Софи? Нормально, — сказала Мария.

— Это хорошо, — после долгой паузы произнесла Хэлли.

Но, поскольку она сама подняла эту тему, Мария решила продолжить.

— На самом деле она совсем запуталась. Она не разрешает детям навещать ее, и они в полном отчаянии. Ты ведь понимаешь, в чем тут дело, да?

— Почему ты решила, что я понимаю? — поинтересовалась Хэлли.

— Потому что ты сама не навещаешь Софи. Ты боишься, что это будет «слишком тяжело». Вообще-то, оно так и есть.

— Это очень тяжело? — спросила ее мать. — Тогда почему ты ходишь?

— Одно то, что ты задала мне этот вопрос, означает, что мне не стоит даже пытаться на него ответить, — тихо произнесла Мария. Ей хотелось поскорее положить конец этой прогулке; она начала поднимать якорь. Жизнь с Хэлли была похожа на катание по тонкому льду: все беззаботно скользили до тех пор, пока кто-нибудь не проваливался под воду. Тем хуже для него — Хэлли, с присущей ей элегантностью, спокойно проносила мимо.

— Брось этот канат и скажи мне то, что хочешь сказать, — потребовала Хэлли.

— Я пыталась объяснить это в ту субботу, у тебя на кухне. Софи нуждается в тебе — что может быть проще!

— Я думала об этом, — сказала Хэлли со своим обычным царственным видом, но в следующую минуту он улетучился. Она сгорбилась, закрыв глаза трясущимися пальцами, и разрыдалась.

Может быть, оттого, что они оказались в полном одиночестве, она позволила себе плакать в полный голос, не сдерживая всхлипов.

— Мама? — обратилась к ней Мария, спустя несколько минут. Она стояла рядом с Хэлли, но не касалась ее. — Мама!

Всхлипы стали глуше; чайки, кружившие над островом Маленькой раковины, вторили им, и их крики звучали зловеще. Мать подняла на Марию свои усталые глаза.

— Что я сделала не так? — спросила она.

— Я не знаю, — ответила Мария. Она понимала, что Хэлли нужно прощение, но сама не могла простить ее.

— Ты сводишь меня? — тихим голосом попросила Хэлли. — Повидаться с ней?

— С ней? — спросила Мария. Сердце заколотилось у нее в груди.

— С Софи, — сказала мать.

— Да, — ответила Мария. Вытащила якорь на бак и встала к штурвалу.

— Приветствую, друзья, и добро пожаловать! — воскликнула Софи, увидев Хэлли.

— Здравствуй, дорогая! — отозвалась Хэлли. Казалось, ей пришлось сделать физическое усилие, чтобы не потянуться через тюремный стол обнять Софи, прикоснуться к ее волосам в поисках седины, означавшей, что в заключении дочь начала стареть. — Ты так похудела!

— У нас здесь действует клуб «Весонаблюдателей», — пошутила Софи. — Разумная диета в сочетании с упражнениями.

— Ты правда похудела, — сказала Мария, попытавшись тем самым придать комментариям Хэлли оттенок заботливости.

— Зачем нужны веса, когда есть Мария? — с нежностью спросила Софи. — Я всегда могу рассчитывать на нее, если мне понадобится получить оценку моего рациона.

— С тобой здесь хорошо обращаются? — спросила мать.

— Я в порядке.

— Судя по газетам, ты здесь что-то вроде знаменитости, — заметила Хэлли чуть ли не с гордостью.

— Ну да, громкое дело, — сказала Софи. — Избитая жена, которая решилась защищаться.

Хэлли неодобрительно опустила глаза. В воцарившемся молчании Софи поймала взгляд сестры.

— Как дети? — спросила она.

— Пошли на пляж с Нелл и Энди. Мне нужно кое о чем поговорить с тобой — это

касается Саймона.

— Кажется, ты не хочешь говорить при мне, — уязвленная, сказала Хэлли.

— Нет, мама, останься, — попросила Софи. — Если, конечно, ты не против.

Хэлли поколебалась, словно не могла решить, стоит ей оставаться или нет. Потом устроилась поудобнее на своем стуле.

— На днях Дункан брал их на рыбалку, — начала Мария, бросив испытующий взгляд на мать, которая при звуке его имени нарочито выпрямила спину. — Он сказал, что Саймон отрывал ноги у краба.

— Саймон? — спросила Софи. Кровь отлила у нее от щек. — Отрывал ноги у краба?

— Так сказал Дункан. Это беспокоит меня... — присутствие Хэлли отвлекало Марию, и в то же время она испытывала смутное воодушевление. Ей хотелось, чтобы та получила представление о том, через что приходится проходить им с Софи.

— Он никогда так не делал, — произнесла Софи. — Саймон любит животных. В прошлом году он нашел в саду гусеницу и держал ее в бутылке, пока она не превратилась в кокон, из которого вылупилась бабочка-монарх. Она впервые взлетела у него с пальца.

— Мне не верится, что Саймон мог сделать что-то жестокое, — добавила Хэлли, недвусмысленно ставя под сомнение предложенную Дунканом версию событий.

— Но Дункан говорит, что он это сделал, — сказала Софи.

Мария почувствовала признательность за то, что сестра поддержала ее, хотя бы и в ущерб Саймону.

— На следующий день я спросила его, зачем он отрывал крабу ноги, он ответил, что краб все равно должен был умереть. Дункан собирался использовать его как наживку.

— Это очень плохо, — отозвалась Софи. Теперь ее лицо было совсем бледным. — Ты рассказала об этом доктору Миддлтон?

— Нет, но мы с ней встречаемся во вторник.

— Обязательно скажи ей, — произнесла Софи. Она теребила подол своего лилового платья, казалось, что напряжение в ее душе растет с каждой секундой. — И о кошмарах тоже. О господи...

— Дорогая, оставь свое платье в покое, — беспомощно сказала Хэлли. Софи выпустила из рук подол и с благодарностью улыбнулась матери.

«За что она благодарит ее? — подумала Мария. — За ее внимание? За поддержку?» Было очевидно, что Софи оценила замечание Хэлли.

— Что еще ей сказать? — спросила Мария.

— Решай сама, — ответила Софи, снова натянуто. — Сейчас ты знаешь о них больше, чем я. У меня нет даже права... — В голосе Софи слышалась враждебность.

— Мария очень хорошо заботится о них, — вступила Хэлли. — Тебе не о чем беспокоиться.

— И это должно меня утешить? То, что мои дети во мне не нуждаются? — тихо, угрожающим тоном спросила Софи.

— Конечно же они нуждаются в тебе, — опрометчиво произнесла Хэлли. — Дети всегда нуждаются в своей матери. Никто не любит ребенка больше, чем его мать.

Софи и Мария, подумав о собственном детстве, незаметно обменялись понимающими улыбками.

— Ты читала о концерте? — поинтересовалась Софи.

— О каком концерте? — переспросила Хэлли.

— Здесь будет концерт. Мы ставим его вместе с актерами из «Уайтхолла». Одного ты знаешь — Джеймс Корт.

— Он замечательно играл в той пьесе Мобли прошлым летом, — заметила Хэлли. — «Обыкновенная боль».

— Да, мы с Гордоном видели этот спектакль, — сказала Софи с такой обыденной интонацией, что Мария сразу же перенеслась из тюрьмы, над деревьями, в кухню Хэлли. Она, ее мать и ее сестра могли бы точно так же сидеть за большим дубовым столом и пить чай. — Как бы то ни было, — продолжала Софи, — он помогает нам в постановке концерта. Там будут песни, танцы, карточные фокусы — разные номера.

— Карточные фокусы? — с отвращением в голосе произнесла Хэлли. — Я не совсем уверена насчет этого.

— Это очень хорошие фокусы, — вскипела Софи. — Подожди, увидишь.

— Что ты имеешь в виду? Что значит «подожди, увидишь»? — подозрительным тоном спросила Хэлли.

— Ничего я не имею в виду. Ты приглашена, вот и все. Я приглашаю всю семью.

— Я думала, ты тоже будешь выступать, — сказала Мария.

— О, нет, — ответила Софи. — Я — костюмерша.

— Ты не поешь? — изумилась Хэлли.

Софи наклонилась вперед, уперев локти о стол.

— Если бы я пела, ты бы пришла? — спросила она.

— Я пришла бы, — ответила Мария.

Хэлли пожала плечами. Она посмотрела на роспись на дальней стене, заделанное решетками окно, на собственные руки. Однако неумолимый взгляд Софи преследовал ее. Наконец, она взглянула дочери прямо в глаза.

— Ну, давай, — усмехнулась Софи. — Скажи, ты пришла бы, если бы я пела?

— Думаю, пришла бы, — сказала Хэлли.

Мария забеспокоилась, не хочет ли Софи таким образом дать матери повод гордиться ею.

— Я не верю тебе, — заметила Софи.

— Вы, конечно, сейчас вцепитесь мне в глотку, — произнесла Хэлли, — но, по-моему, есть нечто непристойное в том, чтобы заключенные устраивали концерт. Уж простите, но это так.

— Да что ты? — воскликнула Софи.

— Я не имела в виду тебя, — сказала Хэлли, хлопая себя ладонью по лбу. Неподдельное страдание отразилось на ее лице. — Софи, я не ставлю тебя в один ряд с ними. Каждый вечер я молюсь за тебя.

— Это напоминает мне детство, — отозвалась Софи, стараясь, чтобы ее слова прозвучали легко, — ведь ты никогда не приходила ко мне на концерты. Я имею в виду в школе.

— Никогда не приходила на концерты? — спросила Хэлли. В ее глазах застыло изумленное выражение. — Я всегда ходила. И с нетерпением ждала каждого твоего выступления.

— Нет, — подтвердила Мария. — Ты не ходила. Никогда. Ты говорила, что тебе нужно заботиться о папе. Вместо тебя ходила я и сидела на местах для родителей.

— Ты ошибаешься, — твердо сказала Хэлли. И Мария увидела, что мать действительно

верит в то, о чем говорит.

— Не знаю почему, но вы обе ошибаетесь. Я отлично помню, как гордилась тогда. И номера твои помню — попури из Гершвина, арии Пуччини...

— Наверное, ты слышала, как я репетирую дома, — сказала Софи. — Все в порядке, я тебя не виню. Я только хотела спросить, почему... — Ее голос тоскливо умолк.

Софи слишком легко дала матери сорваться с крючка, но Мария не произнесла ни слова. Она видела страдание в глазах матери, видела, как постыдная правда затмевает ее идиллическое представление о прошлом.

— Моя Софи, — сказала Хэлли. — Никто и никогда не заботился обо мне так, как ты после смерти вашего отца.

— Никто и никогда? Даже твоя мать? — спросила Мария, вспоминая давние рассказы Хэлли. Хэлли и Софи так пристально смотрели друг на друга, что Мария ощутила укол ревности. Софи словно губка впитывала любовь матери, а Хэлли так и источала сочувствие.

— Моя мать меня обожала, — отозвалась Хэлли, — но она постоянно была занята. Люди говорили, что она устраивала лучшие праздники в Новой Англии. И еще она боролась за права женщин.

— Правда? Я этого не знала, — сказала Мария, заинтригованная.

— Да, это так. Она была против того, чтобы женщина сидела дома, занимаясь исключительно детьми и хозяйством. У меня была такая однообразная жизнь. Когда мы поженились, мама полюбила его, а он ее, по той простой причине, что любил меня. То же самое и я чувствовала к Гордону и Альдо, вы это знаете. Я была очень счастлива оттого, что вы нашли тех мужчин, которые вас очень любят.

Мария не осмеливалась взглянуть на сестру, а Хэлли продолжала говорить сдавленным голосом:

— Я казню себя за то, что не видела, что происходит с тобой, Софи. Мне нелегко об этом говорить. Надеюсь, ты не поймешь меня превратно, но я любила Гордона как родного сына. Честное слово.

— Я знаю, — сказала Софи. Краска понемногу возвращалась на ее лицо. Она положила одну руку на горло и не отрываясь смотрела на мать.

— Из-за этого мне в тысячу раз труднее. Я отдала этому мальчику свою любовь, в то время как он... он...

— Я знаю, — повторила Софи, прикоснувшись к руке Хэлли. Во второй раз за этот день Хэлли расплакалась. Разговор о Гордоне был Марии противен, однако она знала, как нелегко Хэлли рассказывать о ее глубоких и противоречивых чувствах. Она взяла мать за вторую руку, и Хэлли пожала ее пальцы.

— Мои девочки, — прошептала Хэлли.

Мария и Софи обменялись слабыми улыбками.

— Итак, — сказала Хэлли, — можем мы ожидать, что услышим в твоём исполнении какую-нибудь из арий Пуччини на этом концерте?

Слегка улыбувшись, Софи покачала головой.

— Я не буду петь, — ответила она. — Я просто хотела знать, пришла ли бы ты, если бы я пела.

— Я бы пришла, — твердо произнесла Хэлли.

Но даже если мать и была уверена в своих словах, Мария сильно сомневалась, что в назначенное время она действительно оказалась бы на концерте.

Часть 3
РЕКА БЕЛЛ

Сидя в приемной доктора Миддлтон, Мария чувствовала, как внутри нее нарастает тревога. На этот раз она надела черный габардиновый костюм, чтобы показать доктору, что она человек аккуратный и ответственный, профессионал, как и сама доктор. Люди, дожидавшиеся приема у других психологов, читали журналы или смотрели в пространство. Здесь не было принято обмениваться улыбками, как в приемных дантистов или семейных врачей. Поднимаясь по ступенькам, Мария слышала шум машин на Саммер-стрит и грохот лодочных моторов в гавани. Но в приемной, где не было окон, этот шум был похож скорее на звуки ветра в аэродинамической трубе или шелест пустого радиоэфира.

— Мария? — произнес чей-то голос. Подняв глаза, Мария увидела врача: сегодня на ней было платье из хлопка с набивным рисунком, волосы, выгоревшие на летнем солнце, придерживал надо лбом черепаховый обруч.

— Здравствуйте, доктор Миддлтон, — сказала Мария. Они пожали руки, и психолог пропустила ее перед собой в свой залитый солнцем кабинет. Они сели в кресла, обитые желтовато-коричневой тканью, лицом друг к другу. Высокие окна выходили на засыпанную щебенкой стоянку, вдалеке была видна корабельная мастерская. На стене висел плакат с фотографией Ричарда Дибенкорна из серии «Оушен-парк». Дощатый пол покрывал пестрый вязаный крючком коврик, по углам стояли корзины с сухими травами и растениями восковницы. Кабинет был уютным и располагал к беседе.

— Моя сестра настояла, чтобы я встретила с вами. Она очень беспокоится за детей, — начала Мария.

В глубине души она ощущала себя лицемеркой, примеряющей роль матери Саймона и Фло, поэтому хотела с самого начала прояснить ситуацию.

— А я думала, что это у вас есть ко мне вопросы, — сказала доктор Миддлтон, немало удивив этим Марию. — Вы хотите меня о чем-нибудь спросить?

— Касательно детей? Да, хочу, — ответила Мария, но внезапно все вопросы улетучились у нее из головы. Последовавшее за этим молчание сперва было удобным, но потом стало ужасно неловким; Мария пожала плечами и подняла брови.

— Давайте тогда я задам вам несколько вопросов, — сказала доктор, нарушив его. — Как дети ведут себя у вас в доме?

— Они находятся в помещении больше, чем я ожидала. Если бы я позволила, Саймон весь день смотрел бы телевизор.

— А что, по-вашему, они должны делать?

— Ну, я не знаю... — сказала Мария, хотя на самом деле знала: дети должны проводить летние дни, играя и резвясь на улице. Внезапно она испугалась, что ответит неправильно. — Думаю, они должны больше времени проводить на пляже. Вообще на воздухе.

— Если дети жили в нестабильной обстановке, — заметила доктор, — они часто боятся покидать дом. Уходя, они не знают, что обнаружат, когда вернутся. В их семьях не было установленных границ, поэтому не было и безопасности.

— Так что же, разрешить им сидеть дома? — спросила Мария.

— Пока что я бы не советовала настаивать на том, чтобы они выходили, — ответила доктор Миддлтон. — Я знаю, что раньше вы не имели дела с детьми и что вам с ними нелегко, — добавила она.

— Я хочу действовать так, как лучше для них.

В кабинете зашумел кондиционер. В окно Мария увидела грузовичок Дункана, направлявшийся к докам.

— Есть ли что-нибудь, что вас особенно беспокоит? — спросила доктор.

— Думаю, вы знаете всю ситуацию, — сказала Мария, имея в виду то, что Софи убила Гордона. Доктор кивнула, и она продолжила: — А вы знаете, что Гордон регулярно избивал Софи или по меньшей мере оскорблял и унижал ее? Не знаю, что входит в ваше определение жестокого обращения...

— Самые разные вещи, в том числе постоянные упреки или недостаток уважения. В этом случае, насколько я знаю, имело место и физическое насилие.

— Фло и Саймон сказали вам об этом? — поинтересовалась Мария.

Несколько секунд доктор Миддлтон молчала.

— Я обещала детям, что никого — даже вас — не буду посвящать в подробности того, что они рассказали мне, поэтому скажу только, что да, они знали о физическом насилии.

— Софи сказала, что они видели, как она убила Гордона, — вырвалось у Марии. Судя по тому, что выражение лица врача не изменилось, эта новость ее не удивила — очевидно, дети рассказали ей и об этом. — Как это может повлиять на них в будущем? Как они смогут расти и жить нормально после всего, что увидели и услышали? На днях Саймон стал отрывать ноги живому крабу. — Мария почувствовала, как слезы навернулись у нее на глаза.

— Дети усваивают основные ценности в раннем детстве — до трех лет — через наблюдения и чувства, а не через слова, — медленно начала доктор. — То, что они видят, вызывает у них чувства, которые они пока не могут выразить словами. Не важно, если вы говорите им, что все будет хорошо или что «папа не хотел этого делать». Чувства говорят им, что все отнюдь не хорошо, а папа постоянно делает то же самое.

— Так что же с ними будет? — спросила Мария уныло.

— Мы должны вместе работать над этим, — ответила доктор Миддлтон. — Им нужно научиться выражать свои чувства словами, а нам — создать для этого безопасную обстановку.

— И что я должна делать?

— Быть с ними терпеливой и не ждать, что они в ближайшее время перестанут нарушать ваш жизненный уклад. Не заставляйте их выходить из дома, если они не могут.

— Саймон сказал, что я его заставляю?

Доктор Миддлтон улыбнулась. На секунду Мария почувствовала негодование от того, что та не хочет выдать ей всю информацию, которая могла бы быть полезной, однако психолог улыбалась по-доброму, безо всякого самодовольства, поэтому Мария улыбнулась в ответ.

— Вы можете мне сказать, как вести себя с ними? — напрямую спросила она. — Может быть, я делаю что-то неправильно?

— Просто делайте то, что в ваших силах. Конечно, вы не замените им мать, но дети должны знать, что вы всегда позаботитесь о них. И не забывайте о собственной жизни.

— Я пытаюсь, — произнесла Мария, подумав о Дункане и раскопках на Подзорной трубе. — Но племянники занимают много времени.

— Это важно, — сказала доктор Миддлтон.

После разговора с доктором Мария направилась в корабельную мастерскую. Она

спрашивала себя, стало ли людям известно об их с Дунканом отношениях. Мария вспомнила, как в детстве подслушала разговор Хэлли и ее подруги Джинджер о миссис Браун, библиотекарше, и отце Пэтти Уайноугрейд. Несмотря на то что с тех пор расставания и разводы стали явлением куда более частым, Мария не питала иллюзий насчет пуританских настроений, царивших в Хатуквити.

Дункан, обнаженный по пояс, стоял за штурвалом рыбацкой лодки, переводя ее из одного дока в другой. Спокойная вода гавани отражала солнечные лучи. Он не сразу заметил ее, и Мария постояла в тени, наблюдая за ним. Она знала, что он будет рад ее видеть, рад поговорить о том, что сказала доктор Миддлтон. Она не могла себе представить, чтобы Альдо сделал перерыв в работе по такому же поводу.

Когда лодка вошла в док, Дункан увидел Марию. Он помахал ей рукой. Наверное, он окликнул ее по имени, потому что двое мужчин, стоявших возле дока, обернулись и посмотрели в ее сторону. Одновременно над планширем показалась чья-то маленькая голова. Дункан спрыгнул с борта лодки и помог маленькому мальчику спуститься вслед за ним. Широким шагом он пошел к Марии; его сыну приходилось почти бежать, чтобы не отстать от него.

— Джеми, это Мария — тетушка Флосси, — сказал Дункан.

— Привет, — отозвалась Мария, подавая Джеми руку. Мальчик заулыбался — скорее в пространство, польщенный тем, что с ним обращаются как со взрослым, а не собственно Марии. У него были глаза Дункана; рыжевато-каштановые волосы отросли и слегка растрепались. Марии хватило первых секунд их знакомства, чтобы заметить разницу между этим ребенком и Саймоном с Фло: Джеми излучал счастье.

— Привет, — сказал он. Сейчас Джеми пристально оглядывал Марию — с головы до пят — очевидно, сравнивая ее со своей матерью; он рассмотрел ее туфли, юбку, пряжку на ремне, волосы, выражение лица, на котором не было макияжа. Закончив, мальчик широко улыбнулся.

— Значит, это твой сын, — сказала Мария Дункану, покраснев.

— Ага, — гордо ответил Дункан, внимательно наблюдавший за этой сценой. Марии показалось, что в этот самый момент он представлял себе их будущие совместные выходные, школьные каникулы, празднования Рождества втроем.

— У тебя есть лодка? — спросил Джеми.

— Да, но она не здесь. Я держу ее около дома.

— Ты купила ее у папы?

— Да, — ответила Мария.

— И сколько она стоила? — спросил Джеми.

Мария, которой с детства внушали, что говорить о деньгах неприлично, посмотрела на Дункана, ожидая, что он сделает замечание сыну. Когда тот промолчал, она пришла в некоторое замешательство и только широко улыбнулась вместо ответа.

— Эй, Дункан! — окликнул его Джим, жестами показывая на лодочный мотор, висевший на тросе подъемника.

— Подождите минутку, — отозвался Дункан, — я сейчас вернусь.

Мария и Джеми посмотрели ему вслед. Через минуту Джеми спросил:

— Хочешь посидеть? Я знаю тут одно место.

— Конечно, — ответила Мария, и мальчик повел ее к перевернутому вверх днищем вельботу. Они сели. Мария подумала, что, когда она встанет, ее черная юбка будет

перепачкана побелкой. Она уже собиралась спросить Джеми о том, что он любит делать летом, однако заметила, что ребенок как будто собирается с мыслями. Краем глаза он поглядывал на Марию, широко улыбался, а затем отводил взгляд. Потом подошел к ней поближе.

— Ну и сколько же тебе лет? — поинтересовалась Мария.

— Шесть, — торжественно произнес он.

Мария хотела узнать, нравится ли ему ходить под парусом, но Джеми заговорил первым.

— Ты знаешь... ну, про развод? — спросил он тоном заговорщика.

— Между... — смущенная, начала Мария.

— Моими мамой и папой, — сказал Джеми. — Они разводятся. — Он выглядел немного обеспокоенным, словно думал, будто, услышав эту новость, Мария встанет и уйдет.

— Да, я знаю, — серьезно сказала Мария.

— Мой дядя тоже развелся, — добавил Джеми. — Многие люди разводятся.

— Честно говоря, и я тоже, — сказала Мария, не вдаваясь в подробности насчет аннулирования брака.

— Некоторые люди очень переживают из-за этого, — заметил Джеми. — А вот я — нет. — По его тону было ясно, что на самом деле все обстояло как раз наоборот.

— Ты хорошо проводишь каникулы? — спросила Мария, чтобы подбодрить мальчика.

— Да, — ответил Джеми.

— Это здорово.

— Ты же тетя Фло Литтлфильд?

— Да, я ее тетя, — сказала Мария, сидя вполоборота к Джеми. — Вы с ней учитесь в одном классе?

— Она приходила ко мне на праздник, — ответил Джеми. — Доктор Кауфман подарил ей и моей двоюродной сестре одинаковые кольца — с большим красным камнем.

Мария вспомнила, что Фло была у доктора Кауфмана в тот день, когда Софи оставила ее в библиотеке.

— Должно быть, они очень красивые, — произнесла Мария.

— Фло сейчас, наверное, очень грустно, — отозвался Джеми. В первый раз Мария почувствовала в его голосе сильную тревогу, которую так часто замечала у самой Фло.

— Да, это так. — Она подождала, пока Джеми продолжит, поскольку не знала, насколько он осведомлен об их ситуации.

— Потому что ее мама в тюрьме, — сказал мальчик. — Она никогда больше не будет дома, с Фло.

— Мы с ее мамой сестры, — сообщила Мария.

— О, тебе должно быть так грустно! — произнес Джеми. Его маленькая ручка скользнула к руке Марии по корпусу лодки, но так и не прикоснулась к ней.

— Иногда мне действительно бывает очень грустно, — призналась Мария. Сейчас, улыбаясь Джеми, она сама погрузилась в фантазию, которая, как ей показалось, до этого завладела Дунканом. Она воображала, как они втроем каждый год украшают рождественскую елку одними и теми же игрушками, представляла Джеми в третьем, потом в шестом классе, в старшей школе, в колледже. Слова «сын» и «приемный сын» крутились у нее в голове. Алисия скрылась из виду, печальная и одинокая. Эта незамысловатая картина будущего на время вытеснила ту, которая стала для Марии более привычной: как она, Саймон и Фло живут своей жизнью, а рядом с ними постоянно витает дух Софи, запертой в

тюреме на другом конце города.

Прошлой ночью я лежала в постели, натянув одеяло до подбородка. Я вспоминала, как в детстве, лежа в кровати, часто ощущала себя так, словно оказалась в плену, провалилась в узкую расщелину между скалами. Я сбрасывала одеяло и старалась дышать глубже, а иногда будила Марию и просила ее забраться на крышу вместе со мной. Прошлой ночью я попыталась сбросить одеяло и почувствовать движение воздуха вокруг меня, но он был кондиционированный, а не свежий, а я была в еще более страшном плену, чем обычно.

Я нахожусь здесь в плену, это правда, но это ничто по сравнению с моим собственным, внутренним пленом. Я сделала то, что сделала, и теперь не могу вернуть все назад. Прошлой ночью мне приснился сон — без картинок, один только его голос. «Я приду за тобой», — сказал он, этот голос в ночи. Я проснулась вся в поту, с этим ощущением, что я снова провалилась в расщелину между скалами.

Вернула бы я его обратно, если бы могла? Это глупые, бесцельные размышления, и все-таки я предаюсь им. Я думаю о том, что все могло быть по-другому. Что, если я не убила бы Гордона, а он просто уехал куда-нибудь? Или умер от сердечного приступа? Тогда мне досталась бы страховка, дом, машины, деньги в банке на образование детей и свобода. Потом я думаю: свобода? Кого я пытаюсь обмануть? У меня была свобода — я могла не доводить до такого, но все-таки довела. В первый же раз, как это случилось, я могла обратиться в полицию. Могла сказать Питеру и Нелл. Просто уйти, захлопнув за собой дверь.

Пару дней назад, когда я рассказывала Марии о том, что Гордон поставил на мне клеймо, я заметила, что она как будто не хочет слышать меня. Не хочет меня знать. Наверное, она представляла себе раскаленное тавро и лассо, и в каком-то смысле все так и было.

Удавка на моей шее была своего рода лассо, но на самом деле это был собачий ошейник, который надевала на него Гвен. Я помню, как говорила Марии, что в тот момент мне не было больно. Это было похоже на карандаш — лезвие бритвы, которым он вырезал свои инициалы на моей коже. Больно стало позднее, много дней это место горело, словно к нему действительно приложили раскаленное тавро, и я не могла сидеть. Мучаясь от боли, я ненавидела себя за то, что позволила мужу сделать это, а сейчас я понимаю, что Гордон оставил на мне свою печать на всю жизнь.

Иногда ночами я лежу без сна, думая о том, могла ли быть счастлива с Джеком. Я имею в виду, если бы мы остались вместе. Порой я задаю себе вопрос, позволила бы я Гордону настолько испортить мою жизнь, если раньше этого не сделал бы Джек. Он любил меня больше, чем кто-либо другой — больше, чем мои родители, брат, может быть, даже больше, чем Мария. А потом внезапно он устал от меня! Все дело было в этом — он встретил другую девушку. Именно так он мне объяснил. Я не надеялась найти еще одну любовь, подобную этой. Мне показалось, что я нашла ее с Гордоном, поэтому я так боялась потерять его.

Он мог заставить меня делать что угодно, если прикидывался обиженным. Так несправедливо обиженным! Как будто я била его, оскорбляла и смеялась над ним одновременно. Каждый раз он заходил немного дальше, пока не прошли все эти годы, и я уже не могла вспомнить, с чего все началось.

Снова и снова. Если я хотела провести Рождество с моей семьей, а не с его, я видела это лицо: лицо грустного маленького мальчика у большого сильного мужчины, и не могла не

уступить ему. Если в субботу я собиралась пойти к «Лорду и Тейлору» с мамой, а не дожидаться, пока он сыграет партию в гольф с Эдом, — снова это лицо. Боже, сейчас оно стоит у меня перед глазами, и я не могу выносить это! А ведь раньше я сразу проникалась сочувствием к нему. Даже когда я понимала, что таким образом он ограждает меня от общения с теми, кого я люблю и кто любит меня: мамой, Марией, Питером, Нелл, даже Саймоном и Фло. Когда я держала Саймона на коленях и что-то напевала ему на ушко, счастливая и гордая от того, что у меня такой замечательный сын, я ловила на себе печальный взгляд Гордона — ведь я отдавала свою любовь Саймону, а не ему.

— Я люблю его, потому что он наш сын, — говорила я вначале. — Часть тебя и часть меня.

Но потом он перестал довольствоваться этим. Он больше мне не верил. Я обнимаю Саймона — значит, я не обнимаю его, Гордона. Я занимаюсь с Фло — значит, я люблю ее, а не его. Возможно, если бы я стояла на своем и повторяла ему, что, когда мы отдаем любовь, ее становится только больше, ничего этого не случилось бы. Как часто я думаю об этом «если бы»! Если бы я не старалась перехитрить его, если бы не говорила ему то, что он хотел услышать! Я ведь могла просто выставить его за дверь.

Возможно, я запомнила этот случай, потому что он был таким драматическим, но мне кажется, что все началось именно с него. Я тогда кормила Саймона грудью. Это было больно — когда он жадно сосал, зажмурил глаза, но мое сердце наполнялось радостью. Мне потребовалось немало времени, чтобы признаться в этом самой себе. Хотя это было так нормально и очевидно. Гордон смотрел на нас, такой ласковый и гордый, и говорил, какая я красивая мать. Потом однажды, когда мы занимались любовью, он стал сосать мою грудь и никак не хотел оторваться от нее. Ни за что не хотел. Я даже испугалась, что у меня не останется молока. С этого момента Гордон перестал считать это нормальным — то, что мне приятно кормить Саймона. Он постоянно находил предлог, чтобы прервать нас: спрашивал, где ключи от машины, или говорил, что занозил ногу и занозу непременно нужно вытащить прямо сейчас. Он не спускал с нас глаз.

— Тебе приятно? — спросил он меня как-то раз и с тех пор постоянно намекал на то, что я ненормальная, если испытываю удовольствие, когда мой сын сосет молоко из моей груди. Да, я действительно испытывала удовольствие и жила с постоянным чувством вины. Наверное, он утвердился в своей мысли, когда я застонала в постели в тот момент, когда сам Гордон делал это.

Муж упрекал меня снова и снова. В книгах говорится, что для блага детей их нужно обязательно кормить грудью. Я держала Саймона на руках, давала ему грудь и думала: это же естественно, так животные кормят своих детенышей. Я вспоминала коров, и лошадей, и собак, и доисторических женщин, у которых не было бутылочек со смесями. Но постепенно мои мысли возвращались к нам: ко мне и моему малышу, Саймону, моей милой крошке.

И вот однажды он не смог больше этого выносить. Я помню, что на мне был бюстгальтер для кормящих и одна из старых рубашек Гордона. Я расстегнула пуговицы, села с Саймоном на крыльцо и стала кормить его — это было последнее кормление перед сном.

В траве пели сверчки, я слышала голоса детей, игравших на берегу речки. Гордон сидел в большом плетеном кресле и смотрел на нас: в его взгляде была злость. Я чувствовала, как мои руки становятся жесткими, превращаются в подобие защитной клетки для Саймона.

— В чем дело? — спросила я наконец. — Что не так?

— Ему пора переходить на смеси, — сказал Гордон. — Ты должна отлучить его от

груди.

Его слова заставили меня рассмеяться; я уж было подумала, что Гордон шутит.

— Ему всего шестнадцать недель, — ответила я.

Кто знает, может, дело было в том, что я рассмеялась, но Гордон вскочил и оторвал ребенка от моей груди. Боже, никогда не забуду эту картину! Мой малыш с раскрытым ртом, словно птенец, и мой муж, обезумевший от ярости. Мне было тяжело дышать; я боялась, что Гордон ударит Саймона о стену.

Но он не сделал этого. Он аккуратно понес Саймона, который теперь начал плакать, к машине, положил на переднее сиденье и уехал. Просто уехал. У меня тогда не было своей машины, иначе я поехала бы за ними. Вместо этого я стояла на подъездной дороге и думала, нужно ли позвонить маме или Питеру. Вскоре они вернулись — прошло, наверное, не больше пятнадцати минут. Саймон больше не плакал, а Гордон улыбался, моля о прощении. Он протянул мне ребенка и обнял нас. Мы долго стояли так, все втроем, и Гордон шептал мне на ухо: «Прости, прости меня». В тот момент я думала, что никогда его не прощу, однако все же простила.

Он протянул мне коричневый бумажный пакет из аптеки, в котором лежала бутылочка и несколько банок детской смеси.

— Пожалуйста, — сказал он. — Сделай это ради меня.

Я не хотела кормить Саймона смесью, но после этого случая я боялась давать ему грудь. Для безопасности Саймона я сделала то, что хотел Гордон.

Возможно, именно тогда мне надо было уйти. У меня были и другие поводы, после этого.

Я могла уйти, когда он перестал возбуждать меня, а начал мучить. Я не должна была позволять ему унижать себя. Я не должна была позволять ему вырезать его инициалы на моей коже. Меня тошнит при одном воспоминании о том, как он сказал, что поставит на мне клеймо, чтобы ни один другой мужчина не прикоснулся ко мне, потому что он слишком сильно меня любит. На самом деле он просто хотел причинить мне боль. Я должна была уйти, но так и не смогла. Мы были семьей: я, Гордон, Саймон и Фло. До последнего момента мы держались друг за друга. И я всегда, кроме разве что самых тяжелых моментов, когда он пытал меня, любила его.

Жаль, что Бесс разозлилась на меня. Я хочу разбудить ее и рассказать эту историю, про то, как отняла Саймона от груди. Она обиделась, потому что я не стала делать вид, будто ее карточные фокусы так уж меня впечатлили. Она мне так их расписала, что я ожидала чего-то грандиозного. На самом деле она даже не умеет толком тасовать колоду. Она знает несколько самых простеньких трюков, например, с тузом пик, который всегда оказывается сверху. Она его показала, и я спросила: «А что дальше?»

— Аплодисменты. Это финал, — сказала она и мрачно посмотрела прямо мне в глаза.

— О! — воскликнула я, жалея о своих словах. Но не могла же я охать и ахать только потому, что Бесс этого хотела. Ведь она всегда говорит, как важна честность, однако у меня складывается ощущение, что она немного лицемерит. Я имею в виду, что она всегда настаивает на том, чтобы я была откровенна с моей матерью и с Марией, и в то же время ждет, чтобы я устроила овацию ее убогим карточным фокусам.

Иногда мне хотелось бы вырваться отсюда. То, что мы с Бесс оказались соседками по воле штата Коннектикут, еще не означает, что мы станем лучшими подругами. Я рада, что меня не поселили с Рондой, или Марлой, или Пегги, но это не значит, что я не могу

рассердиться на Бесс. И еще я немного разочарована в ней. Наверное, все дело в этом: в разочаровании. Но мы все равно подруги. Конечно, да.

Однажды вечером на Скво-Лэндинг задул ветер, холодный, словно в октябре, и Мария решила разжечь в камине огонь.

— Нам нужна растопка, — заметила она.

Вместе с Саймоном и Фло Мария вышла во двор. Дети стали собирать с земли сухие веточки.

— Только не бери сосновые, — предупредил сестру Саймон. — Папа говорит, если жечь сосну, в трубе накопится смола.

— Совершенно верно, — сказала Мария. — Креозот.

— Ненавижу эти таблетки от кашля с хвойным запахом, а ты? — спросила Фло. Она держалась за руку Марии, мешая той собирать хворост. Заходящее солнце окрасило в оранжевые и фиолетовые тона небо на западе и бухту под ним. Набрав достаточно хвороста, они побежали в дом.

Мария сложила смятые газеты, растопку и три полена в камин, облицованный плитняком, думая о том, что эти камни могли быть добыты в верховьях реки. Жившие там индейцы пеко выменивали камень у местных племен на рыбу и моллюсков.

— Можно мы что-нибудь поджарим? — спросил Саймон.

— Что, например? — поинтересовалась Мария, жалея, что не запаслась зефиром, который дети любили жарить над огнем.

— Сосиски! — воскликнула Фло. — На палочках.

— Но ведь мы уже поужинали, — сказала Мария. Казалось, дети были вполне довольны курицей в горчично-медовом соусе, поданной на ужин.

— Но мы все равно хотим поджарить сосиски, — твердил Саймон.

Мария достала из холодильника три сосиски, а он тем временем нашел три веточки нужной длины, очистил от листьев и заострил концы.

Они уселись по-турецки на пол перед огнем. Лампы в комнате были потушены. Все молчали, сосредоточившись на своих сосисках, которые нужно было поджарить до ровного золотисто-коричневого цвета.

— О нет! — воскликнула Фло, когда ее сосиска соскользнула с палочки в огонь.

— Бывает, — сказал Саймон.

— На, возьми мою, — предложила Мария. Она обняла племянницу одной рукой и показала ей, как правильно держать палочку, слегка приподняв кончик. Потом Мария пошла в кухню за еще одной сосиской.

— Концом вверх, всего и делов, — услышала она голос Саймона. Его тон был на удивление добрым и мягким; Мария остановилась в темном дверном проеме между кухней и гостиной, наблюдая за детьми.

Их спины были слегка сгорблены, расслаблены, оба удобно устроились, скрестив ноги, колено Саймона лежало на колене сестры.

— А как определить, когда готово? — спросила Фло.

— Все время крути ее, пока она не станет одного цвета, — ответил Саймон.

— Моя уже черная, — сказала Фло. Однако когда она попыталась поднести сосиску поближе к глазам, чтобы рассмотреть, та снова упала в камин. — О, нет! — опять воскликнула девочка.

На этот раз Саймон засмеялся, и Фло засмеялась вместе с братом. «Неужели они всегда так ведут себя, оставаясь наедине?» — подумала Мария. Когда она вошла в гостиную, неся в руках новую порцию сосисок, дети весело возились на ковре. Саймон держал в руке одну удачно приготовленную сосиску.

— Может, поджарим еще одну парочку? — спросила Мария.

— Конечно, — ответил Саймон, вставая на ноги, по-прежнему с улыбкой на лице. Теперь все трое держали палочки над огнем, а готовые сосиски сдвигали на другой конец и периодически откусывали их.

— О, нет! — вскричала вдруг Мария, глядя, как ее сосиска соскочила с палочки и оказалась в золе. Они расхохотались так, что у Саймона началась икота.

— Уверены, что у вас не болят животы? — спросила Мария, укладывая детей в кровати.

— Нет, было весело, — сказал Саймон.

— Я бы съела еще две, как минимум, — добавила Фло.

— Что вам почитать на ночь? — спросила Мария, пробегая глазами по книжной полке.

— Давайте рассказывать страшные истории, — предложил Саймон.

В Перу Мария слышала несколько местных легенд, но от них волосы вставали дыбом, и они совсем не годились для детских ушей. Она вспомнила истории из собственного детства: про затонувшее каноэ, полуночный костер, ожерелье из могилы, — все эти случаи якобы произошли на островах Духов. Правда, они тоже были достаточно жуткими, и Мария решила не рассказывать их племянникам.

— Я знаю хорошую историю, — сказал Саймон. — Только, Фло, она страшная.

— Ничего, — решительно ответила девочка.

— Ну ладно. — Выключи свет, тетя Мария.

Мария подчинилась.

— Однажды ночью дети пошли в поход, одни, без родителей, — начал Саймон. — Было очень темно, луна не светила, и у них не было с собой фонариков. Они сидели в палатке, кругом была тишина. Они ушли далеко от города, за много миль. В лесу водились дикие звери: волки, лисы и рыси. Это было в том месте, недалеко от Корнуолла, где люди еще видят пантер. Внезапно они услышали чьи-то шаги...

Фло задрожала в предвкушении и теснее прижалась к Марии. Саймон заметил ее движение и был польщен.

— Что же произошло дальше? — спросила Мария.

— Шаги приближались. Хруп-хруп! — продолжал Саймон.

— Там что-то ели? — спросила Фло.

— Нет, просто кто-то шел по траве. Все ближе и ближе. Дети очень испугались. И тут они услышали слова: «Кровавые пальцы... кровавые пальцы...»

— Ужас! — прошептала Фло.

— Голос становился все громче, — рассказывал Саймон. — «Кровавые пальцы! Кровавые пальцы!». Дети решили, что к ним идет чудовище с длинными когтями, с которых капает кровь, потому что оно только что голыми руками убило кого-то.

Мария подумала, не пора ли ей остановить племянника, но Саймон говорил с таким преувеличенно кровожадным восторгом, а Фло так захватил рассказ, что она промолчала.

— Дети сбились в кучу. Они тряслись от страха, а одна девочка даже описалась. Чудовище было уже совсем рядом с их палаткой. Они слышали, как оно бродит по кругу и ищет вход. Теперь оно шептало: «Кровавые пальцы, кровавые пальцы!» Девочка вцепилась в

мальчика. «Сделай что-нибудь!» — сказала она. «Ладно», — сказал мальчик и взял сковородку. — Тут Саймон слез с кровати, схватил книгу и показал, как храбрый мальчик занес сковородку над головой и стал подбираться к чудовищу.

— Он должен был защищать девочку, — драматическим шепотом продолжал Саймон. — Чудовище продолжало говорить: «Кровавые пальцы, кровавые пальцы». Мальчик медленно расстегнул молнию, закрывавшую вход в палатку. «Осторожно!» — прошептала девочка. «Хорошо», — ответил мальчик. Он сделал шаг наружу и прямо перед собой увидел чудовище. Оно было огромное, волосатое, с большими руками и ногами, прямо как снежный человек. Когда оно увидело мальчика, то бросилось к нему, вытянув вперед кровавый палец! Кровь так и текла с него! Мальчик хотел ударить чудовище сковородкой, но оно остановилось перед ним и сказала: «Простите, мистер, у вас не найдется пластыря?»

Саймон закончил историю хитрым голосом Дональда Дака, ужасно польщенный тем, что Мария и Фло обе смеялись и трясли головами от облегчения.

— Отличная история! — воскликнула Мария.

— Чудовище даже не собиралось нападать на них, правда? — спросила Фло. Облегчение в ее голосе мешалось с тревогой.

— Нет, оно просто порезало палец, — ответил Саймон.

— И оно хотело только найти пластырь, а вовсе не убить их, да? — настаивала Фло.

— Ну да, — подтвердил Саймон.

— Хорошо, — сказала Фло. — Классная история. Я рада, что это не настоящая страшная история, с привидениями и покойниками.

— Ну ладно, ребята, — вмешалась Мария. — Пора спать. — Она укрыла обоих одеялами.

— Я хочу рассказать про умершего ребеночка, — произнесла Фло загадочным тоном.

— Это история с привидениями? — спросила Мария.

— Заткнись, Фло! — сказал Саймон.

— Сам заткнись! — ответила Фло.

— Пожалуйста, не начинайте ссориться! У нас был такой хороший вечер! — взмолилась Мария. — Давайте просто скажем «спокойной ночи» и будем смотреть хорошие сны.

— Это была совсем маленькая девочка, — начала Фло, как будто не слышала Марию. — Она была очень красивая, никогда не плакала и не носила подгузники. Она даже никогда не ела и не пила. И даже не родилась.

— Она была волшебная? — поинтересовалась Мария, чтобы поддержать рассказ Фло.

— Конечно, — ответила девочка. — Она пришла к нам необычным путем. Просто появилась, и все.

— Нам нельзя рассказывать об этом, — сказал Саймон, и в его голосе прозвучали прежние угрожающие нотки. — Когда я увижу маму, я скажу ей, что ты все разболтала.

— А мне все равно, — заметила Фло. — Я люблю эту мертвую девочку и хочу рассказать о ней.

— Тогда расскажи, — произнесла Мария.

— Ну, она была как из сказки, — продолжила Фло. — С мягкими крылышками, кудряшками, с маленькими ручками и ножками. Она умела летать.

— Можно подумать, ты говоришь об ангеле, — заметил Саймон.

— Она и есть ангел, — сказала Фло.

— Да о чем вы оба говорите? — спросила Мария. — Разве это история с привидениями?

— Да, только она настоящая, — радостно сказала Фло. — И очень красивая.

— Очень красивая история с привидениями — чушь какая! — фыркнул Саймон.

— А кто была эта мертвая девочка? — спросила Мария.

— Еще одна дочка наших мамы и папы, — ответила Фло. — Она умерла. Ты ничего не знала о ней?

— Но у ваших мамы с папой не было других детей, — сказала Мария. — Только ты с Саймоном.

— Она тоже была! — настаивала Фло. В ее голосе звенело напряжение.

— Фло! — с отчаянием в голосе произнесла Мария.

Фло, взволнованная, помотала головой, зарываясь в подушку. Мария положила руку на ее влажный лоб, погладила девочку по волосам. Постепенно Фло успокоилась.

— Мы ее похоронили, все вместе, — сказала она.

— Детка, не было... — начала Мария, но тут по ее спине пробежала дрожь, как это всегда бывало, когда она слушала страшные истории — словно духи вырвались на свободу.

— Она права, Фло, — сказал Саймон. — Не было никакой дочки.

Мария поцеловала на ночь Фло, потом Саймона. Она сидела в ногах на постели племянницы до тех пор, пока дети ровно не задышали во сне. Потом вышла из комнаты, оставив дверь слегка приоткрытой. И тут она поняла, что Саймон лгал, когда говорил, что никакой дочки не было. Она ощущала ледящее душу присутствие третьего ребенка Литтлфильдов так явственно, словно сама держала его на руках.

Это чувство не покидало Марию несколько дней. Возможно, в попытке убежать от него она отправилась на остров Подзорной трубы. Отогнув полиэтиленовый тент, она обнаружила захоронение в том же состоянии, в каком оставила его в последний раз. Мария начала работать совком и жесткой кистью, фиксируя в дневнике все мелкие кости, амулеты и камешки. Она вспомнила советы Альдо о том, как лучше разгадать эту археологическую загадку, и с жаром взялась за дело. Прибегая к привычным исследовательским процедурам, Мария почувствовала себя далеко от островов Духов и детских страшных историй.

Она составила список предметов, обнаруженных в могиле:

стеатитовая чаша, диаметр четыре дюйма;

резец бобра;

сорок один фрагмент раковин, включая раковины морского гребешка, мидий, литорины и других моллюсков;

сорок шесть бусин из раковин, с просверленными в них симметричными отверстиями, вероятно, составляли ожерелье;

металлический диск;

наконечник для стрелы с зазубринами, длина два дюйма;

один скелет, женский, взрослый.

Не позволяя себе увлекаться самоочевидной версией о том, что индианка была убита стрелой в грудь, и пытаться расследовать причины этого убийства, Мария сосредоточилась на религиозных убеждениях индейцев пеко. Это было своего рода молитвой: она стояла на коленях, кистью сметала пыль с костей и размышляла о Котантовите.

Котантовит был главным богом племени пеко. Легенды гласили, что он живет в доме на вершине горы. На заре времен злые духи вызвали потоп: вышедшие из берегов озера и реки затопили всю землю, за исключением дома Котантовита. Многие птицы и животные

спаслись, найдя прибежище в этом доме, и каждому из них он передал какое-нибудь божественное свойство.

Котантовит осушил землю. Сначала он сделал мужчину и женщину из камня, но они не понравились ему. Тогда он сделал других — из дерева. В дар от него они получили мудрость, храбрость и доброту. Каждый индеец должен был выбрать себе одно животное, птицу или рыбу — из тех, что получили какое-либо божественное свойство от Котантовита, когда спасались у него в доме — в качестве своего личного бога-покровителя, или Маниту. Это существо должно было оберегать индейца в его земной жизни и после смерти.

Невооруженным глазом Мария обследовала металлический диск и каменную чашу в поисках изображения птицы или рыбы — Маниту покойной женщины, который должен был сопровождать ее в трехдневном путешествии к Земле мертвых, где ей предстояло упокоиться на веки вечные.

Если женщина была воровкой, лгуней или убийцей, ей предстояло блуждать по земле, не находя покоя. Вспомнив об этом, Мария, все еще решительная настроенная разгадать загадку этой могилы, почувствовала, как ее охватывает ужас — за индианку, за Софи и за третьего ребенка из страшной истории Фло.

Вернувшись домой, Мария разложила предметы, обнаруженные в могиле, на своем рабочем столе. Наплыв чувств, охвативших ее на острове, миновал, и теперь ей хотелось во что бы то ни стало разобраться, почему эта женщина была похоронена вдалеке от индейского кладбища. Мария наклонилась к столу, взяла лампу на гибкой ножке и отыскивала в одном из ящиков стола свою большую лупу.

Она осмотрела все предметы, обработанные вручную: дырочки во всех бусинах, через которые продевался шнурок, симметричные насечки на наконечнике стрелы, гладкую поверхность каменной чаши. Потом пинцетом взяла металлический диск и стала изучать его. При ближайшем рассмотрении она поняла, что диск был изготовлен из сплава, содержащего золото. Он был овальной формы и напоминал кольцо.

Сердцебиение Марии участилось. Индейцы пеко не знали золота. Если это действительно было ювелирное украшение, его могли приобрести у английских поселенцев. Она покрутила диск в руке, рассматривая его невооруженным глазом. На его поверхности были мелкие царапины.

Направив свет прямо на кольцо, Мария поднесла к нему лупу и подвигала ею взад-вперед, чтобы предмет стал четко виден. Царапины были неглубокие, еле заметные, тем не менее все одной высоты и ширины. Она не была уверена, но они напоминали чьи-то инициалы. Под ее увеличительным стеклом царапины складывались в буквы Ч.С.

Чуть позже Мария позвонила отцу Хоуксу, и он предложил ей приехать. Ей необходимо было поделиться с кем-то своей находкой, которая могла стать удивительным открытием. Рядом с ними на столе лежала книга «Сказки индейцев пеко».

«Что, если это был перстень с монограммой?» — спросила Мария. Она склонилась над отцом Хоуксом, который, сидя за своим столом, рассматривал металлический диск.

— Он ужасно тонкий, — ответил отец Хоукс. — Конечно, в то время в сплавы включали гораздо меньше золота, а никель и медь значительно изнашивались.

Кончиком пинцета он прикоснулся к краям диска, и от него отвалилась зеленовато-черная крошка.

— Это однозначно не монета и не медальон, — сказал он. — Слишком выпуклый.

Мария указала пальцем на две точки, расположенные точно напротив друг друга, где края диска загибались книзу и сильно истончались.

— Думаю, здесь крепился ободок, — заметила она.

— Видимо, вы правы, — через секунду сказал священник.

— А инициалы? Они правда его?

— Мне кажется, что это Ч.С.

В своем воображении Мария немедленно обратилась к легенде об английском поселенце Чарльзе Слокуме, который влюбился в индианку, а ревнивый муж убил и ее и англичанина — до того, как тот смог перенести кладбище со Скво-Лэндинг.

— Я делаю не слишком далекоидущие выводы? — спросила она.

— Некоторые из этих легенд основаны на реальных историях, — ответил отец Хоукс задумчиво. Обрадованная тем, что он не отверг ее предположений, Мария продолжала:

— Что, если Чарльз Слокум видел, как индеец убил свою жену, и потом пришел за ее телом? Он мог увезти ее и похоронить сам — на острове Подзорной трубы.

Отец Хоукс продолжал рассматривать сквозь лупу поверхность золотого диска.

— Это совершенно точно С, а вторая буква может быть С или Ф.

Что, если она права? Зная о том, что индейское кладбище будет перенесено, Слокум мог похоронить свою возлюбленную там, где ее больше не потревожили бы и где он мог навещать могилу в тайне от ее племени. Мария представила, как он отвез тело на острова Духов, выкопал могилу, укутал ее в кожи и меха, положил рядом с ней подарки, в том числе и перстень со своей монограммой, и засыпал землей.

— В индейской легенде, — сказал отец Хоукс, по-птичьему моргая своими зоркими глазами, как будто он устал от пристального взглядывания, — смельчак последовал за духом своей жены на Землю мертвых. Если это не просто выдумки и Чарльз Слокум действительно похоронил свою возлюбленную на Подзорной трубе, ее муж мог последовать за ними, и отсюда родилась эта легенда.

— Если это так, то муж мог убить Слокума на острове и тогда там должна быть еще одна могила.

На этот раз мужчина покачал головой и широко улыбнулся, словно извиняясь за то, что последние полчаса они всерьез обсуждали старинную сказку.

— Нет, Мария. Насчет этого я уверен, потому что Слокум похоронен здесь, на церковном дворе. — Он вышел за дверь, и Мария последовала за ним на тенистое кладбище,

расположенное вдоль северной стены церкви.

Там было всего двадцать могил или около того. Мария шла по заросшей мхом каменной дорожке, читая имена и даты. На многих плитах гравировка почти стерлась. Она нашла имена Брауна, Ханимена, Фоулера. Большинство из них жило в восемнадцатом веке, над датами были изображены крылатые ангелы смерти.

— Чарльз Слокум похоронен здесь, — указал отец Хоукс, останавливаясь у небольшого надгробия толщиной с телефонный справочник. Присев на корточки рядом с ним, Мария смогла различить большинство букв имени «Чарльз», но только «С» и «л» в фамилии «Слокум». Даты были почти неразличимы.

— Вы уверены, что это он? — поинтересовалась она.

— Первое, что мне сказали, когда я стал настоятелем этой церкви, было то, что Чарльз Слокум похоронен на ее дворе. Мы очень гордимся этим — этот англичанин сыграл огромную роль в заселении Хатуквити.

Стоя рядом с могилой, Мария испытывала профессиональное стремление вскрыть ее, откопать гроб англичанина и проверить, не найдется ли стрелы у него в груди и кольца с монограммой на одной из костей, которые когда-то были его пальцами. Она была уверена, что там будет стрела, но не будет кольца.

— Очень романтическая история, не правда ли? — спросил отец Хоукс. — В приходской книге сказано, что Чарльз Слокум умер от лихорадки, но я думаю, что лихорадка — это лишь эвфемизм для чего-то менее подходящего.

— Например, убийства, совершенного мужем его любовницы.

— Совершенно верно.

Они услышали, как кто-то прошел через калитку, и посмотрели туда. Алисия и Джеми Мердок входили на церковный двор, они несли корзинку помидоров.

— Привет, Джонатан, — сказала Алисия. Солнечные лучи, пробивавшиеся сквозь листву деревьев, играли на ее серебристых волосах. Она улыбнулась Марии; в ее взгляде сквозило любопытство. — Джеми захотел принести тебе наших первых помидоров.

Джеми не сразу заметил Марию — его глаза перебежали с одного могильного камня на другой.

— А где самый старый, дядя Джонатан? — спросил он. — Тот, который ты мне показывал в прошлый раз?

— Ты имеешь в виду могилу Сидни Старр? Вот здесь, — ответил отец Хоукс.

— Это самая старая могила, — начал Джеми, восхищенный. Он поднял глаза, чтобы убедиться, что все его слышат. Увидев Марию, он сначала открыл рот, а потом улыбнулся. — Привет, — произнес мальчик.

— Привет, — ответила Мария, чувствуя, как у нее перехватило дыхание от волнения.

— Так вы знакомы? — спросила Алисия, собираясь представиться. — Мы встречались у Оливии Дженкинс?

— Она подруга папы, — весело сказал Джеми.

Лицо Алисии помрачнело, глаза потухли. Она стояла выпрямив спину, прижав руки к бокам. Ее дядя взял у нее корзинку с помидорами.

— Здравствуйте, — отозвалась Мария. Что бы ни говорил Дункан, в этот момент ей стало ясно, что Алисия не считала их брак распавшимся.

— Здравствуйте, — сказала Алисия.

Несколько бесконечно долгих секунд женщины смотрели друг другу в глаза, потом отец

Хоукс похлопал Марию по плечу:

— Давайте я упакую кольцо в какой-нибудь пакет, хорошо?

— Это было бы отлично, — с признательностью произнесла Мария. Они пошли в кабинет священника, оставив Алисию и Джеми во дворе.

— Я очень сожалею насчет... — начала Мария, но отец Хоукс остановил ее, подняв вверх ладонь. Она не поняла, что он имел в виду: что это не имеет значения или что он не хочет об этом говорить. Ее щеки покраснели.

— Ваша теория великолепна, — сказал он. — Я рад, что вы показали мне это кольцо. Может быть, вы расскажете о нем на заседании нашего исторического общества?

— С удовольствием, — ответила Мария. — К тому времени я постараюсь узнать новые подробности.

Она вышла из кабинета через внутреннюю дверь, которая вела в церковь, а не во двор, где жена и сын Дункана ожидали святого отца.

Хэлли не успела привезти детей из «Волшебного порта» к назначенному времени, и от этого Мария, и так встревоженная, почувствовала еще большее беспокойство. Она хотела подумать над своей гипотезой, еще раз изучить все свидетельства, но в пять часов перед ее домом остановилась машина Гвен — в точности как они договорились по телефону на прошлой неделе. Гвен сидела на водительском месте, глядя прямо перед собой, и ждала, когда внуки выйдут к ней.

В городе стояла жара, и, наблюдая за Гвен из окна гостиной, Мария подумала, как тяжело сейчас сидеть в машине. Та остановилась в тени густого клена, открыла все окна и обмахивалась веером, постоянно посматривая на входную дверь. Через десять минут Мария вышла из дома и направилась к машине.

— Саймон и Фло опаздывают. — Может, войдете и подождете их?

Гвен взглянула на часы.

— Я думала, мы договорились на пять часов, — сказала она.

— Да, — ответила Мария. — Но моя мать повезла их в «Волшебный порт»... — В разговоре с кем-нибудь другим она добавила бы «А вы же знаете Хэлли», но только не с Гвен.

— Ладно. Я зайду, — произнесла Гвен, как будто уступая ее настойчивости. Она вышла из машины. На матери Гордона был купальник-бикини, а поверх него кружевное платье в обтяжку. Пока она шла к дому, Мария успела обратить внимание на то, какие у Гвен красивые ноги. Ногти на ногах и на руках у нее были покрыты светлым лаком; она была обута в сандалии без пятки, которые тихонько шлепали при ходьбе. В Милане такая обувь пользовалась большой популярностью, Альдо называл ее «завлекалками».

Войдя в дом, Гвен огляделась, оценив вид из окон, потом повернулась к ним спиной. Затем уселась в кресло-качалку.

— Здесь не слишком одиноко зимой? — спросила она.

— Нет, мне здесь нравится, — ответила Мария. — Наоборот, приходится привыкать к летнему наплыву людей.

— Ты всегда любила такие уединенные места, — сказала Гвен. — Не против, если я закурю?

Мария протянула ей небольшую латунную пепельницу. Гвен взяла ее, покрутила в руках, потом стряхнула пепел. Мария заметила, что у нее руки слегка дрожат, а под глазами

легли круги, замаскированные тональным кремом. Она подумала, что привыкла смотреть на мать Гордона глазами Софи и совсем забыла, что Гвен пришлось пережить. Сейчас она глубоко сочувствовала ей.

— Как вы с Эдом живете? — спросила Мария мягко, но не слишком выдавая нахлынувшие на нее чувства.

Гвен пожала плечами.

— Как-то справляемся, — сказала она. В комнате повисло тяжелое молчание. — Каждый раз ждем, когда увидим внуков, — добавила Гвен.

— Я знаю, что им нравится бывать у вас, — заметила Мария.

— Я так за них беспокоюсь, — произнесла Гвен. — Что им пришлось пережить! Чтобы перестать жалеть себя, мне достаточно подумать о Саймоне и Фло.

— Они ходят к психологу, — сказала Мария.

— А ведь они были такой прекрасной семьей! — В голосе Гвен звучали вопросительные нотки. — Гордон обожал твою сестру. Просто обожал ее.

Мария выпрямила спину; она готова была ответить, но Гвен продолжала:

— Я никогда не забуду, как они встретились. Мы только и слышали от него «Софи, Софи, Софи» — постоянно! Я даже говорила Эду, что не могу больше слышать это имя. В колледже у Гордона была девушка, очень хорошая, такая милая, утонченная. Она была из Виргинии, закончила Брин-Мор. Он с ума по ней сходил. «Женись на ней», — говорила я сыну. Она понимала, что нужно мужчине — это было ясно с самого начала. Она была хорошенькая и нетребовательная, очень застенчивая. Когда она приехала к нам в Слокум, то удивила всех, приготовив роскошный обед из четырех блюд. Мне казалось, что она идеально подходит Гордону.

Но у них ничего не вышло. Когда он встретил твою сестру, я была не слишком довольна. Она была местная, никогда не выезжала за пределы штата, даже колледж закончила здесь. Я думала, что она... с интеллектуальной точки зрения... не была ему ровней, и считала, что они скоро расстанутся. Но бог мой, Гордон просто свихнулся на Софи. Он говорил, что она ужасно умная, готовит как шеф-повар, что Шелли — так звали его предыдущую девушку — ей в подметки не годится. Так что мне пришлось принять ее.

— И вы сделали это искренне? — спросила Мария, удивленная признанием Гвен. Она ждала, что та скажет: «Я с самого начала знала, что она ему не подходит». Мария чувствовала себя предательницей из-за того, что говорила с ней о Софи, но желала, чтобы Гвен закончила.

— Да. Искренне. Она была восхитительна. Эта фарфоровая кожа, за которую любая женщина душу продаст, чудесные волосы, потрясающая фигура. Великолепная женщина! Гордон от нее глаз не мог отвести. Я говорила ему, что в женщине главное это ум, преданность и красота. Именно в таком порядке.

— Да, Софи была именно такой, — согласилась Мария. Ее ум и ее красота — по крайней мере пока она не располнела — не вызывали сомнения. Свою преданность она не расточала понапрасну, но если уж находила объект для нее, то держалась до конца.

— Я рассказала ей, какие блюда Гордон любит больше всего, и Софи освоила их в мгновение ока. Она вообще все схватывала на лету. Кроме того, она была очень изобретательна: могла приготовить обед из остатков продуктов, найденных в холодильнике, и при этом казалось, будто на столе одни деликатесы. — Гвен встряхнула головой и отложила сигарету. — Гордон сделал из нее кумира. Он постоянно восхищался ею. Эд

дразнил его, спрашивал, может он хоть раз нажать предложение не со слов «моя жена». Гордон поставил ее на пьедестал. — Голос Гвен ослаб.

«Он не женился на живой женщине, а нашел себе объект для поклонения», — подумала Мария.

— Должно быть, нелегко было соответствовать... таким ожиданиям, — сказала она.

— Само собой, — фыркнула Гвен. — Само собой. Тебе не кажется это странным? То есть я понимаю, она твоя сестра, но ты не думаешь, что это просто удивительно — ей было трудно жить с человеком, который ее обожал?

— Я бы предпочла, чтобы меня любили, а не обожали, — ответила Мария.

Гвен помахала рукой.

— Не важно. — Несколько секунд она, нахмурившись, смотрела в пространство. — Дело в том, — возбужденно заговорила она, — что Софи испортила Гордону жизнь. Он отдал ей всего себя. Когда-то перед этим мальчиком были открыты все пути. Он мог стать политиком, профессиональным игроком в гольф, заниматься чем угодно. А вместо этого ему пришлось управлять отцовским бизнесом, который и без него шел отлично, и только для того, чтобы прокормить жену и детей. Со временем она страшно распустилась — никогда не видела ничего подобного. Грязные волосы, старая одежда... она выглядела как толстухи-клоунессы в цирке.

— Гвен, он бил ее, — произнесла Мария, едва сдерживаясь. Она готова была взорваться.

— Гордон бил ее? — спросила Гвен с апломбом певицы кабаре, выходящей на сцену.

— Да. Бил. Из-за него она попала в больницу. Он мучил ее, и ему было наплевать, что Саймон и Фло видели это. Он лишил ее уверенности в себе, — добавила Мария, давая выход своему гневу.

— От тебя и всей вашей семьи я становлюсь боль-ной, — сказала Гвен. — Вы всегда ставили себя выше остальных людей. Тебе нужна эта ложь для того, чтобы выгородить сестру, но я не хочу этого слышать. Мне нет до этого дела!

— Однако тебе было дело до Гордона, когда ты закрывала его в подвале с собачьим ошейником на шее! — закричала Мария.

Краска сошла с лица Гвен. Приоткрыв рот, она недоверчиво взглянула на Марию.

— О чем ты говоришь? — спросила она, содрогнувшись.

Мария уже не могла остановиться.

— Ты знаешь, о чем я говорю. Гордон все рассказал Софи. Хочешь знать, в кого ты его превратила? Он избивал мою сестру! Если есть желание поговорить о том, кто из нас больной... — В эту секунду Мария была готова ударить Гвен, но та взвилась со своего кресла.

— Я не собираюсь оставаться здесь и слушать эту чушь, — сказала она и вылетела за дверь.

Мария услышала, как во дворе хлопают дверцы машины. Хэлли, Джулиан и дети подъехали к дому одновременно с Дунканом. Она взглянула на часы: двадцать пять минут шестого. Дункан думал, что дети давно уехали. Мария услышала, как Хэлли завела с ним милую светскую беседу. «Мне кажется, этот белый флагшток, который вы установили рядом с мастерской, очень украсил ее», — говорила мать. И тут она увидела, как Гвен чуть ли не бегом направилась к ним, чтобы забрать детей. Ей не хотелось видеть выражение лица Хэлли, когда дети бросились обнимать Гвен, и Мария отвела глаза.

— Это слишком даже для пляжа, — заметила Хэлли, когда Гвен и дети уехали. —

Ничего себе наряд!

Стараясь дышать глубоко и ровно, Мария направилась к матери и Джулиану.

Она осознавала, что, собираясь поздороваться с ними на улице, пытается избежать приглашения в дом. Ей до смерти хотелось расспросить Хэлли о том, подозревала ли она, что Софи была беременна в третий раз, однако еще сильнее хотелось, чтобы сейчас мать уехала. У Марии не было настроения общаться с ней.

— Как вам понравилось в «Волшебном порту»? — спросила Мария.

— Все прошло отлично, — ответила Хэлли. — Можешь себе представить, они ни разу не были на борту китобойного корабля, который там стоит. Саймон был от него в восторге. Он хочет стать капитаном китобоя, когда вырастет.

— Вообще-то он этого не говорил, — хихикнул Джулиан. — Насколько я помню, это ты сказала, что он мог бы стать отличным капитаном китобоя.

Мария улыбнулась храбрости Джулиана, с которой он оспорил предложенную Хэлли версию событий.

— На прошлой неделе, возвращаясь с рыбалки у Рейса, Джим видел малого полосатика, — произнес Дункан.

— Кит в проливе Лонг-Айленда? — удивился Джулиан.

— Когда я была маленькая, в проливе их было полно, — сказала Хэлли. — И китов и дельфинов. Целые стаи — так говорят о китах?

— По-моему, у них не стаи, а стада, — заметил Дункан.

— Спасибо, дорогой. Кстати, как поживает твоя мать?

— Хорошо, спасибо.

— Скажи мне вот что, — понизив голос, обратилась Хэлли к Марии. — Она говорила с тобой о Софи?

— Да, и довольно долго.

— Я в этом не сомневалась. Она наверняка настроена против этого тюремного концерта.

— Она о нем даже не упомянула, — ответила Мария, чувствуя, как выходит из себя. — А почему ты вспомнила об этом?

— Я уверена, что по ее мнению, это скандал — заключенные, разыгрывающие концерт, — сказала Хэлли высокомерно.

— Она ни слова не сказала о концерте. По-моему, это ты считаешь концерт скандалом.

— Если он пойдет Софи на пользу, я буду только рада, — произнесла Хэлли.

Оставшись наедине с Дунканом, Мария устроилась на диване, положив голову ему на колени и глядя в потолок. Она пыталась успокоиться; ее сердце все еще учащенно билось после ссоры с Гвен.

— Алисия звонила мне, — сообщил Дункан.

— Она сказала, что мы с ней встретились?

— Да.

— Это тебя расстроило?

Он заколебался; Мария поднялась и посмотрела ему в глаза. Лицо Дункана стало таким грустным, что у нее защемило сердце.

— Что с тобой? — спросила она.

— Это нелегко.

— Что именно? Я думала, что мы с тобой стали ближе друг другу, что мы...

— Это так, — сказал он. — Ни с кем еще я не был так близок. Но это все равно нелегко. Мы были женаты долгое время, Мария.

— Я знаю, — кивнула она, коснувшись его руки. — То, что ты не хочешь больше жить с ней в браке, не означает, что тебе наплевать на ее чувства. И по-моему...

— Что?

— Она до сих пор любит тебя.

— Это расставание дается ей труднее, чем мне. Она осталась в доме, где мы жили вместе, где стоит наша мебель, и все напоминает ей о тех далеких временах, когда мы были счастливы. Я не хотел говорить тебе, но она позвонила, чтобы спросить, не можем ли мы все исправить.

— В самом деле? — Внезапно Марии стало холодно, ее охватил страх. — И что ты ответил?

— Когда она это сказала, я спросил, что, по ее мнению, мы делали последние пять лет. Даже больше. Не знаю, когда все это началось. Внезапно я заметил, что мы больше не уделяем внимания друг другу — совсем. Поначалу это было даже неплохо. У меня была мастерская, у нее — ее подруги. Потом появился Джеми. Я приходил домой поздно, в это время она болтала по телефону. Алисия ужинала с Джеми, поэтому я разогревал то, что осталось, и ел на кухне, пока она занималась... другими делами.

— Но вы еще любили друг друга?

— Я не помню — если и да, то недолго. Мы жили в одном доме, и это все. Мы даже не прикасались друг к другу. Иногда мне хотелось заняться любовью, и она уступала. — Он затих, погрузившись в воспоминания. — Но потом я понял, что мне просто нужен секс. Это не имело отношения к Алисии. Она не хотела меня, а я не хотел ее. Это было так удручающе...

— А ты хотел бы изменить это, если бы мог? Вернуться на пять лет назад и все исправить?

Дункан взял Марию за руку, положил руку себе на колено и ласково погладил.

— Но я не могу. Я ведь встретил тебя.

— А если забыть об этом? — настаивала Мария, вспоминая опустошенное выражение на лице Алисии. — Если бы ты мог вернуться в то время, когда вы любили друг друга, ты сделал бы это?

— Но я не собираюсь забывать об этом, — сказал Дункан. — Я не могу притвориться, что последних пяти лет не было, и не могу забыть о том, что полюбил тебя.

— Но я видела ее лицо... — произнесла Мария. — Она все еще любит тебя.

— Нет, не любит. Она просто тоскует по тому, что было между нами много лет назад.

Мария кивнула — она понимала, что он имеет в виду.

— Мы справимся с этим, — сказал Дункан. — Я тебе обещаю.

Мария положила голову ему на плечо, пальцем провела по мозолистой ладони. Она знала, что легких ответов не бывает, но в ее душе царили мир и покой от того, что она сидела рядом с мужчиной, которого любит. Глядя на руки, она вспомнила о золотом кольце.

Тогда, сидя на диване в своем доме на Скво-Лэндинг, Мария рассказала Дункану историю индианки, которая была убита за то, что полюбила англичанина, и этот англичанин похоронил ее, положив свой золотой перстень в могилу, на одном из островов в море.

— Куда ты едешь? — спросил Саймон Марию. Она посмотрела на мальчика, удивленная его вопросом. Вчера вечером она сказала ему, что поедет навестить Софи.

— Повидаться с твоей мамой, — ответила Мария.

— А кто останется с нами? — спросила Фло.

— Я же говорила вчера, приедут Дункан и Джеми. Вы не против?

— Они мне нравятся. Они хорошие, — заметила Фло. Потом она подошла к входной двери и, поглаживая пальцами защитную сетку, стала дожидаться Мердоков.

Саймона их приезд заинтересовал гораздо меньше. Убедившись, что Фло поглощена ожиданием, он протянул Марии конверт. Мария прочитала адрес:

Миссис Софи Д. Литтлфильд

Тюрьма Хатуквити,

Хатуквити, Коннектикут

— Ты написал маме письмо? — поинтересовалась Мария.

Племянник кивнул. Он поднял глаза, но старался не встречаться с ней взглядом.

— Отличная мысль, Саймон. Но тебя что-то тревожит, верно?

— Как ты думаешь, она прочтет его? — спросил мальчик.

— Конечно, прочтет. Почему ты решил, что нет?

— Если она не хочет видеть меня, с какой стати ей читать мое письмо?

— Я уверена, что она его прочтет, — сказала Мария, хотя логика Саймона не показалась ей столь уж ошибочной.

Софи, улыбаясь вошла в комнату для свиданий.

— Рада тебя видеть, — промолвила она.

— А я тебя, — сказала Мария. — Здесь так хорошо, прохладно — на улице просто пекло. — Ей предстояло обсудить с сестрой несколько очень сложных моментов; она предпочла начать с беззаботной болтовни.

— Кондиционеры здесь работают постоянно, — заметила Софи. — У меня от них пересыхает горло. Только и думаю о том, как бы выбраться отсюда. — Улыбка сошла с ее лица. — Это первое лето, в которое я не побываю на пляже Хатуквити-Бич.

Мария, которая этим летом побывала на Хатуквити-бич впервые за девять лет, неожиданно увидела перспективу, ожидавшую Софи, в безжалостном свете реальности.

— Пройдут годы, прежде чем я снова попаду туда, — произнесла Софи.

— Мы этого не знаем.

— Стив сказал, что прокурор предложил ему план. Если я признаю себя виновной в непредумышленном убийстве, меня выпустят на поруки через шесть лет.

— Шесть лет? — спросила Мария, подсчитывая в уме, сколько лет будет Саймону и Фло. Фло станет вдвое старше, ей исполнится двенадцать, Саймону будет шестнадцать. — Почему ты должна соглашаться на это?

— Все дело в пистолете, — продолжала Софи. — Они не уверены, что он принадлежал Гордону. Ты ведь понимаешь, о чем я говорю?

— Стэмфорд? — спросила Мария. Софи кивнула. Мария взяла сестру за руку. Другой рукой она нащупала в кармане письмо Саймона и положила его на стол.

— О, дорогой! — воскликнула Софи. Она погладила конверт, потом поднесла его к

лицу и глубоко вдохнула, словно внутри конверта был сам Саймон и она пыталась уловить его запах.

Мария отодвинула свой стул от стола и стала смотреть в окно, чтобы оставить Софи наедине с письмом. За аллеей была видна гавань Хатуквити. Железнодорожный мост развели, под ним проходил нарядный пароход «Синее море IV», на котором туристов возили на рыбалку.

Время от времени она бросала взгляд на сестру, одновременно испытывая чувство вины из-за того, что подглядывает. Хотя лицо Софи оставалось бесстрастным, ее рот слегка приоткрылся, а по щекам текли слезы. Мария отвернулась.

Софи несколько раз всхлипнула. Ее глаза покраснели и выглядели усталыми.

— Я должна увидеться с ними, — сказала она.

— Об этом он написал тебе? — спросила Мария. — Он просит разрешения навестить тебя?

— Нет, — ответила Софи. — Он только хотел сказать, что отлично проводит каникулы, ходит на рыбалку с Питером и Дунканом, а ты устраиваешь для них пикники. Это все, о чем он пишет. Ну и еще он надеется, что я не слишком беспокоюсь о нем и о Фло. — Слезы снова полились у нее по щекам. Софи опустила голову на пластиковую столешницу и разрыдалась. — Представляешь! — повторяла она. — Не слишком беспокоюсь о них!

— Ты хочешь их увидеть? — спросила Мария.

Софи втянула носом воздух, сжимая голову руками, потом подняла глаза:

— Я всегда хотела увидеть их, Мария.

— Но сейчас ты сделаешь это?

Софи не ответила, и она попыталась представить, о чем думает ее сестра. Возможно, раньше она надеялась — точнее, рассчитывала — на скорое освобождение: через несколько недель, может быть, месяц. Она заставляла себя ждать и не видеться с детьми. Она могла вытерпеть это, лишь бы они не увидели ее в тюрьме. Но сейчас, когда перед ней стояла реальная перспектива провести здесь шесть лет, страстное желание повидать детей должно было вырваться наружу.

— Шесть лет, — сказала Софи, качая головой. Потом выражение ее лица изменилось. — Я не говорю, что не заслужила этого.

— Но это же пока не решено, — заметила Мария. Оптимистические нотки в ее голосе ей самой показались фальшивыми.

— Угу, — произнесла Софи.

Мария смотрела, как Софи хмурится, постукивая пальцами по столу.

— Это все, о чем написал тебе Саймон? — спросила она через несколько минут.

— В общем, да. А что? Что-то случилось? — встревожилась Софи.

— Прошлым вечером мы рассказывали страшные истории, — ровным тоном начала Мария. — Фло рассказала историю про мертвого ребенка. Саймон очень разозлился и сказал, что им нельзя об этом говорить, что он пожалуется тебе на нее за то, что она все разболтала.

Кровь отлила от лица Софи, и без того бледного.

— В письме он не упомянул об этом.

— Ты знаешь, о чем говорила Фло? — спросила Мария, чувствуя себя как на иголках.

— Она говорила о моем ребенке, — ответила Софи.

Мария сидела очень прямо, глядя, как судороги искажают лицо ее сестры. Она

чувствовала себя беспомощной, словно находилась рядом со своим другом на похоронах человека, которого тот любил больше всего на свете.

— Я не знала, что у тебя был еще один ребенок, — сказала Мария.

— Никто не знал, что я была беременна. Так захотел Гордон. Он сказал, мы должны держать это в секрете, что это священная тайна для нашей семьи, о которой будем знать только мы — до самой последней минуты. То же самое было с Саймоном и Фло.

Это была правда: Мария вспомнила, как глубоко была уязвлена, когда узнала от Софи о ее первой беременности. Альдо даже обвинил ее в собственнических замашках старшей сестры, когда она рассердилась на сестру за то, что та несколько месяцев скрывала это эпохальное известие.

— Но как вам удалось скрыть это от всей семьи?

— Я все равно поправилась, — объяснила Софи. — Они, наверное, думали, что я продолжаю набирать вес...

— Софи, и когда?..

— Прошлой осенью, — ответила Софи. — В одни из выходных. Разноцветная листва была такой красивой, и мы планировали свозить детей посмотреть на листопад. Мы забронировали номера в гостинице, на Могавк-трейл.

— У реки? — спросила Мария. Хэлли и Малькольм однажды возили их в Беркшир посмотреть на золотую осень, и они останавливались в красивом белоснежном отеле с высокими колоннами. Он стоял над рекой, в зеленых водах которой отражалась красная, желтая и оранжевая листва царственных кленов. Много лет Мария не вспоминала об этой поездке. — Так это произошло там?

— Мы никуда не поехали, — продолжила Софи. — Я за что-то рассердилась на детей, и у нас с Гордоном произошла стычка.

— Ребенок родился? — поинтересовалась Мария, не понимая, как все же им удалось держать в неведении всю семью.

— Я носила ее всего шесть месяцев, — сказала Софи. — Она должна была родиться на Рождество. Помнишь, когда ты решила снять этот дом на Скво-Лэндинг, я сказала тебе, что у меня был выкидыш?

— Ах, Софи, — произнесла Мария, потрясенная. — Так это была правда! — Сейчас она знала, что сестра не стала бы лгать в вопросах, подобных этому; вспоминая, как она разозлилась на Софи, когда Гордон сказал, что не знает, о чем Мария говорит, она почувствовала глубокое раскаяние.

— Да, это была правда, — сказала Софи.

— Как это случилось?

— Гордон толкнул меня, я ударилась о стену, и у меня начались схватки, — ответила Софи.

— В шесть месяцев? — не сдержалась Мария. Во рту, носу, даже в легких она ощутила кислый привкус — ее наполнял ужас. — Что сказал доктор Солтер?

— Доктор Солтер ничего не знал. Гордон сам помог мне родить ребенка.

— Софи, нет! — воскликнула Мария. Глядя на сестру, она поняла, что та переживает все заново. Руки Софи дрожали; казалось, будто она перенеслась на несколько месяцев назад, из тюрьмы в свой дом. Мария думала, какую боль ей пришлось пережить, как мог Гордон помочь ей родить, как Софи допустила все это. Но прежде всего она думала о словах, сказанных Софи за несколько месяцев до этого момента, о том, что выкидыш — это те же

самые роды.

— Все произошло в нашей спальне, — произнесла Софи словно во сне. — На нашей кровати. Я почувствовала, что ребенок сейчас выйдет, и мне захотелось умереть.

— Софи, нет...

— Да, Мария, умереть...

— Почему ты никому не позвонила? — спросила Мария. — Питеру? Или полицейским?

Казалось, Софи медленно возвращается в реальность. Долгим, пристальным взглядом она посмотрела в лицо сестре. Потом ее глаза потухли.

— Это было больно, почти так же больно, как с Саймоном и Фло. Понимаешь, это были настоящие роды. Сначала схватки, потом потуги — и ребенок выходит наружу. Но страшнее всего было знать, что этого ребенка я потеряю. Я помнила об этом все время. — Софи остановилась. — Она родилась живой.

— Живой? — повторила Мария.

Софи кивнула.

— Гордон положил девочку мне на живот, и она лежала там, пока не перестала дышать. Ты не можешь себе представить, какая она была крошечная. Она и на ребенка-то была мало похожа. Потом он взял ее и завернул в крестильное платице Фло. Он плакал...

— Он раскаивался?

— Не знаю, — безликим голосом ответила Софи. — Просто плакал. На следующий день мы сказали детям, что я потеряла ребенка, и все вместе пошли к речке. Он позволил мне выбрать место, где мы ее похороним.

— Но разве доктор не предложил вам похоронить ее на кладбище? — спросила Мария. — Ведь это же незаконно!

— Доктор не знал, что я была беременна. Я справлялась сама. Мы ему так и не сказали. Мы окрестили девочку в речке и выкопали яму, в которой похоронили ее.

— Она до сих пор там? — спросила Мария. Эта сцена стояла у нее перед глазами: Гордон бьет Софи о стену, ассистирует при родах, ведет траурную процессию из членов своей семьи к реке. — Вы похоронили ее на берегу Белл?

— Под маленькой статуей ангела, — ответила Софи. — Мы поставили ее там, чтобы пометить могилу.

Мария почувствовала, что углубилась внутрь замкнутого мирка Литтлфильдов. Ей казалось, что она опутана паутиной; невольно Мария заерзала на своем стуле.

— Как ты допустила это? — спросила она, силясь выпутаться из сетей. — Почему ты разрешила ему сделать все это с тобой?

Но Софи уже погрузилась в свои мысли. Не глядя в глаза Марии, она встала и направилась к двери.

— Софи! Ты повидаешься с Саймоном и Фло? — окликнула ее Мария. — Позволишь им навестить тебя?

— Ты считаешь, что им от этого станет лучше? — спросила Софи, оборачиваясь. — Даже Хэлли хорошая мать по сравнению со мной. И смотри, как я к ней отношусь! Я ненавижу ее, клянусь, ненавижу! А если я ненавижу ее, то как, по-твоему, мои дети будут относиться ко мне?

— Пусть они сами решают, как им относиться к тебе, — резко сказала Мария. — Сделай это хотя бы ради них.

Софи прислонилась к двери, словно обдумывая слова сестры.

— Ладно, — произнесла она, — приведи их, — и вышла из комнаты.

Мария сидела за столом до тех пор, пока надзирательница не похлопала ее по плечу и не сказала, что ей пора уходить.

Впервые за время, прошедшее с той ночи, когда был убит Гордон, Мария оказалась возле дома Литтлфильдов. Повсюду были следы присутствия полиции: на дверях висело судебное уведомление, на дорожке валялась оранжевая пластиковая лента, которая когда-то перегораживала подъезд к дому, и пакет из Макдоналдса. Марии показалось, что она увидела даже меловые контуры тела Гордона. Тигровые лилии были в полном цвету. Клумбы с многолетниками, любовно посаженными Софи, заросли травой, газон нуждался в стрижке.

Несколько минут Мария сидела в машине, подмечая детали семейного быта: два кухонных полотенца, висевших на веревке, открытое окно гостиной, красный велосипед Саймона, прислоненный к дверям гаража. Потом она заставила себя выйти из машины. Не глядя на дом, по высокой траве она зашагала к речке.

В день, когда она получила письмо от матери, в котором говорилось, что Софи и Гордон купили этот дом, Мария позавидовала сестре. Тем летом она жила в Лондоне одна, без Альдо, читала цикл лекций в Британском музее. Из всех мест, где ей приходилось жить, Лондон меньше всего вызывал в ней ностальгию, однако она помнила тот внезапный острый укол ревности, который испытала, узнав, что Софи поселится на берегу Белл.

Когда Альдо приехал на следующие выходные из Эдинбурга, где тоже читал лекции, Мария рассказала ему об этом. Он был изумлен.

— Она собирается жить в двух шагах от дома вашей матери? — скептически спросил он. — Бедняга Гордон!

— А что тут такого? — поинтересовалась Мария. — Софи любит реку Белл.

— Но так близко к материнскому дому! — воскликнул Альдо.

Именно тогда их противостояние, касавшееся того, где им жить, достигло апогея: Мария объявила, что ей все равно, где это будет, лишь бы у них появилось постоянное жилье. Она хотела иметь собственный дом или квартиру, садик или террасу, где могла бы посадить цветы и овощи, и главное, адрес, который можно было выгравировать на почтовой бумаге. За время своей семейной жизни она выкинула кучу такой бумаги, потому что указанные на ней адреса постоянно изменялись и отходили в прошлое.

— По крайней мере у нее есть собственное гнездо, — сказала Мария. — Собственная земля.

— Ты меня удивляешь, Мария, — сказал Альдо. В его голосе сквозило разочарование. — Ты из тех людей, которые не понимают тщетности обладания чем-либо. Пускай ты купишь какой-нибудь клочок земли, но сколько ты будешь им владеть? Двадцать лет? Пятьдесят? А ведь до тебя на нем жили сотни других людей — вспомни, например, Рим.

— Лучше бы ты сразу сказал «прах к праху», — возмутилась Мария, задетая словами мужа.

Ей всегда казалось, что Альдо просто оправдывает собственную скупость, применяя этакий археологический нигилизм к вопросам недвижимости, однако сейчас, шагая по опустевшим владениям Литтлфильдов, она поняла его пессимистический настрой. Она была почти уверена, что никто из ее близких больше не будет жить здесь. Дом будет продан, а деньги положены в банк, на счета Саймона и Фло. Пусть не сейчас, но когда-нибудь тот

факт, что в доме произошло убийство, прибавит ему ценности в глазах покупателей. Подумать только — дом с привидениями!

Мария пересекла лужайку и теперь шагала по земле, которую Софи с Гордоном всегда оставляли нетронутой. Ромашки, астры, чертополох, анютины глазки и ястребинка росли среди желтоватой травы. Хотя дорожки как таковой не было, в этом направлении ходили не раз, и путь просматривался достаточно отчетливо.

Марии показалось, что она слышит чей-то голос. Она подняла глаза — ветер шевелил верхушки сосен, издавая звук, похожий на шепот.

Она подошла к берегу Белл. В северном направлении его покрывала плотная растительность, поэтому она пошла на юг, в сторону дома матери. Она не знала, где заканчивается участок Литтлфильдов и начинаются земли их соседей. В тени земля была мягкой и влажной. Идя вдоль речки, Мария внезапно поняла, что ищет могилу малышки.

Она зашла гораздо дальше, чем собиралась, но так и не наткнулась на нее. Наверняка она уже пересекла границу владений Литтлфильдов, а может, и их соседей тоже. За излучиной реки начинались земли Хэлли. Мария уже собиралась повернуть обратно, когда увидела каменного ангела.

Он был немного поврежден — откололось одно крыло и часть носа. Ангел стоял на небольшом холмике, заросшем восковницей. Несмотря на относительную новизну статуи, трещины в камне уже заросли мхом. У него были вьющиеся волосы и грустная улыбка; Мария подумала, что более очаровательного ангела не видела ни в одной церкви мира. В высоту он был не больше двенадцати дюймов.

Слегка потеряв ориентацию, Мария огляделась по сторонам. Софи сказала, что Гордон разрешил ей выбрать место для могилы, но почему здесь? Это была не их территория, может быть, Хэлли, но все же? И вдруг она догадалась: каменное сердце Софи находилось рядом, за поворотом реки. Она подошла к нему, расчистила носком туфли, потом вернулась к ангелу.

Мария встала на колени, прямо на мокрую землю, чтобы прочесть молитву, и, когда молилась, увидела, что на камне выбито имя: ХЭТАУЭЙ ДАРК ЛИТТЛФИЛЬД.

Мария вспомнила гордость, звучавшую в голосе матери, когда та рассказывала, что Софи собиралась назвать своего неродившегося ребенка Хэтауэй, в ее честь. Раздвигая закрывавшие ангела ветки, Мария почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Она думала о том, как сестра хранила в себе эту тайну, выдавая ее по капле, когда ей становилось совсем тяжело. Как она рассказывала немного Хэлли, немного Нелл, немного Марии, а потом забирала свои слова назад, утверждая, что это была ложь.

Она вспоминала времена, когда они с Софи были еще маленькими и каждый день ходили играть к речке. Разве могли они тогда знать, что однажды Софи похоронит свою дочку на ее берегах?

При мысли о девочке, которую она никогда не узнает, которая никогда не будет играть со своей сестрой и братом, слезы полились у нее по щекам. Сжимая в руках ветви восковницы, Мария оплакивала дочь Софи, а еще то, что та хотела назвать ее Хэтауэй, в честь матери, которую по ее собственным словам, она ненавидела.

Теперь Мария знает самое страшное. Так странно, что я с кем-то поделилась этим. Когда я рассказывала ей, то сама чувствовала себя словно ангел — я как будто парила у нас над головами. Я следила за своими интонациями, за реакцией Марии. Я знала, что она думает: «Как ты могла допустить это? Почему ты не заставила его отвезти тебя в больницу?» Она никак не могла в это поверить. Да и кто бы смог?

Мария, может, тебя немного утешит, если ты будешь знать, что я рада случившемуся. Я нахожу утешение в том, что этот ребенок покоится в мире. Моя дочка похоронена на берегу Белл, там, где начинаются земли нашей матери. Она умерла у меня на руках, моя девочка. Она единственная в нашей семье, кто знает, что такое покой. Саймону и Фло уже не узнать этого. А что касается меня и Гордона...

В то утро, когда мы укладывали вещи и собирались уезжать, меня сильно тошнило. У меня было плохое предчувствие насчет долгого пути на машине, который нам предстоял. Я сказала Саймону, чтобы он перестал бездельничать и собирался, в общем, накричала на него. Гордон ударил меня о стену, так сильно, как никогда раньше. Я открыла рот от удивления — за время моей беременности он ни разу не бил меня. Но он только произнес, чтобы я оставила Саймона в покое.

Несколько минут спустя, когда мы садились в машину, у меня начались схватки. Я сообщила об этом Гордону.

— Ну что, дети, ваша мама не хочет ехать, — сказал Гордон. Он заявил, что я нарочно испортила путешествие еще до его начала, а потом, без всяких объяснений, повел машину к дому Гвен. Саймон начал протестовать, защищал меня, просил отца дать мне еще один шанс. Гордон сидел молча. Я думала: «Боже, дай мне дотерпеть, пока мы не высадим детей, чтобы они не видели всего этого».

К этому моменту схватки шли регулярно, и я не хотела, чтобы они узнали, как мне больно. Мне нужно было скорее добраться до постели.

Пока Гордон вез меня домой, у меня в мозгу всплывали все те страшные вещи, которые он делал со мной. Побои, унижения, угрозы. Потом я почувствовала, как из меня потекло что-то теплое. Я подняла юбку, чтобы убедиться, что это не кровь, но это отошли воды.

— Отвези меня в больницу, — попросила я.

— Я везу тебя домой, — сказал Гордон.

Я начала плакать, потому что поняла, что теряю ребенка. Дубы и клены на берегу были такие яркие, что я невольно задалась вопросом, почему мы решили непременно поехать на север, чтобы посмотреть на листопад. Я упрекала себя за то, что задумала это путешествие, что убедила Гордона остановиться в том же отеле, где мы останавливались в детстве. Он с самого начала хотел сорвать поездку.

Муж вел машину, стиснув зубы. Иногда он смотрел на меня. Сначала я подумала, что он чувствует себя виноватым, ведь из-за него у меня начались преждевременные роды. Хотя, скорее всего, я просто раздражала его. К тому моменту я перестала беспокоиться о том, что думает Гордон. Я начала понимать, что этот выкидыш — благословение Божье, ведь этого ребенка мы с Гордоном уже не сделаем несчастным.

Когда мы приехали домой, схватки были сильными и шли одна за другой. Я так кричала, что не могла правильно дышать, и Гордону пришлось на руках отнести меня в дом. Он

прошел со мной по лестнице и уложил на нашу кровать. Он поднял на мне юбку, снял мои трусики и положил голову мне на живот, который только-только стал выпирать. Он плакал и шептал: «Прости меня!»

Раньше, когда Гордон просил прощения, мне казалось, что теперь все пойдет по-новому. «Все будет хорошо», — говорила я себе. Но в этот октябрьский день я поняла, что больше не верю в это. Гордон сожалел о том, что сделал, да, но я знала, что от этого он не изменится.

Я рожала этого ребенка так же, как рожала Саймона и Фло. Может быть, это заняло немного меньше времени: схватки почти не прекращались. Я лежала на постели и дышала, а Гордон помогал мне.

Он вытирал пот у меня со лба влажным полотенцем и говорил, что тужиться еще рано.

В перерывах между схватками я оглядывала комнату, все эти до боли знакомые вещи: нашу свадебную фотографию, снимки Саймона и Фло, детские и школьные, фотографию Хатуквити в двадцатых годах, бюро красного дерева, рабочий стол Гордона, открытый шкаф с нашей одеждой. Чтоб отвлечься, я мысленно выбирала какой-нибудь наряд и вспоминала, когда надевала его. Белый шелковый пиджак с черной оторочкой я носила во время круиза по Бермудским островам, платье персикового цвета было на мне все это лето, потому что оно хорошо скрывало мою беременность, серые шерстяные брюки я купила, когда мы с Хэлли в последний раз ездили в Нью-Йорк.

Гордон дал мне обезболивающее, и я приняла его. Мне было все равно, как это скажется на ребенке. Я словно заледенела и не беспокоилась уже ни о чем. Я даже перестала плакать. Теперь я размышляла холодно и логически. Увидев, что Гордон плачет, я спросила: «Зачем же ты толкнул меня, если не хотел, чтобы это произошло?»

Он не ответил, только продолжал плакать.

Наконец, она родилась. Крошечный розовый комочек — она открывала рот, но из него не доносилось ни звука. Гордон положил девочку ко мне на живот и перерезал пуповину. Я держала ее на руках, трогала маленькие пальчики, чувствовала, как поднимается ее грудь при каждом вдохе. Она была такая же, как Фло, только гораздо меньше. Она могла бы выжить, если бы там был специальный инкубатор, если бы мы были в больнице. Но мы были дома.

Гордон спросил, как мы ее назовем. Я сказала: «Хэтауэй», — как маму. Никакие другие имена я даже не рас сматривала. Конечно, мама с самого начала неправильно обращалась с нами, но не потому, что нас не любила. Она любила нас так же, как своих родителей и нашего отца — только так она и умела. Она не знала, как перестать быть дочерью и стать матерью. Никогда не знала, что делать с нами.

На следующий день мы забрали Саймона и Фло из дома Гвен и сказали им, что у них родилась сестричка, но она умерла. Они захотели увидеть ее. Гордон отвел их в детскую, где она лежала, завернутая в крестильное платье.

Потом я надела черное платье, Гордон взял лопату, и мы траурной процессией двинулись по лугу. Я несла тельце Хэтауэй — ему хватило ума позволить мне нести ее одной. Каким-то образом он догадался, что меня тогда нельзя было трогать. Когда мы дошли до речки, я повернула налево.

— Софи, наша земля кончается здесь, — сказал он.

— Я знаю, — ответила я, продолжая идти.

Гордон с детьми шли за мной. Никто не сказал ни слова, наверное, они решили, что я

направляюсь к владениям Хэлли. Я и правда думала о том, что эта земля принадлежала Даркам уже много поколений и, наверное, будет принадлежать и дальше. Может быть, я уже тогда знала, что произойдет между мной и Гордоном.

А еще я хотела похоронить мою дочку рядом с тем сердцем. Я часто вспоминала, как мы с Марией и Нелл носили камни с Хатуквити-бич и выкладывали их на земле в форме сердечка.

Для меня оно стало символом любви. Той любви, ради которой юноша и девушка в бурю стояли на разных берегах ручья, выкрикивая свои свадебные клятвы. Той любви, которая была у нас с тобой, Мария, у Нелл и Питера, у мамы и папы. Когда мы выкладывали это сердце, я думала о нашей семье и о том, как сильно я всех вас люблю. Вот почему я решила похоронить Хэтауэй именно там. Когда мы засыпали ее землей, у меня кружилась голова от любви к ней, и к Саймону с Фло, и ко всем вам. А еще к Гордону — не смотря ни на что.

Для визита к Софи дети надели свою лучшую одежду. На Саймоне были светлые брюки, рубашка в красную полоску, школьный галстук и синий пиджак. Фло нарядилась в свою пачку.

— А ты не хочешь пойти в желтом платье? — предложила ей Хэлли. — Или в том праздничном, розовом с белым?

— Пускай идет так, — сказала Мария.

Хэлли явно не нравилась мысль о том, что семейство Дарков будет привлекать внимание тюремной аудитории своим нелепым видом. В ее представлении Дарки были эдакой дипломатической элитой Хатуквити, которая должна была царить над другими семействами, приехавшими на тюремный концерт из Уотербери, Бейнбриджа и Милфорда.

Все члены семьи хотели поддержать Софи. Поскольку в день концерта ожидалось большое число посетителей, в тюрьме составили расписание визитов. Софи досталось время за час до начала шоу, в два часа дня.

Все они разместились в семейном автомобиле Питера. Он сам и Нелл сидели на передних сиденьях, Саймон, Хэлли и Мария — на заднем, а Фло с Энди — на третьем. Хэлли решила, что Джулиану лучше не ехать; так у Софи будет больше времени пообщаться с детьми.

— А что такое «костюмерша»? — спросил Саймон. Ему не сиделось на месте от радости.

— Это значит, что твоя мама отвечает за костюмы, — пояснила Нелл. — Она будет следить, чтобы все вовремя передевались, и помогать участникам концерта — например, застегивать пуговицы.

— Мы уже приехали? — во второй раз поинтересовалась Фло.

— Почти. Еще одну минуту, детка, — сказал Питер.

Марии захотелось, чтобы Дункан был с ней. Зная о том, как сильно Мария беспокоится насчет первой встречи Софи с детьми в тюрьме, он предложил поехать вместе. Но как следует все обдумав, они решили, что его присутствие только добавит напряжения в этой и без того непростой ситуации.

— У меня такое чувство... — радостно начала Хэлли.

— Какое? — одновременно спросили Питер и Нелл.

— Не знаю... Наверное, это просто мои фантазии, но мне кажется, что Софи сегодня будет петь.

— Со сцены? — поинтересовался Саймон.

— Нет, — отрезала Мария, жестко глядя на Хэлли. — Она не будет петь. Она отвечает за костюмы, и все мы гордимся ею.

— Мама отлично умеет одевать других людей, — сказала Фло.

— Ага, — подтвердил Саймон. — Быть костюмершей — это круто!

— Просто я так чувствую... — мелодичным голосом произнесла Хэлли.

Однако радужное настроение семьи развеялось, когда Питер остановился у ворот тюрьмы, разговаривая с охранником. Мария сжала руку Саймона, глядя на эту, ставшую для нее привычной, сцену, словно видела ее в первый раз — глазами племянников. Перед ними было красное кирпичное здание, такое же внушительное, как все государственные

учреждения в Новой Англии, только с решетками на окнах; поверх высоких заборов натянута колючая проволока; повсюду ходят охранники в форме.

— Здесь она живет? — с сомнением в голосе спросил Саймон.

— Ты же знаешь, дорогой, — сказала Нелл. — Мы проезжали мимо тысячу раз.

— Ну да, — согласился Саймон.

— А мы сможем выйти отсюда, когда захотим? — спросила Фло.

— Ну конечно, — ответил Питер.

— Твой дядя приезжает сюда почти каждый день, — заметила Нелл. — Он же работает в суде.

— А ты навещаешь маму каждый раз, когда бываешь здесь? — поинтересовалась девочка.

— Ну, не каждый, — сказал Питер, усмехаясь.

— У него здесь много клиентов, — добавила Нелл. — Других дам, которым нужна его помощь.

В глазах Марии Питер и Нелл вели себя как гостеприимные жители живописного приморского городка, показывающие местные красоты друзьям, впервые приехавшим в Новую Англию из Арканзаса.

— Скорей бы начался этот концерт, — тревожно произнесла Хэлли, приложив руку к груди.

Посоветовавшись с доктором Миддлтон, Стивом Грюнвальдом и тюремным психологом, они сошлись на том, что вся семья встретится с Софи в переговорной. Саймон и Фло не должны были оставаться с ней наедине до тех пор, пока не почувствуют себя комфортно в новой обстановке. Взрослым было рекомендовано вести себя максимально естественно и стараться уделять поменьше внимания общению Софи с детьми, Особенно в момент первой встречи.

Дарки и маленькие Литтлфильды молча шагали по длинному коридору. Он мало чем отличался от обычного школьного коридора — при мысли об этом Мария почувствовала облегчение. Питер нашел переговорную «В» и отворил перед ними двери.

Софи сидела в кресле, положив ногу на ногу, и читала журнал. На ней было ее обычное платье лавандового цвета. Блестящие темные волосы она перевязала раздобытой у кого-то желтой лентой. Надзирательница, стоявшая у дверей, обменялась с Питером взглядом и вышла, оставив семью наедине с Софи. Та подняла глаза.

— Так-так, — промолвила она. — Ну, здравствуйте! — Хотя она обращалась ко всем, ее взгляд был сосредоточен на Саймоне и Фло. Первые несколько секунд они стояли замерев и смотрели на мать. Когда все подошли к Софи, чтобы обнять ее, дети не сдвинулись с места.

Софи, радостно улыбаясь, поцеловала Хэлли, Питера и Марию. С Нелл они крепко обнялись.

— Я так давно тебя не видела! — сказала ей Софи.

— Ты уж прости, но я превратилась в прямо-таки Аннет Фуничелло, — сказала Нелл. — Энди ни в какую не хочет уходить с пляжа. Мы приезжаем туда в десять и остаемся до дневного сна.

— Все время на солнце! — неодобрительно воскликнула Хэлли.

— Это ничего, — сказала Софи, по-прежнему глядя на своих детей.

— В году не так много дней, которые можно провести на пляже, так ведь? Так, Саймон?

— Я больше не хожу на пляж, — сказал он.

— Не ходишь? — переспросила Софи. На несколько секунд ее лицо застыло, но потом на нем расцвела сияющая улыбка. — Ну и ладно. Там везде этот песок. И песчаные блохи. И медузы.

— И водоросли! — воскликнула Фло. Мгновение она колебалась, а потом сорвалась с места и со скоростью ракеты бросилась к матери. Софи распахнула объятия и обняла дочку так крепко, что обе они едва не задохнулись. Саймон кинулся вслед за сестрой и попытался вырвать ее из материнских рук, чтобы Софи обняла и его.

— Эй-эй, потише! — попеняла ему Софи, а потом поцеловала.

— Почему тебя выбрали костюмером? — поинтересовался Саймон.

— Потому что я разбираюсь в моде, — ответила Софи.

— Ты так похудела, мамочка, — сказала Фло.

— Правда? Как я выгляжу?

— Великолепно, Софи! — заверил Питер.

— Здорово, мам, — произнес Саймон.

— Да, дорогая, это правда, — сказала Хэлли.

Мария и Софи обменялись улыбками — в конце концов, она действительно неплохо выглядела.

— А где же Джулиан? — поинтересовалась Софи.

Питер, Нелл и Мария рассмеялись.

— Мама не позволила ему прийти. Сочла, что несправедливо будет ему претендовать на долю твоего внимания, — заметил Питер.

— И что в этом плохого? — спросила Хэлли, принимая оскорбленный вид. — Он кого угодно заговорит. Начнет рассказывать об острове Уайт или еще о чем-нибудь, мы и не заметим, как время закончится. Кстати, во сколько начинается концерт?

— В три, — сказала Софи.

— Костюмерша, да, Софи? — усмехаясь, спросил Питер. — И сколько смен костюмов в вашем шоу?

— Шестнадцать, если быть точной, — ответила Софи, и Мария удивилась горделивым ноткам, прозвучавшим в ее голосе. Софи была уже не такая бледная, как в ее последние посещения.

Глаза сестры блестели, когда она смотрела на детей, прижимавшихся к ней.

— По-моему, это стыдно — одевать других людей, хотя на самом деле это они должны одевать тебя, — сказала Хэлли.

— Стыдно? — Голос Софи стал ледяным.

— Да, именно так я сказала, — ответила Хэлли, словно бросая дочери вызов.

Глаза Софи метали молнии, но мать не отвела взгляд.

— Что ж, может, и стыдно, но все обстоит именно так, — отрезала Софи.

— А по-моему, очень мило с твоей стороны, что ты занимаешься костюмами других, — горячо вступился за нее Саймон. — А что у них за костюмы?

— Давай посмотрим: Бесс выступает в шляпе колдуна и с волшебной палочкой, Пегг и Тамара будут в костюме верблюда, а Марла оденется как Донни Осмонд.

— А что она будет показывать? — хихикнула Нелл.

— Будет играть на губах «Паппи-лав», в ускоренном воспроизведении, — ответила Софи.

— А что будешь петь ты? — спросила Хэлли.

— Мама! — воскликнула Мария, бросая на Хэлли грозный взгляд, который та проигнорировала.

— Я же сказала, я отвечаю за костюмы! — отчеканила Софи, и ее щеки побледнели.

— Я знаю, Софи, — успокоила Хэлли, становясь за ее спиной и положив ладонь ей на голову. С нескрываемой нежностью она погладила дочь по волосам. — Знаю, знаю. Может, я просто старая зануда, но я все равно мечтаю о том, чтобы ты спела арию Доницетти, помнишь, ту самую...

— Не помню, — сказала Софи. На мгновение она замолчала, но потом улыбнулась так же широко, как раньше. Мария поняла, что Софи изо всех сил старается держать себя в руках, но это удается ей с трудом.

— Что вы скажете, если мы... — начала Мария, но мать перебила ее.

— Я просто хотела, чтобы ты спела на концерте, вот и все, — настойчиво сказала Хэлли. — Я уверена, что все остальные тебе и в подметки не годятся, и я бы так гордилась тобой. И не смотри на меня так, Мария! Это что, преступление, если мать хочет порадоваться, слушая, как поет ее дочь?

— Если не принимать во внимание того, что она не будет больше петь, то нет, не преступление, — ответила Мария.

— Ну что, пойдете, — предложил Питер, хлопнув в ладоши. — Дадим детям побыть наедине с мамой.

— Иду-иду, — сказала Хэлли, наклонилась и поцеловала Софи в макушку. — Ни пуха ни пера, дорогая!

— К черту, — отозвалась Софи, не глядя на мать.

Но когда Мария нагнулась поцеловать ее, лицо Софи оживилось.

— А ты не хочешь остаться с нами? Со мной и с детьми? — спросила она.

— Конечно, — ответила Мария и помахала Хэлли, Питеру и Нелл с Энди, выходящим из двери.

— Почему бабушка сказала так? — спросил Саймон, нахмурившись. — Что значит, «ни пуха ни пера»?

— О, это старая поговорка, — объяснила Мария, потому что Софи молчала. — Означает «удачи»!

— По-моему, звучит очень глупо, — угрюмо произнес Саймон. Дети почувствовали себя свободнее, оторвались от Софи и стали бродить по комнате.

— И правда глупо, — откликнулась Софи.

— По-дурацки, — сказала Фло.

— Иди ко мне, моя маленькая Флопси, — сказала Софи, похлопав себя по коленке. Фло подчинилась, забралась на колени к матери и начала сосать большой палец, а Софи стала перебирать ее волосы.

Саймон нашел мел и писал свое имя на доске. Притворяясь целиком поглощенным этим занятием, краешком глаза он следил за матерью и сестрой.

— Ты такая нарядная, — сказала Софи. — Я вижу, тетя Мария очень хорошо заботится о вас.

— Ага, правда, — произнесла Фло, не вынимая палец изо рта. Слова Фло ужасно обрадовали Марию, но она постаралась это скрыть.

Напряжение росло: Софи смотрела на детей, дети — на Софи, а Мария хотела, чтобы

они расслабились и начали планировать следующее свидание.

Внезапно Саймон расставил ноги на ширину плеч, уперся руками в бока и уставился прямо на мать.

— Когда ты вернешься домой? — спросил он.

— Не сейчас, — ответила Софи.

— Нет, сейчас, — сказал мальчик. Он подошел к матери, схватил ее за руку и попытался вытащить из кресла.

— Саймон, — произнесла Софи, не двигаясь с места.

— Пойдем, — тянул ее Саймон, — пойдем же!

— Саймон, — резко сказала Мария. — Прекрати! Ты же знаешь — мама должна остаться здесь.

— А ты заткнись, сука! — бросил Саймон.

И тут Софи отвесила ему пощечину. Это произошло в один миг: она отпустила волосы Фло, подняла руку, ударила ребенка по лицу и вернула руку назад. У всех, включая Софи, перехватило дыхание. Щека Саймона побелела, потом на ней проступил красный отпечаток ладони.

— Я хочу домой! — заявил Саймон.

— Саймон, — обратилась к нему Софи. Ее голос дрожал. — Прости, что ударила тебя, но ты не должен называть тетю Марию сукой!

— Это почему? Папа называл тебя так!

— Папа поступал очень, очень плохо, когда делал это. И я не должна была позволять ему. Мы оба показывали вам плохой пример. И самое плохое, что мы не уважали сами себя, не уважали друг друга.

— Никогда? — спросил Саймон.

— Когда-то все было по-другому. — Софи говорила медленно, как будто обдумывала каждое слово. — Мы очень любили друг друга. Но потом мы заболели — сначала папа, а за ним я.

— А сейчас ты поправляешься? — поинтересовалась Фло.

— Я очень стараюсь. Но на это нужно время. Вы же знаете, что у нас случилось. Вы знаете, как тяжело после этого снова чувствовать себя хорошо, так ведь?

Саймон кивнул. Посмотрев на него, кивнула и Фло.

— Доктор Миддлтон очень умная, — сказала Софи. — Она поможет вам справиться. Вы не должны ничего утаивать от нее. Можете рассказать ей все.

— Даже то, что вы с папой запрещали рассказывать? — спросил Саймон.

— Даже это.

— Даже про... — пролепетала Фло, потом шепнула что-то Софи на ухо.

— Даже про мертвого ребеночка, — закончила Софи, глядя прямо на Марию.

— Я уже рассказала, — грустно призналась Фло. — Тете Марии.

— Ты можешь рассказывать тете Марии все, что захочешь, — сказала Софи. — Она тебя любит. Правда, Мария?

— Очень люблю, — согласилась Мария.

— Поцелуйте меня, — сказала Софи. Саймон подошел поближе, и Софи долго не отпускала детей от себя, целуя их в носы, глаза, уши, шеи и губы. — А теперь пора. — Сейчас голос звучал теплее, спокойнее, чем за все время этого свидания.

— Я не хочу уходить, — промолвила Фло и заплакала.

— Но вам пора, — сказала Софи. Жестом она показала Марии, чтобы та увела детей.

Оба они рыдали и упирались.

— Я люблю вас, — крикнула Софи, заглушая их плач. — До свидания!

Словно почувствовав, что пора вмешаться, а может, потому, что он слушал под дверь, Питер открыл створки и вывел детей. Мария обернулась, чтобы помахать сестре, но та позвала ее обратно.

— Закрой дверь, — попросила она.

— Все прошло хорошо, — сказала Мария, хотя и не до конца верила в свои слова. —

Конечно, ситуация нелегкая, но...

Софи покачала головой.

— Я больше не буду с ними встречаться, — произнесла она, словно из последних сил.

— Я уверена, что со временем ты передумаешь.

— Я уже все обдумала.

Мария посмотрела на часы:

— Нам пора идти. Концерт сейчас начнется. Наверное, твои артистки уже ждут костюмершу.

— Я не буду им помогать, — сказала Софи. — Я устала. Я хочу вернуться в камеру и лечь.

— Ну, Софи, перестань. Подумай, как расстроятся дети. А уж выступающие! Ты же сорвешь концерт.

— Давай посмотрим на это под другим углом: они взрослые женщины и умеют одеваться без посторонней помощи. Если бы я собиралась петь, а потом не пришла на выступление, тогда в концерте действительно образовалась бы дыра.

— Не дай маме все испортить, Софи! Ты же знаешь, какая она... — заметила Мария, встревоженная упорным сопротивлением сестры.

— Она не виновата. С самого начала этот концерт не очень-то занимал меня. Дети выглядят отлично. Ты хорошо справляешься, и это меня успокаивает.

— Спасибо, — сказала Мария, ощущая смутное беспокойство. — Софи? Что происходит?

— Знаешь, почему я убила Гордона? — неожиданно спросила Софи. — Почему я стреляла в него?

— Потому что из-за него у тебя случился выкидыш, — ответила Мария.

— Нет, — отрезала Софи. — После этого я купила пистолет, но выстрелила я, когда он разбил ангела. Он разбил могильный камень нашей дочки.

— Почему? — спросила Мария, потрясенная.

Софи поджала губы и покачала головой.

— По одной причине — чтобы сделать мне больно. Я думала, что он правда любил ее — Хэтауэй. Я думала, он скорбит по ней. Так вот — ничего подобного! Он просто делал вид, что переживает.

— Так что же он натворил?

— В тот вечер — когда я убила его — я сказала, что хочу развода. Я сказала, что не могу больше выносить это. Мы занимались любовью, и он посмеялся надо мной. Сказал, что я выгляжу словно персонаж из фильма ужасов. Он заставил меня посмотреться в зеркало, и это было правдой. Я была толстая, вся в синяках... отвратительная. После смерти малышки я продолжала набирать вес, хотя уже ничего не нужно было скрывать. Я все ела и ела — как

будто хотела лопнуть. Я говорила себе, что хочу заполнить ее место в моем теле, но однажды поняла: я хотела что-то отнять у Гордона. Толстая, я чего-то лишала его. Прежде всего той стройной женщины, на которой он женился.

— Тебе это удалось, — согласилась Мария. — Но сейчас ты выглядишь замечательно. Даже Саймон заметил это.

— Мы стояли перед зеркалом, — продолжала Софи, словно не слыша Марию. — Когда я заговорила про развод. Он ничего не ответил, просто ушел. Я оделась.

Говоря об этом, Софи как будто перенеслась в тот вечер. Глядя на сестру, Мария думала о том, какое облегчение она должна была испытать, найдя в себе силы потребовать развода.

— Так странно, — продолжала Софи. — Когда я сказала, что хочу расстаться с ним, у меня появилась надежда. Я подумала, что все еще может наладиться. Подумала, что, может быть, когда-нибудь прощу его.

«Если бы только тебе удалось удержать эту надежду, — подумала Мария. — Если бы в тот вечер все пошло по-другому!»

— Он отсутствовал недолго, — сказала Софи. — Я только успела одеться. Я услышала, как он поднимается по лестнице, и постаралась собраться с силами, чтобы стоять на своем, несмотря ни на что. Я знала, что он будет уговаривать меня передумать. — Она часто заморгала. — Но он не сказал ни слова. У него в руках был надгробный камень Хэтауэй. Каменный ангел.

— Он забрал его с могилы? — спросила сестры.

Софи кивнула:

— Он поднял его над головой и смотрел на меня, как будто бросал мне вызов.

— Какой вызов?

Но Софи продолжала, проигнорировав вопрос Марии:

— Вся сила, которая, казалось, у меня была, внезапно улетучилась. Я начала плакать. Я просила его отдать мне ангела, говорила — он не понимает, что делает. Я думала о ее могиле, голой и холодной. Меня охватил ужас при мысли о том, что мы можем не найти ее.

Воспоминания заставили Софи содрогнуться.

— Он услышал меня. Он опустил ангела, и я подумала, что мне удалось докричаться до него. Когда я увидела его с ангелом в руках, я его возненавидела. Я подумала, что все пережитое нами — свадьба, рождение детей — ничего не значило для него. Что все это было только игрой. Но когда он опустил ангела, у меня появилась надежда.

Софи прикоснулась рукой к горлу, словно ей было тяжело глотать.

— Но на самом деле это была игра. Он снова поднял ангела и бросил его прямо о стену нашей спальни. Он смотрел на меня и улыбался.

И тогда я начала орать на него. Я кричала: «Ты разбил его!» — снова и снова. А потом, без единой мысли в голове, я схватила пистолет.

— Дети слышали, как ты кричала?

— Да. Они прибежали к нам в спальню. Фло обнимала меня за ноги, но мне было все равно. Я стреляла и стреляла. Я даже не видела его лица.

Мария подошла к Софи и обняла ее. Она почувствовала, как сестра тяжело дышит.

— Я думала только о том, как вернуть ангела на место. Я боялась оставлять могилу неотмеченной и бросилась ту да, оставив Саймона и Фло одних.

Я шла по нашему лугу, с ангелом на руках, и вспоминала, как этим же путем несла нашего ребенка. Тем вечером было ужасно холодно — гораздо холоднее, чем когда мы

хоронили малышку. Наверное, светила луна, потому что я легко отыскала могилу. На ней отпечатался след от подножия ангела, а еще там были следы Гордона, которые он оставил, когда забирал его. И конечно, там было каменное сердце.

— Я видела ее могилу, — хрипло произнесла Мария. — Вы похоронили ее рядом с сердцем.

— Я поставила ангела обратно на могилу Хэтауэй, — сказала Софи. — А потом бросила пистолет в реку. — Она взглянула на Марию. — Я старалась укрепить его как можно лучше, но земля была мокрая и скользкая. Он все еще на месте, да?

— Да, — ответила Мария.

— Ты не могла бы проверить, хорошо ли он укреплен? Чтобы он не сдвинулся.

— Я проверю, — пообещала Мария.

Софи удовлетворенно кивнула.

— Спасибо, — сказала она.

— Пожалуйста.

Они посидели еще несколько минут, пока Мария не вспомнила, что ей пора идти.

— Я люблю тебя, — сказала она, целуя Софи на прощание. — Я знаю, как тяжело тебе пришлось, но постепенно все наладится.

— Я люблю тебя, — произнесла Софи и крепко обняла сестру. — Прощай!

Мария обернулась, чтобы в последний раз помахать ей рукой, а потом покинула комнату. Она собиралась обмануть остальных членов семьи, сказав им, что Софи пошла исполнять свои обязанности костюмерши, чтобы они думали, что она находится за кулисами и помогает выступающим переодеваться. Мария не почувствовала, что сама находится во власти обмана. Не поняла, что Софи попрощалась с ней навсегда.

«В мире существует уйма трудов, посвященных геофизической разведке, взятию образцов почвы, расчистке и разметке раскопов, но ни одного, в котором говорилось бы о том, как правильно закапывать их обратно», — думала Мария. По ее спине пробежала легкая дрожь. Она прикрывала глаза рукой, словно солнце светило слишком ярко. Туманное свечение стояло над водами бухты. Они поплыли на остров Подзорной трубы в шлюпке Дункана, потому что там была отапливаемая каюта, и теперь Мария, стоя на корме, проверяла свои инструменты. Был конец ноября.

Шагая по мелководью с рюкзаком за спиной и лопатой в руках, Мария порадовалась, что надела сапоги. Ее ноги оставляли на песке глубокие следы. Откуда-то с пляжа доносились детские голоса: наверное, дети резвились в соседней бухте. Она пожалела, что Джеми не смог поехать с ними, и Дункан расстроился из-за этого. В эти выходные была его очередь забирать сына, но родители Алисии приехали навестить их, и они поменялись днями.

Мария забралась на вершину холма и перевела дыхание. Могила индианки была в том же состоянии, в каком она оставила ее в июле. Дункан периодически заезжал проверить, не сбил ли тент, но Мария впервые заставила себя вернуться сюда, и то только потому, что на следующий день обещали снегопад.

Хотя поля и болота уже подморозило, песчаная почва острова оставалась такой же мягкой и податливой. Мария вдавила ногу в сапоге в песок, оставив на нем глубокий след — так развлекаются дети в жаркие летние дни на морском берегу.

Снова прикрыв ладонью глаза, она посмотрела вверх. Тонкая пелена высоких облаков закрывала небо, вокруг солнца образовалась корона — «нимб», как говорила Хэлли.

Мария обошла вокруг могилы, осматривая закрывавший ее тент. Громкий всплеск заставил ее обернуться: скопа поднималась над водами бухты, взмахивая широкими крыльями, в ее когтях билась рыба. Мария посмотрела вслед птице, летевшей в направлении заповедника Лавкрафта. Странно было видеть скопу в это время года: ей казалось, что они улетают гораздо раньше. Откуда-то из детства она помнила, что перелетные птицы покидают Хатуквити до Дня благодарения. День благодарения наступит завтра.

Наконец, Мария вернулась к захоронению. Она долго стояла, глядя на него и тяжело вздыхая. Лопатой она копнула землю, но, засомневавшись, остановилась. Прошлой ночью Мария никак не могла заснуть. Она давно решила, что закопает могилу перед первым снегопадом, и вот время настало.

Детали этого, повторного, погребения не давали ей покоя. Она не хотела снова видеть скелет. Внезапно Марию осенило: нужно засыпать землей раскоп прямо вместе с тентом, который станет погребальным покровом индианки. У нее была одна вещь, которую она хотела положить в могилу, но ее можно было просто подсунуть под тент. Благодаря этому озарению Мария спокойно уснула. Как и собиралась, она проспала до самого звонка будильника. Не дав ей сказать ни слова, Дункан объявил, что взял на работе отгул и поедет на остров вместе с ней. Поскольку у детей начались каникулы, они тоже поехали.

Мария бросила несколько лопат земли на тент и тут поняла, что не может оставить его там. Тент был пластиковый. Будь он из ткани, она бы оставила его под землей, как саван. Но мысль о том, чтобы похоронить индианку, накрыв ее пластиковой пленкой, казалась

святотатством. Мария бросила лопату.

Пальцами, скрюченными от холода, она стала отвязывать крепления от кольшек. Потом сняла тент с могилы.

Кости лежали на месте; точно такими Мария обнаружила их несколько месяцев назад. Глазами она скользнула по берцовым костям, костям таза, потом посмотрела на череп. С ним ей пришлось труднее всего: череп напоминал о том, что этот скелет когда-то был живым человеком, со своими надеждами и страхами, любовью и ненавистью. При виде черепа ее сердце подскочило, но только раз, и успокоилось. Она успела хорошо узнать этот скелет — останки женщины, которая когда-то любила Чарльза Слокума, — узнать и полюбить ее такой, какой она была сейчас.

Мария похлопала по карманам куртки. Найдя то, что хотела, она стянула с правой руки перчатку и запустила пальцы в карман. Теперь у нее в руках была золотая богиня. В сентябре она поехала в Блэквуд и купила статуэтку — с вполне определенной целью.

«Софи!» — вслух произнесла она. Сразу после смерти сестры Мария не вспомнила о статуэтке. На похоронах Софи дети захотели положить в ее гроб свои подарки. Сидя в церкви, Фло держала на коленях школьные фотографии, свои и Саймона, у Саймона в руках были жемчуга, которые Софи надевала на свадьбу. Мария и Хэлли сидели бок о бок, не касаясь друг друга, и сухими глазами смотрели на Питера, который, стоя за кафедрой, читал стихи Йейтса:

Отвергших себя сердец участь, увы, каменеть.
Будет ли жертвам конец? Нам остается впредь
Шептать, шептать имена, как шепчет над сыном мать:
Он пропал допоздна и усталый улегся спать.

Что это, как не ночь? Нет, это не ночь, а смерть.
И нельзя ничему помочь...

Мария была совершенно сбита с толку и слишком зла на Софи, чтобы эти строки тронули ее. Она ни о чем не могла думать, а когда поняла, что хочет похоронить золотую богиню вместе с сестрой, было уже поздно.

Сейчас, стоя на холодном песке, Мария смотрела вниз, на скелет женщины. Археологическая комиссия штата дала отцу Хоуксу разрешение оставить предметы, которые Мария обнаружила в могиле, для выставок местного Исторического общества. Мария понимала, что археология — не точная наука и в ней не бывает однозначных ответов. Она знала, что никогда не сможет с достоверностью сказать, была ли это та индианка, которую любил Чарльз Слокум. Однако кто-то все же похоронил ее, положив в могилу свое золотое кольцо, и теперь на его место Мария собиралась положить статуэтку.

Она прикоснулась губами к золотой богине, и тут произошла странная вещь: ей показалась, что она целует саму Софи. Хотя это не была ее могила, она могла бы лежать здесь. Потом, захваченная небывалым и острым чувством единения, Мария опустилась на колени, сжимая статуэтку в руках, и разрыдалась.

Слезы струились у нее по щекам, но она вдруг ощутила, что улыбается.

— Прощай! — сказала она, на этот раз понимая, что означает это слово. Она положила

статуэтку среди костей индианки. Потом поднялась на ноги, взяла лопату и стала засыпать могилу. Она бросала землю, ритмично взмахивая лопатой, и, когда Дункан с детьми появились на вершине холма, дело было сделано.

В глазах Дункана сквозило беспокойство, однако оно исчезло, когда он увидел улыбку на лице Марии. В последнее время она нечасто улыбалась.

— Идите сюда, — позвала она.

— Ты ее закопала? — осторожно спросил Саймон.

Мария кивнула и рукой показала на холмик свежей земли.

— Слава богу, — выдохнула Фло с облегчением.

— Ты волновалась за нее, Флосси? — спросил Дункан.

— Ведь уже холодно, — сказала она.

— Скелеты не мерзнут, правда? — спросил Саймон.

— Правда, — ответила Мария. — Они не мерзнут.

— Я знаю, что они больше ничего не чувствуют, но я рад, что мама и папа теперь вместе, — сказал Саймон. — Вот и все.

— А мне очень жалко маленькую девочку, которая лежит в могиле одна, — произнесла Фло, нахмутив лоб.

Мария думала о том, чтобы перенести могилу Хэтауэй, похоронить ее вместе с Софи и Гордоном. Но одним из последних желаний Софи было, чтобы Мария присматривала за ее могилкой, следила, чтобы каменный ангел оставался на месте. Поэтому Мария оставила ее на берегу реки.

— С ней все будет в порядке, Флосси, — сказал Дункан, обнимая ее. — Тебе не нужно больше беспокоиться.

— По крайней мере на День благодарения все будет как обычно, — сказал Саймон. — Поедем к бабушке.

— Да, — отозвалась Мария, улыбнувшись Дункану. Поскольку его мать уехала во Флориду, а Джеми остался с Алисией и ее родителями, ему предстояло провести праздник в одиночестве, однако Хэлли пригласила его прийти вместе с Марией, Саймоном и Фло к ней домой.

— Каждый год дядя Питер говорит, что у нас будут хот-доги, и каждый год мы едим индейку, — рассмеялся Саймон.

— Дядя Питер всегда будет с вами, — заметила Мария.

— Да, только грустно... ну, ты знаешь... — сказала Фло.

— Что мамы и папы там не будет, — закончил Саймон.

— Это действительно грустно, — согласилась Мария.

— Мы забудем их? — спросил племянник.

— Вы никогда их не забудете, — сказала Мария. — Вы всегда будете помнить ваших родителей. — И она верила в свои слова. Произнося их, Мария вспоминала как она, Софи и Нелл, когда им было восемь и одиннадцать лет, играли на лугу в поселенцев. Землю сковали заморозки, и ноябрьский ветер свистел у них в ушах. С подветренной стороны сосновой рощи Мария нашла овражек; девочки спрятались там, представляя себе, как жили поселенцы в свою первую зиму на новых местах. Софи вытащила из кармана начатый шоколадный батончик, и они по очереди откусывали от него.

— У поселенцев не было шоколада, — сказала Нелл, объявляя батончик вне закона.

— В нужде все средства хороши, — уверенно ответила на это Софи.

Мария точно запомнила слова, сказанные сестрой, когда той было всего восемь лет. Смеясь, она пересказала эту историю Дункану и детям.

Сначала они тоже рассмеялись, но потом Саймон спросил:

— А что тут такого смешного?

— Для восьмилетней девочки это очень странные слова, — заметила Мария.

— Мне все равно, смешно это или нет, — вмешалась Фло. — Мне понравилась история.

— Мы должны рассказывать побольше историй про маму, — сказал Саймон.

— И про папу, — добавила девочка.

— Мы будем рассказывать и рассказывать, и никогда не перестанем, — произнес Саймон.

— Никогда не перестанем, — согласилась Мария.

Они все уже тряслись от холода и решили поскорее вернуться на шлюпку и включить отопление в каюте. Солнце спряталось за облаками. С неба упала одинокая снежинка, за ней еще одна, и еще. Мария встала на планшире и помогла Саймону забраться в шлюпку. Потом обернулась к Дункану, стоявшему на мелководье в своих высоких резиновых сапогах, и протянула руки за Фло. Дункан поднял девочку вверх — как будто она летела по воздуху, маленький ангел в теплых одежках — и передал Марии.

— Готовы? — спросил он, поднимаясь на борт.

— Готовы, — ответили они, забившись в каюту.

Дункан запустил моторы и развернул шлюпку носом к ветру. Они вышли из бухты и поплыли прочь от островов Духов — домой.

Послесловие автора

«Вот куда отправляют плохих девочек».

От кого я впервые услышала эти слова? От матери или от отца? А может, от бабушки? Сейчас я не могу этого вспомнить, однако каждый раз, когда я проезжаю по Шор-роуд, они звучат у меня в ушах. Во времена моего детства женская тюрьма больше походила на частную школу: здание из красного кирпича, окруженное прекрасными дубами и кленами, с клумбами золотистых бархатцев у входа. Его мирный, пасторальный вид делал эти слова — вот куда отправляют плохих девочек — еще более зловещими.

Если нам приходилось ехать по дороге, соединяющей Олд-Лайм и Ниантик, красное кирпичное здание неизбежно привлекало мой взгляд. Я спрашивала себя: что значит «плохие девочки»? Насколько «плохие»? Кто решает, кому отправляться сюда? Я знала, что хорошо и что плохо. Я ведь была хорошей девочкой. Я слушалась родителей, меня любили учителя. Мне не о чем было беспокоиться. Передо мной лежала дорога всех хороших девочек: я должна была поступить в колледж, сделать отличную карьеру, влюбиться, выйти замуж и жить счастливо до конца своих дней. Я представляла себе элегантный дом за красивым забором. И все-таки я не могла не обращать внимания на это пристанище обреченных, лагерь отверженных, и я спрашивала себя...

Как-то раз, когда я уже училась в старших классах, мы с мамой ехали по этой дороге, и она рассказала мне, что мать одной из ее студенток сидела там. Она сказала, что эта женщина убила своего мужа. Этот человек издевался над ней — и ее дочерью — в течение долгого времени. Мама сказала, что эта история не дает ей покоя.

Я спросила маму, почему та женщина не ушла от своего мужа — почему не забрала свою дочь, не позвонила в полицию, не обратилась за помощью.

Мама ответила тихо, очень ровным голосом. От ее слов у меня по спине побежала дрожь — я чувствую ее и сейчас, когда пишу эти строки.

«Она не смогла», — сказала моя мать.

Эти три слова оказали на меня огромное влияние. Хотя сейчас я и не могу сказать, в чем именно оно заключалось, но в тот момент я поняла, что никому и никогда не позволю поднять на меня руку. Если только мужчина попытается ударить меня, я немедленно уйду от него. Я поклялась в этом сама себе.

По мере того, как я росла, мое представление о «плохих девочках» менялось. На смену упрощенной детской морали пришло более сложное понимание того, как люди вписываются в окружающий мир, как распоряжаются своими жизнями. Я поняла, что счастье и элегантный дом с красивым забором не обязательно идут рука об руку. Главное — это то, что происходит за белой изгородью и входной дверью, за аккуратными занавесками, закрывающими окна, вдали от соседских взглядов.

И тогда я написала «Каменное сердце». Это роман о семье, у которой были свои тайны. Его действие происходит в маленьком городке, главная улица которого упирается в женскую тюрьму. И вот один из персонажей — «хорошая девочка» — оказывается там, за кирпичными стенами. Эта тюрьма была и остается единственной женской тюрьмой в штате Коннектикут. Сейчас она называется «Исправительное учреждение Йорка». Новые здания гораздо более строгие, серые — такие, какими традиционно представляют себе тюрьму. Их окружают высокие заборы с колючей проволокой поверху.

Место, где разворачивается сюжет, — побережье Коннектикута, и его действующие лица — три поколения одной семьи — очень знакомы и близки мне. Я описала двух сестер, одна из которых догадывается, что вторая переживает очень сложный период. Мария Дарк понимает, что с ее сестрой, Софи Литтлфильд, происходит что-то страшное, но не знает, как ей помочь. «Скелет в шкафу» этой семьи называется просто — домашнее насилие.

Оно начинается со слов... или даже с молчания. Попытки установить контроль над другим человеком можно сперва принять за проявления любви. «Где ты была?» «С кем ты говорила?» «Почему ты так одета? Я не хочу, чтобы все подряд пялились на тебя». Это может звучать как слова заботы, слова любви. Но постепенно к ним прибавляются раздраженное молчание, вспышки гнева, желание настоять на своем — единственно правильном — способе делать те или иные вещи, и вот женщина уже теряется, отказывается от своего «я», лишь бы сохранить мир в семье.

Многие женщины представляют себе, что это такое — домашнее насилие: о нем пишут в книгах, его показывают в кино, обсуждают в телевизионных шоу. Однако оно начинается исподволь и поначалу практически неразлично. Мужчина никогда не начинает с побоев — он применяет физическую силу только после того, как подготовил почву другими, более изощренными способами. Многие и вовсе не прибегают к кулакам. Вместо этого они то приближают женщину к себе, то удаляются от нее, унижают ее и обесценивают ее достижения. Мужчине не требуется физическое насилие, если он может контролировать женщину другими способами.

Самое худшее, что он все отрицает. Это сводит женщину с ума. Чтобы спасти отношения, она пытается донести до партнера чувства, которые переживает сама, рассказать ему о своей боли и сомнениях. Но вместо того, чтобы прислушаться к ней, мужчина отворачивается от нее, объявляя, что она придирается к нему. Он обвиняет женщину в том, что она хочет командовать им, что у нее бушуют гормоны, что она подавляет его. Каждый раз он заставляет ее все больше и больше сомневаться в себе.

Оскорбляя женщину своими словами и поступками, он ранит ее в самое сердце. Чтобы сбить человека с ног, кулаки не нужны. Достаточно отделить женщину от ее семьи и друзей — как это делает муж с женой в «Каменном сердце», — чтобы она не могла все обсудить с ними, посмотреть со стороны на то, что с ней происходит. А когда она поймет, что он с ней сделал, будет уже слишком поздно.

То, что жена все держит в секрете, только укрепляет позиции мужа — ведь она не позволяет себе обратиться за помощью. Софи хранила свой страшный секрет до тех пор, пока он не уничтожил ее.

ЛУАНН РАЙС

Луанн Райс — одна из талантливейших американских романисток. Ее увлекательные книги затрагивают проблемы, волнующие любого современного человека.

Как и каждый из нас, ее героини любят, страдают, борются за свое право на счастье. Как и каждый из нас, мечтают покорить мир, поймав синюю птицу удачи, и, конечно же, найти настоящую любовь...

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.

---

notes

Здесь и далее перевод А. Сергеева.